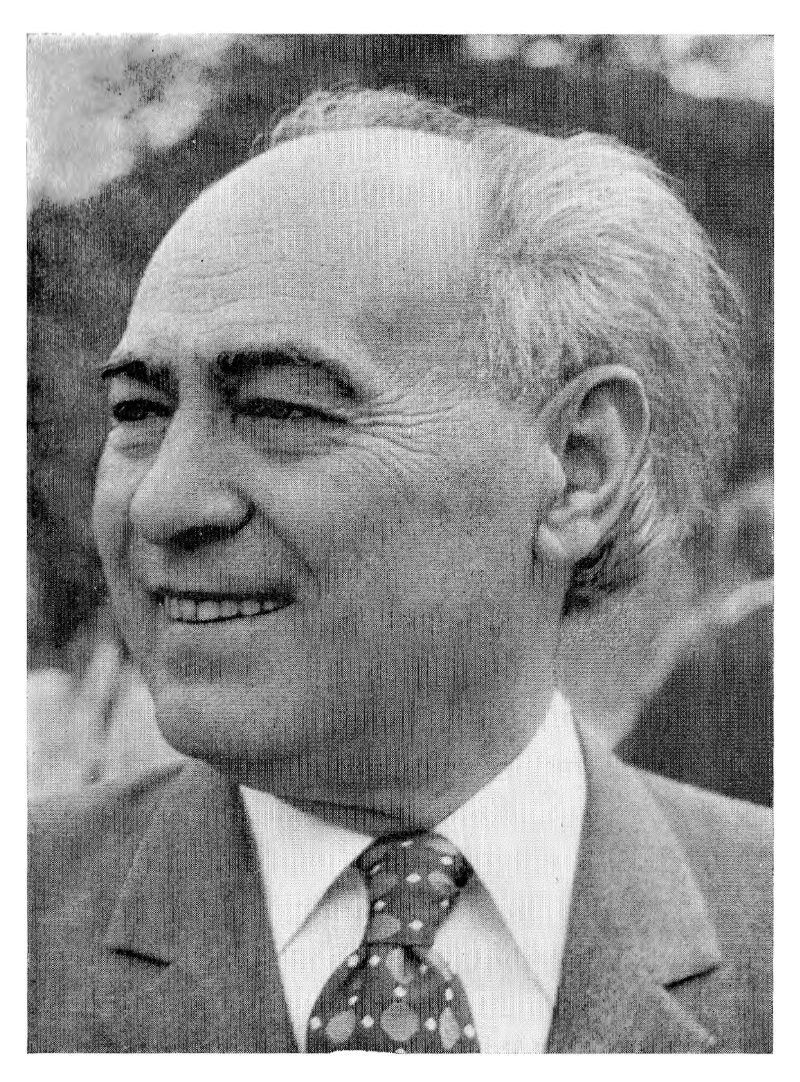
Имре Добози

Без власти

ИМРЕ ДОБОЗИ

ИМРЕ ДОБОЗИ

РОМАН

Авторизованный перевод
с венгерского
Ю. ШИШМОНИНА

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1982

DOBOZY IMRE

HATALOM NÉLKÜL

REGÉNY

SZÉPIRODALMI KÖNYVKIADÓ
BUDAPEST

Д $\frac{70304\text{-}053}{068(02)\text{-}82}$ 158.82.4703000000.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Хотелось, чтобы читатель, взявший в руки мой новый роман, увидел бы во мне не только писателя, но и друга-единомышленника, боевого соратника, который в далекие теперь 1944—1945 годы с оружием в руках сражался на стороне Советской Армии и, начиная с той суровой поры, постоянно считал и считает своим естественным долгом жить и работать во имя этой дружбы и нашего общего дела, который всегда и везде стоит плечом к плечу с собратьями по перу — советскими писателями и советскими людьми и в суровых испытаниях, и в бурных дискуссиях, кипящих на всевозможных международных форумах нашего неспокойного времени.

Эти мои слова не просто вежливость и не парадный рапорт с высокой писательской трибуны, они рождены сердцем и разумом. И поэтому всякий раз, когда советское издательство предлагает читателю мою новую книгу, переведенную на русский, украинский, киргизский, грузинский или другие языки вашей огромной страны, я испытываю чувство глубокой признательности и большой ответственности одновременно.

Действие моего нового романа «Без власти» происходит в самом конце войны и в первые послевоенные месяцы. Я долго готовился, прежде чем взяться за перо, так как тема этого романа, как выражаются у нас в Венгрии, довольно «колючая». Однако я убежден, что после той страшной, несправедливой и ненужной венгерскому народу войны, в пучину которой ввергли его тогдашние хортистские руководители и из которой спасла Советская

Армия-освободительница, создав благоприятные условия для возрождения нации, наступило время во всем разобраться спокойно и трезво, без излишних эмоций и предубеждений оглянуться вокруг и установить: кто же был виновником, а кто жертвой минувшей трагедии, кого она искалечила нравственно либо физически, кто лгал и упорствовал во лжи, кто метался в муках полуправды, а кто все же отважился признать пусть горькую, но правду и согласился нести за нее ответственность. И не только в этом. Необходимо было еще разобраться и в том, почему после стольких славных страниц, вписанных венграми во всемирную историю борьбы за народную свободу, в 1944—1945 годах они не продолжили эту летопись? Почему Венгрия, за исключением немногих лучших ее представителей, не поднялась на антифашистскую, освободительную войну против гитлеризма? Неужели и в самом деле нация, десятки тысяч добровольцев которой мужественно сражались за советскую власть в России в годы гражданской войны, на протяжении жизни одного только поколения превратилась в темную силу, в полную противоположность самой себе?

Нет конечно. Венгерская нация не стала фашистской. Фашистами стали ее тогдашние правители. Правящая верхушка и аппарат власти, унаследованные от австро-венгерской монархии, все высшие чиновники, расставленные ею на ключевые посты, генералы и офицеры (честь тем, кто составлял исключение, а они все-таки были) ничего так не боялись, как идей социализма и его родины Советского Союза. Их тревожило прежде всего то, что станет с их поместьями? с усадьбами и замками? с заводами и банками? В этом паническом, бесконечно эгоистическом страхе и заключается разгадка: большинство политических лидеров и экономических воротил Венгрии охотно стали на сторону гитлеровской Германии в войне, подвергнув таким образом необоснованному и бессмысленному риску судьбу страны и ее народа ради сохранения своей монополии на власть и богатства.

Еще в годы войны естественно возник главный вопрос: хочет ли воевать венгерский солдат? Нет, он не хотел. Я видел не один эшелон, отправлявшийся на Восточный фронт. Солдаты были мрачно настроены и совсем не пели. А ведь венгры, собравшись вместе, всегда поют, если у них хорошее настроение. Его-то у них и не было. Росло недовольство, креп внутренний протест про-

тив чуждой им войны, и не только у рабочих и крестьянских парней. Под влиянием партии венгерских коммунистов, в течение четверти века загнанной в глубокое подполье белым террором, все большее число представителей интеллигенции, писателей, художников, даже простых обывателей-горожан в той или иной форме выступали за прекращение войны, за выход из союза с гитлеровской Германией, за возвращение нации к мирной жизни — другими словами, за восстановление суверенитета страны. Противников фашизма насчитывалось довольно много. Сразу после окончания войны не удалось, да и не было времени разобраться во всех оттенках и разновидностях пассивного и скрытого сопротивления, порой установить, кто же в действительности был «против», а кто «за».

Весной 1945 года, в первые месяцы после освобождения Советской Армией, Венгрия представляла собой крайне пеструю картину. Пять политических партий соперничали между собой: Коммунистическая, социал-демократическая, национально-крестьянская, партия мелких сельских хозяев и буржуазно-демократическая. Единство рабочего класса еще только намечалось: венгерские рабочие в основном тяготели к двум партиям: Коммунистической и социал-демократической, издавна господствовавшей в профсоюзах.

Сколько стойкости, выдержки и упорства, сколько беззаветной, самоотверженной работы в массах, сколько безупречно честного личного поведения, примеров, по-человечески понятных каждому, потребовалось коммунистам для того, чтобы в этом хаосе судеб и интересов свершилось чудо! Чудо, имя которому — очищение и обновление нации. А для этого нужна была программа, программа вдохновляющая и мобилизующая, до предела четкая и понятная широким массам, в которой можно было бы найти и выражение общественных интересов и индивидуальных благ.

Главный герой моего романа Лукач Цобор включается в эту борьбу за власть как бы несколько со стороны. Он интеллигент, в прошлом офицер, призванный в армию в годы войны из запаса, человек, которого не преследовали, не томили в застенках. Постепенно он осознает всю преступность ведущейся войны и начинает понимать, что в союзе с фашистской Германией Венгрия никогда не станет суверенным, независимым государством, что народу, живущему в нищете, не помогут никакие господа-добро-

хоты, говорящие сладкие речи. Это может сделать только сила, которая сломает и выметет вон весь господский бюрократический аппарат власти, передаст обществу накопленные народным потом богатства и создаст для простых людей сначала терпимые, а затем с каждым годом все улучшающиеся условия жизни.

Такую силу Цобор видит в Коммунистической партии Венгрии, членом которой он вскоре становится, а став коммунистом, переходит на сторону Советской Армии и сражается со своей ротой в ее рядах. После демобилизации он назначается секретарем райкома партии. Отсутствие опыта и идеологической подготовки восполняется у него кристальной человеческой честностью, чувством ответственности за судьбы людей, страстным желанием поднять из руин разграбленную и униженную фашистами родину, помочь встать ей на ноги.

Возможно, кое-кто из моих внимательных и строгих читателей на той или другой странице вдруг с раздражением захлопнет книгу. Что за дела творятся в этом романе? Разве это положительный герой, какой же это секретарь райкома? Вы правы, мой читатель, Лукач Цобор весьма далек от образа этакого образцово-показательного коммуниста. Случается, что при встрече со своим фронтовым однополчанином-офицером он вместо аргументов пускает в ход кулаки. В другом случае он даже хватается за пистолет, действует принуждением. Многие из бывших солдат его роты по старинке именуют Цобора «господином поручиком», и он нисколько не возражает. В круг его близких друзей входят не рабочие, а интеллигенты. Однако, несмотря на все это, Цобор всегда там, где трудно, где нужно помочь «маленькому человеку». Его до глубины души возмущает любая несправедливость, корыстный эгоизм и подлость. Он не страшится риска, смело и быстро принимает волевые решения и берет на себя всю ответственность там, где нужно помочь сбившимся с пути людям. Если говорить несколько упрощенно, то Лукач Цобор в начале романа коммунист еще не сознательный, а скорее стихийный, но коммунист преданный, и в этом он последователен и непоколебим. Он происходит из старинной, добропорядочной, довольно богатой семьи, его национальное сознание и любовь к родине — чувства врожденные, но при любых обстоятельствах он остается верным красному знамени, под которым сражался рядом с советскими солдатами.

Движимый чувством внутренней убежденности, Цобор добровольно становится защитником человеческого достоинства униженных и оскорбленных, угнетенных и неимущих в районе, где он работает. И это подтверждает еще одну реальность: возможность решения сложнейших задач строительства народовластия в Венгрии, непоколебимую преданность духу пролетарского интернационализма отнюдь не импортированного извне — в этом и не было необходимости,— так как правда коммунистических идей постепенно, шаг за шагом, привлекала людей, подобных Цобору, мыслящих, честных, волевых, сплачивала их вокруг компартии, хотя на первых порах, в 1945 году, на парламентских выборах коммунисты и получили всего лишь 17 процентов голосов. Это означало, что народ, который в течение двадцати пяти лет хортисты сбивали с толку и пугали «ужасами коммунизма» еще не понял, что за люди «эти коммунисты» и чего они хотят, если за одну только принадлежность к ним раньше расстреливали без суда и следствия. Это означало, что коммунистам нужно неустанно бороться и дальше за каждого человека, способного здраво мыслить, анализировать и оценивать обстановку. И самым важным оружием в этой борьбе должно стать единство слова и дела. Оглядываясь назад, умудренный опытом трех с лишним десятков послевоенных лет, сегодня я мог бы сказать: люди, подобные Цобору, с сильным и твердым характером не могли не стать сознательными проводниками политики партии.

Мой роман отнюдь не автобиографичен (хотя многие из тех, кто хорошо знает меня, и считают его таким). Просто, работая над ним, я имел возможность прослеживать человеческие судьбы, их развитие — обретение ими места в жизни или их крах, незыблемое постоянство или благополучную адаптацию — не как сторонний наблюдатель, а как активный участник происходивших событий.

Я всегда стремился к активной деятельности: быть там, где что-то происходило, случалось, решалось. Как писателя, меня больше всего занимал бесконечный процесс столкновений человеческих характеров и судеб: кто и почему вышел из борьбы победителем, кто и почему оказался побежденным.

Что же касается совпадений моей личной биографии с биографией героя романа, то они действительно есть. В 1944 году, будучи офицером хортистской армии, заме-

стителем командира батальона, я вместе со своим командиром добровольно перешел на сторону Советской Армии. В декабре того же года я во главе роты венгров-добровольцев сражался в горах Буды и окрестностях столицы против гитлеровских поработителей. К слову, там я встретился с полковником Борисом Полевым. Это знакомство с годами превратилось в настоящую мужскую крепкую дружбу. И еще одно совпадение: сразу же после окончания войны меня назначили секретарем райкома компартии Будайского района. Вот, собственно, и все совпадения моей биографии с биографией моего героя.

Несколько слов в заключение: мне, право, жаль расставаться с Лукачем Цобором. Судьба моего героя — интересная судьба, и, как мне кажется, грех было бы не написать в ближайшем будущем о ее продолжении.

ИМРЕ ДОБОЗИ

г. Будапешт, май 1981 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Выходит, я тебя все-таки не убедил? — Ласло с нетерпением взглянул на часы и высунулся из окна старой обкомовской колымаги.

Автомобиль был марки ДКВ-супер, задние, явно от другой, более мощной машины рессоры уродливо задрали багажник кверху, а выкрашенный кое-как в коричневый цвет лист жести, прикрывавший мотор, заменял теперь некогда изящный капот. Короче говоря, машина представляла собой довольно жалкое зрелище.

Цобор что-то крикнул в ответ, но звук его голоса потонул в мощном гуле моторов: навстречу им по шоссе, цему с запада к Будапешту, двигалась длинная коа военных грузовиков с советской пехотой. Солдаты и на восток, в сторону родного дома. Цобор насчитал цать машин и бросил: хвоста колонны не было вид-Возможно, это двигался батальон в полном составе, a эт быть, и полк, только сильно поредевший в послед-боях. На запыленных лицах солдат застыла печать юсти. Черноволосые, смуглолицые, с орлиными поса-

ми. Похоже, что ребята откуда-то с Кавказа. На одном из грузовиков громко пели популярную песню: «Три танкиста, три веселых друга...»

Цобор невольно вспомнил длиннейший (будь он проклят!) последний переход в начале января. В ужасную стужу в пешем строю они протопали тридцать с лишним километров по скрипучему снегу. Словно назло, полевая кухня отстала где-то за тридевять земель, да и весь обоз тоже, так что ни еды, ни водки, чтобы согреться, ни табака у них не было. Черт бы побрал этих тыловиков! Всегда они отстают. В голове колонны шла стрелковая рота: рослые русские ребята, один к одному, словно на подбор, судя по говору, костромичи. Со зла или с досады на снабженцев они вдруг грянули песню: «Три танкиста, три веселых друга...»

Прислушавшись к их пению, венгры, добровольно перешедшие на сторону советских войск и топавшие в самом хвосте колонны, которыми командовал он, Цобор, сначала негромко начали подпевать, безбожно коверкая русские слова, а затем запели все громче и громче. По колонне русских солдат прокатился смешок, вскоре перешедший в задорный хохот.

— Молодцы, мадьяры! А ну давай, наяривай!..

Кончилось все тем, что пели уже одни венгерские солдаты; энергично подбадриваемые русскими, они орали до хрипоты. Неожиданное веселье, охватившее шагавших в колонне солдат, словно невидимая пружина, придало ускорение их уставшим ногам. На исходный рубеж сводный батальон прибыл вовремя...

— Не отговорил ты меня. Я решил ехать! — провожая взглядом грузовик, ехавший в хвосте колонны, прокричал Цобор так, чтобы Ласло мог услышать его.

«Еще только половина восьмого, а асфальт на шоссе так и пышет жаром, как печка»,— подумал Цобор, швырнув окурок на землю, и направился к своему мотоциклу. Какое дело Ласло до того, пойдет он в суд или не пойдет. Это касается лично его. Хотя, впрочем... Дело не только личное. В том смысле, как и чем измеряется нынче справедливость. Это не худо знать каждому. Ибо если справедливости, как таковой, нет, то и служба становится не службой, а слепым повиновением. Правда всегда должна оставаться правдой. Но если сейчас прямо тут, на обочине дороги, об этом начать спорить с Ласло, то дискуссия затянется по меньшей мере до захода солнца. Да

и Ласло, без сомнения, сумеет объяснить и предвосхитить все его, Цобора, возражения своими любимыми словами: «Пойми, дружище, все, что происходит сейчас в Венгрии, еще не премьера. Да и как ей быть, если действующие лица старой пьесы по-прежнему торчат на сцене?»

— Какого черта ты напросился в свидетели? Тебя ведь и близко не было возле той австрийской деревушки, где произошла вся эта позорная история!

— Разумеется, не был, как не могло быть и самой той истории.

Лицо Ласло приняло мрачное выражение. Он хотел что-то добавить, но вовремя удержался, чтобы преждевременно не высказать мелькнувшую у него догадку. Пошарив в жилетном кармане, нашел там смятую сигарету и закурил, сделав три быстрых затяжки одну за другой.

— Ладно, езжай, если уж тебе так приспичило. Поезжай, черт с тобой! — Раздраженно, толчками выдыхая табачный дым, он добавил: — Но о том, кто ты такой, ни слова, слышишь?

— А если спросят?

— Скажи, служащий частной компании.

— Ну знаешь ли! Если ты и твои товарищи — частная компания...

— Я и мои товарищи? А ты сам кто? Олух! Это не совет, а приказ, надеюсь, ты меня понял?

Цобор, ничего не ответив, шагнул к мотоциклу. Нажав на педаль, он завел мотоцикл, уселся в седло и, столкнув тяжелую машину НСУ-250 с подножки, резко дал газ. Мощный железный конь едва не выскочил из-под ретивого седока. Не обращая больше внимания ни на обкомовскую колымагу, ни на Ласло, что-то кричавшего ему вслед, Цобор заложил крутой вираж и помчался по направлению к городу.

Так вот, значит, какой он, зал судебных заседаний! Обыкновенная маленькая комнатушка, на полу мусор, стены грязные. Необходимые для такого учреждения скамьи отсутствуют, вместо возвышения для судьи и заседателей — обшарпанный продолговатый стол, позади него три стула, напротив стола еще три, в ряд, все из разных гарнитуров. Стекла в окне выбиты, по краям рамы торчат отдельные осколки. Как это можно в такой жалкой и тесной комнате решать судьбы людей? Впрочем, отчего

же нельзя. Ведь еще совсем недавно их решали в окопе, в придорожной канаве или просто в грязной луже. Правда, тогда шла война. А сейчас? Может, она все еще продолжается? Сменились только оружие и театр боевых действий. Нет, его младший брат Арпад не мог совершить того, в чем его обвиняют. Хотя бы потому не мог, что он всегда был рохлей и размазней. Безвольный слюнтяй! Лукачу исполнилось уже четырнадцать, а Арпи — двенадцать, когда бабушкиного кота укусила крыса. Он достал из комода отцовский пистолет и мигом пристрелил отвратительное животное, а Арпи при одном только виде всего этого начало рвать, затем он и вовсе лишился чувств. Во дворе и в школе его лупили все мальчишки, кому было не лень, а ему никогда даже в голову не приходило дать сдачи обидчику. Вместо него с местными сорванцами всегда расправлялся он, Цобор-старший. Иной раз колошматил пять-шесть обидчиков сразу. А теперь вдруг такое свинство! Почему он держал до последнего момента своих солдат в окопах там, у этой богом забытой, никому не нужной австрийской деревушки! Почему не приказал отступить? Видимо, просто не посмел, это единственно логичное объяснение, другого и быть не может. Приказа на отход он, конечно, не получил, а решить что-либо самостоятельно не посмел. Но если так, то погоди-ка... Это означает, что Арпи не посмел нарушить приказ? Любой приказ, каким бы он ни был... Черт бы его побрал, этого дурака, ведь этак и в самом деле может оказаться, что он влип в какую-нибудь мерзость. Несчастный хлюпик...

— Что вам здесь нужно, гражданин?

В комнату вошли вершители правосудия. Впереди шел председатель, за ним — прокурор и писарь, секретарь суда. Два заседателя несли стулья, каждый для себя. Наверное, после вынесения приговора они вот так же унесут их домой, до следующего заседания. Прокурор, молодой человек холерического вида, с явным неудовольствием оглядел Цобора с ног до головы, ощупав взглядом его белоснежную сорочку, офицерские бриджи и сапоги с высокими твердыми голенищами.

— Явился как свидетель.

— Ожидайте в коридоре. Вас вызовут.

Цобор сказал, что хотел бы поговорить с братом. Хотя бы пять минут. Пусть три. Одну. Хотя бы просто пожать ему руку... Прокурор в просьбе отказал.

В коридоре, в глубокой нише у окна, чего-то ждали

двое мужчин неопределенного возраста, оба как-то неряшливо одетые. Очевидно, свидетель и адвокат, определить на вид было трудно. Прежде чем Цобор успел об этом спросить, обоих вызвали в зал заседаний. Он прислонился плечом к дверному косяку и закурил. Так прошло восемнадцать минут. Наконец появился невзрачный старичок в вылинявшем, когда-то синем вицмундире и клетчатых панталонах и хриплым голосом пригласил свидетеля войти в зал.

— Ваша фамилия, имя?

— Цобор, Лукач Цобор.

— Где и когда родились?

— В городе Гемеш. Восьмого декабря одна тысяча девятьсот двадцатого года.

Цобор посмотрел на брата. Тот сидел на стуле, ближнем к внутренней двери. Они не виделись почти год. На воротнике армейского кителя сохранились знаки различия: унтер-офицер интендантской службы. Даже до прапорщика не дослужился, щенок. Подошва на левом сапоге отстала и была прикручена грязным белым шнурком. Кое-как, в один виток. Ну да, конечно. Чтобы, чего доброго, не повесился на нем в камере. На лбу красовался бледный, шириной в два пальца шрам. Что это, ранение? Или следы побоев? Лукач не знал даже, когда именно арестовали брата. На почтовой открытке, которую почтальон принес ему несколько дней назад, было написано всего две строчки: «Братишка, против меня возбуждено уголовное дело. Выручай. Арпи». Ниже еще одна строчка — адрес следственной тюрьмы.

Арпи уставился на старшего брата. В его глазах, лихорадочно блестевших на покрытом рыжеватой щетиной лице, отражались смятение и страх.

Прокурор, нервно вертя в руке карандаш, наконец спросил:

— В прошлом вы кадровый офицер?

— Нет, был призван из запаса.

— Другой одежды у вас не нашлось?

— Сохранился один-единственный костюм, но я его берегу.

— Он, видите ли, бережет костюм! — усмехнулся прокурор, взглянув на председателя суда, и снова обернулся к Цобору: — А потому являетесь в суд в одной рубахе. Какое неуважение!

— Погода жаркая, господин прокурор.

— Если мы паримся здесь в пиджаках, выдержите и вы, гражданин Цобор. Я охотнее всего отправил бы вас сейчас домой переодеться...

Цобор вежливо переправил решение этого вопроса в компетенцию председательствующего:

— Господин председатель, прошу вашего любезного согласия предоставить мне право дать свидетельские показания в сорочке!

Полуприкрытые тяжелыми веками глаза председателя дрогнули, в левом уголке рта обозначилась еле заметная складка, губа чуть-чуть опустилась. Все это должно было, видимо, означать мимолетную усмешку. Слава богу! У этого пятидесятилетнего, изрядно потрепанного жизнью и видавшего виды судейского чиновника еще, кажется, сохранились остатки чувства юмора. Или, может быть, ему просто-напросто был антипатичен этот жилистый, не в меру рьяный петушок-прокурор.

— С какого по какое время вы служили в армии? — председатель продолжал допрос свидетеля, пропустив дискуссию по поводу сорочки мимо ушей, считая ее исчерпанной.

— С октября сорок первого по май сорок пятого.

— В каких частях?

— Второй батальон семьдесят первого пехотного полка.

Брата даже не побрили перед судебным заседанием. Ну и люди! Арпад медленно, чуть заметно покачал головой из стороны в сторону, затем еще и еще.

«Ясно, этим он хочет дать мне понять, что ни в чем не виноват. Надеюсь, что это так!» — заключил про себя Цобор.

— Ваш последний офицерский чин? Звание?

— Поручик.

— Ясно. Проверку по денацификации прошли?

— Так точно.

— Комиссия, разумеется, лишила вас воинского звания?

— Никак нет, напротив, оставила.

Председатель сердито поерзал на стуле, досадуя на себя за неосторожный вопрос, не достигший цели. Мальчишка, видимо, излишне самолюбив.

— Прошу предъявить документы о проверке.

Цобор извлек из бумажника сложенный вчетверо листок и, перегнувшись через стол, протянул его председа-

телю суда. Незаметно оглядев пожилого слугу Фемиды еще раз, он отметил про себя деталь, которая ускользнула от его внимания в самом начале: с темно-синим форменным френчем тот носил черные офицерские брюки. Следовательно, гардероб судьи тоже не очень богат. Другой председатель народного суда надел бы на заседание все что угодно, вплоть до купальных трусиков, только не эти диагоналевые дудочки. Сомнений быть не могло: этот человек служил военным судьей при Хорти. Черт его знает, какие приговоры выносил этот профессиональный юрист солдатам хортистской армии за то, что они «не оправдали доверия регента и нарушили присягу, находясь на фронте». А теперь у него хватает наглости судить их за то, что они оказались верными этой присяге до конца! Цобору в тот момент даже в голову не пришло, что вот такие офицеры, как он сам, добровольно перешедшие на сторону советских войск, исключительно редкие птицы в этом зале.

— Непонятно! Как следует понимать вот это выражение: «Принимая во внимание самостоятельно принятое решение и боевые заслуги, военное звание сохранить». Заслуги, но перед кем?

— Если позволите, господин председатель...

— Вопрос не к вам. Сейчас меня интересуют только факты, имеющие непосредственное отношение к слушаемому делу.

Председатель передал свидетельство Цобора прокурору. Внимательно прочитав его, тот кивнул с кислой миной:

— Документ подлинный. Подпись генерал-майора мне знакома, печать тоже.

Он положил бумагу перед собой на стол. Не дожидаясь приглашения, Цобор быстро взял ее, сложил и положил в бумажник. Председатель, видимо, уже овладев собой, небрежно махнул рукой:

— Тем хуже. Офицер, прошедший проверку на верность отчизне, пытается вытащить из грязи убийцу-унтера, и только потому, что тот приходится ему родным братом.

Это было уже слишком. Цобор почувствовал, как им овладевает холодная, безотчетная ярость, которую он обычно испытывал каждый раз, идя в бой.

— Я самым решительным образом протестую! Речь идет вовсе не об этом! Я не верю в виновность моего

младшего брата, так как из всех присутствующих в зале я знаю его лучше других.

— Вам прежде не приходилось бывать на суде?

— Нет, не приходилось.

— Вы обязаны только отвечать на задаваемые вам вопросы. Вам понятно?

Цобор невольно застыл по стойке «смирно», все еще не расставшись со старой офицерской привычкой тянуться перед начальником.

— Понятно, господин председатель! Но в таком случае и вы не позволяйте себе делать выводы, которые не соответствуют действительности и оскорбляют мою честь!

Председатель уклонился от пикировки.

— Хорошо,— проговорил он коротко и, кивнув, придвинул к себе обвинительное заключение.— Перейдем к изложению существа дела. «Восьмого апреля сорок пятого года первая рота восемнадцатого батальона пограничных войск заняла район обороны северо-восточнее австрийского селения Лаутерсдорф. Для оборудования этого района в инженерном отношении и рытья окопов роте была придана группа штрафников в количестве тридцати двух человек. Между одиннадцатью тридцатью и двенадцатью тридцатью по местному времени четырнадцать штрафников были по неизвестной причине расстреляны. Поскольку первый и третий взводы вышеуказанной роты еще до одиннадцати часов оставили свои позиции и рассеялись по местности, приказ о расстреле мог отдать только командир второго взвода, еще остававшегося на своей позиции. Командиром этого взвода был Арпад Цобор, унтер-офицер интендантской службы. В ходе предварительного следствия обвиняемый своей вины не признал и продолжает ее отрицать до сих пор, заявив, что в его распоряжении не было ни одного штрафника, а если расстрел и имел место, то это могло произойти, как он предполагает, либо в расположении первого, либо третьего взвода. В опровержение этого заявления Венцель Танач, по профессии каменщик, присутствующий здесь, в то время один из штрафников, а вместе с ним еще шесть его однополчан в своих показаниях на следствии подтвердили, что казнь четырнадцати их товарищей была осуществлена именно вторым взводом, остававшимся на позиции». Отвечайте, свидетель, что вам известно по этому поводу.

— Я усмотрел в прочитанном прежде всего нарушение логики. Подразделение, выполняющее боевую зада-

чу, как известно, казнями не занимается. Оно сражается.

Председатель задумался. Казалось, он мысленно представил себе ситуацию и прикидывает, что делает и что может сделать солдат, ведущий бой в обороне, а что не может. Но прокурор нетерпеливым жестом руки вывел его из этого раздумья. Дальше, дальше... Для наблюдательного Цобора этого незначительного с виду жеста было вполне достаточно, чтобы понять истинные, а не формальные взаимоотношения судьи и других лиц, участвующих в судебном процессе. Ясно, кто кому подчинен.

— К сожалению, даже логические предположения в качестве доказательства суд принять не может,— промолвил председатель.— Расскажите, что вы видели собственными глазами?

— Я лично там не присутствовал. В это время я...

— Имеются ли у вас другие свидетели, являющиеся очевидцами происшедшего?

— Очевидцев у меня нет.

— Имеет ли господин прокурор к свидетелю вопросы?

— Благодарю, вопросов больше не имею.

— В таком случае, свидетель, вы можете покинуть зал заседаний.

Цобор не тронулся с места.

— Все улики обвинения, как я вижу, носят косвенный характер. Уж если не защитнику, то позвольте спросить хотя бы мне: слышал ли Веннель Танач сам и его шесть однополчан своими ушами, когда и как мой брат Арпад отдавал приказ о расстреле штрафников?

Прокурор, не вставая с места, выкрикнул:

— Разве вы не поняли, что вам сказал председатель суда? Вы должны незамедлительно покинуть зал заседаний!

— Я ухожу, но знайте: я найду свидетелей. Из этой паршивой роты далеко не все ведь погибли, есть люди, которые живы по сей день. Я разыщу их и доставлю сюда, будьте покойны. Только уж тогда не прогневайтесь, господин прокурор, тот день обернется для вас черной пятницей.

— Вы мне угрожаете? — Прокурор сделал знак одному из тюремных охранников, стоявших позади Арпада.— Вывести его вон!

Охранник дотронулся до плеча Цобора стволом автомата.

— Отставить! Не смей ко мне прикасаться! — крикнул Цобор.

Охранник опешил и опустил автомат. Цобор ринулся к двери, поминая всех святых и мать пресвятую богородицу. Кто-то в коридоре осторожно заметил:

— В этих стенах не бранятся, гражданин.

Цобор послал его ко всем чертям. Ждать пришлось около двух часов. По мере того как шло время, злость Цобора не только не уменьшалась, а даже росла.

Ну уж нет! Если они подобным образом обращаются с человеком, можно ли становиться с этими людьми в один ряд? К черту! Свернуться, как улитка, ковыряться в собственном огороде, полоть грядки, откармливать скотину, что угодно. По-крестьянски врасти в землю, копаться в навозе, но остаться самим собой, независимым ни от кого. Сидевшими за судейским столом руководит отнюдь не стремление честно во всем разобраться, а скорее желание отомстить. Или, быть может, страх. А может, опьянение внезапно обретенной властью? Такие вот, если туго придется, способны выполнить любой приказ. Чтоб им ни дна ни покрышки! Общественное благо? Дудки, пусть его творит тот, кто верит сладким речам, а не своим собственным глазам...

Шел уже двенадцатый час, когда наконец в коридор вышел защитник. Не оглядываясь, он направился было к выходу, но Цобор остановил его, крепко взяв за локоть. Тот вяло сопротивлялся.

— Вы, однако, совсем не в себе, господин поручик.

— Был поручик, да весь вышел! Если бы стал им еще раз, то вся банда не дожила бы и до полудня!

— Замолчите! Неужели вы не понимаете, что войти туда гораздо легче, чем выйти?

— Наложил в штаны, трус! Слова вымолвить не посмел.

— Вы же не слышали моего выступления в суде. Я пытался вытащить вашего брата изо всех сил, но, как вы сами понимаете, доказательств его невиновности кот наплакал. А с такими делами нынче не церемонятся.

— Скажите же наконец, сколько ему дали?!

— Пожизненное тюремное заключение.

У Цобора опустились руки.

— А ему ведь всего двадцать три года, — тихо проговорил он.— Только двадцать три...

Адвокат сунул ему в руку свою визитную карточку

— Если вы найдете что-нибудь стоящее для пересмотра дела, я в вашем распоряжении. Весьма охотно. Но сейчас приговор только что вынесен. Тепленький, так сказать, а поэтому...

Не закончив фразы, адвокат направился к выходу. Через несколько минут из зала суда вышел заявитель. Цобор преградил ему путь:

— А, доносчик! Так сказать, клеветник собственной персоной...

Танач остановился на расстоянии вытянутой руки с таким видом, будто говорил: «Ну, ударь меня, если смеешь!» Выглядел он плохо: измученный, кожа на лице желтоватая, с землистым оттенком. На груди из глубокого выреза рубашки виднелись плохо зажившие рубцы и шрамы. Целая мозаика, словно кто-то нарочно разрисовывал его острым резцом, долго и терпеливо.

— Остановитесь! А не то усажу вас рядом с вашим братцем.

— Не так-то легко это будет сделать, приятель.

— В самом деле?

— Попробуйте. Бегите назад, к прокурору. Не бойтесь, я подожду, не убегу.

— Что вам нужно от меня?

— Хочу выложить вам то, чего не мог сказать там, стоя перед судейским столом. Я секретарь райкома партии города Гемеш. А теперь бегите, докладывайте, ну!

— Секретарь райкома? Какой партии?

— Какой же еще? Коммунистической.

— Покажите документ!

Цобор сунул ему в руки удостоверение. Танач долго и внимательно его разглядывал.

— Так... Тогда почему вы разговариваете со мной не как коммунист с коммунистом?

Он протянул Цобору точно такую же книжечку. Пробежав написанное глазами, Цобор отметил про себя только одну строчку. «Время вступления — 1934 год». Спрятав удостоверение, Танач представился, будто они в первый раз видели друг друга:

— Венцель Танач,— и протянул руку.

Цобор неожиданно для себя — впоследствии он часто вспоминал об этом с недоумением — пожал ему руку.

— Лукач Цобор.

— Видите ли, товарищ Цобор, я тоже мог бы назвать вас грязным лжецом, но я этого не делаю, так как по-

нимаю, о чем идет речь. Но я собственными глазами видел этих четырнадцать расстрелянных. Их буквально изрешетили. Звери! Таким количеством патронов смело можно было бы расстрелять пятьсот человек.

— Возможно. Однако второй взвод...

— Не перебивайте меня, я еще не все сказал. Делать безответственные заявления не в моих привычках, я разобрался в этом деле до конца. Никто из оставшихся в живых штрафников не видел вблизи места казни другого воинского подразделения, кроме взвода, которым командовал ваш младший брат. Как расстреливали, я, правда, не видел. Приказа о расстреле я тоже не слышал. Все это я признаю. Так записано и в моих свидетельских показаниях на суде и в протоколе следствия. Но кто еще мог их расстрелять? Только те, кто там был.

— Могли расстрелять или расстреляли? Это далеко не одно и то же.

Танач попросил у Цобора закурить.

— Штрафники носили белую нашивку на рукаве: политические. Большинство из них были коммунисты, мои товарищи. Мы встретились, когда освобождение было уже совсем близко, так сказать, рукой подать... Как бы поступили на моем месте вы, черт бы вас побрал?

— Понимаю, все понимаю. Но тех фактов, которые назвали вы, явно недостаточно для вынесения приговора о пожизненном заключении. О своем родном брате я знаю гораздо больше, или, короче, знаю все! Он не мог сделать такое! Он не мог отдать приказ стрелять в безоружных, измученных до предела людей. На это он просто неспособен, вы понимаете?

Танач хмуро молчал.

— Хорошо. В таком случае у меня есть предложение,— сказал он, немного выждав.— Давайте обменяемся адресами. Я соберу у себя дома тех, кто остался в живых. В удобное для вас время, согласны? Поговорите с ними сами...

Садиться на мотоцикл и ехать Цобору не хотелось. Нужно было подумать, поразмыслить и устать физически, для большей разрядки. Он откатил машину от здания суда и, вынув ключ зажигания, поставил в тени какого-то трехэтажного дома неподалеку. Дом был старый, с просевшей, сгорбатившейся крышей. Он показался ему

почему-то знакомым. Откуда, по какой причине, вспомнить сразу не мог. Цобор повернулся на каблуках и зашагал по улице.

Как связать случившееся с собственной жизнью? Что от этого изменится? Все. А что «все»? В пылу негодования там, в зале заседаний, у него невольно вырвалось: «Я разыщу их и доставлю сюда!..» Легко сказать — сделать значительно труднее. Где они сейчас? Возможно, трясутся в эшелоне, который увозит их на восток в какой-нибудь советский лагерь для военнопленных. Или хлебают жидкую баланду в американском лагере на территории Баварии. По ходившим тогда слухам, большинство венгров, перешедших западную границу под ударами советских войск, сдались американцам; их сразу же отправили в американский лагерь для пленных.

Цобор по мосту дошел до острова Маргит, а затем направился дальше, в Пешт. Дойдя до Большого Бульварного кольца, в ларьке купил бутылку содовой и выпил ее.

«Спокойно, Цобор, спокойно, думай. Кто это сказал? Кажется, Вергилий: «Разум движет материей». Все правильно. Но и материя в свою очередь тоже движет разумом. А если вместо нее пустота?..» Он свернул вниз, на набережную. Подойдя к разбитому снарядами причалу временной переправы, долго стоял и смотрел на руины...

В январе, двадцать первого числа, именно здесь его роту переправили на тот берег и высадили в конце улицы Арацьхал. Пехота накапливалась для атаки. Они расселись на снарядных ящиках, а перевезший их через Дунай понтон покачивался на воде от частых разрывов: гитлеровцы били по переправе с горы. Лейтенант Теттеш, один из его командиров взводов, с мрачным видом рассуждал вслух: если немецкий фугас попадет ему в рот, взлетит ли он достаточно высоко, чтобы увидеть, что творится сейчас за крепостными стенами? Идиотские остроты! Теттеш, видимо, забыл, что у большинства людей нервы напряжены до предела. Затем они с большим трудом начали пробиваться к площади Кальвина. Нацисты усилили заградительный огонь, снаряды и мины падали все гуще и гуще. С крыш домов, из подвалов, из-за укрытий застрочили пулеметы, заставляя перебегающих солдат плотнее прижиматься к земле.

К половине второго солдаты окончательно выдохлись и наступление захлебнулось. Волей-неволей пришлось

отойти на исходный рубеж. Собрались в каком-то подвале старого дома на улице Фе. Ага, так вот откуда он знает тот дом, возле которого оставил свой мотоцикл! Верно, крыша его и тогда уже походила на спину верблюда. Внутренний двор был полон советских солдат. Венгров встретили настороженным молчанием. Первым из офицеров их заметил какой-то подполковник. В наступавших сумерках офицер не мог разглядеть ни красных кокард на шапках венгерских солдат, ни трехцветных повязок на рукавах офицеров.

Направив на Цобора автомат, подполковник спросил:

— Кто вы? Фашисты или нилашисты?

Цобор не осмелился применить свой скудный запас русских слов. Пока он объяснился бы, в животе могло оказаться несколько свинцовых пуль. Он выхватил из кармана удостоверение и быстро протянул его подполковнику. Тот взглянул на него и тут же крикнул:

— Эй, где переводчик? Давай его сюда!

Затем между ними произошел следующий диалог:

— Объясните, что вы за люди.

— Отдельная рота охраны дивизионного подчинения.

— И это вся рота? Да у тебя и двух отделений не наберется.

— Рота сражается на горе Геллерт, господин подполковник. Два взвода уже находятся там.

— А ты, их командир, болтаешься здесь? Почему?

— Меня вызывали к командиру дивизии для инструктажа и получения боевой задачи. Заодно принял пополнение, вот этих...

— Ну и что? Получили задачу?

— Так точно. Вчера вечером командир дивизии мне так объяснил: «Необходимость заставляет нас ввести в бой венгерское подразделение, добровольно перешедшее на сторону советских войск, тем более что здешние места вам хорошо знакомы». Мы этого ждали, господин подполковник...

— Постой, а у какого командира дивизии ты был? Фамилию запомнил?

— У генерал-майора Головкина.

— У Федора Александровича?! Вот тебе и раз! Значит, мы с тобой под одним хозяином ходим! Ну, дела...

— Очень рад, господин подполковник. Разрешите называть вас «товарищ»?

— Да, конечно. Но погоди-ка: где же ты болтался целые сутки со вчерашнего дня, да еще с людьми?

— Мы ожидали переправы на другой берег.

— Почему здесь? Тебе надо было переправляться два километра ниже по Дунаю. В чем дело?

— Пробовал, но нас оттуда прогнали. С трех переправ прогоняли. Кто такие, спрашивают? Венгры? Да пошли вы — извините, товарищ подполковник, — к крестной мамаше в... Не до вас сейчас!

Подполковник громко захохотал:

— Похоже, браток, очень даже похоже! Теперь мы злые, твердым орешком оказался этот ваш Будапешт, никак сразу не раскусишь. Паек получили?

— Получили. На трое суток.

— Хорошо. Поешьте, отдохните немного. Эй, Федор! Капитан Нещинов, где ты? Дайте место этим ребятам в подвале, пусть погреются.

— Благодарю, товарищ подполковник.

— Не за что. А ночью проберетесь на свою гору Геллерт. Так-то вернее будет, понял? Незаметно прямо под скалой пойдете, вдоль набережной. Дам вам отделение автоматчиков, для проводов, так сказать, чтобы наши опять вас, чего доброго, не послали. Куда, ты говоришь? К крестной матушке?.. Ха-ха!..

Цобор взобрался на каменный парапет, окаймлявший набережную, и долго смотрел на мутный поток, несущий свои воды к югу. О той злосчастной переправе, как и обо всем, что произошло после, он никогда не сожалел. Все правильно. Поступить иначе он не мог, да и не хотел.

Конечно, был и другой путь — бросить свою роту на произвол судьбы, сменить офицерский френч на поношенный гражданский лапсердак и отсидеться где-нибудь в безопасном месте, переждать лихие времена. Все равно где. Но он хотел другого: рассчитаться с гитлеровцами за все. Вот почему добровольный переход на сторону советских войск и борьба против нацистов с оружием в руках оказались для него не одним шансом из многих других, а одним-единственным. Была на то и еще одна причина. Правда, не совсем ясная и осознанная, но все же была.

Городишко Гемеш стал ареной боев на две недели раньше, чем советские танки подошли к Буде. Один из солдат—земляков Цобора, побывавший в отпуске после ранения, принес весть о том, что семнадцатого декабря, перед тем как оставить Гемеш, нилашисты расстреляли

«господина учителя». Так издавна называли в городке старого отца Цобора.

Какое безумное, бессмысленное убийство! Расстрелять беззащитного, легкомысленного и угодливого, преждевременно постаревшего болтуна, который на своем веку никому и никогда не оказал никакого сопротивления. Всю жизнь он покорно гнул спину и лебезил перед чванливыми господами, словно до могилы был у них в долгу и всю свою жизнь только расплачивался за него.

В 1919 году он был призван и три недели командовал пулеметным взводом в Красной армии Венгерской советской республики. После падения республики его лишили права занимать должность учителя и выгнали из школы. Несколько месяцев он обивал пороги различных учреждений, добивался приема у отцов города и округа, унижался в канцеляриях и кланялся в министерствах, слал бесчисленные подношения в виде индюшек, гусей и поросят, откормленных в усадьбе отца, Цобора-старшего, батареи бутылок выдержанного вина с дедовского виноградника. По десять раз на день клялся на всех перекрестках, что никогда больше не совершит ничего подобного. Наконец он все же выпросил себе чин вольноопределяющегося рядового (являясь офицером запаса!) в каком-то отряде национальной гвардии.

Бог его знает, чем он там занимался, а потом, когда наконец власть имущие милостиво разрешили ему вернуться в школу и работать учителем, раскаялся в своем «авантюризме», как он называл свой поступок, и вышел из махрово-националистического «Союза братьев» (во времена премьер-министра Гембеша подобные организации росли, как грибы после дождя). Но вскоре, оказавшись в одиночестве, пожалел и об этом. Снова вступил в столь же реакционную партию «Венгерская жизнь» и Легион бывших фронтовиков, затем в Союз гражданских стрелков. Организовал и руководил хором конгрегации Святой Марии. Вертелся и юлил перед начальством до тех пор, пока не выхлопотал себе должность главного воспитателя в молодежной организации допризывников «Левенте» в своем городке.

С тех пор как Цобор помнил себя, он, как ни хотел, так и не смог найти в своем родителе ничего достойного уважения. Единственное, что он приобрел, так это полное отвращение к образу жизни отца, который не брезговал ничем, начиная от грязных торгов и компромиссов с соб-

ственной совестью и кончая приспособленчеством любой ценой. И все-таки его расстреляли! Солдат-земляк подробно пересказал услышанное от их, Цоборов, садовника о том, как именно это произошло. После приказа о поголовной эвакуации Гемеша патрули, состоявшие из нилашистов и жандармов, ходили по дворам, проверяя исполнение приказа. Заглянули они в дом к господину учителю.

— Как, господин учитель, вы все еще не собрались?

— Я думаю, господа, поздно мне уже собираться... Со здоровьем что-то плоховато стало. А потом, куда идти одинокому старику? Кому я нужен на белом свете?..

Старший нилашистского патруля приказал учителю немедленно выйти в сад, довел до увитой плющом беседки.

— Так, значит! Вот когда вылез из вас большевик, с девятнадцатого года таились! Ну, не беда, господин учитель! Стойте смирно, сейчас сфотографируем вас на память.

Старик упал на землю, скошенный очередью из автомата. Четверо суток труп лежал во дворе: в городе шли жестокие бои, и было не до похорон. Только на пятый день тело предали земле.

Цобор всей душой ненавидел нацистов. Эти подонки с хлыстом в одной руке и револьвером в другой преспокойно разгуливали по его стране, которая даже в самые горькие минуты жизни оставалась для него святыней, словно надсмотрщики по плантации, на которой работали их невольники. Как только родная земля могла терпеть это, не сгорев со стыда! Гитлеровские фашисты с их венгерскими сателлитами и нилашистской сворой не только уничтожали венгров как нацию, они ее унижали, растлевали духовно и физически. Сколько раз, уже командуя ротой, Цобор невольно ловил себя на мысли: «Когда же? Когда же я наконец влеплю пулю хотя бы в одного из них?» Его решение все более крепло по мере того, как гитлеровская военная машина откатывалась к Карпатам.

В одиночку, конечно, действовать глупо. Тогда с кем и как? Торопись, Цобор! Армия, против которой ты стоишь со своей ротой, не остановится на государственной границе. Она дойдет до Берлина, это ясно как белый день! А попутно очистит от грязи и нечисти твою страну.

Цобору потребовались долгие три месяца, чтобы осторожно, избегая провокаторов и осведомителей, рассованных повсюду, убедиться в том, что большинство офице-

ров и солдат его роты думают так же, как и он, их командир. И когда после ожесточенного боя под Галмади он получил от командира батальона приказ отвести роту на одиннадцать километров к западу и занять новый оборонительный рубеж, Цобор не тронулся с места. Один из его писарей, фельдфебель по фамилии Мокаш, прожженный карьерист и жуткий подхалим, попытался было улизнуть из расположения и доложить начальству о замысле командира второй роты. Цобор без предупреждения выстрелом в затылок уложил его на дно окопа.

В жизни каждого человека бывают моменты, когда соблюдение формальностей становится необязательным. Наконец, уже провоевав в составе советской дивизии без отдыха три месяца, находясь всегда в первом эшелоне наступающих войск, как того просили сами его солдаты, второго апреля они вышли к австро-венгерской границе. Когда командир советской дивизии специальным приказом отметил храбрость и умелые действия венгерской роты добровольцев, Цобор невольно подумал о другом: «Мало, слишком мало я со своими солдатами уничтожил этой нацистской нечисти!»

Итак, до сих пор все было правильно. Он сделал то, что хотел сделать. Безо всякого нажима или подсказки со стороны, все решил сам. Но вот следующий свой шаг, а вернее говоря, поворот в собственной судьбе — из армейских офицеров вдруг превратиться в секретаря райкома Коммунистической партии,— продумал ли он здесь все до конца?

— Не представляю себе, что должен делать секретарь,— сказал он тогда секретарю обкома.— В том числе и себя на этом посту не могу представить.

— Ты сражался за родину. И это главное,— ответил тот.— Кроме того, ты подружился с советскими людьми, узнал их в столь трудный для нас период. Это тоже немаловажно. Остальному научишься. Образование у тебя есть, голова на плечах — тоже.

«Правильно ли я поступил?» Цобор знал про себя, что упрям. Не очень-то полагается на слова, да и к примерам относится тоже с осторожностью. Почему же он все-таки принял предложение секретаря обкома? Во-первых, подкупало доверие. Товарищи поверили в его честность и порядочность. Кроме того, он всегда питал отвращение к половинчатым решениям. Уж если с коммунистами, так до конца. Это во-вторых. Однако, может ли он

твердо сказать себе, что способен отдать себя этому делу до конца? А тут еще две такие свинцовые вериги на совести. Его родителю, который за всю свою долгую жизнь только три недели стоял на праведной стороне, городские власти Гемеша вдруг взяли да воздвигли памятник с надписью: «Умер как большевик». А ведь никто и никогда, кроме палача-нилашиста, прошившего старика автоматной очередью, так его не называл! Смерть же возвела его в ранг жертвы, более того, чуть ли даже не героя. Когда бургомистр произносил речь на торжественном открытии памятника, Цобор едва сдержался, чтобы не крикнуть громко: «Прекратите этот цирк! Ведь вы сами знаете, что все это сплошное лицемерие!» А теперь еще Арпи, слабодушный хлюпик с певучим голоском, приговорен к пожизненному заключению за то, что якобы он... Якобы?

Как нести две такие огромные тяжести человеку, который решил исповедовать правду, только правду?..

Цобор прошел до конца по Малому Бульварному кольцу и, выйдя к разрушенному мосту, долго смотрел на печальную панораму развалин по ту сторону Дуная, простиравшуюся от горы Геллерт до королевского дворца. В дни штурма они называли эту часть города не Будой, а просто «сильно пересеченной местностью». Такой она и осталась. И сколько еще останется такой, кто знает? Нет, он должен был бы отказаться от своего нового поста, так было бы честнее. С его личной точки зрения, разумеется. Вероятно. А может быть, он останется верен себе до конца, если вопреки всему будет продолжать начатое дело? Цобор повернул назад, быстро пересек внутренние кварталы Пешта и очутился напротив здания обкома партии.

Старик вахтер, издали узнав его, поздоровался:

— Как поживаете, товарищ Цобор? Заходите!

Цобор стоял в нерешительности. Если начать разговор с начальством сейчас, то он непременно все упростит, сведет дилемму к двум-трем фразам, а это непозволительно. Нет уж, лучше изложить все на бумаге.

— Добрый день, товарищ Пояк. Я не к вам, просто шел мимо и решил заглянуть.

Необходимо как-то отвлечься, дать мыслям отстояться, отложить решение. Забыть обо всем хотя бы на несколько часов. Бланка! Да, конечно, с ней можно говорить о чем угодно. Обо всем, кроме того, что его сейчас так мучает...

Цобор вернулся к дому с провалившейся крышей на улице Фе, завел мотоцикл. Спустя полчаса он заглушил мотор возле калитки, ведущей во двор дома семейства Байнацки.

Бланка не поцеловала его, как обычно при встрече. Широко распахнув блестящие, как майские жуки, глаза, она стояла на пороге возле приоткрытой двери и улыбалась, облизывая кончиком языка вдруг пересохшие губы.

— Папенька отдыхает. Послеобеденная сиеста, как всегда,— еле слышно прошептала она.

Девушка провела Цобора через прохладную гостиную на первом этаже, поднялась по лестнице на второй и, впустив гостя в свою комнату, плотно притворила дверь и быстро повернула ключ в замке.

— Дай что-нибудь выпить,— попросил ее Цобор.

Бланка рассмеялась. Она приготовила для него иной, более пьяный напиток. Впервые неожиданно и естественно сбросив с себя домашний халатик, она оказалась обнаженной. Опущенные жалюзи почти не пропускали свет, но полутемная комната вдруг наполнилась сиянием прекрасного женского тела.

Цобор едва успел ласково провести пальцами по щекам девушки, как оба вспыхнули мгновенно. И тут же провалились в сладкую бездну. Распущенные волосы Бланки золотым дождем рассыпались по ее высокой груди. Долго сдерживаемая страсть прорвалась наконец наружу. Они долго не могли насытиться, сжимая друг друга снова и снова в страстных объятиях. Слова казались совершенно лишними, слышались лишь протяжные прерывистые стоны, какие могут издавать только счастливые люди...

Возможно, именно от этих звуков и проснулся отец Бланки, дремавший в своем кабинете на первом этаже. Едва влюбленные успели привести себя в порядок, как в дверь громко постучали, и бывший министерский советник Байнацки появился на пороге. На дочь он даже не взглянул, а обратился прямо к Цобору. Голос его звучал сухо и официально, не выдавая никаких чувств.

— Видите ли, молодой человек...

Цобор, не выслушав фразы до конца, оборвал его:

— Для вас я не молодой человек!

Слова прозвучали довольно глупо. Зачем лезть на рожон? Цобор тут же пожалел об этом: нынче ведь каждый

представляет себя кем-то. Или, другими словами, не представляет собой ничего. Нужно было сказать совсем другим тоном что-то другое. Холодно и свысока, словно он находился в какой-нибудь великосветской гостиной, проговорить как бы невзначай, с благородным и наглым равнодушием: «Я имел удовольствие вступить в интимные отношения с вашей дочерью. Поэтому прошу обдумать, что для вас более приемлемо: отдать ее мне в жены или же сохранить за мной статус любовника». Что-нибудь вроде этого.

— Извольте, господин Цобор,— не меняя тона, продолжал Байнацки.— Если в городе я нынче уже никому не могу ничего приказать, это еще не означает, что в моем собственном доме я обязан терпеть лиц, поведение которых несовместимо с моим благородным происхождением и моими понятиями о нравственности.

В глазах Бланки Лукач прочел мольбу: «Уходи». Зная характер Цобора, девушка боялась, что этот разговор добром не кончится. Иначе говоря, ей вовсе не хотелось, чтобы ее родителя, чего доброго, поколотили на ее глазах.

— Хорошо,— сказал Цобор.— Но мы еще продолжим наш диалог.

— Не здесь и в другое время.

— Согласен. Я подыщу для этого другое место и время.

Цобор повернулся и вышел из комнаты. «Ловко он меня выставил, этот мерзавец. Чтобы ему провалиться на месте!» Решетчатую железную калитку он притворил тихо, ни один листок не шелохнулся на обвивающем изгородь ползучем растении. В сердцах он с такой силой топнул сапогом по заводной педали, что погнул шток, и мотоцикл не завелся. Пришлось доставать сумку с инструментом и, повернувшись спиной к дому Бланки, чтобы никто не видел его выражения лица, выпрямить шток с помощью ключа и молотка. «Его благородное происхождение! Черт бы его побрал! Чьи сортиры чистили эти Байнацки, когда далекие предки Цоборов бились с татарами, турками и немцами под знаменами Ракоци? Да дело даже не в этом... В прежнее время такого вот бюрократа-чиновника, как Байнацки, любой офицер мог наградить парой пощечин или по крайней мере обозвать скотиной, а потом влепить пулю между глаз из пистолета. Зря выбросили на помойку старые обычаи!..»

Наконец мотоцикл все-таки завелся. Цобор уселся в седло и помчался по обсаженной деревьями улице, время от времени ныряя в густую тень. Он вдыхал аромат цветущих деревьев, прохладный и пряный. Мотоцикл подпрыгивал на ухабах, как норовистый конь, а Цобор все еще продолжал кипеть, вспоминая о своем недавнем конфузе. На повороте возле здания гимназии он резко затормозил, чтобы не наехать на Чатковича, столярных дел мастера, энергично ему махавшего почему-то с середины мостовой.

— Чего тебя черт занес на проезжую часть?

— Жука звонил, спрашивал: вернулся ли ты из области, тебя ждут.

— Пусть подождут. Они кого-нибудь хотя бы предупредили?

— Что ты на меня-то взъелся? Я вообще не в курсе дела.

Цобор протянул столяру руку в знак примирения, и тот не преминул этим воспользоваться.

— Поедешь назад, захвати меня до дома, пожалуйста.

— И не подумаю даже.

— Но ведь из области...

— Время-то какое? Половина пятого, а я еще не завтракал, не обедал. Тебе же еще домой рано, так что и пешочком пройдешься...

Цобора опять охватила злость до дрожи в коленях. Он уперся взглядом в иссеченный пулеметной очередью асфальт. На лбу выступили крупные капли пота, как недавно при разговоре с Байнацки.

— Товарищ секретарь, не бросай меня, ради бога! В обед, видать, съел я тухлое яйцо. Выворачивает так, что мочи нет. Еще немного — и протяну ноги, вот тебе крест...

Цобор искоса взглянул на столяра. С коих это пор они на «ты»? Наверное, после какого-то заседания национального комитета. Ну, да все равно. Чаткович тоже секретарь партийного комитета, только у социал-демократов. Один из тех людей, которые все больше и больше тянутся к коммунистам. Заказов по столярному делу у него сейчас кот наплакал, и, хотя в окне мастерской выставлена табличка: «Принимаю всевозможные столярные заказы из материала заказчика», у кого в такие времена найдется пара-другая добрых досок? Вот он и странствует по городку, как бродячий проповедник, или, скорее,

ходатай по всевозможным делам. Не бывает случая, чтобы, вернувшись из похода в ратушу, он не выколотил для кого-нибудь участок пашни или огорода, клочок виноградника, крышу над головой, место работы, стекло для окон, ссуду или пособие. Одному, другому, третьему, только себе никогда ничего. Во всяком случае, такая о нем ходит молва.

— Ладно, садись.

Чаткович осторожно взобрался на заднее сиденье. Ноги волей-неволей пришлось развести в стороны, хотя он гораздо охотнее проделал бы обратное. Цобор с места дал газ, и мотоцикл мустангом заскакал по колдобинам. Привязанная сзади сумка с инструментом так нещадно колотила столяра по тощему заду, что Чаткович скоро жалобно запросил:

— Ой, товарищ секретарь, пожалуйста, потише, а не то эти железяки разобьют мне задний фасад...

— Еще чего не хватало! Чтобы ты, чего доброго, обделал мне машину...

Цобор ссадил столяра у ворот его дома и хотел было распрощаться, но тот вцепился ему в рукав:

— Не обижай, товарищ Цобор. Я давно собираюсь тебя пригласить к себе, зайди хоть на одну минутку. Мать, принимай гостя —районный секретарь собственной персоной! Дети, бегите скорей сюда! Представьтесь гостю как полагается! — крикнул он жене и детям.

Чаткович умчался куда-то в конец двора, оставив Цобора с хозяйкой дома и тремя подростками, выстроившимися в ряд по росту.

— Пожалуйста, проходите в дом, — ласково пригласила хозяйка.

«Судя по говору, вероятно, сербиянка,— подумал Цобор.— Черные густые волосы, над верхней губой нежный темный пушок, большие карие глаза с затаившейся в них усталостью, стройная, горделивая осанка, только худовата немного. Красавица была в девицах, несомненно».

— Благодарю, мне хорошо и здесь, во дворе.

— Желанный гость, не зашедший в дом хозяина, добрые сны уносит. Прошу посидеть хоть немного с нами!

Проводив Цобора в просторную кухню, она усадила его возле стола. Все кругом блестело завидной чистотой, начиная от фарфоровых тарелок в посудном шкафу и кончая коричневатым цементным полом. Плита пустова-

ла. Хозяйка тоже присела, положив руки на стол, и смущенно улыбнулась:

— Может, хлеба с топленым салом отведаете? Или на подсолнечном поджарить?

— Спасибо, я совсем не голоден.

Оба немного помолчали. Чтобы как-то завязать разговор, Цобор спросил:

— Как живете, хозяюшка?

Лицо жены Чатковича словно окаменело, приняв строгое, почти подозрительное выражение.

— Живем...

«Уж эта не станет жаловаться на бедность. Не той породы, гордая». Цобор разделял всех бедняков на две категории. К первой от относил «жалобщиков», как он их про себя называл, которые готовы были первому встречному-поперечному плакаться по поводу своих бед. Вторую, меньшую часть, составляли молчаливые гордецы, которые, стиснув зубы, слова не вымолвят, но из-под земли вырвут все то, что необходимо их семье и им самим.

Цобор подыскивал слова, чтобы как-то разрядить обстановку, и, не находя их, злился на себя: «Какого черта? Пришел, расселся, и без меня тут не сладко».

В этот момент появился повеселевший после облегчения желудка хозяин дома. Сполоснув руки водой из чугунка, висевшего возле дверей, и вытерев их чистым суровым полотенцем, Чаткович затараторил:

— Вот, мать, видишь какой человек? Что, правду я говорил: почему у нас в городской управе таких нет? Скажу тебе, товарищ секретарь, прямо, не за глаза: отчего я к вам, коммунистам, иной раз заглядываю? Потому, что люблю слушать, как ты говоришь. Метод свой имеешь, так я понимаю, и подход к людям тоже! У меня в голове, признаюсь, часто полная путаница бывает. И в это мне не верится, и другое сомнительно, везде одна зыбкость. А как тебя послушаю, как-то увереннее себя чувствую... Вот она, правда-то, от нее сразу жизнь вокруг проще и как бы светлее становится...

— Значит, плохой я просветитель. Жизнь совсем не так проста, Чаткович.

— Еще бы! А от кого все пакости и безобразия? От людей, товарищ секретарь. Все зло от нас самих и происходит!

— Добро тоже.

— Мало его пока, добра-то. Как виноградинок на ло-

зе после сбора урожая. Да и это немногое мы сами порой портим, ай как портим.

— Тогда во что же ты веришь? В мир без людей?

Чаткович, ошеломленный таким поворотом беседы, явно опешил.

— Как это так?.. Без людей? Я ведь совсем не то хотел сказать... Уж ты не обессудь. Глупая моя голова: слово изо рта вылетит, а мысль к нему стоящую пристегнуть умишка-то и не хватает. Поверь мне, товарищ Цобор, я хотел...

— Верю.

Столярных дел мастер стоял, вернее, неуверенно переминался с ноги на ногу, растопырив руки, словно крылья, точь-в-точь старая ворона, готовящаяся взлететь. Цобор почувствовал вновь накатившую волну усталости, ноги сделались какими-то ватными, лицо покрылось испариной. Он поспешил откланяться. Чаткович пошел проводить гостя до ворот, пытаясь объяснить ему, что его раздражают не сами люди, а их жадность, вероломство и иные дурные качества. Когда дело дошло до рукопожатия, столяр вцепился в рукав Цобора и, оглянувшись, не подслушивает ли кто, доверительно сообщил:

— Хочу тебе кое-что сказать. — Он еще раз оглянулся. — Береги себя, товарищ секретарь! Береги!

Цобор недоуменно пожал плечами и сделал шаг к калитке. Чаткович, не выпуская его руки, перешел на шепот:

— Вернулся сын господина Хертштен.

— Кто, Лаци?

— А разве он для тебя Лаци?

— Еще в прошлом году весной мы вместе веселились на балу в офицерском казино.

— Ты лучше послушай меня. Сегодня утром он явился в управу, в продовольственный комитет. С ним эти, из партии мелких хозяев. Говорит: «Жертвую городу десять центнеров пшеницы. Безвозмездно, так сказать, от души».

— Очень хорошо!

— Ну да. Только после заседания в узком кругу упомянул он и о тебе. Вышибу, мол, я этого Цобора из города, не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю этого.

— Ну уж! Так и сказал?

— Слово в слово, вот тебе крест! Он, говорит, братоубийца. Когда бои шли за Дунаем, ты будто бы приказал стрелять по его роте.

— Где это было?
— Возле селаВаршонь.
Цобор задумался:
— Очень может быть. Я приказывал стрелять по всем, против кого воевал. Разглядывать же физиономии у меня не было времени.
— «Разве это венгр,— сказал он,— если убивает другого венгра? Это предатель». Ну я, конечно, не усидел на месте. Ежели так между вами вышло, что вы друг в друга палить стали, говорю, то это значит, господин подпоручик Хертштеп, что вы не иначе как в армии Салаши воевали, на его стороне, а этим похваляться ныне не следует.
Цобор сухо улыбнулся:
— Ловкач он! Сначала пшеничку дал, а потом ультиматум.
— Я вижу, ты не принимаешь все это всерьез?
— Дорогой товарищ Чаткович, я не привык, чтобы меня вышибали. Пока.

По дороге домой Цобор мысленно прикинул, что у него есть из еды? Хлеб и соль точно есть, а паприки и помидоры он нарвет в огороде. Прямо с грядки, покрупнее и побольше. Однако вышло по-иному.
Едва он успел вымыть руки, как на пороге появился Якоб Гал. В правой руке он держал небольшой поднос, накрытый белоснежной салфеткой. Цобор внутренне бушевал: сколько раз он твердил, чтобы старый садовник и его супруга, почти всю жизнь прожившие в усадьбе его деда, а потом отца, не нянчились с ним, как с молодым барчуком? «Дайте мне возможность пожить самостоятельно»,— убеждал он стариков. Но вот и сейчас руки его непроизвольно потянулись к подносу. Съев до последней ложки вкуснейшую лапшу, Цобор принялся за куриный паприкаш с галушками. Уплетая его за обе щеки, он не мог от стыда поднять глаз на старика, который стоял перед ним и умильно улыбался. Раньше, на фронте, в несравнимо более трудных условиях Цобор научился подавлять в себе чувство голода. А в те дни, когда его рота сражалась в Буде, со снабжением было особенно плохо, пищу они получали нерегулярно. Порой Цобор даже горсть снега не мог положить в пересохший рот, настолько грязен и смраден он был от крови, копоти и прочих нечистот, которые несет с собой война.

— Вкусно, ваша честь?

— Опять! Не называйте меня так, сколько раз вам говорить?

— Я стараюсь, прошу покорно. Не получается у меня пока, старая привычка.

Цобор жестом указал Галу на стул рядом.

«Так дальше продолжаться не может, товарищ секретарь,— подумал он.— Извольте поддерживать порядок в своей родовой усадьбе сами. А то что же получается? Ни в доме, ни в саду, ни в огороде вы ни к чему даже не притронулись! Кто подрезает кусты и ухаживает за яблонями? Кто достает корм курам, гусям, уткам? Кто откармливает поросенка? Все делают два старичка —Якоб Гал и его жена. Даже цветник перед окнами и тот ими разбит. И он, Цобор, не платит Галу за этот труд ни гроша, принимая все как должное. Ест-пьет и в ус себе не дует, словно трутень на содержании у трудолюбивых пчел».

— Закурите, дядюшка Якоб?

— Премного благодарен.

Приятно закурить после обеда в прохладной гостиной. Старый каменный дом относился к летнему зною, как к нахальному гостю,— просто не пускал его за порог. Гал сидел в напряженной позе, боясь уронить на пол пепел от сигареты. Цобор поднялся, прошел в соседнюю комнату и вернулся с тяжелой, величиной с тарелку, пепельницей из литого чугуна.

— Давайте вместе подумаем, дядюшка Якоб.

— Давайте, ваша честь.— Немного погодя старик добавил: — Только о чем?

Цобор мысленно начал перебирать возможные варианты своего вступления. Особенно важно, как начать говорить. Довести до сознания старика то, что он хотел ему втолковать, будет, конечно, нелегко, в этом Цобор нисколько не сомневался. Слишком долго Якоб Гал прожил в услужении у семьи Цоборов, слишком глубоко укоренилась в нём слепая преданность своим господам. И хотя мир вокруг него круто изменился и люди подобной ему судьбы поднимали свой голос — что-то просили, требовали, шумели,— старый Гал ни словом, ни звуком не высказывал желания хоть как-то сформулировать свое право на нечто такое, чего ему не полагалось иметь или получать в прежние времена.

Откуда-то в гостиную залетел шмель и тревожно заметался в поисках спасительного выхода. Наконец он пришвартовался к узкой полоске света, проникающей в комнату сквозь опущенные жалюзи. Цобор взял с полки над диваном какую-то брошюру, осторожно подкрался к насекомому и одним махом сбил его на пол.

— Сегодня утром,— произнес старик,— я ходил на кладбище, чтобы полить цветы на могилке господина учителя.

Цобор промолчал, и Гал продолжал ткать нить разговора по своему разумению. Он печально покачал головой.

— Какой красивый обелиск поставили на могилке,— продолжал он.— Чудо, а не мрамор. Собственное отражение видишь, как в зеркале. Но самое красивое — это надпись: «Честь и слава жертве фашизма от жителей Гемоша». Не всякий после смерти удостоится получить такую надпись.

Старик вынул пестрый носовой платок, аккуратно вытер слезинки, выкатившиеся из глаз, и шмыгнул носом. Цобор закусил губу.

— Так. Вы, значит, тоже дурачка из себя строите?

— Почему, прошу прощения?

— Ведь вам хорошо были известны все делишки моего покойного папаши.

— Но он умер.

— Умер, ну и что с того?

— Он был человек.

— Человек! Выходит, за одно это ему следует простить все его подлости?

— Не грешите, ваша честь. Сын не может так судить родного отца.

— Неужели?

— Он вас воспитал, поставил на ноги.

— Он? А может быть, дед? Мой дед сделал для меня во сто крат больше.

Гал поднял голову, глаза его лихорадочно заблестели:

— Кто, хозяин? Да, это правда. Кто-кто, а наш хозяин знал, что такое настоящий порядок в этой жизни. И всех, кто с ним жил, приучал к тому же.

Разволновавшись, Гал был не прочь закурить еще. Цобор, угадав его желание, положил перед ним на стол раскрытый портсигар.

— Да, но господин учитель уже не был хозяином на земле. Он был барином.

— За чей счет? И какой ценой? За взятки.

— Все мы не безгрешны, ваша честь. Не отрицаю, случалось и такое.

— Но с вами-то такого не случалось! Вот вы, почему вы никогда не брали ничего чужого?

— Я? Упаси бог подумать даже.

— Ну хватит. Все ясно.

— С вашего позволения, ваша честь, это совсем другое дело. Кем я, спрашивается, был? Да никем. Старый хозяин взял меня к себе и приставил сюда, к усадьбе, на хорошее место. Потом господин учитель оставил меня при себе. Я, прошу прощения, всегда понимал, где мое место и в каком ряду я у господа бога на заметке. А господину учителю тем более полагалось доброе место на земле. И он его получил! Пусть не сразу, пришлось немножко кое-кого подмазать. Что тут зазорного? С тех пор как существует белый свет, всегда подмазывали. Те, у кого было чем. Потому что в тех, кого подмазывают, недостатка не было никогда. Даже сам хозяин с этим примирился. Бранился, плевался, но положенную мзду слал всегда. Хозяин тоже не хотел, чтобы господин учитель из-за своей ошибки в молодости...

— Стоп! Если так, почему вы не бежите на кладбище и не выцарапаете на памятнике слово «жертва»?

— Что до меня, ваша честь, я бы охотно сделал это.

Цобор расхохотался, хотя и был зол на старика:

— Ну и дипломат! Кому что сказать, вы всегда сообразите, верно?

Старый садовник разглядывал что-то на полу:

— Ныне мир уже не тот стал, что прежде. Только не пойму я, какой он, новый-то. К старости никак глупеть начал, ваша честь. В мое время быть барином, пусть даже дорогой ценой, не считалось позором. Я только радовался, наблюдая, как господин учитель поднимается все выше и выше. До сих пор помню, как он, став главным начальником «Левенте» в городе, парадным шагом прогнал все три роты молодцов перед нашим домом! Эх, и кричал же я тогда «ура»!

— Он из кожи лез, лишь бы только добиться права опять носить военный мундир, на который можно было повесить все побрякушки, полученные еще в первую мировую.

— Но ведь и вы, ваша честь...

— Я никогда не любил военной формы.

— Как вы можете говорить такое? Вы были таким молодцом, словно родились в мундире. И походка, и выправка хоть куда! Помню, как вы приехали домой после окончания офицерского училища в чине прапорщика. Шинелька на вас сидела как влитая, звездочки блестели; подошли вы тогда к воротам и саблю наголо: салют! Я ведь тоже в свое время в армии служил, без малого шесть лет, в шестьдесят девятом сводном полку. Повидал я лихих офицеров на своем веку. Еще каких! Не скрою, напился я в тот раз от радости. Когда вас в подпоручики произвели, опять не устоял...

— Оставим это. Я хотел поговорить с вами, но отнюдь не о моих семейных делах.

— А это делу не помеха, прошу прощения. Ваша честь, не примите в обиду, характер у вас не из легких. Вашей чести никогда не по душе то, что есть на самом деле. Не смотрите на меня, пожалуйста, словно проглотить хотите. Ей-богу, я этого не заслужил. В ноябре вы тоже вот этак на меня посмотрели, когда я вас спросил, скоро ли конец войне. Я, конечно, старый хрен, без особого понятия, но все же думаю, что о покойном родителе так нельзя...

— Хватит! Кругом шагом — марш! К черту все ваши рассуждения!

Гал по-военному щелкнул каблуками:

— Так точно, ваша честь!

Захватив поднос с посудой, старик промаршировал к двери.

Цобор в отчаянии бросился на кушетку. Чтобы небеса обрушились на всех идиотов сразу! Старый дуралей! После такого разговора по душам еще труднее будет убедить его принять от «молодого барина» то, что принадлежит ему по справедливости: часть усадьбы, огорода, фруктового сада, кое-какие хозяйственные постройки.

Цобор давно решился на этот шаг, но как втолковать упрямому старику, что все это принадлежит ему по праву? Быть может, приказать? Возможно ли, чтобы человек, который всю свою жизнь провел на чужом поле, на чужом виноградникe, огороде и возле чужой скотины, не захотел к концу жизни иметь собственный клочок земли? Возможно, все возможно. Но хорошо ли это для него самого, Цобора? Ведь от того, как он сейчас распорядится усадьбой, будет зависеть, какой путь он изберет для себя в жизни.

Конечно, он, Цобор, может потребовать от Якоба Гала принять то, что он заслужил всей своей жизнью. Но что ждет его самого, если он разделит и раздаст все, чем владеет? В прошлом он никогда не испытывал острой нужды в деньгах. Но с некоторых пор их отсутствие давало о себе знать, а бедность оказалась довольно мучительной. А может, она неизбежно сопутствует тому, кто сам для себя избрал такой путь и взвалил на свои плечи непосильные заботы? Может быть. Но до каких пор ждать? Выходит, нужно ждать до тех пор, пока все другие тоже не обретут хоть какое-то благосостояние? Все до единого? Суровый закон. Сколько сыщется людей, которые добровольно его примут, искренне и надолго? Когда пройдет некоторое время, кем будут считаться глашатаи этого закона о всеобщем равенстве: апостолами или кретинами? Кроме того, если вернется Арпад — а он должен вернуться,— мальчишке придется содержать себя самому. Ничего, пойдет работать, будет сам зарабатывать себе на жизнь.

Затем мысли Цобора перескочили на Бланку: захочет ли эта барышня сама стирать бельишко, если их пути соединятся в жизни?

Незаметно Цобор уснул, глубоко и крепко. Когда он проснулся, тени от деревьев в саду стали длинными. По дому, судя по походке, ходил кто-то посторонний. Цобор вскочил.

— Кто там?! — крикнул он.

В дверь просунулась сначала голова Ласло, а затем и вся тощая фигура инструктора обкома появилась на пороге. Изрядно потрепанный костюм болтался на нем как на вешалке, берет он держал в руке.

— Привет!

— Не сердись, я проспал.

— Не беда. По крайней мере погляжу, как живет секретарь райкома, я ведь у тебя еще ни разу не был.

— Милости прошу.

Ласло обвел взглядом полупустую комнату. Кроме кушетки, полки с книгами, столика с телефоном и полумягкого стула в углу красовалась вешалка, задернутая простыней.

— Ты позволишь?

Отодвинув простыню в сторону, Ласло оглядел небогатый гардероб Цобора. Шинель с трехцветной повязкой на рукаве, форменный китель и бриджи, видимо парад-

ные; еще один китель, без знаков различия и наконец темно-серый в полоску добротный костюм.

— Костюм сохранился благодаря заботам нашего садовника. Один-единственный, — объяснил Лукач.

— А сколько их было всего?

— Не то шесть, не то семь, точно не помню.

Ласло пощупал пальцами ткань.

— Английская шерсть.

Цобор остановился перед гостем, широко расставив ноги и засунув руки в карманы.

— Это все, что тебя здесь интересует? А чем кончилось дело в суде, ты даже не спрашиваешь?

— Мы и без тебя все знаем.

— Кто это — мы?

— Обком партии.

— От кого?

— Знаем, и все. Довольствуйся этим.

— И что же дальше? С сегодняшнего дня на мне стоит клеймо: старший брат военного преступника. Теперь вы вышвырните меня вон? Или, чтобы было меньше неприятностей и шума, предложите подать заявление по собственному желанию, так?

— Не шуми, Цобор. Сядь и успокойся.

Ласло долго разглядывал нахмуренное лицо собеседника.

— Забудь на минуту, что речь идет о твоем брате.

— Не могу!

— Ладно, пусть так. Ты твердо уверен, что он невиновен?

— Да. Иначе я не заявил бы об этом судье. И этому наглому сопляку прокурору. Должен тебе сказать, что я этого дела все равно так не оставлю! Командир дивизии генерал Головкин, у которого я служил, как мне известно, находится сейчас в Вене. Я обращусь к нему. Если не удастся по почте, лично поеду к нему, любым путем, вплоть до незаконного перехода государственной границы! Зная своего командира, я ему все выложу откровенно и уверен, что найду в нем человека, который...

— Остановись. Как надоели твои военные действия в частном порядке! И мне, и обкому тоже! Ты ведешь себя абсолютно безответственно. Черт бы побрал твою упрямую голову! Ты делаешь все, что хочешь и как хочешь. Полная анархия...

— Выходит, я анархист? Ну уж нет! Что такое дисциплина, я превосходно усвоил.

— В армии, да! Но о партийной дисциплине, как я посмотрю, ты не имеешь ни малейшего понятия. Во-первых, ты обязан был доложить обо всем случившемся. Во-вторых, если ты на самом деле считаешь себя правым, попросить помощи в обкоме.

— Помощи в чем?

— В том, что ты собираешься из упрямства делать в одиночку.

— Позволь... Значит, вы на моей стороне? Вы — за меня?

— За тебя, за тебя! И опять ты, кругом только ты! Прежде всего мы желаем знать всю правду. Понимаешь? Мы, к которым принадлежишь и ты.

— Об этом я как-то не думал.

— Оно и видно. А ты как думал? Мы только ставим перед тобой задачи, шлем директивы, требуем от тебя добросовестного их выполнения, и все? А если ты вдруг поскользнулся или влип в какое-нибудь дерьмо, нас днем с огнем не сыщешь, да?

— Прошу прощения, но...

— Лучше уже помолчи. В обкоме тоже считают, что доказательства вины твоего брата довольно шатки и неубедительны. Поэтому действовать будешь не ты, а мы, опираясь на заявление, которое ты немедленно напишешь. И обращаться мы будем не к твоему бывшему командиру дивизии, который находится где-то в Вене, а к советскому военному командованию, которое работает здесь, в Будапеште. А потом уже начнем вбивать тебе в голову (и тогда уже не жди от нас пощады), что у нас в партии существует порядок.

— За это я вам очень благодарен.

— Не обольщай себя легкими надеждами. Одному дьяволу известно, в каком лагере хлебают сейчас баланду нужные тебе свидетели.

— У меня терпения хватит. Если я буду знать...

— Покончим с этим, точка.— Ласло встал.— Ты высказал свое мнение, я — свое. Это было необходимо. В заключение, если позволишь, замечу: удивляюсь, как ты, серьезный человек, который умеет быстро ориентироваться в довольно-таки сложных вопросах, не можешь понять порой самых простых вещей.

— Может быть. Только насчет сложных вопросов ты заблуждаешься. Хватает и простых, на которые я не нахожу ответа.

— Ты долго меня будешь терзать? Лучше покажи мне дом.

Ласло направился было в прихожую, но Цобор остановил его словами:

— Не туда. Прошу за мной.

Они вошли в просторную, похожую скорее на зал, совершенно пустую комнату. Лишь на стене висело несколько фотографий.

— Это наша столовая.

Ласло подошел поближе и принялся рассматривать одну из фотографий. На ней был изображен старик с белыми бакенбардами и бородой, со строгим взглядом светлых глаз, одетый в венгерку времен Кошута.

— Кто этот генерал?

— Это не генерал, а поручик венгерской кавалерии. Мой прадед. Во время Трансильванского похода генерала Бема он был тяжело ранен. В июне тысяча восемьсот сорок девятого...

— Ага. Семейный кумир?

— Я его почти не помню. Он умер, когда мне исполнилось четыре года. Однажды за обедом мы с братом разболтались, сидя на своем месте в конце стола. Он, даже не взглянув на нас, громко сказал: «Истинный венгр за едой не разговаривает».

— Истинный венгр? За едой?

— Это не мои слова. Цитирую дословно.

— Молча, если не ошибаюсь, едят одни крестьяне. Французы, например, тоже. Их привычки я знаю куда лучше, чем наши. Но твой прадед ведь не был крестьянином?

— Нет.

— Чем же он тогда занимался?

— Ничем. То есть был носителем идей.

— Каких именно?

— Многих. Идей свободы, независимости, чести, героизма. Ну и тому подобных. Он был борцом за правду. Так сказать, украшением города. Живой памятью времен Лайоша Кошута. Или, если хочешь, символом справедливости. Работать он не мог, так как символы не работают.

— На что же он тогда жил?

— На доход от своей усадьбы. Его сын, дочь, сноха,

деньщик работали на земле, которую он понемногу распродавал. А позже ему пожаловали офицерскую пенсию.

— Кто пожаловал?

— Император Франц-Иосиф.

— И он ее принял?

— А почему бы и нет? В обычае победителей всегда было бросать кость побежденным. Не сразу, конечно, а немного погодя, бывшим противникам жаловали должности, компенсацию убытков, пенсию или пособие. А в обычае побежденных было принимать эти крохи с барского стола и превращаться в платных комедиантов.

— Ты всем говоришь об этом с такой иронией или только мне?

— Я не люблю бездельников. Любые заслуги, по-моему, не освобождают, а обязывают.

— Неплохо сказано.— Ласло широко улыбнулся.— Дай срок, так оно и будет. Должно быть!

— Дальше еще три комнаты. Посмотришь?

Ласло повернулся на каблуках.

— А где же ваша мебель? Шторы, лампы и все прочее? Только сейчас заметил, извини...

— Растащили в мое отсутствие.

— Кто растащил? Ты их знаешь?

— Знаю почти всех.

— Так в чем же тогда дело? Забери свое имущество обратно.

— Я так и поступил бы, если бы не был секретарем райкома.

— Какое отношение имеет одно к другому?

— Ты хочешь, чтобы в этом городишке за три месяца до проведения парламентских выборов я устроил «охоту» за шкафами и табуретками? Нет, этого я себе позволить никак не могу. Кроме того, в числе моих экспроприаторов (кажется, это звучит не особенно оскорбительно?) имеются и члены нашей партии. Три дня назад зашел я к одному из наших товарищей, так он меня в мое же собственное кресло усадил.

— Но ведь в городе знали, на чьей стороне ты сражался!

— Немногие. И именно по этой причине они, видимо, и решили освободить меня от лишней собственности.

— Ладно, я этим займусь лично. Поговорю в управлении трофейных фондов. Обставлять все пять комнат

сейчас, конечно, излишняя роскошь, а вот две можно и нужно.

— Спасибо, но...

— Никаких «но»...

— Я справлюсь с этим делом сам, так будет лучше. У меня ведь и самолюбие имеется...

— Ах да! Совсем упустил из виду. Пропади все пропадом, ему гордость не позволяет... Дворянская спесь! Вот погляди-ка сюда! — Он вынул из кармана пиджака визитную карточку.— Узнаешь? Прислали в обком твои «доброжелатели». «Цобор Лукач, витязь». От его светлости адмирала Хорти пожаловано вместе с офицерским чином. Мы об этом знали, ты и сам как-то рассказывал. Думали, ладно, чепуха, да и только. А ты теперь хвост распускаешь, как павлин. Смотри, намылим мы тебе шею, до седых волос помнить будешь.— Ласло сердито разорвал визитную карточку надвое и сунул в руку Цобору: — Брось туда, где ей место!

Цобор с минуту разглядывал визитку, затем положил ее снова в карман Ласло.

— Сохрани, как вещественное доказательство. Вдруг понадобится, а у меня больше их нет.

— Не зарывайся, Цобор! Я разговариваю с тобой в открытую.

— Ты — не сомневаюсь. Но есть еще и другие товарищи...

Ласло не стал продолжать. Он отстранил предложенные Цобором сигареты, достал свою пачку, закурил и собрался уходить.

«Обиделся,— решил Цобор.— Черт бы меня взял!» Досадно было ссориться с человеком, к которому Цобора влекло, несмотря на все их многочисленные споры и стычки. Ласло, старый коммунист, долго жил на Западе в эмиграции, сначала в Бельгии, а потом во Франции, в общей сложности почти семнадцать лет. По профессии он инженер-химик, отличный специалист, работал сначала старшим мастером, затем начальником цеха. Свободно говорил по-французски и по-английски, был активным участником движения Сопротивления, сражался в маки. По образованности и жизненному опыту Ласло стоял гораздо выше, чем он, и Цобор это сознавал.

Тотчас после освобождения города Ласло предлагали место главного инженера химического комбината в Гемеше, но он отказался. Он мог бы получить любую руково-

дящую должность, более соответствующую его знаниям, способностям и опыту, если бы изъявил желание. Но Ласло его не изъявлял. Спрашивается, почему? Почему он мотается теперь по области в качестве инструктора обкома в какой-то задрипанной колымаге, обедает на ходу из портфеля, возвращаясь домой за полночь чуть ли не каждый день? Почему его не привлекают более выгодные перспективы?

— Мне очень жаль,— проговорил Цобор,— я вовсе не хотел тебя обидеть.

Ласло примирительно махнул рукой.

— Знаешь что? — предложил вдруг Цобор.— Пойдем-ка лучше в сад. Ранние груши уже поспели. Их у нас называют еще ячменными, ведь поспевают они в одно время с ячменем. Советую попробовать. Не пожалеешь.

Ласло бросил свой портфель на кушетку:

— Ладно. Тогда продолжим наш разговор. Кому принадлежит этот дом?

— Мне.

— Весь целиком?

— Да.

— А твой младший брат?

— Дед все завещал мне одному. Усадьбу тоже.

— Усадьбу? Поместье, значит. Черт возьми! Этого еще не хватало! Раньше-то ты почему об этом молчал?

— Потому что никакого поместья, как такового, нет и в помине. Было, да сплыло. Семнадцать хольдов пашни, роща в два хольда, тысяча саженей виноградника с подвалом да небольшой лужок. Все это было у моего деда.

— Но почему он сделал наследником именно тебя? Почему, например, не твоего папашу?

— У деда на это были свои причины. Дело в том, что мой отец с детства презирал крестьянский труд. Будто сам вышел не из крестьянской семьи. Он далеко обходил амбар и хлев, воротил в сторону нос от конюшни. Даже вино пил не в собственном винном подвале, что на горе, а в городском казино, платя за него деньги! Всю жизнь он задыхался от долгов, тратил втрое больше своего учительского жалованья. После смерти деда отец связался с каким-то жуликом или проходимцем из опекунского совета и начал тайком распродавать семейное добро, надел за наделом. Когда уплыли наконец последние полтора хольда, мое терпение окончательно лопнуло. Вот здесь, в этой комнате, я решительно заявил ему: «Все, хватит!

Если посмеешь еще, берегись!..» Ну да черт с ним, что ушло, то ушло. Остался вот дом и сад с огородом, что перед тобой, и еще виноградник с подвалом для хранения вина.

— Тысяча саженей. Это много?

— Меньше хольда.

— Думаешь сохранить?

— Не знаю. Хотелось бы, но, наверное, не получится... В подвале вина, разумеется, не осталось ни капли. Пили, брали, разливали все, кто проходил мимо него дорогами войны. Кстати, знаешь, кто охотно махал косой, идя следом за дедом? Я. С четырнадцати лет все летние каникулы я проводил у него: косил хлеб, возил его на гумно, молотил, укладывал солому в стога, работал на винограднике, полол кукурузу. А в это время мои одноклассники-гимназисты развлекались кто где или путешествовали с родителями, присылая мне открытки с видами шикарных отелей на озере Балатон или за границей. Кто по дружбе, а кто, так сказать, для того, чтобы позлить крестьянского внука. Но я нисколько не обижался и не жалею об этом и сейчас. Я любил работать в поле и все делал очень охотно. По сей день люблю эти места: Нижний луг и Волчий овражек, рощу и Виноградную горку, даже самые крутые тропинки на ней...

— Ну да, чувство собственника заговорило!

— Чепуха! Какой я собственник? Разве Буда принадлежала мне? Или весь Задунайский край? Тогда почему же мне за них было так больно, когда гитлеровцы их грабили, а война разрушала? Нет, это совсем другое чувство. Наша усадьба никогда не была моей собственностью, ее разбазарил папенька. Все в ней слилось с моей жизнью, от лебеды, что росла по краю тропинки, до поросенка, хрюкавшего в хлеву. Все это жило, дышало, росло, зрело. Неужели так трудно меня понять?

— Ладно уж. Ты мне и так много чего наговорил сегодня.

— И еще скажу. Зачем ты вытащил эту паршивую визитку? Я и без нее прекрасно помню свое имя. Помню и не отказываюсь. Если бы носил другое, то и от него не отказался бы! Не от меня зависело, в какой семье родиться. Но я не жил на проценты с доходов, не сделался рантье. Уже будучи студентом, я никогда не стыдился в холщовой рубахе и крестьянских штанах проехать на во-

зу с сеном или на телеге с плугом и бороной через весь наш чопорный городишко.

Ласло обрадованно заулыбался:

— Наконец-то тебя пробрало. Куда же делась ваша флегма, поручик?

— А ты этого хотел?

— Нет конечно. Я просто радуюсь за тебя. Хотя и с трудом, но иногда с тобой все же можно найти общий язык. Угощение грушами принимается. Если ты не настаиваешь, чтобы я съел их все здесь же, возьму домой: пусть жена тоже полакомится.

Набили грушами портфель до отказа. Ласло не устоял (очень уж они были хороши!) и съел несколько штук. Старый Гал молча наблюдал за ними из глубины сада. Трудно было угадать, жалел ли он груши случайному гостю или еще что, только после некоторого раздумья все же подсказал:

— Четвертое дерево с краю, на нем самые сладкие.

Цобор и Ласло перешли именно к этому дереву. Поскольку портфель был набит до отказа, оба начали уписывать сочные плоды прямо с веток, чуть ли не на перегонки. Душистый сладкий сок тек у них по щекам, по подбородку. Посмотрев друг на друга, оба расхохотались. Экие поросята...

— Ты не проводишь меня до Галмада? — спросил Ласло.— Кстати, твой район.

— К сожалению, не могу. К восьми мне надо быть в Петермайоре, соберется народ.

— О чем будешь говорить?

— О международном положении.

— Да, разумеется. Скажи только, ты ничего не имеешь против галмадского секретаря?

— Энергичный парень. Ловок, умеет говорить.

— Все это так. Только он пропил партийные взносы.

— Не может быть!

— Наш инструктор по финансам обнаружил это вчера. Проверил, пересчитал оставшиеся денежки — и вот пожалуйста.

— Экий идиот! Будете снимать?

— Придется.

— А ограничиться выговором нельзя?

— Нельзя.

Цобор вытер губы тыльной стороной ладони и разразился ругательствами. Он разозлился на себя за то, что

вовремя не проконтролировал чересчур шустрого секретаря, хотя и допускал, что подобные ляпсусы могут случаться с ним и впредь, поскольку он питал отвращение ко всему, что хоть отдаленно походило на бухгалтерию.

— Не ругайся,— урезонил его Ласло.

— А что еще остается? Оправдываться не стану, всего полтора месяца, как принял райком. Людей знаю мало, поверхностно...

— Не скули. Порекомендуй-ка лучше кого-нибудь на его место. Такого, чтобы зажмурясь мог доверить ему ключи даже от Национального банка. Мы наметили Ференца Дурчи, что скажешь о нем?

— Считать он умеет, сам когда-то торговал, но с политикой он явно не в ладах. Знаешь, как тот дурной проповедник, который с чего бы ни начал свое выступление, заканчивает его одним и тем же: «Люди, не сотворите зла друг другу!..»

— Верующий? Реформат?

— Если бы! Закоренелый католик. Погоди-ка... Есть у нас на примете один коммунист, слесарь из ремонтной мастерской Шлоссера. Молодой, не женат еще. Сообразительный такой, любознательный честный парень. Зовут его Бела Ишпан.

— Сейчас запишу. Думаешь, подойдет?

— Погляди сам, познакомься. Полагаю, лучшего не подберем.

— Ладно. На собрании ты будешь присутствовать. Что же, спасибо за груши... Да! Чуть было не забыл. Через десять дней у вас в Гемеше праздник конфирмации. Приедет сам епископ. Знаешь?

— Знаю.

— Хорошо, если от имени города и района с приветствием выступишь ты.

— Что я, белены объелся, что ли? Кто мог додуматься до такой глупости?

— Мы. Впрочем, не только мы. Например, ваш секретарь райкома партии мелких сельских хозяев.

— Попадись он мне только на глаза! Я его научу, как поклоны класть перед попами.

— Он тебе что, приятель?

Цобор внимательно поглядел в глаза собеседнику.

— Как видно, вы уже успели с ним посекретничать.

— Так как же?

— Да, приятель, и давнишний. Восемь лет в гимназии штаны протирали, сидя за одной партой.

— В армии тоже вместе служили?

— С кем, с Матраи? Он и за десять лет не научился бы идти в ногу. Кроме того, у него была грыжа и он хранил ее как зеницу ока: только бы не призвали. До мая сорок пятого года не давал делать операцию, поверишь? По национальности он серб, настоящая фамилия его Миакич. Его виноградник расположен по соседству с моим

— Порядочный человек?

— Мало сказать, порядочный. Честнейший! И умница большой. Выше всей своей компании по партии сельских хозяев на целую голову. Одно вот только плохо — он скептик еще больший, чем...

— Чем ты?

— Чем все мы.

— Понимаю. Матраи мне тоже понравился. Кроме того, такие дружеские связи, как ваши, в наше время многое значат.

— Не пойму только, как ему могла прийти в голову такая чушь, чтобы выступал я... Их партия украшает свои предвыборные плакаты христианским крестом, а не наша! А потому ему и удобнее, и проще...

— Вот именно! Слишком удобно и слишком просто. Мелкие хозяева и без того частые гости в резиденция епископа. Что для них значит лишняя речь на празднике? Так, пустяк! Но если по предложению их партии руководитель коммунистов района выступит с приветствием перед главой церкви, это для них большое дело. Во всяком случае, видимость успеха обеспечена: заставили, мол, большевиков поклониться и даже изменить своему атеизму! Теперь понимаешь? А для нас это тоже неплохо: успокоим немного верующих. Видите, мол, коммунисты не такие уж и антихристы, допускают свободу совести и даже считаются с авторитетом руководителей церкви.

— Знаешь, как это называется? Тактика, и не слишком чистоплотная притом.

— Тактика — это составная часть политики. Надеюсь, это тебе известно?

— Допустим. Но я-то атеист и врать, да еще публично, не собираюсь.

— И не нужно. Речь идет о приветствии, а не о клятве в верности Иисусу Христу.

— Нет, старина, для этого спектакля лучше поищи

другого чудака. Я по всем правилам давно распрощался со святой церковью. Местный церковный староста прислал мне было на дом налоговый листок с воззванием, а я на нем написал такую резолюцию: «Безбожники в костел не ходят и, следовательно, налог не платят»,— и отослал обратно.

— Когда это было?

— Еще в апреле. А в ответ получил следующее послание: «Милостивый государь, просим извинить за беспокойство. Мы ошиблись». Деликатные, черти, под самое ребро тебя задели! После такой переписки, сам понимаешь, меня на шести волах к епископу не затащишь.

— Жаль, но провести эту операцию тебе все-таки придется.

— Придется?! Это как понимать? Директива?

— Решение обкома.

— Послушай, дядя! Чтоб все колокольни рухнули на твою седую голову! Зачем вы заставляете меня плясать, словно десятифоринтовую шлюху в кабаке «У Гизи с гармоникой»? А если епископ в ответном слове предаст меня анафеме перед всей паствой, что тогда? Я ему так поддам под зад, что он через крышу ратуши перелетит.

— Любопытно. Никогда не думал, что изящная словесность господ офицеров столь близка к крестьянской народной речи. Сервус, Цобор, под занавес ты меня совсем развеселил!

Цобор, отдуваясь, присел на скамеечку. Он видел, как, забравшись в обкомовскую колымагу, Ласло делит груши с шофером. Откуда-то из-за деревьев неслышно появился старый Гал. Садовник, без сомнения, слышал весь их разговор.

— Очень вас прошу, сделайте это, ваша честь! Господь бог вас отблагодарит.

Цобор вспылил:

— Ваше счастье, что вы успели состариться, а то бы я вам сейчас показал такое...

Цобор поехал в Петермайор. День клонился к вечеру, с полей к селу не спеша двигались телеги, нагруженные то сеном, то кукурузными початками, то еще чем-то. Из восьми телег, встретившихся Цобору, в первые шесть было впряжено по одной лошадке, в две последние — по корове. Задняя телега медленно ползла в гору, поминутно останавливаясь.

Цобор включил фару мотоцикла. Янош Тончик сам тащил повозку, впрягшись в оглобли; его жена и сынишка подталкивали телегу сзади. В свете фары блеснуло напряженное лицо старого батрака, пот лил с него градом. Цобор обогнал повозку и остановился, преградив ей путь.

— Веревка есть, дядюшка Тончик?

Старик ответил не сразу. Тяжело дыша от натуги, он наконец произнес:

— Имеется, господин Цобор. Я перевязал ею воз с сеном, чтобы не растерять.

— Отвяжите ее и дайте мне. Я вытащу вашу телегу на гору.

— Этой штуковиной, что ли?

— Ага. В этой животине много сил. Вытянет и побольше.

— А мне, значит, бежать сзади придется?.. Выдохся я уже.

— Не бойтесь, я поеду потихоньку.

Закрепив веревку на вилке задней оси машины, второй конец Цобор просунул в отверстие для шкворня и завязал узлом, затем включил первую скорость. Мотоцикл, тихо урча, медленно, но равномерно потащил телегу на вершину холма. Пока старый Тончик переводил дух, собираясь благодарить Цобора, тот мигом отвязал веревку и умчался прочь.

Проехав километров семь по шоссе, Цобор свернул налево, на проселочную дорогу, ведущую к хутору. Ухабистый проселок вогнал его в пот. Дело было не только в ухабах, почти на всем своем протяжении обсаженная старыми каштанами аллея была изрыта воронками от снарядов, на дне некоторых из них поблескивала вода. То и дело приходилось тормозить и лавировать. «Как по такой дороге хуторяне будут возить хлеб на гумно? Или, как прежде, при помещике, молотить собираются прямо в поле?»

Шел девятый час, когда Цобор заглушил мотор мотоцикла, остановившись возле длинного амбара. В помещении, стены которого подпирали толстые деревянные столбы, собиралось теперь на всякого рода собрания все население хутора. У входа Цобора встретил рослый, атлетически сложенный мужчина. Бронзовое от загара лицо с темными усами, твердый прямой взгляд спокойных глаз выделяли Йожефа Юхоша из общей массы хуторян. Во

время войны он служил в роте Цобора, был пулеметчиком первого взвода.

— Привет, Йожеф!

— Добрый вечер.

— Много людей собралось?

— Девяносто три души.

— Ого! Славно постарался.

— Интересуются. Взрослые все тут, кто сам ходить может.

Цобор вдруг вспомнил, что Юхош обращается к нему на «ты» только тогда, когда они остаются вдвоем, а на людях продолжает почтительно «выкать». Установив мотоцикл на подножку, секретарь сказал:

— Называй меня на «ты» везде, и на собрании тоже!

Юхош ухмыльнулся:

— Всякий раз ты меня за это укоряешь, а ведь напрасно, это я ради тебя... Народ не очень-то любит руководителей, которых каждый дядя запросто может окликнуть: «Эй, ты, Лукач!..»

— Ничего, пусть привыкают: нынче такой порядок. Демократия...

Войдя в помещение, Цобор громко поздоровался:

— Добрый вечер!

Хуторяне, сидевшие под тусклыми керосиновыми лампами, какими обычно освещают конюшни, ответили нестройным хором. Над головами собравшихся плавало густое облако едкого табачного дыма от самосада. Видимо, собрались уже давно.

Крестьяне сидели на табуретках и скамейках, как обычно, принесенных с собой из дому. С краю в первом ряду дымил самокруткой Пал Вурцингер, время от времени сплевывая под ноги соседа.

Семья Вурцингера батрачила в поместье Хертшеи лет пятнадцать, а то и более. Цобор, будучи еще мальчишкой, учился год с Палом в одном классе начальной школы. Малый был отнюдь не из способных, знания в него учителя вбивали с трудом. Всякий раз при виде Вурцингера Цобора одолевал смех — он вспоминал экзамен по закону божьему. Местный священник, желая помочь батрацкому сыну перейти в третий класс, попросил Пала прочесть наизусть «Отче наш». Но из этого благого намерения святого отца ничего не вышло. Наконец, священник, потеряв терпение, рявкнул:

— Ну, непутевый сын мой, повторяй за мной, если сам научить не способен.
— Повторяю, ваше преподобие.
— «Отче наш...»
— «Отче наш...»
— «Иже еси на небеси...»
— «Иже еси на небеси...»
— «Да святится...»
— «Да святится...»
— «Имя твое...»
— Мое? Пал Вурцингер, кто же еще!

Трудно было предположить, чтобы Пал Вурцингер мог разобраться даже в тех немногих простых лозунгах партии, которые она выдвигала в те времена, но, когда на хуторе создавали коммунистическую ячейку, он записался первым, объяснив свой поступок следующим образом:

— Пора же и мне в этой поганой жизни хоть в чем-нибудь да быть первым!

Юхош провел Цобора к столу президиума, который заменял ящик, покрытый чистой мешковиной, и предложил сесть.

— Тихо, товарищи хуторяне! — начал он, хотя все и так сидели молча.— Сегодня нам нужно обсудить вроде бы важный вопрос.

Он покосился на Цобора, ожидая подсказки.

Цобора передернуло от такого вступления, да еще с «бы», но он счел это тактическим приемом и с готовностью подсказал:

— О международном положении.

— Вот именно, международном. В этом деле теперь и нам, хуторянам, разобраться не мешает. И как я надеюсь, вопрос этот никуда от нас не уйдет. Так что давай, дядюшка Михай, выходи сюда и зачитай нам свой список.

Цобор вопросительно взглянул на Юхоша, но тот либо не заметил этого взгляда, либо сделал вид, что не заметил. Выбравшись из дымного сумрака задних рядов, Михай Карачонь подошел поближе к свету, вынул из кармана лист бумаги и нацепил на нос очки.

— «Уважаемый товарищ районный секретарь! Близится день святого Петра и Павла, так что через неделю

можно будет косить озимый ячмень. Мы хотим убрать его как можно лучше, чтобы не потерять ни одного зернышка, потому как люди на излишки, что у них останутся, желают купить для себя кто лошадь, кто корову, кто инвентарь какой. Кроме того, кое-что из одежонки и прочее, нужное для жизни. Не хотим мы того, чтобы богатые хозяева в селе над нами насмехались: «Вот, мол, глупые батраки, сами ничего добиться не могут». Надеюсь, мы понимаем друг друга, товарищ секретарь. Поразмыслив сообща, мы увидели, что нам грозит беда. Нынешние поля ячменя, пшеницы, ржи и овса мы засевали еще при помещике, когда войны тут и в помине не было. Потом начались бои вокруг хутора, шли они без малого три недели, и на полях кругом осталось полно гранат и снарядов, брошенных полусгоревших машин, танков и другого опасного ржавого хлама. На такое поле босиком ступить нельзя ни косарям, ни подборщикам. Поэтому мы и прикинули по дворам, то бишь по семьям, сколько у кого какой обувки имеется. Список тех, у кого вовсе ничего нет, прилагаем. Тут все прописано: и имя, и фамилия, и год рождения, и размер ноги. Всего получилась сорок одна пара башмаков. Ни больше ни меньше, товарищ секретарь. Достаньте нам эти ботинки. Все равно откуда, потому что большей заботы, чем эта, сейчас у нас нет. Ну, а как только башмаки будут, мы с огромным вниманием выслушаем все, что вы нам скажете, как это было и до сих пор».— Дядюшка Михай положил свой список перед Цобором.— Доброго здоровья желаем, товарищ секретарь. Спокойной вам ночи! — Проговорив это, старик убрал очки, постоял немного, а затем неторопливо пошел к выходу.

Очевидно, это послужило сигналом для других. Через пять минут просторный амбар был пуст. Остались лишь подмигивающие керосиновые лампы. Да еще Юхош и Цобор.

— Что все это значит?

Юхош скрутил цигарку, старательно заклеил ее языком.

— Общество так порешило, секретарь.

— И все на мою шею?

— А к кому же нам еще обращаться, если не к тебе.

— Но я вам не секретарь артели, которая тачает сапоги! Скажи, откуда я добуду вам эти башмаки, да еще сорок одну пару?

Юхош помалкивал.

— И давно тебе известно об этой петиции?

— Третий день. Но меня просили пока помолчать. Хотели сказать тебе сами.

— Хуторская солидарность — это для вас самое главное! Один за всех, все за одного. А как же партия? Ничего, мол, она подождет, пока мы тут надумаем, чего от нее потребовать. Давай — и точка! А это коллективное бегство с собрания? Как его прикажешь понимать? Выходит, нет башмаков — конец политике, так, что ли?

— Не притворяйся, все ты понимаешь, товарищ секретарь! — Юхош начал не на шутку сердиться.— На плакатах вон везде написано: «Крестьянин, отныне ты косишь хлеб для себя!» Ладно, только как это сделать? Ты бы вышел на этакое поле босиком?

— За такие речи месяца четыре назад я бы тебе дал жару!

— Это уж точно! Я-то уж знаю, товарищ командир, у тебя рука твердая.

— Так ведь не будь у меня порядка — полроты полегло бы на поле боя.

— Все верно. Но то была война, а ты и нынче покажи свою твердость, да не где-нибудь, а вверху! Там, где башмаки выдают, товарищ секретарь! — Юхош отбросил ногой табуретку, на которой только что сидел, и вышел, сопя от злости.

Оставшись в одиночестве, Цобор выкурил одну за другой две сигареты. Одна из коптилок, хитровато подмигнув ему, погасла, а чуть позже ее примеру последовала и другая.

— Юхош! Зайди-ка, где ты там?

Никто не отозвался, хотя Цобор голову готов был дать на отсечение, что Юхош околачивается где-то возле дверей. Он заглянул в список: «Янош Асари, 1911 года, размер — сорок шесть. «Экая дубина! Обе ноги, что ли, в один башмак всунуть решил?» Имре Бихалош, 1899 года, размер — сорок первый. Лазо Чварич, 1916 года рождения, размер — сорок третий...» «Голь перекатная, оборванцы! Но с какой стороны на это дело ни взгляни, а ведь они правы. Дело, конечно, надо как-то уладить. А эмоции свои тоже надо научиться сдерживать»,— решил Цобор.

Нет ли тут какой провокации? Нет, никакой провокацией здесь и не пахнет. Люди хотят сеять и косить хлеб. Они хотят жить... Все равно, черт бы побрал этих чуда-

ков, он им покажет где раки зимуют, когда обувку достанет. А потом сам встанет на делянку с косарями в первом ряду, по соседству с кем-нибудь из стариков,— хорошо бы, где ячмень погуще, и уж если кто начнет отставать, пусть пеняет на себя: он из них семь потов выжмет...

Зашипев, погасла и третья лампа. Светила только одна, последняя.

Выехав на шоссе, Цобор дал полный газ. Стрелка спидометра танцевала вокруг цифры «100». Вероятно, поэтому он слишком поздно заметил, что на спуске, где он недавно вытаскивал повозку Тончика, на самой середине шоссе была навалена куча песку. Нажав ногой на тормоз, Цобор резко вывернул руль, но это уже не помогло. Мотоцикл занесло, мотор взвыл, и тяжелая машина с ходу завалилась набок, подмяв под себя хозяина. Цобор попытался вылезти и встать, но боль в левой ноге помешала ему сделать это. И в тот же миг на него посыпался град палочных ударов. Защищаясь, он поднимал то одну, то другую руку, стараясь прикрыть лицо, но удары дубинкой были так сильны и беспощадны, что согнули его пополам. В круге света от фары Цобор узнал одного из нападавших — это был кучер семейства Хертшеи. Повернувшись на бок, Цобор медленно потянулся правой рукой к заднему карману, в котором лежал пистолет, однако очередной удар, пришедшийся по затылку, оглушил его, и он потерял сознание.

Очнулся от прохладных капель тихого дождя. Вода затекла под рубаху, на животе образовалась небольшая лужица. В потускневшем луче фары он не без труда различил стрелки часов: они показывали начало первого. «Черт, сядет аккумулятор»,— мелькнуло у него в голове. Он попытался было подняться, но встать удалось лишь с четвертого раза, и то с большим трудом. Покачиваясь, он доковылял до мотоцикла и ухватился за руль. Его начало тошнить. Не выдержав, он испачкал сапоги. Затем, немного отдышавшись, заставил себя сделать несколько приседаний, кое-как доплелся до канавы, обмыл сапоги водой. Голова кружилась, мучительно ныли кисти рук и поясница. Прошло не менее часа, пока он смог поднять мотоцикл и завести его. Мотор глухо затарахтел, но Цобор не сразу смог залезть на сиденье: мешала неутихавшая боль.

«Ничего, поведем быка за рога, тут недалеко. Метров пятьсот...» — решил он. Избитое тело с трудом повиновалось, голова моталась, как у пьяного. Все чаще и чаще приходилось делать небольшие остановки, но Цобор не сдавался. В половине третьего он наконец доплелся до калитки своего сада, вкатил мотоцикл, прислонил его к стене дома и, вынув ключ зажигания, сунул его в карман.

Добравшись до кушетки, Цобор рухнул на нее и растянулся во всю длину. Кушетка качнулась, словно лодка, и куда-то поплыла, колыхаясь на невидимых волнах. Но и это продолжалось недолго: спустя две-три минуты он провалился в черную бездну сна...

Около десяти часов пополудни Якоб Гал приоткрыл дверь и постучал в створку. На подносе, который он держал в руках, лежал ломоть хлеба, два толстых куска сала и несколько свежих стручков зеленого перца.

— Изволили проспать. Я уже в третий раз захожу...— Старик подошел ближе. Поднос задрожал в его руке, и он вынужден был поставить его на стул.— Боже мой! Что случилось?

— Мотоцикл занесло, скользко. Мог сломать шею, дешево еще отделался.

— Не виновата ли лишняя рюмка, ваша честь?

— Вина я не пил.

— Вы хоть видели себя в зеркало? Ломовой извозчик так не бьет дурную клячу, как вас отделали. Во все цвета радуги, можно сказать, разукрасили.

— Не каркайте. Сало унесите, не хочу. Попросите тетушку Рози сварить мне горячий бульон, да побольше.

Когда старый садовник поспешил выйти, Цобор кое-как встал. Ноги у него дрожали мелкой дрожью. Доковыляв до ванной комнаты, он оглядел себя в зеркале, насколько это удалось сделать одним глазом — левый глаз опух и затек так, что ничего не видел.

— Дело дрянь, товарищ Цобор,— сказал он себе вслух.— Действительно, отделали хоть куда.— Вернувшись в комнату, он набрал номер врача: — Приезжай, старина, посмотри, как меня можно починить. Ничего говорить не буду, сам увидишь! Если у тебя сейчас идет прием, прерви, пожалуйста, на полчасика...

Звонок в обком был неудачным: Ласло не оказалось на месте, пришлось разговаривать с первым секретарем.

— Здравствуй, товарищ Селеш, это Цобор. Очень хотел бы поговорить с тобой по срочному делу, а приехать сам сейчас никак не могу: попал в аварию... Нет, ничего серьезного, но здорово ободрался. Да, ночью. Возвращался из Петермайора, по дороге... Да, виноват, гнал как на пожар... Обещаю отвыкнуть. После обеда можно? Благодарю, до встречи.

Вскоре приехал врач, который, взглянув на Цобора, прямо-таки опешил.

— Отличная работа!

— Свалился с мотоцикла.

— Раздевайся.

— До пояса?

— Догола.

Врач тщательно осмотрел Цобора с головы до пят, кое-где ощупывая пальцами вздувшиеся пузыри кровоподтеков, затем уложил его на кушетку и простукал грудь, живот, руки и ноги.

— Говоришь, упал с мотоцикла?

— Точно.

— А потом сам себя до полусмерти избил палкой. За что?

— Не остри.

— Старина, это явные следы побоев. И получил ты по меньшей мере полсотни ударов. Кто тебя избил? Или, для точности, избили? Потому как один человек с тобой не справится, это я хорошо знаю. Так кто же они?

— Оставь меня в покое. Я уже сказал...

— Других можешь дурачить, со мной у тебя это не получится, извини. Я врач.

— Ладно. Как мои дела?

— Переломов вроде бы нет. Надеюсь, трещин тоже. Я дам тебе болеутоляющее, принимай. Кроме того, выпишу мазь, которой ты тонким слоем намажешь все тело. На места ударов будешь прикладывать свинцовые примочки и теплые компрессы. Менять через каждые полчаса. И немедленно в постель. По меньшей мере неделю лежать, из дома ни шагу.

— Это немыслимо.

— Радуйся, что еще дешево отделался

— Можно одеваться?

— Одевайся. Особенно следи за глазом. Не прикасайся, не три пальцами, будет чесаться — терпи.

— Черт бы меня побрал! Работы, как назло, выше головы. И надо же такому случиться.

— Итак?

— О чем это ты?

— Ты знаешь, кто тебя разукрасил?

— Скажу, если это останется между нами.

— Не говори глупостей.

— Понимаю. Да, я их знаю.

— А я?

— Тоже. Но больше ни о чем не спрашивай. Сколько я тебе обязан?

— Поди к черту! Пошлешь Якоба в аптеку, вот рецепт. Да, вот еще что...

Одному богу известно, почему, но местный врач весьма активно подвизался в городском комитете национальной крестьянской партии, даже входил в состав бюро. Вспомнив об этом, он озабоченно взглянул на Цобора.

— Надеюсь, к политике твои синяки никакого отношения не имеют? В противном случае это превратило бы наш городок в растревоженный улей. Ты ведь не забулдыга какой-нибудь. Многие тебя высоко ценят, а некоторые считают, как бы это помягче выразиться, чуть ли не изменником родины. Образованный интеллигент из почтенной семьи и вдруг забрел в стан крайних радикалов! Надеюсь, тебе понятно, о чем я говорю? Если из этого случая выйдет дело, ты можешь смело рассчитывать на образование двух лагерей: один будет за тебя, другой — против. Но шуму будет предостаточно.

— Пусть это тебя не тревожит. Могу ли я задать вопрос в свою очередь?

— Прошу.

— Каким образом ты-то «забрел» в крестьянскую партию?

— Видишь ли, мои убеждения... Ладно, не будем разводить дипломатию. В университете мы, студенты, интересующиеся общественной жизнью, могли выбирать одну из двух концепций: либо реакционная платформа правых, которая, понятно, оказалась нам не по вкусу, либо вторая, легальная и дозволенная, концепция национально-крестьянская, если угодно, народническая. Пусть она выглядела не до конца последовательной, зато была честной и справедливой, к тому же преследовала благую цель — спасение нации от нацистского влияния. Это крыло было представлено такими выдающимися личностями,

имена которых по сей день остаются вне всяких подозрений. А что в те дни мы знали о вас, о коммунистах? Несколько разрозненных нелегальных листовок, которые попали к нам в руки, отнюдь не давали нам представления, что у вас есть стройная единая программа.

— Но это было «в те дни», как ты сам говоришь.

— За время, отделяющее нас от «тех дней», была не только война с ее окопами и бомбоубежищами... Но извини, в приемной меня ожидает полдюжины больных. Сервус...

Укрывшись влажным полотенцем, Цобор мирно похрапывал, когда в комнату вошел секретарь обкома Селеш, и не один, а с Ласло, который к тому времени успел объявиться. С четверть часа они терпеливо ждали, не желая будить хозяина, потом Ласло начал насвистывать какой-то марш. Цобор проснулся и сел, с головы его сполз на пол мокрый компресс. Оба гостя с минуту молча его рассматривали, потом все так же безмолвно переглянулись между собой.

Селеш, статный мужчина лет сорока, со смуглым, довольно суровым лицом, пересеченным глубоким шрамом, держался прямо, по-военному строго. В Испании под Уэской, где он командовал ротой интернациональной бригады, был тяжело ранен. Сделав шаг, Селеш поставил на телефонный столик бутылку, завернутую в папиросную бумагу.

— Водка. Ничего другого достать не успели. А тебе можно?

— Врач не сказал, что нельзя.

— А что он еще сказал?

— Неделю находиться под домашним арестом. Прошу садиться.

Селеш сел на стул, Ласло опустился на кушетку, в ногах у Цобора, продолжая внимательно изучать его опухшую физиономию.

— Если это авария, то моя крестная матушка была фехерварским епископом. Тебя отлупили, как провинившуюся козу. Наверное, стыдно признаваться... Или это опять твое личное дело? И касается только Лукача Цобора, а?

Селеш закурил сигарету.

— Пусть говорит, сколько находит нужным.— Он тоже взглянул на Цобора: — Руки у тебя чисты?

— Чисты.

— Вмешательства полиции не требуется?

— Не требуется. Даже напротив, противопоказано.

— Ладно. Тогда послушаем, зачем ты нас поднял по тревоге?

Цобор вылез из-под одеяла, подошел к вешалке и вынул из кармана брюк список, полученный на хуторе накануне вечером.

— Прошу прощения, что выступаю, так сказать, в неглиже...

Он коротко, но не упустив ничего, рассказал обо всем, что произошло накануне на хуторе Петермайор, и лишь затем протянул Селешу список.

— Могу добавить,— заключил Цобор,— что в данном случае речь идет не только об авторитете нашей партии, а о куске хлеба для многих людей. И если они получат эти башмаки, на хуторян вполне можно будет положиться...

Селеш внимательно прочел список.

— Не агитируй, дело ясное.— Он передал бумагу Ласло и улыбнулся: — Вот у кого надо учиться краткости: ни одного лишнего слова в тексте. Имя, фамилия, год рождения, размер ботинок.

Цобор снова лег на кушетку.

— Значит, им можно помочь, товарищ Селеш?

— Что у нас сегодня? Вторник? В пятницу утром башмаки будут. Мы пошлем их прямо на хутор. Машина заедет за тобой, а ты изволь к тому времени заготовить соответствующее сопроводительное письмо. Только покороче и потеплее.

— Я?

— Конечно, ты хозяин района, и просили они тебя. Кстати, ты не сказал, что ответил на их просьбу.

— Никак не ответил. Они выставили свое требование и ушли, оставив меня несолоно хлебавши. Остался один секретарь ячейки Юхош, уж ему-то я объяснил, что почем!

— Ну, если по существу, то, видимо, скорее он тебе объяснил.— Селеш спрятал список в бумажник.— Деньги у тебя есть?

Цобор показал пустые руки и уронил их на одеяло.

— Так, понятно. Ладно, попробую выбить для тебя единовременное пособие.

— Благодарю, товарищ Селеш.

— Поправляйся. Если понадобится что-нибудь, где меня найти, ты знаешь.— Он пожал больному руку и, дойдя до порога, обернулся: — Кстати, в суде ты экзамена не выдержал. Научись вести себя прилично в учреждениях и органах власти. Давать им уроки в твои обязанности не входит. Какие они ни на есть пока, а наши, это учти и запомни.

На третий день Цобор осторожно, но уже мог проделать кое-какие двигательные упражнения. На четвертый, придерживаясь руками за стены, обследовал весь дом и без посторонней помощи вернулся к себе. Набрякшие рубцы и ссадины на лице и голове почти сгладились, но кожа по расцветке все еще напоминала пестрое лоскутное одеяло. На пятый день он проснулся совсем здоровым, с аппетитом позавтракал и написал следующее письмо:

«Хертшеи! Завтра, в понедельник, от четырех до пяти часов пополудни, я нанесу тебе визит. Цобор.»

Запечатав конверт, он отправил с ним Гала, строго наказав старику вручить письмо в собственные руки Хертшеи-младшему и никому больше.

После обеда в понедельник он занялся тем, что спрятал пистолет. Один из глазированных кирпичей в стене возле зеленоватой изразцовой печки, украшавшей столовую, свободно вынимался, открывая небольшое углубление. В этом тайнике дед Цобора хранил деньги, ценные бумаги и старинный револьвер «Бульдог». Теперь здесь лежал вальтер Цобора...

«По крайней мере, не наделаю глупостей»,— решил он...

Ровно в шестнадцать часов пятнадцать минут Цобор остановил свой мотоцикл перед домом Хертшеи. Когда-то эта усадьба была центром довольно обширного поместья, но старый Хертшеи, пока был в силах, отличался маниакальным пристрастием к дамам легкого поведения и вел настолько разгульный образ жизни, что без особого труда и довольно скоро сократил свое родовое наследство втрое: к весне сорок пятого года от него осталось всего лишь пятьдесят три хольда.

Холоп-кучер выглянул из беседки с колоннами, пристроенной к двухэтажному коттеджу. Не оглядываясь,

Цобор не спеша поднялся по каменным ступеням парадного крыльца и нажал на массивную ручку двери: она легко поддалась. Тогда Лукач резко распахнул дверь и вошел в просторный холл, обставленный резной мебелью с кожаными сиденьями. Две широкие полукруглые лестницы вели на второй этаж. На стенах, увешанных коврами, висели охотничьи трофеи и старинное оружие. Хертшеи-младший, одетый в белоснежный, старательно отутюженный полотняный костюм, сидел в кресле за письменным столом и курил сигарету.

— Здороваться тебя разве не научили? — небрежно спросил он.

— Научили, но только с порядочными людьми. С мерзавцами, нападающими из-за угла, не здороваюсь,— парировал Цобор.

Хертшеи расхохотался:

— Что, не по вкусу пришлась палка, мужик косолапый?

— Да, не по вкусу.

— А мог бы уже и привыкнуть. Мужиков ведь всегда палкой лупили.

— Только не Цоборов.

— Цоборы! Навозные жуки вы пополам с нищими!

— Это гораздо лучше, чем быть прихвостнями у гитлеровцев, как Хертшеи.

Укол попал в цель. Хертшеи побагровел:

— Наше семейство всегда понимало, что мужицкая голь с косами и вилами никогда не завоюет независимой Венгрии!

— Правильно! Куда лучше стать предателем и задницу фрицам лизать.

— И ты еще смеешь говорить о предательстве? Ты, который изменил военной присяге? Бросил знамя? Кто же из нас предатель, ты или я?

— Об этом мы поговорим в конце нашей беседы.

— Если ты вообще сможешь говорить. Я у себя дома и могу защищаться любыми средствами! — Откинувшись назад, Хертшеи снял со стены кривой турецкий ятаган, вытащил его из ножен и положил перед собой на стол.— Извини, что не предлагаю сесть. Твои манеры заставляют меня тоже вести себя соответственно. Вот сигареты, закуривай, прошу.

— Предпочитаю собственные.

Цобор сел, достал пачку, закурил.

— Итак, я слушаю,— произнес Хертшеи.

— Не о чем нам разговаривать. Я просто зашел, чтобы вернуть тебе долг, это все.

— Ах, вот как! Тогда начинай.

Цобор глубоко затянулся, а когда на конце сигареты образовался пепел, потянулся к пепельнице на столе, чтобы стряхнуть его. Положив в нее окурок, он вдруг резким движением рванул на себя вышитую серебром скатерть вместе с лежащим на ней ятаганом. Клинок полетел на пол. Хертшеи нагнулся было за ним, но Лукач, мигом перемахнув через стол, так ударил сцепленными в замок руками противника по шее, что тот упал. Схватив ятаган, Цобор отшвырнул его за перила лестницы.

— У меня никакого оружия нет,— сказал он,— играть будем на равных.

Хертшеи встал. Он побледнел, закусил губу, но держался твердо. «Крепко скроен, подлец,— мелькнуло в голове у Цобора.— Но погоди, главное впереди». Хертшеи, пошатываясь, двинулся на противника, затем внезапно, не доходя до него метров трех, прыгнул и ударил Цобора под ложечку. Удар оказался тяжелым и, главное, коварным. У Цобора мгновенно перехватило дыхание, он судорожно хватал ртом воздух.

«Выиграть время. Две минуты, и я приду в себя». Согнувшись, он бросился бежать вокруг стола. Хертшеи погнался за ним, осыпая его едкими насмешками.

— Удираем, господин поручик? Что сказали бы твои коллеги-коммунисты, если бы видели? Сразу бы поняли разницу между вшивым резервистом и кадровым офицером. Куда же ты, герой Сопротивления?!

Они обежали вокруг стола уже раз пять, не менее. Хертшеи, почти догнав противника, ударил его ногой в зад. «Еще секунд десять — и дыхание восстановится». Внезапно Цобор сделал вид, что остановился, и, когда Хертшеи лягнул его во второй раз, вдруг отскочил в сторону и, резко повернувшись, нанес встречный удар противнику в челюсть, вложив в него всю свою ярость, подкрепил его ударом прямой левой в переносицу, а сам отпрянул. Хертшеи, опустив руки, стал оседать на пол, но Цобор, не давая ему упасть, нанес еще несколько тяжелых ударов, как цепом, по голове. Когда хозяин дома рухнул на ковер, Цобор наступил ему сапогом на правую руку:

— Что, негодяй? Возьмешь еще в руки палку?

В бешенстве он пинал упавшего противника обеими ногами в бока, грудь, бедра до тех пор, пока тот наконец не завыл дурным голосом, моля о пощаде. Этот вопль вернул Цобору самообладание. Тяжело дыша, он прекратил экзекуцию и наклонился над поверженным врагом:

— Слышишь, что я тебе говорю?

— Слышу...

— Расчет окончен. Но имей в виду, если ты еще раз где-нибудь посмеешь назвать меня братоубийцей или предателем, за тобой приду уже не я. Придут из политической полиции. И это слышишь?

— Слышу...

— Теперь насчет знамени: знамя нации было не в ваших, а в наших руках. А вы, продажные шкуры, защищали свои теплые норы и жирные куски, а не отчизну. Ты понял?

— Понял...

Кучер барабанил кулаками в дверь, бил в нее ногами. Ступая на носках, Цобор бесшумно подошел к двери и, осторожно повернув ключ, рывком распахнул ее. С размаху он ударил в переносицу ринувшегося вперед кучера так, что послышался хруст костей. Здоровенный детина свалился навзничь и покатился вниз по лестнице, пачкая ступени хлынувшей из носа и ушей кровью. Затем он потерял сознание.

Цобор вернулся домой, сел к столу и написал донесение в обком. «За избиение меня на дороге я со своим обидчиком рассчитался сполна,— закончил он короткий рапорт.— В ожидании решения уважаемых членов областного комитета. Лукач Цобор, секретарь».

На другой день Цобора навестил врач, который нашел его вполне поправившимся.

— Здоров, как маковый цвет.— Доктор потоптался на месте, не решаясь что-то сказать. Наконец он все-таки набрался смелости и добавил: — Ну вот, теперь мне точно известно, кто тебя тогда вздул.

Цобор промолчал. Пожалуй, ему повезло, что Хертшеи и кучера лечит его приятель, а не другой какой-нибудь врач. Неизвестно, чем могло бы кончиться все это.

— Извел на них целую сумку бинтов,— продолжал доктор.— Но и этого не хватило, пришлось корпию щипать из простыней. Так-то.

— А что с кучером?

— Сотрясение мозга. И довольно серьезное, хотя опасности для жизни нет. Сегодня отправлю его в больницу.

— Послушай, доктор, эти двое не раскроют рта. О таких приключениях, знаешь, не рассказывают. Что касается лично меня, сам понимаешь, не в моих интересах распространяться по данному поводу. Остаешься один ты, уважаемый эскулап.

— На меня можешь положиться. Правда, я предлагал тебе другой метод, ну да ладно, теперь уже все равно. Будь здоров и весел.

Цобор проводил доктора до калитки. Вечер выдался тихий и безветренный, на улицах ни души. Цветы в саду источали нежный аромат. В бездонном черном небе мирно сияли яркие звезды. Тусклые уличные фонари часто мигали: город Гемеш еще не был подключен к общегосударственной высоковольтной сети, и электричеством его снабжала старенькая местная электростанция «Верец и К°».

Лукач чутко вслушивался в темноту, словно старался впитать в себя все ночные шорохи и зафиксировать их в памяти. От этой преувеличенной и утомительной бдительности по ночам, к которой он привык за годы войны, было не так-то легко отвыкнуть.

Вдруг послышался характерный шелест травы. «Ежик»,— подумал Цобор. И верно, минуту спустя он увидел ежа, который осторожно пробирался в высокой траве вдоль ограды. Выслеживает кого-то. Точно так же, как это делают все двуногие, четвероногие и многоногие твари на земле, когда они готовятся захватить добычу. Вынюхивают, выслеживают свою жертву, как, например, он сам негодяя Хертшеи. Пожалуй, не стоило его уродовать до такой степени. Не стоило? Убить его нужно было, если по справедливости! Чем меньше таких, как он, грязных подонков коптят небо, тем более терпимой станет жизнь. Или, быть может, и в самом деле следовало ограничиться тем, что...? Нет, нет, такое дело одними словами решить нельзя. Око за око. Таков неписаный закон жизни. И не только среди драчунов.

Прохаживаясь по дорожкам сада, Цобор оказался возле окон квартирки старого Гала и безо всякого умысла заглянул внутрь. Тетушка Рози уже спала в задней комнате, желтая полоса света сквозь приоткрытую дверь падала на край ее постели. Сам Гал сидел за столом, о чем-

то задумавшись, по своему обыкновению держа цигарку между большим и указательным пальцами.

На другое утро солнце стояло уже высоко в небе, когда Цобор покончил с профилактикой старательно вычищенного и смазанного мотоцикла и заливал в бак бензин. Горючего, которое давал обком, никогда не хватало, выручали рабочие с химического завода, подкидывая ему канистру-другую за счет «экономии». Перед домом остановилась колымага Ласло. Инструктор с кислой миной вылез из машины.

— Заверни-ка крышку бака и брось сигарету,— хмуро проворчал он.— У меня нет ни малейшего желания взлететь на воздух вместе с тобой.

Цобор одарил начальство самой искренней улыбкой:

— Привет, товарищ Ласло! Какие новости?

Ласло уставился на секретаря мрачным взглядом:

— Варвары! Первобытное стадо какое-то, а не цивилизованное общество. А ты, который обязан первым выступать против кулачного боя, сам...

— Извини, нельзя ли узнать, как прореагировал на мою бумагу товарищ Селеш?

— Если бы я был секретарем обкома, вылетел бы ты у меня в два счета! Ты понял? В два счета! Но секретарь не я, а потому мы ограничились устным предупреждением.

У Цобора отлегло от сердца.

— Ну, это я как-нибудь переживу.

— Не радуйся. Еще одно такое художество, и ты получишь на всю катушку.

— Принимаю к сведению.

— И еще, какого черта ты все время вешаешь нам на шею своего друга Матраи, секретаря из партии мелких хозяев?

— С чего ты взял? Я в глаза не видел его уже две недели.

— Существует телефон, бумага тоже.

— Даю честное слово, что я...

— Чихать я хотел на твое слово. Что такое, ты спокоен? Не узнаю династию Цоборов. Ну конечно, пузырь на лбу со льдом за шесть дней охладил твой пыл...

— Не шесть, а только три.

— Что? Хорошо, пусть три. Так или иначе, твой друг Матраи счел необходимым сунуть свой нос в этот инцидент с дракой, или, как он выразился, снабдил нас соот-

ветствующей информацией. Хотя мы, пишет он, и приняли Хертшеи в партию мелких хозяев, но в продовольственную комиссию его не ввели и делать этого не собираемся. Руководство партии отнюдь не разделяет его обвинений в твой адрес, высказанных на том памятном заседании. Более того, никакой ответственности за позорное поведение Хертшеи они на себя не берут. Вон как: в свою партию принять приняли, а ответственность не берут! Что? Это уже мои комментарии. Принимают ныне всех подряд, неважно, кто ты — банкир, заводчик или атаман разбойников. Милости просим, только подпиши заявление и уплати взносы! Что любопытно: этот твой Матраи очень обрадовался, когда узнал, что ты не заявил в полицию.

— И он прав. Обошлось все без политики.

— Без политики? А что подумают о тебе в городе после этой кровавой расправы? В драке ты малый хоть куда, а в политике? Ты же первый коммунист в районе.

— Во-первых, об этой драке никто ничего не знает, кроме ее участников и доктора, а тот...

— Ладно, хватит. Хочешь знать мое мнение? Надоел ты мне до чертиков! Каждый божий день с тобой приходится начинать все сначала. Письмо отослал?

— Так мы уже говорили...

— Я о другом. О том, которое ты должен был написать хуторянам из Петермайора.

— Написал. Но за ним никто не приехал.

— Вот сукин сын! Я же три раза повторял шоферу адрес.

— Ага, значит, башмаки они получили?

— Разумеется.

— Это главное, старина, а не письмо! Большое тебе спасибо, очень хорошо, что башмаки достали.

Ласло пробормотал себе под нос что-то невнятное.

— Так что же, навестим хуторян, взглянем, как они там? — спросил он немного погодя.

— Весьма охотно. Вчера вечером доктор выписал меня, и я могу ехать на все четыре стороны.

— Поезжай вперед, только не гони. Не будь партийной дисциплины, наш драндулет давно бы развалился...

Хуторяне Петермайора давно уже трудились на ячменном поле. Завидев издали Цобора и Ласло, они сделали перерыв на завтрак. Расположившись в тени развеси-

стых каштанов, батраки начали хвастать полученными башмаками, некоторые даже делали несколько шагов, демонстрируя, как лихо поскрипывает новая кожа, благодарили.

«Любопытно, какой они сделали для себя вывод? — размышлял Цобор.— Поняли, что есть такая партия, которая не оставит их в беде? Или же решили, что имеется, дескать, некая рекламная лавочка, где иной раз коечто бесплатно можно получить?»

Хуторяне вынимали из сумок свои небогатые припасы: хлеб, мамалыжную кашу, пару луковиц, творог в чистой тряпочке, холодную похлебку. Те, у кого имелось сало, отрезали тоненький, почти прозрачный ломтик, закладывая его между двумя кусками хлеба. Михай Карачони с женой завтракали вчерашним супом из фасоли, хлебая его из объемистого горшка.

— От таких харчей песни не запоешь: сил нету,— не спеша работая ложкой, заметил Михай.— Зато потом музыка будет на всю округу.

Все громко рассмеялись. «Боже праведный, косят при таких харчах и еще балагурят»,— подумал Цобор, и ему стало совестно. Жена Собачика угостила его и Ласло душистым хлебом.

— Нынче на заре испекла, свеженький. Прошу сердечно, отведайте.

Не посмев отказаться, они взяли по ломтю. О башмаках больше не заговаривали. Разговор пошел о погоде; припекает солнышко, вот и слава богу. Хорошо бы еще недельку такая погода постояла, очень кстати сейчас вёдро. Юхош, отхлебывая из плошки кислое молоко, искоса поглядывал на Цобора, а потом вдруг спросил, в первый раз обратившись к нему по имени:

— Ну как, Лукач, не присмотрел ты себе для начала подходящую косу?

Ласло внутренне ликовал. Это, пожалуй, уже вызов. Ну, бравый молодец, полукрестьянин, полуофицер, секретарь райкома, рискнешь ли ты держать настоящий экзамен?

Цобор осмотрелся:

— Нет пока. А где взять?

— Да вон, скажем, у Ивана Бечека. Занеможил что-то старикан: пройдет один рядок — воздуха не хватает...

Цобор скинул рубашку. Поискав глазами, повесил на короткий сухой сучок дерева. Ласло заметил, что ладно

скроенный, мускулистый торс секретаря райкома сначала сделался предметом внимания мимолетных женских взглядов, а потом уже изучающих мужских.

— Дядюшка Иштван, которая ваша коса?

— А вот та, плохонькая, в канаве с краю.

— Дайте-ка брусок.

— Вот он, господин секретарь. А я помогу жене снопы вязать, это мне еще по силам.

Коса оказалась и впрямь никудышной, лезвие отбито кое-как, с зазубринами. Цобор уселся на землю и, хорошенько отбив косу, потом еще долго доводил лезвие до кондиции. Когда он наконец привел косу в порядок и встал, вокруг собралось человек двадцать любопытных, ближе других стоял к нему Юхош.

— Где ваша полоска, дядя Иштван, показывайте.

— Рядом с моей идет,— ответил за него Юхош.— Пошли что ли?

— Пошли.

Взволнованный Ласло семенил рядом, то отставая, то забегая вперед. Группа косцов подошла к тому месту, где четверть часа назад все завтракали.

Кто-то из батраков прикрикнул на Ласло:

— Брось цигарку, на поле не дымят табачищем, мать твою перетак!

Цобор стал, примерился на захват пошире и, пустив косу от плеча, двинулся вперед, стараясь догнать Юхоша, который ушел за утро от Бечека шагов на пятьдесят вперед. «Только не дергаться, спокойнее, старина»,— повторял он про себя, стараясь расслабить мышцы и сохранить ширину захвата за счет маховой инерции. Косил он с удовольствием, даже с наслаждением.

Прошло больше четверти часа, пока он обогнал ровно и неторопливо работавшего косой Юхоша, который, кстати, не изъявил ровно никакого желания соревноваться с Цобором. Оба молчали и напряженно вглядывались в место, над которым заносили косу, чтобы не напороться невзначай на брошенную винтовку, гранату или еще какую-нибудь железяку, оставленную с военной поры. Вскоре Цобор вышел к краю поля, опередив Юхоша шагов на двадцать.

— Браво! — вскричал Ласло. — Умеешь косить, доказал-таки!

— Еще бы не уметь,— отозвался Юхош, из-под ла-

дони оглядывая ровное, словно прическа бобриком, коротко остриженное поле.

— Передохнем чуток?

— Передохнем.

— Вот теперь и закурить можно, товарищ Ласло.

Женщины и подростки, вязавшие снопы, отстали и двигались далеко позади.

— Однако жарко,— заметил Ласло. — Интересно, сколько сейчас градусов?

Юхош снял шляпу, подставил голову солнечным лучам и, постояв немного, нахлобучил ее опять.

— В полдень все тридцать будет.

— Водичка есть? — поинтересовался Цобор.

— Утром набрал. Кувшин там, под каштаном закопан.

Отсюда, со склона холма, пройденное косцами поле казалось продолговатым и очень длинным. Цобор прикинул на глазок: «Метров четыреста, не меньше». Юхош бросил окурок в рыхлую землю и придавил его каблуком. Только теперь Цобор обратил внимание на его ноги — башмаки на них были старые, потрескавшиеся. «Себя, значит, он в список не внес». Позади старых лип, каемкой отделявших ячменное поле от люцернового клина, в густой траве виднелись остатки разбитого орудия.

— «Бофорс»,— сказал Юхош, проследив за взглядом Цобора.— В конце января из него еще стреляли по русским танкам. Помнишь?

— Помню. Отличная пушка. Шведское производство.

— Советское орудие, что ей в лоб снаряд влепило, тоже, пожалуй, не хуже.

Цобор усмехнулся.

— Пожалуй.

— Так что?..

— Пошли.

— Интересно,— произнес Ласло,— кто из вас первым дойдет назад, до каштановой аллеи?

Юхош ответил наставительно:

— Здесь, товарищ Ласло, не скачки. Тут ячмень командир. Торопиться станешь — осыплется, много зерна в землю уйдет. А потом ведь и завтра тоже день будет, силенки еще пригодятся.

К десяти часам они добрались до середины полосы. Ласло заметно поскучнел: интереса мало, солнца слиш-

ком много. Отойдя в сторону, он присел под деревом. Юхош остановился отбить косу, Цобор — тоже.

— Черт, ну и здорово же печет,— сказал Цобор.— Горло пересохло, спасения нет.

— У меня тоже, как в пустыне. Ничего, еще немного, а потом выкопаем кувшин и попьем водицы.

— Знаешь, чего бы я сейчас выпил? Холодного фрёча кружку. Винцо с содовой водой в этакую жару здорово помогает, а?

— Об этом я и не мечтаю. Покуда не уберем все, что растет в поле — и кукурузу, и свеклу...— кроме доброй закрутки табака, ничем побаловаться не придется. Уберем весь урожай, тогда поглядим, что делать дальше...

В этот момент раздался взрыв. Взорвалась мина, где-то сзади, у них за спиной. И сразу же вслед за взрывом послышались крики, проклятия, стоны. Юхош выронил косу и брусок.

— Господи!..

— Перед тем как косить, вы осматривали поле?

— Конечно, но вот... Будь оно проклято!

Они побежали назад, вверх по склону. К месту взрыва уже сбежались хуторяне. Среди них стоял и Ласло, глядя на чье-то распростертое на земле тело. На лице у него застыло выражение ужаса.

— Назад, все на жнивье! — что есть мочи закричал Цобор.— Все вон из ячменя! Все до единого!..

Свое приказание ему пришлось повторить раза три, прежде чем его услышали сквозь гвалт, плач и вопли, раздававшиеся со всех сторон. Но и тогда пришлось чуть ли не силой выталкивать людей на жнивье. Цобор рассвирепел:

— Неужели не понимаете? Там, где одна мина, могут быть и другие! Назад, черти обалделые!..

— Спокойнее, Лукач. Что ты орешь?..— начал было Ласло.

Но Цобор так на него посмотрел, что инструктор мгновенно стушевался и тоже поспешил на жнивье.

На мину наступил Янош Като. Взрывом ему оторвало левую ногу выше колена, осколок вспорол живот, измочалил кисть правой руки. Он лежал без сознания и тихо хрипел. Оторванную ногу Цобор не нашел. Осколок пробил насквозь грудную клетку Петеру Боцари, находившемуся в пятнадцати шагах от места взрыва. Уже ничего не чувствуя, Петер упал на свою косу и содрал мышцы

на плече. Рядом с ним на земле сидела молодая женщина — Цобор не помнил ее имени — и бледная как мертвец прижимала ладонь к ранке на шее, сквозь пальцы бежали тонкие струйки крови. «Шейная артерия»,— подумал Цобор, негодуя на себя за то, что его носовой платок не был чистым.

— В машине есть аптечка? — спросил он Ласло.

— Не знаю. Наверное, есть.

— Беги что есть духу! Обратно гони на машине, вон там, по верхней дороге.— Он подошел к женщине и сказал: — Отнимите руки, не бойтесь. Не так зажимаете, дайте лучше я, а то так можно истечь кровью.

Молодка опустила руку: каждый удар ее сердца выталкивал из раны маленький фонтанчик крови. Цобор бегло осмотрел рану, рассеченную осколком, затем ловко и сильно зажал ее большим пальцем.

— Теперь тихонечко пойдем на дорогу. Шагайте со мной в ногу. Ну, раз-два, раз-два... И спокойно. Считайте, что вы уже в больнице. Юхош! Собери вон под той липой всех бывших фронтовиков. Вы останьтесь, дядя Михай. Пойдут те, кто воевал во вторую мировую войну, а не в первую.

Юхош щелкнул каблуками:

— Слушаюсь, командир.

Казалось, ушедшая в прошлое война неожиданно и жестоко вновь заявила о себе, потребовала новых людских жертв... Мина... Женщины всхлипывали, мужики молчали. Тишина давила сильнее. На дороге пришлось подождать. Наконец подъехала колымага, из нее выпрыгнул Ласло.

— Есть! К счастью, есть! — кричал инструктор, размахивая небольшой брезентовой сумкой с красным крестом.

Цобор на мгновение растерялся. Что делать? Отпустить руку от раны на шее женщины он не осмеливался.

— Кто из вас служил по медицинской части? — спросил он собравшихся под деревом.— Никто? А похоронщиком?

Вперед вышел Ослятник-Риго. Когда-то, еще до войны, он развозил почту в тележке, запряженной двумя осликами, с тех пор это прозвище так к нему и прилипло. Хуторяне тогда и думать не думали о том, что именно к нему, посмешищу всего хутора, они придут умолять о тягле. Всех лошадей угнали гитлеровцы, волов — венгры-

артиллеристы, оставшиеся без тягла. Коров тоже осталось очень мало, а ослы оказались не нужными никому: ни венграм, ни немцам, ни русским.

— Сделай жгут! — приказал Цобор.

— Разрешите доложить: у меня руки грязные.

— Поищи в аптечке. Может, там есть какое-нибудь дезинфицирующее средство.

— Там есть йод,— сказал шофер, старавшийся не смотреть в сторону двух изуродованных окровавленных трупов, лежавших у дороги.

Плеснув себе на ладонь немного йодовой настойки, Ослятник-Риго быстро обтер руки, затем ловко скрутил жгут.

— Теперь возьми кусок чистого бинта, пропитай его йодом и сделай тампон,— продолжал Цобор.

Он отнял палец от раны, приложил к ней тампон, затем наложил чуть ниже раны жгут и, туго стянув его, пропустил бинт под мышкой. Закрепив повязку сзади морским узлом, он бережно повел женщину к машине.

— Сидите не шевелясь до самой больницы, — негромко объяснил он.— Голову держите все время прямо. Старайтесь, чтобы повязка была туго натянута.

Ласло помог раненой сесть рядом с шофером.

— Отвезу и быстро вернусь,— бросил он Цобору.

— Когда будешь в больнице, свяжись с обкомом. Пусть попросят, чтобы сюда прислали саперов из ближайшей воинской части, да поскорее.

Автомобиль развернулся и укатил. С санитарной сумкой в руке Цобор поспешил к Яношу Като. Кровь из раны едва сочилась, лицо приняло бледно-желтый оттенок, раненый уже не хрипел. Изуродованная рука дернулась раз-другой, затем бессильно упала вдоль тела. Риго встал перед Като на колени и приложил ухо к его груди. Затем поднялся и, опустив голову, беспомощно развел руками. Бедняга Янош скончался.

— Приведи свою упряжку,— сказал Цобор.— Отвезешь обоих на хутор.

Жена Като вырвалась из рук державших ее людей, ничком упала на окровавленное тело мужа и запричитала во весь голос. Супруга и дочь Боцари вели себя иначе: стоя перед распростертым телом, они, не двигаясь, горящими глазами смотрели на погибшего, не издавая ни звука, словно перед погребением.

Михай Карачонь, положив косу на плечо, побрел через жнивье к хутору. Несколько человек потянулись за ним. Цобор вернулся к бывшим солдатам.

— Там разбитое орудие,— показал он в сторону люцернового клина.— Думаю, что стоявшая здесь артиллерийская батарея готовилась к длительной обороне, а это значит, что на подступах к огневой позиции, то есть в ячмене, должно быть, установлена не одна мина, а целое минное поле. Все эти мины надо найти и обезвредить.

Берталан Марош визгливо выкрикнул:

— Ищите сами, коль есть охота.— Отделившись от группы батраков, он двинулся к хутору.

— А урожай чей, мой? Ах ты гнилушка! Да по мне, пусть хоть все сгниет на корню! — вспылил Цобор.

Марош вприпрыжку вернулся обратно, сжав кулаки, закричал:

— А если я на этом поле подорвусь? Кому он тогда достанется?

Юхош вкатил ему оплеуху. Марош вернул ее обратно обидчику. Тогда Юхош ударил его ногой в живот, и Мароша мигом вывернуло наизнанку. Казалось, еще немного — и начнется всеобщая свалка.

— Тот, кто в штаны наклал от страха, пусть убирается ко всем чертям! Прошу остаться добровольцам! — заорал во все горло Юхош.

Из тридцати с лишним мужиков осталось восемь. Но не желавшие рисковать домой не ушли. Отойдя подальше от опасной территории, они расположились кто где. Одни уселись под деревьями, другие остались стоять прямо на солнцепеке, кто у дороги, кто в канаве, а кто прямо в поле. Все молча ждали, что же будет дальше. Цобор объяснил добровольцам, как они будут искать мины. Прежде всего надо запастись длинными жердями, снять их с ограды (они свое отслужили), затем, рассыпавшись в цепь, двигаться вперед, внимательно осматривая каждый бугорок, похожий на норку суслика. Увидел бугорок — ложись на землю и ползи по-пластунски. Сначала осторожно разгреби жердью землю сверху, а когда мина будет видна, обозначь ее сорванной веткой, руками ни в коем случае не трогай.

— Главное — осторожность! Ну, а теперь вперед! — скомандовал, закончив объяснение, Цобор.

К тому времени, когда вернулся на машине Ласло,

были обозначены уже четыре мины. К полудню нашли еще три.

— Звонили. Но саперы смогут прибыть только послезавтра утром, — доложил Ласло.

— Это почему же?

— В других районах положение тоже не лучше. Мне сказали, что на сегодняшний день на минах всего по области подорвалось девять человек.

— Послезавтра! Что же будет с ячменем? Пропал весь урожай. А он у них первый послевоенный, Ласло. Понимаешь, первый... Черт бы побрал все это дело с начала и до конца! Надо что-то придумать...— Цобор подошел к добровольцам: — Люди! Необходимо еще раз прочесать весь участок!

Люди ворчали. Они устали и проголодались. Колокол на хуторе уже протрезвонил обеденный час. Но другого выхода не было.

— Поймите, мы не можем рисковать! Ваша усталость в конечном счете дешевле, чем жизнь!

Риго с помощью женщин уложил обоих мертвецов на повозку.

— Соберись с силами, мать, свари хоть какой-нибудь обед, человек на пять, и неси его сюда, в поле,— наказал жене Юхош.

На довольствие были зачислены и Цобор, и Ласло. Восемь новоиспеченных миперов еще раз проверили все подозрительные бугорки. Восьмую по счету мину обнаружили на самом краю проселка, в двух шагах от того места, где Цобор и Ласло сажали в автомобиль раненую женщину.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросил Ласло.

Цобор взглянул на него и ничего не ответил. Обратившись к хуторянам, он сказал:

— Прежде всего все обнаруженные мины надо перенести по другую сторону дороги и сложить в воронку от бомбы.

На эту операцию, кроме него и Юхоша, вызвались всего двое.

— Берите за края,— объяснил Цобор. — К взрывателю не прикасаться. И тихо, спокойно несите. Спотыкаться не рекомендую.

Когда наконец все восемь мин лежали на дне ямы, Юхош с облегчением вздохнул:

— Ну, большой беды теперь уже не случится.

Цобор внимательно огляделся.

— Эта стенка нависает над ямой. Может обвалиться, восемь мин взорвутся одновременно.

Пришлось осмотреть все восемь по очереди.

— Вот эта мина срабатывает под тяжестью пятьдесят килограммов. Значит, она противопехотная. А вторая, рядом,— на все восемьсот, иначе говоря, такие устанавливают для того, чтобы подрывать автомашины, танки и бронетранспортеры. На ней хоть прыгай, это не опасно.— Для наглядности Цобор встал обеими ногами на смертоносный диск и даже покачался из стороны в сторону.— Юхош, тебе приходилось обезвреживать такие штуки?

— Нет, товарищ командир.

— В мины такого типа вставляют нажимные детонаторы. Луч огня от такого детонатора действует на основной заряд. Поэтому вся хитрость заключается в том, чтобы осторожно извлечь эту чертову зажигалку из мины.

— А ты, Лукач, когда-нибудь сам-то это делал?

— Дважды, и оба раза по необходимости. Разве не помнишь?

— Да, помню, в Буде это было. Постой, уж не хочешь ли ты...

— Вылезай из ямы! Живо!

— Нет, этого я не позволю. Случись беда, господь бог мне никогда не простит...

— Не дури, парень. Юхош, выполняйте приказ!

Ласло, топтавшийся на краю воронки, завопил:

— Запрещаю! Ты обязан мне подчиниться! От имени обкома я требую...

— Перестань, охрипнешь. Людям надо убирать хлеб, послезавтра будет уже поздно, не понимаешь? Если сейчас хуторяне боятся выходить на это поле, то будут бояться и завтра. Так будет и с пшеничным клином и вообще со всеми. Саперам же хватит работы и в других местах, на других посевах. Им будет уже легче: у них миноискатели есть, щупы...

— В последний раз предупреждаю, товарищ Цобор!

Цобор поднял с земли первую мину, перевернул ее вверх дном и нашел взрыватель. Затем, открыв лезвие перочинного ножа, попытался осторожно поддеть его снизу и выковырнуть из запального гнезда.

— Вот дьявол! Руки дрожат...

— Закури, успокоишься,— посоветовал ему Юхош.

Он быстро спустился в воронку, подал Лукачу сигарету, хотел было остаться, но Цобор прогнал его. Выкурив сигарету, Лукач вновь принялся за дело. Краем глаза он видел: вверху, у края воронки, торчали уже несколько голов.

«Вот народ, никакой дисциплины»,— подумал он и тут же забыл об этом: все его внимание сосредоточилось на взрывателе. Наконец головка его чуть-чуть шевельнулась, а затем и весь металлический столбик медленно пошел вверх. Осторожно двумя пальцами Лукач взял его и отложил в сторону. Отерев рукавом пот со лба, взялся за следующую «тарелку», взрыватель у которой, видимо, поржавел, и ему пришлось повозиться с ним довольно долго. Когда наконец и вторая мина была обезврежена, Юхош сверху позвал:

— Товарищ командир, вылезайте, а то обед простынет.

Цобор ничего не ответил. Теперь, когда дело пошло на лад, когда он уже освоил «метод», нужно было довести его до конца. Седьмой детонатор он выронил из рук; тот стукнул о камень на дне ямы и с легким треском выбросил из себя яркий язычок пламени. К счастью, в земляной откос воронки. С восьмой, последней, миной было совсем легко, даже нож не потребовался: солдат-минер, видимо, торопился и не задвинул детонатор в гнездо до упора, его головка высовывалась почти на четверть длины. Вытащив его, Цобор крикнул Юхошу:

— Найди яму поменьше, перенесешь туда эти зажигалки. По одной только и бережно, как спящего младенца, понял?

Обезвреженные мины он сложил в одну кучу, на самом дне воронки. Только теперь его вдруг осенило: если подрывать мины все сразу, вовсе незачем было извлекать детонаторы. «Идиот! Сапор-любитель!» — Он мысленно бранил себя самыми последними словами, но только мысленно.

— Соберите хворост, и побольше!

Хворосту натаскали быстро. Цобор обложил сухими ветками пирамиду из мин на дне ямы, затем соорудил костер в стороне, метра три от края. Если зажечь его с дальнего конца, пройдет минут пять, а то и больше, пока пламя доберется до мин.

На краю воронки появился Юхош, чтобы доложить о

выполнении данного ему поручения. Цобор не дал ему говорить.

— Отойти от ямы! Всем на двести метров, бегом — марш! Отбежал — ложись, не вставай!

Цобор поджег костер с дальнего конца. Подождав, пока огонь разгорится, он выбрался из воронки, пробежал что было духу две сотни шагов вдоль проселка и, выбрав ствол потолще, спрятался за старую липу. Взглянул на часы. Минутная стрелка медленно ползла по циферблату. Прошло пять минут, десять... Неужели огонь погас? Пятнадцать минут. Он начал уже терять терпение, но на восемнадцатой минуте произошел наконец взрыв, громом прокатившийся по всей округе. Дрогнули ветки лип, задребезжали стекла в окнах хуторских домиков. Хуторяне высыпали за околицу, сновали взад и вперед вокруг построек. Перепуганные детишки ревели во весь голос. Цобор вышел из своего убежища на середину проселка и устало улыбнулся:

— Ну, главное теперь позади.

Ласло, подбежав к нему, схватил его руку и начал трясти:

— Все свои слова беру обратно! На такое способен далеко не каждый! Доложу в обкоме, точка в точку, как все было...

Юхош покачал головой и добавил крепкое словцо. Затем ткнул пальцем в сторону ямы, в которую он сложил взрыватели:

— А с этими что делать?

— Мелочи! Даже хвороста не нужно, хватит пучка соломы. Вспыхнут вроде бенгальских огней на елке, и все.

С детонаторами Цобор разделался, не отходя от края ямы. Затем съел давно остывший обед. Выкурив сигарету, он подозвал Юхоша. Ласло запротестовал:

— На сегодня хватит, отдохни.

— Старина, хуторяне должны видеть, что мы спокойно ходим по полю в опасной зоне. Увидев, что мы не боимся, перестанут бояться и они.

Они снова принялись косить ячмень. Отбив косы, пошли рядом, как утром. За Цобором некому было вязать снопы: старики Бечеки на поле не вернулись. Дойдя до конца полосы, косари повернули обратно, оставив позади темные пятна от недавно пролившейся здесь крови. Цобор на миг остановился и сосчитал хуторян, махавших

косами. Их оказалось двадцать один. Башмаков же было выдано сорок одна пара. Где же тогда остальные двадцать? А где те, у кого была своя обувь?

— Йожеф! — окликнул Юхоша Цобор.

— Что случилось?

— Погляди-ка на поле. Неужели мы зря старались?

— Как можно, командир! Главное, мы очистили землю от мин. Погоди, осмелеют немного, придут и остальные.

Но остальные так и не пришли, хотя Цобор махал косой до самого вечера. Смертельно усталый, он едва доплелся до своего мотоцикла. Попрощавшись с Юхошем и забираясь в седло, он сказал:

— Чтобы завтра с утра все тут были. Каким образом — это уже твоя забота.

— Спасибо за все, Лукач. От их имени спасибо. Люди у нас неплохие, только струхнули малость.

— Почему же все-таки попрятались?

— Два покойника как-никак... Дело тяжкое. Половина хутора между собой родня. Сноха, теща, сват, брат, сам знаешь...

Голова у Цобора гудела. Сказалось нервное напряжение целого дня. Он медленно ехал позади обкомовской машины, а при выезде на шоссе и вовсе отстал. Нестерпимо хотелось спать. И ничего больше, ни ужина, ни ванны, только спать! Спать! Пришлось сделать над собой усилие, чтобы ненароком не свалиться с седла. Из окон его комнаты на цветник падал луч света.

«Ну, конечно, пришел Гал с подносом. Какого черта он торчит там до сей поры? Почему не поставит этот окаянный поднос на стол и не уйдет спать?» Однако на этот раз Цобор ошибался: в комнате его встретил не старый Гал. Его ждала Бланка. В белом шелковом платье она сидела на краешке кушетки, красивая и печальная.

— Ты?!

Бланка бросилась к нему на шею:

— Милый! Я думала, ты уже не придешь.

Цобор успел заметить два чемодана, приставленные к ножке кушетки.

— Что случилось?

— Арестовали отца.

— Когда?

— Сегодня днем. Лукач, если не хочешь, не отвечай, но скажи только правду. Ты не причастен к его аресту?

— Я?!

— Ну да. Из-за вашей стычки тогда... Не обижайся, но я должна это знать.

— Бланка, за кого ты меня принимаешь? Я занимаюсь политикой, а не доносами. Завтра же выясню, в чем дело.

— Я знала, знала! Лукач, милый, поцелуй меня!

Цобор крепко прижал к себе девушку. Тяжело дыша, она проговорила:

— За что его взяли? Да, он был советником, но в министерстве финансов. Что он мог сделать там дурного?.. Мы с ним не понимаем друг друга... Я не хочу больше оставаться дома... Отец просто-напросто не способен уяснить, что теперь все стало по-другому. Но я... Почему я не могу жить так, как хочу? Я пришла к тебе, милый... Я принадлежу тебе. Все формальности потом, после, но я считаю себя твоей женой уже сейчас.

Цобор едва не падал от усталости. Казалось, он бродит по кругу в каком-то тумане и не может найти дорогу, ведущую к дому.

— Прости меня, дорогая. Я грязен как черт, целый день орудовал косой. Даже ванну принять нет сил, извини...

— Не беда, милый, ложись в постель, я оботру тебя одеколоном. Спи. А я посмотрю на тебя немного и лягу тоже, рядом.

Цобор сел в кресло, щелкнул зажигалкой, однако курить не хотелось.

— Не лучше ли будет, если я провожу тебя домой?

— Я боюсь одна оставаться в доме. А потом... почему ты хочешь, чтобы я ушла? Лукач, разве ты не...

— Умоляю, ни слова больше! Ни к кому я так не привязан, как к тебе, милая Бланка. Но взгляни вокруг себя... Посмотри, где ты находишься... Пустой дом. Ни мебели, ни посуды, ни белья. Хоть шаром покати...

— Все, что нужно, я привезу из дома.

— Кроме того, денег я получаю сейчас немного, едва хватает одному...

Бланка рассмеялась грудным, по-русалочьи призывным смехом.

— Разве это так важно? Глупый ослик Лукач! Я привезла с собой драгоценности: мое серебро, другие вещи.

Проживем как-нибудь до тех пор, пока ты не встанешь на ноги, дорогой.

— Ты хочешь, чтобы я жил за твой счет?

— Почему ты так это понимаешь? А я, значит, буду жить в твоем доме? Разве в нем все не наше общее? Мы с тобой единое целое, и никто из нас не должен разделять: это мое, а это твое...

Усталость наконец сломила Цобора окончательно. Голова его упала набок, сигарета вывалилась из рук. Бланка подняла ее с пола, затянулась, погасила в пепельнице. Она долго смотрела на спящего Лукача, на его осунувшееся лицо, на горькую, правда еще чуть заметную, складку в уголках рта. Глаза ее светились странным огнем. Ей стало жаль себя, она заплакала, беззвучно и скупо.

Наутро Цобор проснулся разбитый. «Вот дьявольщина, так уходиться вчера,— подумал он, зевнул, потянулся и разом вскочил с кресла.— А где Бланка?» Он обежал весь дом, выглянул в сад, вернулся, поискал взглядом чемоданы. Нигде ничего. Наконец взгляд его упал на телефонный столик. На оторванной обложке какой-то брошюры было нацарапано несколько слов. Текст начинался безо всякого обращения:

«Я полюбила в тебе, дорогой, человека смелого и с характером, который всегда знал, что он делает и зачем. Если это правда и ничего не изменилось, навести меня через две недели. Эту ночь я должна забыть».

Нервным движением Цобор в досаде смял записку, но потом, одумавшись, разгладил ее пальцами, аккуратно сложил и убрал в бумажник.

«Что, если я потерял Бланку... Возможно ли?..»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Над дальним лесом кружил учебный самолет, похожий на аиста. Мотор его то кашлял, как старик астматик, то вновь взвывал и гудел равномерным шмелиным гудом. Продолжая свою прогулку по фабричному двору, Цобор время от времени задирал голову кверху и поглядывал на него.

Самым горластым из всех оказался Чеке. Кто бы ни заговорил, он непременно вяжется в разговор. Цобора это раздражало. «В каждой бочке затычка. Показал бы я тебе, почем фунт лиха. Чтобы сесть на задницу не смог недели три, горлопан несчастный!»

— Два месяца просим-умоляем хозяина: пусти фабрику! — орал Чеке, заглушая голос Фиштяка.— А он заладил свое: не могу, не на что, нет средств. Жид некрещеный! Деньги в кубышке держит, а мы тут околевай с голоду!

— Может, у него действительно нет денег, кто знает? — сдержанно заметил Фиштяк.

— Я точно знаю, что есть! От его же экономки. Она

моя соседка, как на духу рассказывает! — не унимался Чеке.

Люди сидели на груде обломков во дворе фабрики, на которой до войны выпускали эмалированную посуду. От внутреннего крыла здания остались только стены; битый кирпич, обломки стропил и перекрытий громоздились во дворе, собранные в кучи.

Рабочих собралось человек тридцать—сорок. Фиштяк, секретарь профсоюзного комитета бездействовавшей фабрики, наконец не выдержал:

— Есть у него деньги или нет, с позорными кличками теперь покончено, раз и навсегда! Придержи язык, Чеке! Нет теперь жидов, понятно тебе?

Обычно молчаливый Малинацки сочувственно покачал головой:

— Господин Блюм сквозь пекло прошел.

— А я? Я не прошел? — упорствовал Чеке.— Кто из вас был на берегах Дона, когда русская артиллерия устроила нам такое представление, какое я до конца дней своих не забуду? А вдобавок ко всему командир взвода еще кулаком в зубы тыкал да спрашивал: «Почему твой пулемет очереди в облака пускает?» Я от холода и голода тогда едва богу душу не отдал, глаза так слезились, что перед собой ничего не видел. Мать вашу растак!.. Поотступали бы с мое от берегов Дона по пояс в снегу, без жратвы и крыши над головой, день и ночь под ураганным огнем противника, так научились бы кое-чему. Все прошел, огонь и воду...

— Господин Блюм не сам шел, его вели...

— А я, выходит, сам напросился в эту проклятую бойню? Дескать, вот он я, возьмите меня в вашу компанию, марш-марш на восток? Лицемеры вы все до одного! — Чеке оглянулся вокруг, глаза его лихорадочно горели.— Вернулся я из плена в конце марта, а что меня тут ждало: фабрика, вилла, денежки, как Блюма? Черта с два! Перво-наперво меня обозвали фашистом, а когда я запротестовал, влепили пару таких оплеух, что у меня голова кругом пошла. Жена моя сбежала на запад с какой-то сволочью, полевым жандармом. А чтобы и мне что-нибудь досталось, оставила на память сопляка сынишку. Воспитывай, твой...

Цобор молчал. Кто и как может исправить исковерканные человеческие судьбы? Фиштяк положил на плечо Чеке свою тяжелую руку:

— Я сказал тебе то, что сказал, понятно? И не тявкай! А что ты за человек, откуда пришел и зачем, районная комиссия пока, видно, еще не разобралась.

— Ничего, разберется. Правда, товарищ Цобор? Когда вы носили офицерский мундир, то евреев, наверное, не очень-то жаловали, не так ли?

— Может быть, только я давно от этого отвык. Вам тоже советую. Кроме того, если вы собрались только браниться, тогда зачем меня пригласили? Слушать?

Мастер керамического цеха Цирок, пожилой мужчина лет пятидесяти, со строгим лицом, заросшим седой щетиной, заметил:

— Конечно, не за этим, товарищ секретарь. Глупостей не слушайте, а дело у нас серьезное. Вчера вроде бы обо всем договорились, а сейчас опять... Фиштяк, расскажи, в чем дело...

Фиштяк рассказал. Принуждать владельца пустить фабрику бессмысленно. От него сейчас ничего не добьешься. Надо заключить с ним деловое соглашение. Они сами, рабочие и мастера, при содействии вернувшегося домой инженера за два месяца берутся восстановить фабрику. Два пресса, правда, вышли из строя, но их можно отремонтировать. Среди рабочих есть пять-шесть умелых токарей-инструментальщиков и опытных слесарей. Они выточат и смонтируют недостающие детали. Другие рабочие выложат заново стены керамического цеха и перекроют крышу. Печи тоже повреждены во время бомбежки, но и это не беда; слава богу, на складе клинкерного кирпича сохранилось достаточно. Из двухсот сорока рабочих, занятых прежде на фабрике, можно твердо рассчитывать на тридцать семь коммунистов — а это уже первичная организация — и еще человек на пятьдесят, пока не больше. Но когда люди собственными глазами увидят, что дело пошло, явятся и остальные, во всяком случае многие.

— За это мы не потребуем от владельца фабрики ни гроша,— заключил Фиштяк.— Только пусть подпишет с нами соглашение.

Цобор взглянул на него с недоумением:

— За что — за это?

— За все восстановительные работы.

— Работать за здорово живешь? На буржуя? Уж не рехнулись ли вы?

Малинацки прыснул в кулак, но от комментариев все же воздержался.

— Для нас главное скорее пустить фабрику,— сказал Фиштяк.— Тогда будет и заработок.

— А до той поры на что станете жить?

— Перебьемся как-нибудь. Если сидеть сложа руки, все равно ведь жить придется.

«Невероятно. Возможность такого решения никогда не пришла бы мне в голову,— подумал Цобор.— А спрашивается почему?»

— Я понял,— обратился Цобор к Фиштяку.— Но о каком соглашении ты говоришь?

— Дело нехитрое. Как только цех будет полностью восстановлен, господин Блюм должен будет обеспечить производство: закупить железный лист, краску, топливо для печей, позаботиться о всех других расходах по эксплуатации. Ну, и само собой, платить рабочим приличную зарплату.

— А если у него нет денег?

— Вот это-то и нужно нам знать точно. Человек, который будет заключать соглашение, и должен об этом узнать...

Цобор обвел взглядом собравшихся. Большинство рабочих выглядели бледными и худыми. Чеке, хотя и был любителем драть горло, но когда сворачивал цигарку, то руки у него дрожали от слабости. «Как-то они выдержат эти два месяца? За здорово живешь работать на буржуя... Наверное, я неудачно поставил вопрос. Ведь существуют не только принципы, но и конкретная ситуация, с которой хочешь не хочешь, а надо считаться. Эти люди в конце концов собираются восстановить рабочее место для себя же, место, которое будет кормить их и их детей. А иначе эта захудалая фабрика когда еще будет восстановлена? Да и кем, на какие шиши? Да, пожалуй, они умеют смотреть дальше собственного носа. Любопытно, кто именно из них додумался до всего этого? Впрочем, какая разница кто. Важно, что все они приняли и поддерживают такое решение».

Фиштяку, видно, не понравилось долгое молчание секретаря райкома.

— Так как, берешь на себя, товарищ Цобор?

— Что?

— То, о чем мы только что толковали. Соглашение с Блюмом. Я слышал, ты учился на юридическом факультете в университете.

— В юридической академии,— поправил Цобор.— Война помешала, не закончил.

— И так хорошо, для нас вполне годится.

— Ничего не годится! Получается, что я должен наплевать на свою партийную совесть? Секретарь райкома должен пойти торговаться с буржуем?

— Торговаться-то из-за нас.

— Все равно, торг всегда остается торгом!

— Ну и что? Поторгуешься. Человек, который будет договариваться с Блюмом, должен быть видной фигурой, это тебе понятно? И главное, чтобы его вокруг пальца не обвели. Соглашение надо изобразить на бумаге, один экземпляр Блюму, другой — нам.

— Кто же его подпишет?

— Ты. От нашего имени. Это тоже дело не последнее. Твоей рукой подпишемся не только мы, но и партия...

Цобор выругался про себя. Ему казалось, что он уже слышит слова неизбежного разноса в обкоме. «Торговаться с капиталистом! Только Цобору могло прийти такое в голову!» Учебный самолет все еще стрекотал в вышине.

— Черт возьми! Если вы уже все решили, почему же тогда сами не вступите в переговоры с владельцем фабрики?

— Блюм не желает с нами разговаривать. Правда, поначалу мы слишком уж на него нажали. Не поверит он нам. Подумает, что мы опять пришли с тем же.

— Мы вас просим, товарищ Цобор,— вставил Малинацки.

— Надо запросить мнение обкома.

Фиштяк, по-видимому, потерял всякое терпение. Схватив обломок кирпича, он с силой швырнул его в груду обгоревших, сваленных в беспорядке оконных рам и заорал во всю глотку:

— Крестную свою еще запроси! Нет, ты сперва спроси самого себя! Намерен ты помочь нам или нет?!

— Не в этом дело!

— Именно в этом! Или ты хочешь, чтобы и мы поверили в то, о чем шепчутся за твоей спиной?

Цобор вновь обрел хладнокровие. Он пристально взглянул на Фиштяка и спросил:

— Хочу слышать, о чем же именно?

— Так, разное болтают.

— Говори при всех!

— Что ты не нашего поля ягода! Ваш секретарь райкома, мол, выходец из господ, вот что говорят. Дескать, еще неизвестно, куда он гнет. Недаром пословица говорит, что рыбак рыбака... Или не так?..

Цобор достал портсигар, не спеша вынул из него сигарету и закурил.

— Об этом ты спроси меня на ближайшем заседании райкома.

— И спрошу! Как свят бог, спрошу!

— Правильно. А я тебе отвечу.

Фиштяк криво усмехнулся:

— Интересно, о чем рассказывать будешь.

— Например, о том, что я боролся с фашистами не только языком, а и другим оружием!

— Ты служил в армии, воевал, значит. Это ясно.

— Только не на той стороне, на которой ты! И все вы, вместе взятые. Или это все равно?

— Гм... Не совсем...

— Выбрось из головы, товарищ Фиштяк, что я всю свою оставшуюся жизнь собираюсь это доказывать.

— Хм, а зря,— хмыкнул Малинацки.— Если сел на коня, то уж будь гусаром до конца.

Цобор, не проронив больше ни слова, докурил сигарету. Хорош гусь этот Малинацки, пропади он пропадом. До сих пор кичится, что служил в конной разведке. Только когда их полк, отступая, оказался вблизи Гемеша, он только и разведовал, как бы незаметнее смыться с передовой. Плюс ко всему набрался наглости и продал казенную лошадь какому-то крестьянину на окраине городка, да еще за бешеные деньги. Мошенник!

«Впрочем...— Цобор мысленно негодовал.— Впрочем, какое это имеет значение, товарищ секретарь? Можете негодовать сколько угодно, но урок вам преподали хороший. Либо «да», либо «нет», другого ответа быть не может».

Цобор встал, пнул носком сапога кучу битого кирпича.

— Хорошо. Я согласен,— коротко сказал он.

Фиштяк тоже поднялся:

— Пойдешь к Блюму?

— Пойду.

— Когда?

— Сейчас.

Не прощаясь, Цобор пошел к мотоциклу. Он слышал, как за его спиной горлопан Чеке бросил едкое замечание:

— Увидите, придумает что-нибудь: так и так, мол, не вышло у меня с Блюмом...

Заехав в райком, Цобор позвонил в областной комитет, но там, кроме дежурного вахтера, никого на месте не оказалось. Тогда он позвонил домой владельцу фабрики. Цобор знал Блюма в лицо, тот при встрече даже кланялся ему.

— Вы желаете меня видеть? Милости прошу,— сказал Блюм.— Мой адрес: улица Короля Матьяша, тридцать два, собственный дом. Я всегда дома.

Просторная двухэтажная вилла, принадлежавшая Блюму, каким-то чудом уцелела. После того как всех евреев нилашисты загнали в гетто, кто-то из местных божков вытребовал ее себе в управе, а перед приходом русских бежал на Запад столь поспешно, что не успел ее разграбить.

Блюм сильно похудел, плечи его сгорбились. Дорогой костюм из тонкой английской шерсти болтался на нем как на вешалке, левую руку он то и дело прикладывал к области желудка. Когда-то живые, блестящие глаза его потускнели, взгляд их стал отсутствующим и загадочным, как глубина колодца.

— Коньяку?

— Благодарю. Хотел бы перейти прямо к делу.

— Одну маленькую рюмочку?

Цобор неохотно согласился.

— Простите, себе не наливаю,— сказал Блюм.— Увы, печень мучает.

Угостив Цобора душистой сигаретой, закурил сам и сел в кресло напротив гостя. Некоторое время оба молча смотрели друг на друга. У Цобора возникло непроизвольное чувство, что этого человека едва ли удастся уговорить сделать то, чего он не хочет. Да и хочет ли он еще вообще чего-нибудь?

Блюм положил сигарету на край пепельницы.

— Вы пришли по поводу фабрики?

— Да.

— Тогда разговор у нас будет недолгим.

— Вы выслушаете меня?

— Если вы так настаиваете.

— Лучше сформулировать так: я пришел к вам по поводу ваших рабочих.

— Это то же самое.
— Не совсем.
— Оставьте, пожалуйста! Они тянут одну и ту же песню: я должен раскошелиться и пустить производство.
— А если песня изменилась?
Блюм взглянул на собеседника безо всякого интереса, затем перевел взгляд на стены комнаты, на пол. Цобор еще не остыл от перепалки с Фиштяком. Он едва не ляпнул напрямик, что его сюда, собственно, вынудили прийти. Не послали, а именно вынудили. «Ну, погоди, Фиштяк, теперь ты в списке моих должников, мы еще рассчитаемся!»
— Вас не интересует, с чем я пришел?
— Нет,— Блюм опять внимательно посмотрел на гостя. Было ясно, что мысли его далеки от фабрики.— Вы знаете, там, в лагере, я иногда о вас вспоминал.
— Обо мне?
— Вы не помните? В мае сорок четвертого, когда нас, евреев, гнали по проспекту Сечени, вы попались навстречу. Вы шли по тротуару, в офицерской накидке, в элегантном мундире, при боевых наградах.
— Да, в мае я получил недельный отпуск.
— Жандармы, нас сопровождавшие, лихо отдали вам честь, но вы даже не повернули в их сторону головы. Зато когда один из них ударил меня по спине ножнами сабли, вы остановились и прикрикнули на мерзавца: «Не смейте бить! Это еще человек!»
— В самом деле?..
Цобор не помнил этого случая, он начисто выпал из его памяти. Такое иногда бывает. Блюм худыми пальцами гладил край бордовой бархатной скатерти.
— После этого жандармы уже не трогали меня. Но вы... Почему вы тогда сказали, что я еще человек?
— Разве это не правда?
— Да, но вы сказали «еще», а не просто «человек»!
— Понимаю. Весной сорок четвертого я в первый раз услышал о существовании так называемых лагерей смерти.
— Услышали дома, в Венгрии?
— Нет, на фронте, в предгорьях Карпат. По долгу службы я частенько встречался с начальником штаба соседнего немецкого батальона. Через некоторое время мы подружились.
— С нацистом? И вам не стыдно?

— Он не был нацистом. Обыкновенный армейский офицер, кадровый военный. И имел свое собственное мнение обо всей этой гитлеровской сволочи.

— Все они были фашистами. Кадровые убийцы! Вот кто они такие!

— Видите ли, Блюм, на фронте действует другая система оценок. Того, кто сражается против вооруженного противника лицом к лицу, кто не прикасается к безоружным мирным жителям, того обычно не называют убийцей.

— Говорите, что хотите. Я знаю свое...

— Не собираюсь вас переубеждать. Если у вас хватит терпения, позволю лишь добавить, что с подлецами я не дружил и не дружу, в этом вы можете мне поверить.

— И что же сказал этот ваш... приятель?

— Капитан Альтхаузер? Был один случай. Мы крепко выпили. После того как целые сутки беспорядочно отступали. Я на чем свет ругал свое безмозглое командование, он — свое. Как-то ненароком он вдруг сказал, что один его дальний родственник отсиживается в тылу на должности заместителя коменданта концлагеря. «Сукин сын! Это такой лагерь, за который мир будет проклинать всех немцев до скончания века! Заключенных сначала ведут в баню, выдают мыло, заставляют раздеться догола, а потом вместо воды пускают газ под названием «Циклон»...» Протрезвившись на другое утро, немец взял с меня честное слово офицера, что я никому об этом не расскажу.

— Почти рождественская история...

— Что вы хотите этим сказать?

— Днем в сочельник наше лагерное начальство сожгло в печах положенное количество узников, а потом приказало поставить елку и украсить ее гирляндами. Вечером персонал лагеря в полном составе со слезами на глазах распевал «Тихая ночь, святая ночь». И знаете, что самое страшное? Многие заключенные евреи хорошо знали немецкий язык. И они тоже пели...

Цобор сидел задумавшись.

— Чудовищно,— проговорил он.

Блюм судорожно прикурил новую сигарету от почти сгоревшей.

— Значит, в мае сорок четвертого вы знали, что че-

рез несколько недель после нашей встречи я буду уже не человеком, а только топливом для лагерной печи?

— Знал.

— Вы окриком осадили жандарма. А больше?

— Что вы имеете в виду?

— Не знаю. Нечто большее, чем окрик, действие, а не слова? Например, на попытку освободить нас вы были тогда неспособны?

— После того как нацисты оккупировали Венгрию?

— В тот же день, на том же самом месте, когда меня погнали дальше?

— Даже если бы я и решился на это, то все равно ничего бы не достиг. Любой конвой выполняет приказ только своего командира, особенно если он кого-то конвоирует. При малейшей попытке освободить вас меня арестовали бы, разжаловали и посадили. Либо поместили бы в один эшелон с вами.

— Словом, вы этой попытки не совершили...

— Безумных попыток предпочитаю не совершать.

— Вы говорите, безумных? — Блюм схватился рукой за живот и тихо застонал.— Простите... Да, я понимаю вас. Но разделить вашего мнения все же не могу.

— Сожалею об этом.

— Однако как вы назовете ваш последующий поворот против фашистов? Ведь вы стреляли в них и приказывали стрелять своим солдатам! Чем вы это объясните?

— Счастливым случаем. Мне просто повезло — подвернулся такой случай. Да, я сражался на свой страх и риск и перешел на сторону русских по доброй воле. И мою роту ввели в бой в составе советских войск. Этого хотели и я, и мои солдаты.

Блюм налил себе содовой из сифона, маленькими глоточками выпил воду, немного помолчал.

— Хорошо по крайней мере то, что вы не лжете.

— Не имею обыкновения.

В голосе Цобора послышалось раздражение, и Блюм, почувствовав это, сказал извиняющимся тоном:

— Я не хотел вас обидеть, только констатировал для себя, что вы говорите правду. Поэтому я отплачу вам тем же.— Он подошел к буфету, достал оттуда хрустальную рюмку, но, спохватившись, тут же поставил ее обратно и уныло сгорбился.— Только прошу вас, чтобы все здесь сказанное осталось между нами.

— Настолько, насколько это касается нас двоих.

— Безусловно. Вы даете мне слово?

— Даю.

— С моей фабрикой ничего не получится.

— Если позволите, я...

— Погодите, давайте по порядку. Сначала говорю я, потом вы. Видите ли, дело в том, что у меня нет никакой охоты возобновлять дело. Зачем? И что еще важнее: для кого?

— Не понимаю вас.

— Жаль. Вам, как секретарю районного комитета партии коммунистов, это должно быть известно лучше, чем мне.

— Если вы имеете в виду то, что ваша фабрика будет национализирована, то вы заблуждаетесь. В нашем государстве пока идет речь только о демократических преобразованиях.

— Вот! Вы сказали очень важное слово — пока! Но как долго будет продолжаться это «пока»? Десять лет, двадцать? Или два года? Теперь позвольте перейти к самому главному. Мой банковский счет фашисты реквизировали, большая часть моего состояния тоже пропала. Правда, моей экономке удалось сохранить кое-что. Этот дом обыскивали несколько раз, перевернули в нем все вверх дном, перекопали весь сад, но маленькую стальную шкатулку так и не нашли. Экономка прятала ее у себя в квартире, а искать ценности там, к счастью, эти мерзавцы не додумались. Так у меня осталось несколько драгоценностей — семейные реликвии, с дюжину золотых наполеондоров, тоже не бог весть какое сокровище. Да я и не желаю с ними расставаться.— Блюм опять начал перебирать пальцами сложенных рук, пристально глядя в глаза Цобору.— И еще сохранилось шесть тысяч двести долларов. Вернее, ровно шесть тысяч, поскольку двести долларов я подарил своей экономке.

— Немалая сумма.

— Это как смотреть. Поначалу я намеревался эмигрировать в Америку, а потом подумал: паспорт, билет через океан, тьма других расходов... Нет, слуга покорный. Меня и здесь, в Венгрии... Впрочем, оставим это. Есть в этой стране нечто такое, что заставляет меня тут остаться. Нет, не могилы предков, я даже не знаю, в каком концлагере сожгли моих родителей, так как мы находились в разных лагерях. Не могу определить, что именно меня здесь держит, да и не пытаюсь.

— Я тоже не смог бы жить на чужбине.

— Вы! Какие у вас-то беды, господин секретарь?

«Есть, и еще какие,— подумал Цобор.— Иные, безусловно. И немало...» Однако он не стал их перечислять. По сравнению с трагедией Блюма они и в самом деле казались невелики и вполне разрешимыми.

— Шесть тысяч долларов,— продолжал Блюм.— Если я восстановлю и отремонтирую фабрику, то, для того чтобы пустить ее в ход, у меня не останется ни гроша. Я это подсчитывал много раз. Может быть, мне удастся получить кредит. Может быть! Разумеется, не в венгерских пенгё — железный лист и краски придется завозить с Запада. Вам известно, под какой процент можно получить в наши дни такой кредит? Нет? Так я вам скажу: под двадцать пять — тридцать процентов годовых. Этот путь для меня закрыт.

— Но есть другой.

— В самом деле? — Блюм кисло улыбнулся.

— Рабочие вашей фабрики берутся за два месяца восстановить здание и привести в порядок все пострадавшее оборудование.

— За какую сумму?

— Безвозмездно.

— Это шутка. Или просто какая-то чепуха.

— Я говорю вполне серьезно.

— Вы говорите — бесплатно? Но во имя чего?

Цобор подробно рассказал о предложении Фиштяка и его товарищей.

Блюм слушал и недоверчиво покачивал головой:

— Немыслимо.

— Я тоже так считал. Даром работать на капиталиста!

— Об этом я, простите, даже забыл. О том, что вы, позвольте так выразиться, являетесь моим официальным классовым врагом.

— В принципе да, но не вашим личным, а вашей, так сказать, сущности как фабриканта. И вместо слова «враг» я употребил бы слово «противник». Но в определенных ситуациях, и в этом меня убедила решимость рабочих, временами даже между противниками возможны честные соглашения.

Блюм всплеснул руками и ударил себя по ляжкам.

— Вы подумайте, чего только на свете не бывает!— Он вскочил, все же плеснул себе в рюмку несколько ка-

пель коньяку и опрокинул ее в рот.— Скажите, а вы случайно не разыгрываете меня?

Цобор поднялся с кресла:

— Сударь, извольте запомнить, что я никогда...

— Не прыгайте, ради бога, сидите на месте! Если все это правда... Потрясающе! Понимаете ли вы, господин секретарь, если бы такая мысль пришла в голову еврейскому рабочему, одни сказали бы о нем, что он ненормальный, другие, что он, безусловно, кончит тем, что станет нищим и умрет под забором. Не удивляйтесь, что я сперва не поверил своим собственным ушам. Вы говорите, письменное соглашение?.. И в нем можно будет записать, что и впоследствии с меня за восстановительные работы не потребуют никакой компенсации?

— Да, рабочие уполномочили меня на это.

— Следовательно, соглашение подпишем мы двое: вы и я?

— Вы и я.

— Недурно. Теперь я вижу, что у вас серьезные намерения. И если вы примите на себя лично некоторые обязательства...

— Но получу и определенные права.

— Разумеется. То, что вы, господин Цобор, участвуете в деле, для меня известная гарантия, что меня не надуют. Однако это еще не все...

Цобор заворчал: роль парламентера уже начинала ему надоедать:

— Какого черта вы тянете? Говорите!

— С шестью тысячами долларов в кармане, прошу прощения, но я не отважусь пройтись днем по центру Будапешта.

— Это почему же?

— Не извольте шутить, господин Цобор. А если меня задержит экономическая полиция? Извините, всему конец. Моя фабрика останется в руинах, а мне придется принять смертельную дозу снотворного. Кто даст мне должность? В моем-то возрасте и с моим-то здоровьем?

— Вы объясните товарищам из полиции, в чем дело.

Блюм воздел руки к небу:

— Вы полагаете, у меня не нервы, а канаты? Наивный вы человек! На доллары ездят за границу, неужели вы не понимаете? Если в их руки попадут мои шесть тысяч, я могу пропеть всю оперу «Аида» до последней ноты, но обратно не получу ни цента!

— Пошлите деньги с кем-нибудь, кому вы доверяете.

— Я не доверяю никому! Этот кто-нибудь положит мои тысячи к себе в карман, а потом будет смотреть на меня рыбьими глазами, словно он не понимает, о каких именно долларах я ему толкую. Умоляю, подумайте: расписки я потребовать не могу, свидетелей у меня нет, по почте послать — невозможно... Что бы вы сделали на моем месте, господин секретарь?

— Это ваше дело.

— Неправда! Теперь это дело нас обоих!

Цобор схватился обеими руками за край тяжелого орехового стола, едва удержавшись, чтобы не опрокинуть его на фабриканта.

— Вы считаете меня идиотом?

— Отнюдь! Но что вы скажете рабочим? Что все сорвалось из-за меня. Но это же неправда! Я даю свои деньги. Весь остаток моего состояния. Чего вы еще от меня хотите? Через пять минут я отсчитаю вам все шесть тысяч, доллар в доллар...

— И что я буду делать с вашими проклятыми долларами?

— Вы отнесете их на улицу Надор и передадите одному человеку. Это все.

— Черт вам их отнесет, а не я!

— Вы же ничем не рискуете. Что полиция? Вы сунете им под нос свое удостоверение, и делу конец. Кто осмелится учинить обыск такому человеку...

Цобор в ярости ухватил Блюма за грудки так, что треснула тонкая английская шерсть.

— Ты хочешь впутать меня в свои грязные делишки?!

— А ты заявился ко мне отнюдь не ради меня. Ради своих рабочих! Их интересы для тебя грязное дело?

— Послушай, ты...

— Ну, скажи! Меня поносили по-всякому, я уже привык!

— Осел!

— Сам ты осел! И твой папа был осел. Прогуливаться по тротуарам, ручки в брючки, без всякого риска, это вы можете! Принимать благодарность за фабрику, это вам приятно! А делать опасную работу, где надо рискнуть, пусть рискует Блюм, верно? Господа офицеры наделали в штаны и тихонько в кусты!

— Ну, этого мне еще никто не говорил! Бери свои слова обратно, иначе такую оплеуху получишь!..

— Давай, господин секретарь, смелее! Как в концлагере, одну — слева, другую — справа!

Цобор отпустил Блюма, и тот плюхнулся в кресло.

— Упрям, как козел... Я погорячился. Весьма сожалею.

— Извольте.

— Извините, что в запальчивости говорил с вами на «ты».

— Не беда, я ведь — тоже. Прошу не относить все это на мой счет, давайте забудем об этом неприятном инциденте. Такие схватки у меня бывали и раньше, в добрые старые времена. Когда заключаются сделки, партнеры не всегда бывают достаточно корректны. Прошу садиться. Мы остановились на том, что я передаю вам деньги...

— Ты опять?

— В интересах дела останемся лучше на «вы». Итак, вы не обязаны брать у меня деньги. Я же никому другому их не доверю. Где же выход?

Цобор долго рассматривал узор на ковре, но ни за что на свете не смог бы ответить, на что именно он похож.

— Попробуем оценить положение объективно.— Он встал и подошел к телефону.— Своему начальству я должен доложить ситуацию, не упоминая вашего имени конечно.

Блюм проворно нажал на рычаг аппарата. Мгновенно, как ястреб, падающий на цыпленка, с неожиданной силой он вырвал трубку из рук собеседника и швырнул ее обратно на рычаг.

— Вы хотите меня погубить?! Один бог знает, сколько ушей прослушивает эту линию, а вы... Кроме того, вы дали слово все хранить в полной тайне.

— Выходит, я связал себя по рукам и ногам?

— Зачем же так формулировать? Дорогой господин Цобор, когда дело сдвинется с мертвой точки и механизм заработает, а я начну куплю-продажу материалов и всего прочего, вы сможете докладывать своему начальству столько раз в день, сколько захотите. Но пока никому ни слова!.. Поймите, современную ситуацию в стране придумал не я: за наши венгерские пенгё сейчас купить нельзя ничего, а так называемых валютчиков сажают за решетку.

— И отнимают у них доллары. Это вы хотите сказать?

— Да. Поэтому начнем, пожалуй, с того, что отредактируем текст нашего соглашения.

— В грязную же я влип историю, нечего сказать!

— Принести бумагу?

— Придется. С собой канцелярию я не ношу.

Полчаса спустя они договорились по всем пунктам. Цобор собственноручно переписал соглашение в двух экземплярах.

— Превосходно,— сказал Блюм, прочитав оба листка и поставив свою подпись.— Теперь подпишите вы, прошу. Еще рюмку коньяку?

— Нет, спасибо.— Цобор подписал оба экземпляра, один из них сложил вчетверо и положил к себе в бумажник.— Что теперь?

— Теперь, как только вы уйдете, я позвоню владельцу той импортно-экспортной фирмы, на которую я могу рассчитывать, и переговорю с ним.

— Значит, вам можно пользоваться телефоном, а мне нельзя?

— Извините, но тот птичий язык, на котором разговариваем мы, коммерсанты, понятен только нам и никому более. Если вы будете столь любезны заглянуть ко мне снова часа через два-три, я сообщу вам адрес и имя моего контрагента, а также время вашего к нему визита...

Цобор вернулся на фабрику к Фиштяку и его компании. Услышав стрекотание мотоцикла, все собравшиеся поднялись с мест и замерли в напряженном ожидании. Фиштяк сглотнул слюну:

— Ну как?

Цобор вынул из бумажника соглашение и протянул его Фиштяку:

— Прочти вслух, чтобы все слышали.

Фиштяк начал читать, делая после каждой фразы небольшую паузу.

— Это победа! — заключил он, закончив чтение.

«Если бы ты знал, зануда, какой ценой она мне досталась,— невольно подумал Цобор.— Неужели на этой злополучной планете никогда не настанет такое время, когда все добрые дела можно будет делать, не прибегая к неблаговидным фокусам?»

Фиштяк еще раз прочитал вслух соглашение с Блюмом. На этот раз рабочие молчали, неподвижно глядя

прямо перед собой, будто только теперь начали понимать, в какую кабалу они влезли. Цобор взял бумагу обратно, сложил и убрал в карман. Фиштяк с минуту постоял, словно в растерянности, моргая глазами, затем подтянулся и крикнул:

— Товарищи, порядок! Сегодня наш первый рабочий день после войны! Предлагаю всем перекусить, кому что бог послал, а через полчаса начнем.

Цобор едва удержался, чтобы не крикнуть: «Погодите, еще дело не завершено, «аминь» не сказано! Впрочем, теперь их все равно не остановишь, да и ни к чему».

Цобор поехал к начальнику районной полиции. Теттеш, еще недавно подпоручик, один из командиров взвода в роте Цобора, теперь командовал райотделом и был уже в звании капитана. Одет он был еще в старую форму — новую пока не получили,— но был в отличном расположении духа.

Цобор вспомнил слова Теттеша при прощании с ротой. Это было четырнадцатого мая, когда рота расформировалась, а весь личный состав увольнялся в запас. Тогда Теттеш сказал:

— В мирное время в армии царит мертвая скука. Такие, как я, будут спать на ходу. Попрошусь в полицию, там еще нужны охотники. Да и дичи хоть отбавляй...

Он был прав: охотник от природы, Теттеш был храбрым и находчивым командиром, быстрым и беспощадным в бою. Решительный и скорый на расправу, он, правда, не всегда доводил до камеры с решетками выловленных в лесах и оврагах вооруженных нилашистов, эсэсовцев и прочую фашистскую нечисть. Но во всяком случае, в районе новый начальник полиции быстро навел порядок. Его сотрудники иногда шутили: «Карманники города Гемеша, завидев капитана Теттеша на улице, боятся теперь прикоснуться не то что к чужим, а даже к своим собственным карманам».

— Рад видеть тебя, командир! Выпьешь первачку? Огонь!

— Если не сгорю.

— Гм. Сперва понюхаем.

Погрузив языки в малюсенькие рюмки, они переглянулись. Затем последовало изучение аромата палинки,

проба ее на язык, потом на нёбо и наконец глоток, завершающий дегустацию.
— Еще одну?
— Неплохая штука... Право, неплохая.
— Я же говорил.
— Где достал? Конфисковал?
— Получил в подарок от Матраи.
— Тони не очень-то щедр на подарки. Что ты дал взамен?
— Две сотни патронов для охотничьего ружья. Восьмого калибра. Тебе достать?
— Ружья нет.
— Это не помеха. Будет!
— Зачем оно мне? С тридцати шагов зайца я и из пистолета уложу.
— Это правда, стрелок ты отменный. Давно не встречался с Матраи?
— Неделю назад его видел. В воскресенье он ждет меня у себя на винограднике.
— Парень он с головой. Хотя бы потому, что с тобой дружит.
— Не зубоскаль. Налей-ка лучше еще по маленькой.
Они выпили еще по одной, затем Теттеш убрал фляжку в несгораемый шкаф с целью сокрытия следов «преступления»: не дай бог, нагрянет кто-нибудь из областного начальства.
— Ты по поводу Хертшеи? — поинтересовался капитан.
— Почему? У меня с ним никаких дел нет.
— Это теперь. Не таращь на меня глаза. Зачем я сижу в этом кресле, если не буду знать даже таких вещей? Мы успели немного потолковать.
— Ты его припугнул, конечно?
— Нелогичный вопрос, командир. Сначала ты уродуешь мальчика как бог черепаху, а потом сам же беспокоишься о его благополучии? Нет, я просто пригласил его в казино на бокал вина с содовой, а потом мы по-дружески побеседовали. О том, например, как вредно таскаться днем по жаре, гораздо лучше ночью. Только вот после девяти плохое освещение, даже самые глазастые могут наехать на препятствие в темноте...
— Оставь Хертшеи в покое.
— Ага! Значит, речь пойдет о господине Байнацки.
— За что вы его арестовали?

— Не мы. Получен приказ из области. На него доносит один из его бывших подчиненных. Уже в третий раз.

— Твое мнение?

— Я уже два раза занимался его персоной. Дрянь человечишко, но с большим самомнением. Да и совесть ему почистить не мешало бы парочкой пощечин. Но политику ему пришить никаких оснований нет.

— Тогда как же можно?..

— Не разводи пары. Нынче, если про кого-нибудь скажут, что он украл купол с собора Святого Иштвана, сперва назначат расследование, а уж потом последует арест. Но, если заявитель начнет с того, что господин икс в прошлом был фашистом, легко может случиться, что его сначала посадят за решетку, а уж потом будут разбираться.

— А тем временем отъявленные подлецы преспокойно разгуливают себе на свободе и посмеиваются в кулак!

— Э, командир, у тех подлецов оправдательная бумага есть!

— Бумага?

— Недооцениваешь. В той бумаге значится, что они в трудное время либо спасали евреев, либо укрывали штрафников, а не то прятали политических. Одному они старое пальто сунули, другому шепнули: «Смывайся, приятель, поскорее, первого мая будет полицейская облава и тебя загребут!» Каждое утро я встречаю на улице господина Штадлера. В Гемеше каждая собака знает, что именно он организовал в городе местный фольксбунд. Только попозже, когда запахло жареным, он погрузил в двуколку три корзины хлеба, несколько шматков сала и отвез все это евреям в гетто. Кроме того, он еще утверждает, будто ругался с жандармами у ворот. Спрашивается, какой идиот жандарм будет противиться всесильному фюреру местных фольксбундовцев? Хлеб с салом ели человек двадцать, а видели все четыреста. Из тех, кому удалось уцелеть и вернуться из лагерей смерти, тридцать восемь душ подписали бумагу, что господин Штадлер, сам рискуя жизнью, материально поддерживал узников гетто. Каково?

— И ты на этом успокоился?

— Черта с два! Пять раз я сажал это дерьмо в кутузку, и пять раз он выходил оттуда, ухмыляясь во весь рот. Тогда я тоже решил заняться сбором соответствующих подписей.

— Чьих? Бывших репрессированных? Тех, что попали в гетто?

— Нет, зачем же, я собираю подписи бывших фольксбундовцев. Тех, у кого он был фюрером. Эти швабы отлично смекают, когда и откуда ветер дует, и пишут все как по нотам. Чем занимался герр Штадлер в лихие времена? Оказывается, всем понемногу, начиная от грабежа и присвоения имущества интернированных и кончая прямым террором.

— Неплохо задумано.

— Теперь интересуюсь, насколько судьи знают арифметику. Сто восемьдесят шесть швабов все же больше, чем тридцать восемь евреев.

— Ну, а что с Байнацки?

— Выпустят его, не беспокойся. Дня через три будет на свободе. Реакционный тип, это факт, но больше ничего за ним нет. Если бы мы всех реакционеров сажали за решетку, то одна треть населения страны сидела бы сейчас в кутузке, а две другие трети сторожили бы их, сменяясь по очереди.

— Пожалуй, я все-таки позвоню в обком.

Теттеш запустил пятерню в свои густые, коротко подстриженные кудри.

— Послушай дружеского совета: не делай этого.

— Предлагаешь равнодушно взирать, как наша полиция сажает людей по ложным доносам?

— Не в этом дело. В случае с Байнацки ты, как бы это выразиться, являешься лицом заинтересованным.

— Ты с ума спятил? Он выгнал меня из дома!

— А ты рассказал об этом секретарю обкома?

— Это не партийное дело!

Теттеш наморщил лоб, что совсем не шло к его гладкому и круглому мальчишескому лицу.

— Не сердись, командир, но ты довольно опрометчив. И нетерпим, как всегда. Ты сам хочешь диктовать миру, что справедливо, а что нет. Но этот мир вокруг тебя не так прост... Послушай-ка лучше меня. Тот, кто пишет заявления на Байнацки, член партии. Тебя он тоже мазнул дегтем. Дескать, используя свой авторитет и служебное положение, Цобор препятствует вершить правосудие. И это еще не все. Он накрутил еще кое-кого, в том числе и одного члена из твоей организации, чтобы они выразили тревогу по поводу того, что руководитель коммуни-

стов района поддерживает отношение с неким бывшим его превосходительством фашистом Байпацки.

— Этого члена моей организации зовут Жука, не так ли?

— Гляди-ка,— Теттеш улыбнулся,— тебя, видать, тоже мама на головку в детстве не роняла.

— С того дня, как мы разделили на участки помещичий фруктовый сад, Жука ходит по парцеллам. Ищет получше, чем ему достался. Найдет — выменивает, не получится — требует поддержки от властей, ссылается на свое революционное прошлое, о котором мне известно лишь, что однажды он получил полтора года отсидки, а за что — никто толком не знает. Сейчас он уже за пятый участок взялся. В первый раз я его поддержал, а потом вызвал и объяснил, что у нас в Венгрии принята реформа о разделе помещичьей земли, а не о выборе для себя садов и огородов получше. — Дым от сигареты попал Цобору в глаза, он сощурился, как от солнца, встал и прошелся по комнате.— Такой переворот жизни, какой произошел у нас, поднял наверх не только угнетенных, но и всякого рода шлак, подонков и люмпенов. И если высшее начальство не может разобраться, кто из них кто, оно не заслуживает своего места.

— Ты слишком многого ждешь от начальства, командир.

— Замолчи!

— Представь себе, что ты ходишь под деревом, но не видишь, что на нем вороньи гнезда. А сверху на тебя капают птицы: раз, два, десять. Сможешь ли ты после этого отчистить свою шляпу до последнего пятнышка?

— Я просто не пойду под дерево с вороньём.

— Черта с два! Мы все там ползаем с утра до ночи, Цобор рассмеялся.

— Тогда сложим руки и будем оптимистами, так?

— Зачем же? Нужно только трезво смотреть на вещи. Сам знаешь, мы были офицерами, пришли оттуда, можно сказать, с другой стороны...

— Оттуда, откуда могли. Но пришли честно, по совести. Я хочу работать, а не тратить свое время и нервы на то, чтобы защищать себя от подлых клеветников.

— Боже, какая наивность! Ни черта ты не понимаешь, командир! — Теттеш вскочил и пинком отшвырнул стул в угол комнаты. — Как только там, в Будапеште,

найдут на наше место подходящих парней, мы с тобой можем катиться на все четыре стороны!

— Их не так-то много, старина.

— Ничего, можно выдвинуть из глубинки.

— Тоже не просто. Демократия может строиться исключительно на способных людях, других критериев для нее нет. Тупость же подходит только для террора.

Теттеш прошел в угол, приподнял стул одной рукой к потолку, затем перехватил другой.

— Объясняй все это высшему начальству, а мне не надо. Я лучше поберегу себя сам. Кто я, что я, почему здесь? Все это я не устаю повторять где следует, все равно, спрашивают меня об этом или нет. Пусть слышат не только от других! Советую и тебе так поступать.

— Слишком утомительно.

— Разве тебе не хочется хорошенько дать этому Байнацки под зад?

— Хочется, да еще как!

— Так не молчи об этом! Говори сам обо всем, что врут про тебя за твоей спиной, опровергай, разоблачай!

— Например?

— Например, что у тебя с дочерью Байнацки роман.

— К Бланке не прикасайся!

— Жаль, охотно пригласил бы ее в кино. Красивая женщина!

— Я женюсь на ней!

Теттеш от неожиданности сел и громко икнул:

— Ну дела...

— И об этом решении перед свадьбой я, разумеется, проинформирую товарищей из обкома.

— А они все так и запрыгают от восторга. Феноменально! Ну, а пока?

— А пока мне нечего больше прибавить.

— Опомнись, Лукач! Есть в тебе что-то, не знаю, как назвать... Глядите, мол, я так решил и с места не сойду, пропади все пропадом! Нет, старина, лет сто назад это еще могло кому-то понравиться, но в наше время — сомневаюсь.

— Мне пора, дружок. О том, что я сказал тебе про Бланку, прошу никому ни слова.

После обеда Цобор выкурил сигарету, потом вышел в сад и съел несколько сочных груш. Якоб Гал, прежде

чем вынести поднос с посудой после обеда, положил на стол аккуратно перевязанный сверток — передачу для Арпи. По его словам, в нем были сало, колбаса, кусок окорока и сладкая паляница. Цобор написал сверху адрес тюрьмы. Свидания с братом пока не разрешили, и он поддерживал с ним связь только по почте, каждую неделю отправляя посылку и длинное письмо, полное общих слов и туманных советов. О чем писать, если не знаешь фактов? Письма получались невеселые и маловразумительные.

— Спасибо, дядюшка Якоб. Вы отнесете это на почту?

— Конечно, ваша честь.

— Я бы и сам не поленился, если бы не эти паскудные девчонки в почтовом отделении. Все время шепчутся, да так, чтобы я мог услышать: «Глядите-ка, красный братец зеленому передачу шлет».

— В этом, прошу покорно, ни на грош правды нет. Молодой барин Арпи никогда не был нилашистом и зеленой рубахи не носил.

— Не носил, верно.

— Ныне люди слишком многое стали себе позволять. Этакое сказать!.. А позвольте узнать, нет ли каких новостей от господина Арпада?

— Через два месяца с ним разрешат свидание.

— А так вообще?

— Ничего.

— Худо. Ничего не поделаешь, надо ждать.

Понурившись, старик направился было к двери, но Цобор окликнул его:

— Дядюшка Якоб!

— К вашим услугам, ваша честь.

— Подите сюда. В пятницу с утра не забудьте побриться и оденьтесь поприличнее.

— Мы куда-нибудь пойдем? А то я как раз начал окапывать лозу на винограднике, надо бы закончить...

— Да, мы сходим к нотариусу.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, дядюшка Якоб. Будем выправлять одну бумагу.

Употребив это обычное среди крестьян выражение, Цобор невольно улыбнулся. В другом месте и с другим собеседником он наверняка выразился бы иначе: ну, например, сказал бы, что мы-де составим документ, заключим соглашение о разделе имения, урегулируем наши зе-

мельные отношения по справедливости и так далее. Такова языковая мимикрия. Иными словами, адаптация к партнеру, в данном случае к собеседнику. И вообще, существует ли единый разговорный язык? Язык, фразеологическое богатство которого все используют однозначно и схоже? Чепуха! Каждый из его немногих друзей и множества знакомых говорит по-разному с дамой или девушкой из хорошей семьи, с супругой интеллигента или крестьянкой, с господином или мужиком, с врачом или рядовым продавцом в лавке. Выходцы из университета и лицеисты злоупотребляют латинскими изречениями, говорят длинно и витиевато; окончившие французский, немецкий или английский факультеты философского отделения к месту и не к месту вставляют иностранные обороты и словечки. Всякий тесный мирок, на которые разделен большой мир, общается между собой на некоем собственном наречии, и с таким удовольствием это делает, словно плещется в теплой луже, довольный собой, своими эмоциями и упражнениями ума. А теперь начинает складываться и новый, «кадровый» жаргон в среде ответственных и менее ответственных товарищей, который, отражая новые, ранее не существовавшие взаимосвязи, отношения и ситуации, риторику в общении с массами, зачастую смещает ударения в словах, а то и вовсе игнорирует все правила грамматики и синтаксиса. Все это, разумеется, не главное. Главное — формирование классов, перетряска общества, в котором рухнул старый строй, разъеденный проказой фашизма. Но вне основной общественно-экономической модели существует еще сфера образа мышления, духовной культуры, существуют такие категории, как поведение, характеры, сознание ответственности. Велики различия в этой сфере, и, после того как станет ясной классовая структура нации и государства, не они ли станут играть решающую роль?..

На подносе в узловатых пальцах Гала тихо звякнула посуда.

— Зачем это нужно, ваша честь?

— Так требует моя совесть, дядюшка Якоб.

— Совесть — вещь серьезная. Тогда, прошу прощения, конечно... — Гал умолк, устремив отсутствующий взгляд в сторону сада, где не видел ничего, кроме пустой собачьей будки.

«Опять нескладно начал разговор,— думал Цобор.— Совесть — это слишком абстрактно, беспредметно. Ста-

рик наверняка думает сейчас о том, не рехнулся ли я часом, если вот так вдруг, ни с того ни с сего хочу избавиться от чего-то такого, что принадлежит мне десятки лет. Или старается вспомнить, чем он меня обидел, чем заслужил такую немилость — выделить ему часть хозяйского владения, где он верой и правдой прослужил столько лет».

— Поймите, дядя Якоб,— продолжал Цобор, решив зайти с другого конца,— вам от хозяйства одни хлопоты, а мне только прибыль. Вы — теряете, я — получаю...

Гал поставил поднос на стол.

— Не знаю, в чем моя ошибка, ваша честь. Если до сих пор все было хорошо, отчего нельзя и дальше так оставить?

— Все и останется, дядя Якоб. Только более справедливо.

Гал метнул на Цобора острый взгляд и с укоризной добавил:

— А если, бог даст, в один прекрасный день явится домой ваш младший братец?

— Будет работать. Как я, например. Жить надо трудом, а кто не работает, тот не ест.

— Хорошо, но не всякая работа годится для человека из господ. Вот вы, ваша честь, прошу прощения, такую себе службу нашли, хуже не придумаешь. День и ночь маетесь, в дождь и в холод, как коробейник неприкаянный, собственного дома не видите...

Цобор сделал над собой усилие, чтобы не расхохотаться. Если бы старик знал, насколько близок он был к истине!

— Ну хорошо,— сказал Цобор.— Говорите, да или нет?

— Вы настаиваете, ваша честь... Что же... Но как все это вы себе представляете?

— Дом я оставляю за собой и половину сада, три сотни квадратов, а на вас запишу флигель, в котором вы живете, вторую половину сада, весь хозяйственный двор и постройки. Согласны?

— Ай-ай!..

— Не нравится?

— Слишком много, ваша честь.

— Это решено.

Старый Гал в смущении поднял поднос со стола, затем поставил его обратно.

— А мы, то есть я и моя Рози, чем мы обязаны будем это возместить?

— Будете ухаживать за садом. Урожай с моей половины пойдет мне, ровно столько, сколько я смогу съесть. Остальное вы продадите или сделаете с ним, что хотите. Кроме того, вы будете готовить мне один раз в день горячую пищу, обед или ужин, смотря по обстоятельствам. Согласны?

— И это все?

— Все.

— Сердечно благодарю, ваша честь. От имени тетки Рози, жены моей, тоже, хотя она ничегошеньки и не знает об этом.

— Не стоит благодарности.

— То есть как это не стоит? Да ведь это же...

— Оставьте, дядюшка Якоб. Мы договорились, все запишем, выправим бумагу, и точка.

— Я, ваша честь, если можно, платил бы лучше аренду. Либо компенсацию...

— Никакой аренды! Как я сказал, так и будет.

Щеки Цобора начали краснеть, он поскорее вскочил на мотоцикл и поехал со двора, чтобы не обрушить на упрямую голову старого слуги несколько крепких словечек.

— Так точно, ваша честь,— сказал ему вслед Якоб Гал.

По обочине шоссе, ведущего к железнодорожной станции, навстречу шел, прихрамывая на обе ноги, человек, лицо которого показалось Цобору знакомым. Пальто он держал на руке, как это обычно делал Ласло, а когда увидел, что мотоциклист собирается свернуть в боковую улицу, энергично замахал свободной рукой. Теперь Цобор окончательно узнал его, хотя расстояние между ними еще превышало сто шагов: Венцель Танач, заявитель и свидетель обвинения одновременно.

Зачем он тут? Правда, он обещал наведаться после того, как соберет всех оставшихся в живых после расстрела штрафников, чтобы Цобор мог с ними встретиться. Но об этом он мог бы сообщить ему и в письме. Или открылось что-нибудь похуже?..

Перед мысленным взором Цобора возникла их первая встреча в коридоре суда; он тогда чуть было не залепил

доносчику оплеуху, а Танач назвал свое имя и протянул ему руку для рукопожатия, которую он принял. Почему? Что заставило его это сделать?

Танач еще издали приветствовал его. Он тяжело дышал, становилось жарко. Тогда в суде он не показался Цобору таким крошечным.

«Карапуз»,— подумалось Цобору, словно он хотел себя предварить от возможных эмоций и импульсивных поступков. Был, помнится, в его роте такого же маленького роста рядовой по имени Берталан Апор. О нем кто-то из зубоскалов однокашников сочинил такие стихи:

В караул идет Апор,
Виден штык через забор...

«Экая тарабарщина! Глупости какие-то лезут в голову,— досадуя на себя, отметил Цобор.— А этот человек приехал по делу Арпи, так сказать, по вопросу о жизни и смерти брата».

Танач протянул руку, рукавом отер выступивший на лбу пот.

— Вот черти натопили! Или ангелы? — Он ткнул в небо пальцем.

— Они,— неопределенно отозвался Цобор.

— А секретаря тут, как я посмотрю, каждая собака знает. Кого не спроси, все тотчас дают ваш адрес и даже показывают, куда нужно идти.

Пришелец говорил легко, чуть помогая себе рукой, но в желтоватых глазах его читалась какая-то озабоченность.

— Прошу, зайдем ко мне, там прохладнее,— предложил Цобор, так как они остановились перед его домом.

Танач, не оглядываясь, сел на предложенный стул, достал портсигар и закурил.

— Я организовал для района шефскую бригаду из тридцати рабочих,— сказал он.— Вызвался сам, добровольно. Сказал, что у меня в Гемеше знакомый секретарь. Отличные мастера — каменщики, слесари, столяры, кровельщики. Два раза в месяц по воскресеньям они будут приезжать сюда из Будапешта в распоряжение вашего райкома, надо только заранее составить перечень наиболее срочных работ. Все починят, приведут в порядок, народ они добросовестный. За доброе слово, вознаграждения не надо. Считай, партийное поручение.

Цобор молча слушал. Ему вспомнилась школа в Кошерюкуте, сквозь дырявую крышу которой в классы лил дождь, больница в Модьороше, где в приемной отсутствовала дверь и местные крестьяне называли ее солярием, так что не только женщины, но и мужчины раздеваться для осмотра в ней не желали. Много тогда было зданий, покалеченных войной и ждавших умелых рук. Но эти мысли не могли снять напряжения, с которым Цобор смотрел на Танача. Он ждал от этого человека других слов; ведь платили они друг другу по иному счету. Танач тоже не почувствовал облегчения, рассказав о бригаде. Он попросил стакан воды.

— Вина, к сожалению, нет,— сказал Цобор.— Будет после нового урожая.

— Не пью, спасибо.— Танач опорожнил стакан, влага тотчас проступила на коже испариной. Он отерся рукавом.— Вы хотя бы рады?

— Чему?

— Что приедут мастера.

— Рад. Это доброе дело.

— Я тоже так думаю.

Гость попросил еще стакан воды, выпил, но уже медленнее. Взглядом нашел глаза Цобора:

— Не знаю, как и начать.

— Вы уже начали.

— Я о другом... Ну ладно. Явился домой Грюнвальд.

— Это кто такой?

— Один из штрафников, приданных роте, в которой служил ваш брат.

Цобор поднялся с кушетки, засунул руки в карманы брюк, с силой сдавил в кулаке коробок со спичками: «Чего от меня хочет этот человек? Вся его затея с шефской бригадой мастеров нужна была ему как умиротворяющая увертюра к жестокой трагедии?»

— Продолжайте,— жестко сказал Цобор.

— Грюнвальд многое пережил. В него стреляли в упор, но он каким-то чудом остался жив. Австрийские крестьяне подобрали его и отвезли в больницу. Три месяца спустя он выздоровел и вскоре вернулся на родину. Это было позавчера. Разузнав мой адрес, он пришел ко мне. Слушая его довольно несвязный рассказ, я обратил внимание на то, что он все время клянет какого-то Магори: «Проклятый палач! Грязный убийца, подохнуть бы тебе на месте! Чтобы вытекли твои глаза! Чтоб тебя вши

сожрали...» Ну и тому подобное. Слушал я его, а у самого кровь в жилах леденела. Наконец спрашиваю: «Грюнвальд, ты знаешь, кто отдал приказ стрелять в вас, беззащитных штрафников, там, на австрийской земле?» А он мне в ответ: «А ты разве не слышишь, кого я проклинаю? Подонок Магори, вот кто!» Вот и все.

— То есть как это все?

— Подпоручик Магори командовал первым взводом, ваш младший брат — вторым. Первый взвод под нажимом русских не смог удержать позицию и начал разбегаться, но, перед тем как бросить своих солдат на произвол судьбы, Магори успел отдать приказ о расстреле штрафников. Их всех поубивали, это вам известно.

— Где сейчас этот Магори?

— Не знаю.

— В Венгрии или за границей?

— Этого не знает никто. Вчера вечером я собрал всю компанию. Грюнвальд рассказал, где и как было дело. Ему можно верить. Он не только видел трупы расстрелянных, но и сам лежал среди них. Так что я очень сожалею...

— На что мне ваше сожаление? А если бы Грюнвальд вообще не появился? Вы понимаете, что вы сделали?

— Понимаю. Но Грюнвальд появился.

— Великодушный правдоискатель! Вы обрекаете моего родного брата на пожизненное заключение, чуть ли не на виселицу, а потом вдруг говорите: «Пардон! Вышла небольшая ошибочка!» Словно нечаянно наступили кому-то в трамвае на ногу...

— Будьте человеком, Цобор. Мне нелегко было решиться прийти к вам. Может, и организовать бригаду тоже...

— Так что же?

— Подавайте кассацию о пересмотре дела.

— Кто, я?

— Вы. Точнее, ваш брат.

— Разве мы нарушили закон?

— Все равно, после вынесения приговора таков порядок. Появился новый свидетель, главный; он единственный очевидец преступления. Все остальные, я и мои товарищи по несчастью, на первом же судебном заседании официально откажемся от своих прежних показаний.

— А почему вы не пошли к верховному прокурору? Пусть он сам назначит пересмотр дела в порядке надзора.

— Я хотел сначала поговорить с вами. Думаю, мы вместе дадим делу более быстрый ход. Колеса аппарата юстиции сейчас вращаются, к сожалению, слишком медленно. Наймите толкового адвоката, чем скорее, тем лучше. Я порекомендовал бы вам одного. Честнейший человек, коммунист; он не запросит много, и тогда...

— Подите к черту с вашим адвокатом! Пусть тот, кто засадил моего брата за решетку, его оттуда и вытаскивает!

По щекам Танача текли струйки пота, капая с подбородка на пол.

— Я сделаю все, что смогу. Обращусь за помощью в Центральный Комитет партии. Пойдите и вы в обком.

— За помощью? Прежде всего надо было помочь вам, уважаемый товарищ Танач, научиться беспристрастно оценивать людей. Вы знаете, сколько пройдет времени, пока назначат пересмотр дела в суде? Долгие месяцы. Но для вас-то это, так сказать, пустой звук, мелочь. Не вы ведь сидите за решеткой...

Танач встал, взял с подлокотника кресла пиджак, потоптался, рассеянно оглядываясь вокруг. Он хотел одного: спасти человека, исправить роковую ошибку, рассеять тяжкое и горькое, но, к счастью, поправимое заблуждение. По всей видимости, Цобор не понимал его или не хотел понять.

— Все мы люди,— проговорил Танач.

Цобор со злостью отпарировал:

— Вы хотите сказать, что человеку свойственно ошибаться? Но одно дело ошибиться случайно, другое — намеренно!

— Не говорите так! Я не мог думать иначе, зная только то, что знал...

— Давайте закончим об этом. Что же касается шефской бригады, то полагаю, вам надо подыскать для себя другой район. Общаться с вами я не имею ни малейшего желания.

— Послушайте, Цобор, это ведь не ваше личное дело. Мое предложение о выездах бригады я не снимаю. А пока прощайте!—Танач протянул руку, но Цобор сцепил свои пальцы за спиной. Впоследствии он вспоминал об этом:

«Почему я принял руку Танача, когда тот требовал голову моего брата, и почему оттолкнул ее, когда он принес надежду?..»

Цобор поднял жалюзи и стал смотреть на раскинувшуюся у подножия холмов старую часть Гемеша: на просторные крестьянские дворы; на сербский собор, колокольню которого в дни войны надвое расщепил попавший в нее артиллерийский снаряд; на замок Палапди, украшенный массивными пилонами, в котором уже давно никто не жил; на две приземистые замковые башни; на заваленный всевозможным мусором безлюдный двор; на похожее на обыкновенную господскую усадьбу здание местной гимназии, построенное почти два века назад, из ворот которой он сам семь лет назад вышел в строю выпускников, направлявшихся в городской магистрат для торжественной церемонии вручения аттестата зрелости.

Некоторое время Цобор никак не мог сосредоточиться.

«Последовательность, вот чего не хватает всем во всем мире, а ведь именно она-то и является ключом к решению любых задач»,— думал он.

Слегка приволакивая искалеченную ногу, по пыльной улочке медленно ковылял полусонный почтальон. Подойдя к воротам дома Цоборов, он сначала нацелился взглядом на почтовый ящик и только потом достал конверт и опустил его в щель.

«От Арпи! — мелькнула мысль у Лукача.— Ведь из всего семейства Цоборов в живых остались теперь только он и я».

Цобор поспешил вниз, вынул письмо из ящика, но оно, к сожалению, оказалось вовсе не от Арпи. В конверт было вложено официальное приглашение на совещание районного партийного актива, которое он сам же и подписывал перед рассылкой адресатам.

Бросив конверт на кушетку, он снова задумался:

«Неужели на самом деле нельзя разгадать человека с помощью обычной логики? Но тогда, чем же, какой броней прикрывает он свои истинные цели, планы и устремления?»

Цобор позвонил по телефону адвокату Аладару Вермешу, но того не оказалось дома. Жена адвоката ответила, что, возможно, муж вернется через полчаса.

Повернув изразцовую плитку, скрывавшую их семейный тайник, Цобор вынул из него сверток, в котором ле-

жала широкая массивная золотая цепочка для часов, унаследованная им от деда вместе с дорогим перстнем, украшенным печаткой. С тех пор как демобилизовался из армии, Цобор так ни разу и не надел его на палец. Рассеянно взвесив обе вещицы на ладони, подумал: «Вот и все мое состояние, все богатство. Но хватит ли этого?..»

Без четверти четыре Цобор снова набрал номер телефона Вермеша, но опять безуспешно: адвокат все еще где-то мыкался по городу. Цобор с раздражением бросил трубку на рычаг, ждать дальше не было ни смысла, ни времени. Прежде всего надо покончить с этой нелепой заводской историей. Блюм уже наверняка с нетерпением дожидается его у себя дома и топчется возле окна.

Сев на мотоцикл, Цобор промчался по улице Сечени, затем свернул на параллельную и понесся вдоль богатых особняков. Подъехав к вилле Блюма, он резко нажал на тормоз, машина юзом проехала еще метров двадцать по усыпанной белым гравием дорожке и остановилась.

«Ишь ты, расхаживают по белому гравию,— мысленно констатировал про себя он,— а нам, пролетариям, улицы посыпают шлаком».

Блюм был наэлектризован до предела и говорил необычно громко, энергично размахивал худыми руками.

— Вы волшебник,— бубнил он.— Я взобрался на вершину Турецкого холма, ведь оттуда открывается как на ладони вся территория моей фабрики. Какой вид! Какая суета!

Блюм достал бутылку коньяку, но Цобор вежливо отказался от угощения.

— Спешите? — поинтересовался фабрикант.

— С вашего позволения, да.

— Тогда приступим к делу. У меня, собственно, все в полном порядке. Мне удалось договориться с моим партнером...— И он назвал Цобору фамилию и адрес своего компаньона.

— Ровно в десять утра, ни минутой раньше или позже, он ждет вас у себя,— добавил он многозначительно.

— Вы сказали ему, кто я такой?

— Боже упаси!

— Правильно. Когда мне зайти к вам за деньгами?

— Я передам вам их сейчас же. Пройдемте со мной.

— А какого черта я с ними буду делать до завтрашнего утра?

— Отвезете к себе домой.

— Но я не сразу еду домой.

— Все равно. По крайней мере вы убедитесь в том, насколько я вам доверяю.

— Чихал я на ваше доверие! Зачем мне лишняя обуза.

— Дорогой господин секретарь, гораздо лучше, если завтра утром вас не будут видеть возле моего дома. Надеюсь, вы меня понимаете?

Цобор невольно выругался, но протестовать все же не стал. Он последовал за фабрикантом, который провел его в маленькую каморку, такую тесную, что это никак не вязалось с остальными апартаментами виллы.

— Это мой кабинет, или, если угодно, домашняя канцелярия,— пояснил Блюм.

Меблировка комнаты была более чем скромной: письменный стол, шкаф и два стула. Напротив стола на стене висела картина, изображавшая фабрику Блюма вместе с двором и всеми угодьями. Жалкая мазня: бетонные дорожки, соединявшие отдельные постройки, освещались солнцем, намалеванным в углу, отчего почему-то казались розовыми и разбегались в разные стороны, шиферная крыша главного корпуса была неизвестно почему лиловой, зато тополя, росшие вдоль заводской ограды, выглядели ядовито-зелеными, как искусственный пруд в Галмади перед бурей.

Заметив скептический взгляд Цобора, Блюм усмехнулся:

— Не шедевр, верно?

— Мягко говоря, пожалуй.

— Видите ли, позади настоящей картины грабители всегда что-нибудь заподозрят: сейф или тайник. А на такую пачкотню они даже не обратят внимания.

— Гм... А если эти грабители не имеют ни малейшего представления о том, как выглядит настоящая картина?

— Тогда мне просто не повезет.— Отодвинув картину в сторону, Блюм отпер потайной сейф и вынул из него элегантный кожаный портфель. Вытряхнув его содержимое на стол, он произнес: — Здесь вся сумма. В десятидолларовых купюрах, шестьдесят пачек.

— Но их по карманам не рассуешь.

— Тогда сложим деньги обратно в портфель. Знаете что? Сам портфель вы примете от меня в подарок.

— Ручка слишком мала, на руль мотоцикла его не повесишь.

— Ну это можно уладить как-то иначе. Итак, пересчитаем деньги.

— Я уже сказал, я спешу.

— Но, сударь мой, деньги есть деньги!

Цобору ничего не оставалось, как сесть к столу. Торопливо слюнявя пальцы, он неумело пересчитал деньги вслед за Блюмом. Когда они покончили с этим, часы показывали четверть шестого. Заперев замок портфеля никелированным ключиком, фабрикант вручил его Цобору вместе с портфелем.

— Расписку вам написать? — спросил Цобор.

— Оставьте!

— Дайте мне какой-нибудь ремень.

— Вряд ли могу вам в этом помочь.

— Сгодится и простой брючный.

— Увы, всю жизнь ношу брюки только на подтяжках. А вот вы, пожалуй, могли бы на время обойтись без своего.

— Не имею ни малейшего желания мотаться по городу на мотоцикле в подштанниках.

— Конечно, конечно. Что ж, посмотрим тогда здесь...

Блюм начал рыться в шкафу, набитом старыми бумагами и еще каким-то хламом.

Цобор недовольно наблюдал за ним: «Черт бы побрал всю эту суету! Ношусь взад-вперед как угорелый, затыкаю дырки в худом баркасе, вместо того чтобы править рулем и парусами. Все это мелочи. Конечно, может быть, и очень существенные, однако такие, что не имеют самостоятельного значения, а являются лишь кусочками огромной мозаики, которую, возможно, мне так никогда и не удастся увидеть целиком. «Все мы бродим под галочьими гнездами»,— сказал как-то Теттеш. Неужели он все-таки прав? Но почему я, Цобор, так поступаю? Почему? Терплю всю эту грязь? Именно я? Об этом нужно как следует поразмыслить. Побольше шевелить мозгами, а не гонять как угорелый на мотоцикле...»

Цобору пришло на память саркастическое замечание Матраи во время их последней встречи. «В этой легкомысленной стране каждый мнит, что он знает все,— сказал он с раздражением.— А на самом деле никто ничего не знает. Именно из-за этого на протяжении всей нашей

тысячелетней истории происходило больше всего бед. Мы дергаем вожжи, когда они находятся в чужих руках, и не желаем прикасаться к ним, когда представляется удобный случай ими овладеть».

Тогда они говорили о будущем страны. Разумеется, не о грядущем тысячелетии, а забегая всего лишь лет на десять вперед, не больше. Матраи, он же Миакич, видел выход из создавшегося положения не в длительном и беспадежном кокетстве с Западом, а в мирном единении со славянами, энергично излагая все преимущества, вытекающие из возможного с ними союза. Впрочем, что другое можно было ожидать от этого серба по крови? Но Цобора сердило вовсе не это. Матраи не понимал, или не до конца понимал, что для новой политической ориентации необходимо произвести генеральную переоценку всего венгерского тысячелетнего наследия, забраковать и выбросить все старое и вредное, освободиться от взаимных обвинений и сведения счетов с соседями. Цобора раздражало то, что он не умел как следует объяснить Матраи сути этого пересмотра внутренней и внешней политики страны, поскольку у партии тогда еще не было четко сформулированной программы на десять лет вперед, а если она и была, то, во всяком случае, он лично о ней не имел понятия. А пока цели конкретны: раздел помещичьей земли, восстановление страны, создание независимой, свободной, демократической Венгрии. Образовалось несколько различных партий, множество комитетов, еще больше всевозможных организаций. Ладно, пусть так, где-то и как-то начинать нужно. Хватаемся за все сразу. Но, спрашивается, до каких же пор будет длиться эта штурмовщина? Где система, где критерии, где анализ, с помощью которого можно точно определить сложившуюся ситуацию? Каковы наши перспективы на будущее? Каковы возможные последствия? Кто может точно сказать, что собой представляет эта страна и какой станет в будущем? Да и знает ли это хоть кто-нибудь? А если знает, то представляет ли себе, что есть истина, основанная на фактах, а что всего лишь предположение? Что именно из прошлого справедливо и нужно сегодня? И что из сегодняшнего останется таким же для завтрашнего дня? Без должного анализа большая часть граждан будет, лишь не разжевывая, проглатывать различные лозунги. Сегодня этот, завтра тот.

Тем временем Блюм вытащил откуда-то довольно тол-

стый шнур, сплетенный из красных, белых и зеленых ни-тей, и спросил:

— Это подойдет?

— У вас превосходный нюх на политическую обстановку. Только, если вы изволили заметить, мир, в котором мы сегодня живем, не очень-то рядится в цвета национального флага, как прежде.

— Прошу вас, это всего лишь шнурок, а не символ.

Продев шнурок в кольца портфеля, к которым крепится ручка, Блюм примерил шнур на шею Цобору и, стянув его надежным узлом, отрезал лишнее.

Цобор привез портфель с деньгами к себе домой. Войдя в комнату, он покрутился немного, ища место, куда бы спрятать деньги. Не придумав ничего лучшего, он засунул портфель под матрас. Потом позвонил Вермешу. На этот раз удачно — адвокат оказался дома. Наконец-то!

Спустя минут десять Цобор уже был у него на квартире. Покачивая головой на длинной, как у гуся, шее, адвокат с видимой неохотой слушал секретаря райкома, время от времени прерывая его речь удивленными восклицаниями.

— Гиблое дело,— заключил адвокат, выслушав Цобора до конца.— Лучше па денек наймусь к тебе окапывать виноградник, это вернее.

— Почему? У нас есть теперь такой свидетель, что стоит ему только открыть рот, как Арни сразу же освободят.

Вермеш громко икнул:

— Извини, я сегодня поздно обедал.

— Мне рекомендовали одного адвоката, но я сразу же подумал о тебе. Как-никак мы ведь старые знакомые...

— Кого же тебе рекомендовали?

— Неважно. Разве ты не возьмешься?

— Не обижайся, но я довольно наслышан о подобных делах. Если адвокат по такому делу в суде даже заикнуться не посмеет, какой смысл его брать? Если же он слишком широко раскроет рот, его запросто могут превратить в свидетеля, а то, чего доброго, и в обвиняемого.

— Такого быть не может!

— Не должно, однако бывает. Знаешь что? Обратись-ка ты лучше к Касони. К нему, я знаю, частенько захаживает один козырной туз из народного трибунала. Они дружки.

— Но ведь Касони состоит в партии мелких сельских хозяев.

— Ну и что?

— Если мне все же придется обращаться за помощью в обком, товарищи вряд ли этому обрадуются.

— Ну, тебе виднее, старина.

— Я не хочу тебя уговаривать, но...

— И не стоит. Видишь ли... Пока я беру только мелкие дела. Воровство, мошенничество, оговор, брачный аферизм, разводы. За дело по ограблению я еще подумаю, браться или нет. Устал я, да и нервы у меня уже не те, что прежде. На фронте, на берегах Днепра, меня два раза сбивали советские истребители, а потом злую штуку со мной сыграл парашют: раскрылся перед самой землей, и я сломал себе обе ноги...

— Если ты отказываешься, оправдываться незачем.

— Я просто побаиваюсь. И хочу, чтобы ты меня понял.

— Сейчас все мы этого хотим. Чтобы нас поняли.

— Поговори лучше с моим коллегой Ратки. Правда, получив от тебя задаток, он тут же пропьет его, а с тех пор как четырнадцать лет назад он появился в городе, я что-то не слышал ни об одном выигранном им процессе. Но он все-таки адвокат. И ничего не боится.

Цобор заметил, что жена адвоката прислонилась к косяку полуоткрытой двери в соседней комнате и, не шевелясь, смотрит на лысый затылок мужа, как обычно смотрят на пустое место. «Что-то здесь было, но исчезло, а то, что осталось, совсем не то»,— говорил, казалось, ее унылый взгляд.

Цобор поспешил распрощаться.

Вечером к девяти его ждала Бланка. Сейчас часы показывали три. Цобор вспомнил свой телефонный разговор с ней:

«Милая, нельзя ли мне приехать сегодня пораньше? Ну, хотя бы на час?»

«Нет. Приходи, когда совсем стемнеет. И только пешком».

Этот ответ Бланки не выходил из головы Лукача с самого утра.

«Она осталась в доме одна. К чему эти предосторожности? Чего она боится? У нее даже голос стал другим. Да, голос у нее действительно звучал как-то странно. Хо-

лодно? Нет. Слишком сухо? Тоже нет. Быть может, более решительно?..»

Цобор вспомнил о Яшко, секретаре ячейки в Кешерюкуте, который на неделе по нескольку раз ругался с социал-демократами. В чем дело? Он решил заглянуть в Кешерюкут.

Выехав на шоссе, Цобор дал полный газ и помчался вперед. На такой скорости он не чувствовал даже мелких воронок от мин — стрелка спидометра танцевала вокруг отметки «120».

«Сто двадцать,— мысленно отметил Лукач.— Вот какую скорость выдерживает мой старый примус, молодец. Зато я дурак набитый, нужно было послушаться Танача, когда он предложил: хотите, порекомендую вам одного адвоката. Честный малый, к тому же много не запросит. Теперь поздно, а если еще и не совсем, то придется заискивать, рассыпаться перед Таначем в извинениях.— Цобор прикинул несколько возможных вариантов: — «Не сердись, я, конечно, был не прав и не справедлив». Это, пожалуй, слишком. Да и неправда. Кто, собственно, был несправедлив? Кого винить? Только обстоятельства. Нет. Надо иначе. «Прости, что отказался пожать твою руку, но не удивляйся, что я вспылил». Разумеется, можно и по-другому, без реверансов: глупо, мол, нам, товарищам, ссориться друг с другом. Забудем, давай адрес твоего адвоката...»

Подъехав к околице Кешерюкута, Цобор сбавил скорость. Весь ячмень был уже скошен, да и большая часть пшеничного клина тоже, о чем свидетельствовали копны, разбросанные по жнивью. По улице села безмятежно разгуливали утки, гуси и наседки с цыплятами. Несколько стариков сидели на скамеечках в тени деревьев.

Цобор остановился перед домом секретаря. Заслышав шум подъехавшего мотоцикла, из чрева старенькой, видавшей виды молотилки вылез Яшко, грязный как черт.

С этим Яшко он серьезно поцапался еще в мае. Как-то в воскресенье Цобор заехал к нему с утра, но не застал. Дома оказалась лишь жена, которая тут же усадила гостя за стол, потчевала его холодной простоквашей, заверив, что муж скоро вернется, как только в костеле окончится заутреня.

От этих слов Цобор чуть было не выпустил из рук тяжелую глиняную крынку с простоквашей.

«Что такое? Яшко ходит в церковь? А чуть что, Яшко бьет себя в грудь: «Не учите меня, зеленые еще». И начнет, что он, мол, коммунист, в партии с 1939 года, что его, первоклассного механика, выгоняли отовсюду в старое время только за то, что он не желал держать язык за зубами. Все это так. А теперь оказывается, что он в церковь ходит. Свихнулся, что ли? Уму непостижимо!»

Как только Яшко переступил порог, Цобор тотчас на него набросился:

— Что, грешный секретарь? Грехи замаливать ходишь?

Яшко, улыбаясь во весь рот и широко расставив ноги, остановился посреди кухни. Из кармана воскресного пиджака торчала рукоятка старомодного кавалерийского пистолета марки «Штейер».

— Бывало, как только не поносил нас раньше его преподобие,— сказал он.— А теперь, когда я сижу перед ним на первой скамье, слова дурного не вымолвит. Закрыл фонтан наш попик, капут.

Цобор готов был расхохотаться, но воздержался. Пожалуй, в поступках Яшко было нечто напоминавшее его собственный, Цобора, стиль работы, только, так сказать, в более примитивной и грубоватой аранжировке.

Мысль об этом еще больше разозлила Цобора.

— Распустился ты совсем! Чем думаешь?

— Как чем? Очень даже неплохой метод. Сегодня, к примеру, его преподобие уже заявил в своей проповеди, что коммунисты тоже люди.

— А верующие?! Неужели ты не понимаешь, что вредишь нашему делу? В церковь с пистолетом в кармане! Вот посмотришь, за кого они будут голосовать на выборах.

Однако Яшко непоколебимо стоял на своем:

— Наш священник злоупотребляет церковной кафедрой! В открытую, подлец, ведет агитацию в пользу партии мелких сельских хозяев. Что же прикажешь делать? Согнать его с амвона и самому читать проповеди?

— Навести его еще разок, потолкуй, разъясни. Но только без пушки.

— Брось, товарищ Цобор. Этого откормленного каплуна словами не проймешь. Он сам кого хочешь заговорит, а я, как ты знаешь, не оратор. А вот как глянет он на эту штуковину, сразу овечкой становится.

— Как бы там ни было, а больше с оружием в церковь ходить я запрещаю!

— Буду ходить. Можешь так и доложить в обкоме.

— Не стану я этого делать: сам обо всем доложишь!

Цобор не мог точно сказать, сколько еще раз Яшко появлялся в храме божьем со «Штейсром» в кармане, однако после троицы, если верить информации местного секретаря партии мелких сельских хозяев, от дискуссий с пистолетом он все же отказался.

— Сервус, товарищ Цобор,— поздоровался Яшко.

Отойдя от молотилки на несколько шагов, он оглянулся и с досадой сплюнул. Обе руки у него были перепачканы грязью и машинным маслом, в правой он держал разводной ключ и потому протянул Лукачу для рукопожатия не ладонь, а запястье.

— Вот, односельчане с того конца притащили сюда эту рухлядь. Хозяин со всей семьей погиб при бомбежке, а на этот хлам, стоявший у него в сарае, только обрушилась крыша, но машина уцелела. Уж лучше бы ее разнесло! Я бы охотно отправил эту рухлядь назад, только куда там. Битых два дня упрашивали, чтобы я ее в ход пустил. Пусть, мол, молотилка твоей будет, только помоги обмолотить пшеницу.

— Предпринимателем, выходит, заделался?

Яшко скривил губы:

— Да еще каким, чудо! Договорились мы до того, что я чиню молотилку и обмолачиваю их урожай, а они со мной за это расплачиваются, как обычно, зерном. Если не просчитался, будет у меня сто сорок — сто пятьдесят центнеров пшеницы. Правда, из них на сегодняшний день за детали этой дохлятины уже истрачено сто двадцать. Вернее, придется отдать после обмолота, ведь сейчас зерна еще нет и в помине.

— И ты ее починишь?

— Должен починить. Послезавтра обещали привезти новый барабан, старый совсем уж пришел в негодность. Но и на нем вытяну еще центнеров двадцать.

— Этак ты, пожалуй, разбогатеешь.

— Где там! Хорошо, если эта рухлядь еще в этом году на части не развалится. Ну и осел же я был, когда дал себя уговорить, даже не взглянув на машину. Каких мук я с ней натерпелся, сказать трудно. Все пришлось заме-

нять, даже землю, по которой она ковылять будет...— Тут Яшко неожиданно развеселился: — Зато теперь, по крайней мере, и у меня козырь имеется. Вон там, пониже моего дома, живут богатые хозяева, хитрющие бестии, набожные, все к попу льнут. Уж как они обхаживали меня! «Господин Яшко, начните, пожалуйста, с меня, в обиде не будете!» А я молчу, надейтесь, мол, но ничего не обещаю. А вот когда молотилка начнет работать, я им покажу, куда идти! Марш к его преподобию, пусть он вам зернышки из колосков вымаливает!

— Скажи, а умно ли ты поступаешь, вступая в распри с католиками?

— Не я их начал.

— Тем хуже. Значит, тебя заманили в ловушку.

— Умно! Ненавижу это слово. Да будь я семи пядей во лбу, перетащить этих людей на нашу сторону не сумею.

— Не сегодня, так завтра, наберись терпения.

— Никогда! Лучше задаром работать ради тех, кто гол как сокол. Они по крайней мере не забудут этого.

С этими словами Яшко подвел Цобора к кое-как сбитому из досок сараю и торжественно распахнул перед ним скрипучую дверь. Посреди сарая стоял старинный мотор, работающий на газе от древесного угля. Громоздкий темный корпус мотора матово поблескивал. Яшко смотрел на него почти с благоговением.

— Вот за эту механику я ручаюсь. Сорок лет в ходу и еще столько же протянет.

Цобор ради приличия молча поглазел на машину, а затем спросил:

— С Вархеди у тебя какие отношения?

— Предатель и жулик. Хуже и опаснее, чем мелкие сельские хозяева.

— Это ты уже не раз говорил.

— И еще скажу! В сельском национальном комитете он выступает только после того, как выступал я, и всякий раз против. Разве с ним можно договориться? Собственник! Семь лет он владеет небольшим кирпичным заводом, каким был, таким остался. Вагонами продает черепицу налево и направо, из рабочих веревки вьет, как прежде, а если кто из них посмеет только пикнуть, сразу же вон с работы, катись на все четыре стороны. Ведь на его место добрый десяток охотников найдется, рабочие руки

пынче дешевые. Ты мне лучше объясни, как такой мерзавец мог стать председателем у социал-демократов?

— Выбрали.

— Как же так? Ведь он фабрикант!

— Земельный участок у него всего в два хольда, на нем он добывает и обжигает глину. Во всей компании трудится всего двенадцать человек, среди них и сам Вархеди.

— Фабрикант всегда остается фабрикантом! Я что-то не видел грязи у него под ногтями. А, собственно, почему бы ему и не быть председателем, если секретарем у них господин младший нотариус, а члены правления все до одного лавочники, ремесленники, возчики и черт знает кто еще. Даже аптекарь и тот есть! А спрашивается: что нужно аптекарю в рядах соцдемов?

— Место под солнцем, может быть. Об этом ты не подумал?

— Хорошо, пусть, речь не об этом. А вот рабочего среди них и днем с огнем не сыщешь, одни лишь покорные холопы Вархеди, а они, как известно, поют с голоса хозяина.

— В таком мире мы с тобой живем.

— Но он не будет таким! И я это докажу.

— Уж ты докажешь!

Раздосадованный, Цобор думал о том, каким нужно быть кудесником, какой силой и гибкостью ума обладать, чтобы убедить Яшко отказаться от желания одним махом переделать всех людей по своему образу и подобию? Если в него и верят еще самые бедные, то шаг за шагом он отпугнет этак от себя все село.

— Центральное руководство социал-демократов приняло предложение нашей партии. И весьма охотно приняло. Теперь обе рабочие партии будут совместными усилиями бороться против сил реакции.

— И когда же состоялось такое решение?

— Вчера. Напомни об этом Вархеди.

— Он и без меня об этом узнает. Подскажут сверху.

— Как ты понимаешь, это решение распространяется и на Кешерюкут. Мы должны сесть вместе с социал-демократами за один стол, нравится нам это или нет...

— Нет! Я с Вархеди и разговаривать-то не стану. Чего ты от меня хочешь? Чтобы я лизал ему зад?

— Ты обязан подчиниться и найти с ним общий язык.

— Ага! Обязан, значит! Тебе-то легко подчиняться,

Сидя в кабинете, ты только вчера приобрел свои принципы. А я эти принципы выстрадал! Меня им учили жандармы оплеухами, с работы выгоняли, голодом морили. И чтобы я...— Он чуть было не задохнулся от возмущения, лицо его стало багровым.

— Слушай меня внимательно, Яшко. Спор и вражда — две вещи разные, не путай. И, кроме того, пойми, что если мы будем действовать по старинке, то в здешней организации и через десять лет будет насчитываться тридцать один коммунист, а то и того меньше.

Возвращаясь домой, Цобор ехал медленно, стараясь объезжать попадавшиеся на дороге воронки. Стрелки на часах только близились к восьми. Поднявшийся ветер гнал обрывки облаков к западу.

Какой-нибудь начинающий прилежный психолог мог бы написать целое исследование о загадках психологии Яшко, наставить множество вопросительных знаков и сделать столько же предположений. Но суть дела оставалась ясной: Яшко, получивший в свое время от жизни тысячу оплеух, теперь хотел бы вернуть из них хотя бы сотню, не очень разбираясь, кому первому, кто попадется под руку. Подозрительным он, быть может, и не родился, а приобрел условный рефлекс недоверчивости позже, как его приобрели и многие из тех, кто длительное время жил в постоянном страхе перед провалом или разоблачением. Бдительность революционера имеет, по-видимому, и такие последствия.

Цобор не собирался задерживаться у райкома, если бы не Кечкеш, который, завидев его, энергично замахал руками, прося остановиться. Цобор не любил этого здания. Построенное в конце тридцатых годов в ложно классическом стиле, оно было конфисковано у одного нилашистского политикана-богача, сбежавшего на Запад. Все в этом доме было преувеличенно пышно, огромных размеров и вычурно, претенциозно.

В кабинете Цобора, где он старался бывать как можно реже, стоял громоздкий письменный стол размером четыре метра на два и такие огромные кресла, что в каждом из них смело могла бы расположиться дородная хавронья с десятью поросятами. На стенах красовалось десятка два рогов, охотничьих трофеев самого высокого достоинства, а в бронированном сейфе, стоявшем этаким чудищем в

углу комнаты, который отступавшие нилашисты попытались даже взорвать (его не смогли сдвинуть с места даже пять-шесть человек), смело разместился бы целый гардероб. В просторном туалете, облицованном изразцовой плиткой цвета лазури, свободно уместилась бы похоронная процессия из небольшой деревни. Злые языки утверждали даже, что при выборе здания для райкома партии размеры туалета якобы сыграли далеко не последнюю роль: он мог вместить всех паломников, а их ожидалось немало.

— Товарищ Цобор, ты свободен?

— Нет, занят.

— Я бы очень хотел, чтобы ты посмотрел нашу развлекательную программу. Задержись на минутку...

— А что за программа?

— Видишь ли...— Кечкеш начал считать, загибая худые пальцы.— Для начала прочтем несколько стихов Петефи, а затем сыграем две-три сценки, исполним народные песни, два номера из «Мишки-аристократа», трюк иллюзиониста с яйцами, ну а потом... Наш Мики Зелеми сочинил одну песенку, он же и слова к ней написал, так что сам под гитару и исполнит ее. В ней поется о наших солдатах, воевавших под Воронежом... Я семь раз ее слушал и каждый раз со слезами на глазах. Неужели ты не слышал о ней?..

Цобор покачал головой, но все же спросил:

— И какие же народные песни петь будут?

— Ну, например, «Журавли»...

— И это, по-твоему, народная песня?

Кечкеш сначала оторопел, а затем из него, как из незавязанного мешка, полились слова:

— Дорогой мой, тебе, конечно, некогда, да и откуда может быть свободное время у человека в твоем положении? Тебе в пору заниматься только важными делами, однако, для того чтобы чему-нибудь помешать, у тебя время находится! Нет-нет. Ну, а если «Журавли» и на самом деле не народная песня, что из того, а? Вы только и знаете, что пичкаете людей политикой. Все полны ею под самую завязку: тронь пальцем — брызнет. Но неужели вы не понимаете, что народ кроме всего прочего хочет и повеселиться, вволю похохотать, а иной раз и пореветь? А куда у нас пойдешь, что увидишь? Кино нет, помещение вконец развалилось, да и киномеханик куда-то сбежал. Цыгане задаром ни петь, ни танцевать не желают.

Инструменты, на которых раньше играл оркестр из пожарников, немцы увезли на Запад. Вот и получается, что у нас ничего нет, прямо хоть шаром покати... И мы, глядя на все это, даже не знаем, за что браться. На гитаре Мики не хватает двух струн, Лади превосходно бьет чечетку, а у него на ногах только тапочки на резиновом ходу. Знаешь ли ты, сколько мне пришлось побегать, пока я достал ему лаковые туфли сорок третьего размера? А для фокусника пришлось в кредит купить у старьевщика темно-серую тройку. Не может же он выходить к публике в пуловере и в лыжных штанах, а другого костюма у него нет.

Цобор невольно вспомнил, что в свое время этому Кечкешу — в ту пору он носил еще фамилию Клейн — принадлежал самый шикарный магазин готового платья на улице Сечени, в котором торговали швейцарскими сорочками, парижскими галстуками, английскими шляпами, зонтиками, шарфами — короче говоря, самыми лучшими товарами. Вернувшись из лагеря смерти в Равенсбрюке, он, как рассказывали, взял напрокат вязальную машину и начал изготовлять мужские носки, теплые женские рейтузы, майки и комбинации, а по субботам выходил на рынок, где продавал все это или же менял на продукты и пряжу. Большим бизнесом это, конечно, не назовешь, едва хватало на жизнь. В довершение всего его дом превратился в некое убежище, которое переполняли всякого рода обездоленные люди, лишенные во время бомбардировок крова, горемыки, ожидавшие вечера, чтобы получить у него бесплатно тарелку горячего супа на ужин.

— Ну, и как же ты думаешь организовать этот концерт? Продавать билеты?

— Нет конечно. Мы сами в складчину оплатим все расходы.

— А где его проводить? Здесь, в здании райкома?

— Разве это запрещено?

— Нет, отчего же.

— А я уж думал, что тебе и это не понравится!

— Скажи только... Зачем ты это делаешь?

— Странный вопрос, дружище. Я, разумеется, отнюдь не собираюсь покушаться на ваш великий авторитет, но только ты не подумай, что жители со всего города соберутся здесь ради вас, коммунистов. Неужели ты не понимаешь, что если людям концерт понравится, то на следующий раз их придет сюда еще больше? Если, ко-

нечно, им будет здесь хорошо. Понимаешь ли ты, о чем я говорю?

— Хорошо, как-нибудь вечерком я посмотрю вашу репетицию.

Кечкеш просиял:

— Ну наконец-то уговорил. К слову сказать, на будущее у нас более серьезные планы,— а затем почти шепотом добавил: — Представь себе, мы хотим поставить «Человеческую трагедию» Мадача... Ну, не всю целиком, конечно, этого мы не потянем, не хватит самодеятельных артистов да и декораций нужных нет, но коронную, египетскую сцену мы обязательно сыграем. Уж ее-то мы оформим, чего бы нам это ни стоило.

Цобор понимающе кивнул.

— Вот видишь! Не какую-нибудь дрянь будем ставить, а классику, между прочим, ты тоже мог бы сыграть в этой трагедии одну из ролей. Не бойся, корона не свалится с твоей головы, скорее напротив украсит ее! Руководитель, принимающий участие в таком мероприятии, станет только популярнее среди простых людей. Представь себе, дружище, идешь ты по улице, а люди на тебя пальцем указывают: вот, мол, идет товарищ Цобор, который играл...

— Адама, да?

Кечкеш почесал нос, посмотрел по сторонам, но Цобора не удостоил взглядом.

— Гм, гм. В том-то и загвоздка, не знаю даже, как тебе и сказать...

— Выкладывай, как умеешь.

— Роль Евы в пьесе вызвалась играть Зелемине, а ее дурень муж начал орать, что либо он сам будет играть Адама, либо никакого представления вообще не будет, ибо он не позволит, чтобы каждый кому не лень щупал на сцене его жену. А что я могу сделать? Против таких супружеских доводов сильно-то не попрешь.

— Тогда какую же роль ты поручил бы мне? Уж не раба ли? Чтобы зрители от души похохотали над тем, как меня при всем народе выдерут на сцене?

Кечкеш оживился:

— Чего придумал? Тебе я дам лучшую роль, самую гениальную...

— Это какую же?

— Люцифера.

— Великолепная мысль! Все члены обкома так и запрыгают от восторга. Я выхожу на сцену и, как секретарь райкома, олицетворяю собой все зло мира.

— Скажем точнее, сомнение.

— Еще лучше. Нет уж, поищи кого-нибудь другого.

Цобор включил мотор, но Кечкеш, стараясь перекричать его шум, продолжал:

— Подумай хорошенько над моим предложением! Пойми, что Люцифер в пьесе — это носитель беспощадной логики! И разума тоже...

Ничего не ответив, Цобор умчался на мотоцикле. Перед корчмой Гари он увидел секретаря мелких сельских хозяев Кишмихая и Жуку. Оба были пьяны. Жука отмахивался от Кишмихая и что-то громко кричал. Тогда Кишмихай молча отвесил ему одну за другой несколько звонких пощечин.

Прислонившись к дверному косяку и ухмыляясь во весь рот, Гари как ни в чем не бывало наблюдал за этой сценой. Его синий передник съехал на бок и развязался, но он не замечал этого.

Цобор остановил мотоцикл и, соскочив с седла, развел дерущихся. Жука принялся яростно ругать его, шаря рукой за голенищем в поисках ножа.

— Я вот сейчас распорю тебе брюхо и посмотрю, что ты лопал за обедом, проныра ты этакий...

Цобор дал ему подзатыльник.

— Марш домой! Иди проспись!

Жука послушно пошел, волоча ноги и пошатываясь из стороны в сторону.

Кишмихай тяжело отдувался.

— Из-за тебя, собственно, весь сыр-бор,— объяснил он.— Этот мерзавец стал поливать тебя грязью, а я не стерпел.

— И ты решил защитить меня кулаками?

— Не тебя, твою должность.— Он сплюнул Цобору под ноги.— Но в одном Жука все же прав. Закваска у тебя не нашинская, старина. Как бы ты ни старался, пролетария из тебя не получится.

Не раздумывая, Цобор отпарировал:

— Пьяницы тоже.

Кишмихай вздрогнул и пошел к обочине шоссе, ориентируясь на которую было легче двигаться по прямой.

Он осторожно переставлял ноги, стараясь не покачиваться и держаться прямо.

— Сколько они выпили? — спросил Цобор, обращаясь к продолжавшему ухмыляться корчмарю Гари.

— А тебе не все равно? Я их угощал за свой счет.

— Я спрашиваю, на сколько они выпили?

— На триста пенгё.— Скрестив руки на груди и не сходя с верхней ступеньки, он смерил Цобора презрительным взглядом: — Плохого вина я, как известно, не держу.

Цобор отсчитал деньги и, поднявшись по лестнице, протянул их корчмарю:

— Прошу.

— Отдайте их лучше Святому Анталу или нищим раздайте.

Цобор быстрым движением схватил Гари за руку и, подтолкнув к стойке, проговорил:

— Возьмите деньги!

Гари неохотно, но, явно струхнув, взял деньги и сунул их в карман фартука.

— Драться изволите? — спросил он.

— Не собираюсь. Я всегда знаю, кого бить.

— Не так заносчиво, уважаемый...

— Заткнитесь, хозяин. Я давно наблюдаю за вами и вижу, никого вы до пьяна не поите, только коммунистов. Уж не затем ли, чтобы потом позубоскалить над ними, а заодно выставить на посмешище перед всем городом. Поспорить с ними в открытую ни смелости, ни ума не хватает, а вот так... Если бы я решил отыскать в районе более мерзкого типа, чем вы, долго пришлось бы трудиться. Но довольно, поиграли и хватит.

— Думаете, вам удастся лишить меня патента на корчму? Руки коротки!

— Запомните, Гари, что я вам сейчас скажу. И хорошенько. Не так давно вы с помощью двух лжесвидетелей добились того, что вашего сына признали погибшим в бою под Секешфехерваром. Это наглая ложь. Я своими собственными глазами видел вашего отпрыска в форме унтер-офицера истребительной дивизии Хуняди, когда он проворно бежал по дороге. Его самоходку мы подбили в бою, однако ему удалось забраться на немецкий бронетранспортер и дать тягу. Более того, он еще отстреливался через борт из автомата и уложил двух моих солдат. Если его найдут живым, в любой шкуре и под любым именем,

я лично доставлю его в военный трибунал. И имейте в виду, мне не потребуются лжесвидетели, как вам, очевидцев в живых осталось сто сорок три человека, считай, вся моя рота.

Лицо Гари стало серым.

— Господин секретарь, вы его с кем-то спутали...

— Вам ясно, что я сказал? В тот же день, как только он появится, его арестуют. А теперь можете поить кого и как угодно...

Ужинать Цобор поехал домой. Он съел кусок хлеба с копченым салом и три помидора, запил все это двумя стаканами сырой воды. Затопить печь в ванной у него уже не хватило времени. Он вымылся под холодным, покалывающим тело острыми иголками душем, затем облачился в чистую сорочку, натянул брюки, до блеска начистил сапоги.

«Без десяти минут девять»,— отметил он про себя, мельком взглянув на часы.

К Бланке он пошел пешком.

Тихонько насвистывая, чувствуя себя бодрым и освеженным, он думал об ожидавшей его встрече с любимой. Скорее обнять ее, забыть обо всем на свете. В эту ночь им никто не может помешать, отец Бланки на этот раз уже не постучит, не войдет в комнату дочери.

Дворовая калитка оказалась не запертой, дверь дома — тоже. Это немало удивило Цобора: пугливая Бланка всегда запирала все двери, даже тогда, когда была в доме не одна. Но стоило ему увидеть в холле девушку, милую и приветливую, такую стройную, в гладкой белой блузке и узкой шелковой юбке бежевого цвета, волосы ее искрились в свете лампы и казались цвета старого меда, как он забыл обо всем. В целом мире была одна Бланка.

— Сервус, дорогая.

— Сервус, Лукач...

Пожав руку Цобору, она ловко увернулась от обычного в таких случаях объятия. В левой руке Бланка держала открытую книгу, которую не спеша положила на стол.

— Долгое же покаяние наложила ты на меня,— проговорил Цобор.— Целых две недели.

Девушка окинула его внимательным взглядом и, показав на поднос, на котором стояли бутылка и две рюмки, попросила:

— Будь добр, налей ты.
— А что это?
— Вишневый ликер.
— Кстати, твой папаша вернется через несколько дней.
— Вот как? Мне об этом уже сообщили.
— Кто и где?
— В областной полиции.
— Но как...— Цобор замялся.— Как ты осмелилась туда обратиться? Не побоялась войти в «клетку со львами»?
— Ты тоже порой совершаешь нечто подобное.
— Я — это совсем другое дело.
Бланка улыбнулась, но какой-то странной, словно идущей от разума улыбкой. Взяв в руки рюмку, она сказала:
— За твое здоровье.
— Целую ручку. За твое!
Выпив ликер, Цобор поставил рюмку на стол и, обойдя его, подошел к девушке:
— Могу я поцеловать тебя?
— Потом, позже.
— А сейчас? Почему не сию минуту?
— Сядь, Лукач. Пожалуйста.
— Эти проклятые две недели были для меня нелегкими, поверь, где бы я ни был, что бы ни делал, ты ни на минуту не выходила у меня из головы. И вот теперь, когда я наконец здесь, рядом с тобой...
— Не будем взвинчивать себя. Давай поостынем немного, все взвесим, считаясь с обстоятельствами...
— Нет, дорогая! Только не так!
Бланка подошла к окну, жалюзи на котором были опущены. Немного постояв, она обернулась. В глазах у нее стояли слезы, но скоро она справилась с собой.
— Мы любим друг друга с неравными шансами,— тихо проговорила она, глядя прямо перед собой, затем кивнула и добавила: — Да, с неравными, и это правда.
— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Цобор и резким движением руки уронил раскрытую книгу на пол, но тут же нагнулся и, подняв ее, положил на прежнее место. Бросив беглый взгляд на обложку, он прочел: «Макиавелли».— О чем ты говоришь? О каком неравенстве? И что, собственно, значит это твое «шанс»? Я хочу жениться на тебе.
Бланка сделала изящный реверанс, чуть-чуть согнув

колени. Получилось, если и не намеренно, но все же с легкой насмешкой.

— Благодарю за честь,— проговорила она.— К какому сроку прикажешь заказывать свадебное платье? Лет через десять или тебе достаточно и пяти?

Цобор недоумевал:

— Ты сегодня... какая-то взбудораженная. Что случилось?

— Я тебе уже все сказала.

— Это в той записке? Ну нет... И прошу тебя, забудь об этом. Очень прошу! Я в тот день смертельно устал, глаза сами закрывались.

Бланка подошла к столу и села:

— Это-то и плохо. Нет, теперь уж помолчи! Я знаю, тебя трудно переспорить, это у тебя как мания. Но хотя бы раз в жизни выслушай меня до конца. Я не знаю, думал ли ты о том, что для меня значило в тот день прийти к тебе домой. Я тогда твердо решила порвать с отцом, отдаться тебе, целиком подчиниться твоей власти... Наверное, для выражения моего состояния в тот вечер существуют более точные и образные слова, но они мне сейчас даже на ум не приходят. Тогда я была готова на любую жертву, я ничего не требовала, ничего не просила, мне было достаточно одного твоего кивка, прикосновения руки, одного жеста. А ты, сославшись на усталость, начал что-то говорить об отсутствии у тебя мебели, о своей скудной зарплате, о несладкой жизни с тобой вообще, которая ждет меня, если... Это было ужасно. Неужели ты даже на миг не можешь выпустить из рук вожжи, на которых себя держишь? Хотя бы на миг? Как, каким образом можно тебя оторвать от земли, от этого твоего ужасного практицизма? Ты говорил тогда не о нас, не о нашей любви, а о том, на чем нам придется сидеть, на чем спать, на что и куда мы будем класть и вешать свои вещи...

— Ну, было не совсем так...

— Знаю. Да, мы не можем не считаться с обстоятельствами! Но обо всем этом можно было бы поговорить и потом, например на следующий день или даже неделю-две спустя, откуда я знаю! Я по-прежнему люблю тебя, Лукач. Но начиная с той ночи люблю уже не так беззаветно, как раньше. Я уже не хочу рисковать всем, в то же время позволяя тебе поступать так, как заблагорассудится. Почему ты не можешь быть таким, как твой прадед, герой тысяча восемьсот сорок восьмого года? Один

раз показать всем свое «я», а потом жить... Ты себя, конечно, уже показал, шел на смерть, не жалея собственной жизни, но... Боже мой! Почему ты до сих пор не научишься жить? Свободно, раскованно, щедро, дарить и брать, не думая о последствиях?

Цобор опустил голову. «Как прадед! Давно это было. В те времена это было можно: один раз показать всем, на что ты способен, а потом пользоваться жизнью в свое удовольствие». В голове у него неотступно вертелась эта фраза и сотни доводов против. Бланка, конечно, не понимает, что сейчас нельзя проявить или показать себя только один раз. Нужно делать это каждый день: и сегодня, и завтра, и послезавтра, и, наверное, еще долго, вплоть до наступления того грядущего дня, когда люди споют все старые песни и захотят петь новые

— Ты меня не слушаешь?

— Слушаю. И очень внимательно.

— Вот я и решила загнать тебя в угол твоим же оружием. Изменить тебя вряд ли можно, уж слишком прочно ты скроен, тверд и упрям. Ты просто не позволишь себя изменить, от тебя все отскакивает. Не беда, тогда изменюсь я сама. Например, теперь я запираю двери только на ночь, хотя и боюсь. Хожу по дому, а сама прислушиваюсь, не хлопнет ли садовая калитка.— Бланка вынула из-под скатерти длинный нож с узким лезвием.— Вот, я теперь всегда держу его под рукой. И, если когда-нибудь буду вынуждена прибегнуть к его помощи, я с отвращением, с ужасом, но все же сделаю то, что в таких случаях следует сделать. Я взяла в свои руки и дело об оправдании отца, начала читать книги, которые должны читать мужчины. И все только потому, что я хочу стать такой, как ты: самостоятельной, твердой и здравомыслящей, рассчитывающей только на себя и свои силы.

Цобор откинулся на спинку кресла и рассмеялся:

— Стать такой, как я. Это шутка?

— Нисколько.— Лицо Бланки приняло напряженное выражение, стало строгим.— Очень прошу тебя, не смейся.

Цобор махнул рукой:

— Дорогая, мы тратим время на фантасмагории, вместо того чтобы... Неужели ты думаешь, что все дело только в желании? Вот ты решилась стать другой и — стала? Пока не поздно, выкинь из головы всю эту чепуху.— Он закурил.

Бланка продолжала наблюдать за гостем.

— Известно, что носителями наших главных качеств являются гены,— сказал Цобор.— Мы лишь знаем о самом факте их существования, а вот о том, откуда и как они возникают, какое влияние на нас оказывают, нам абсолютно неведомо. Не знаем мы и о том, что происходит при слиянии яйцеклетки и сперматозоидов, передается ли наследственность, строго подчиняясь какому-то закону, или произвольно, по воле слепого случая? Этого пока не знает никто. Думаю, что решающая дискуссия между социологией и генетикой еще впереди. Возможно, в ходе ее и удастся выяснить, какое именно влияние и в какой степени оказывает на нас окружающая среда, а где сами гены командуют нам: «Стой!..»

Увлекшись рассуждениями, Лукач с опозданием заметил, что словно попал в какой-то узкий туннель, все дальше и дальше в него углубляясь. Бланка же осталась где-то далеко у входа, стала совсем крошечной, этаким цветным пятнышком на фоне светлого входа в темный туннель. На самом деле она всего лишь подошла к цветочнице, стоявшей у окна. Девушка сорвала петунию и, не спеша вернувшись к Цобору, протянула ему цветок:

— Приколи себе. Хорошо?

— Спасибо, но мой пиджак...

— Воткни в петлю сорочки.

— Я люблю петунии.

— Знаю.— Бланка протянула руку:— А теперь расстанемся. Сервус!

Цобор остался недвижим.

— Могу я спросить почему?

— Ты слушал меня, как слушают тявканье трехмесячной тщеславной собачонки, не воспринимая всерьез. Обидно.

— Я же только...

— Не надо. Когда-нибудь потом.

Цобор взглянул на девушку, прищурив правый глаз, будто беря ее на прицел. Затем он взял со стола свой портсигар, положил его в карман и встал. Слегка щелкнув каблуками, гость наклонил голову в поклоне:

— Вот уже во второй раз меня выставляют из этого дома. На сей раз в последний.

— Не смотри на меня так, словно хочешь убить!

Цобор не стал ее разубеждать.

— Лукач, это ужасно!

— Обещаю вам, мадемуазель, подыскать со временем для вас иного трубадура, который будет услаждать вам слух, играя на более лирических струнах, чем это делал я.— Он направился к двери.

Бланка с рыданиями бросилась к нему на шею, стала покрывать его лицо поцелуями. Но стоило Цобору приподнять и крепко прижать ее к себе, как она взмолилась:

— Прошу тебя, Лукач, отпусти меня! Поцелуй еще раз и уходи...

Пока Цобор шел через двор к калитке, Бланка со слезами на глазах, растрепанная и огорченная, молча стояла на пороге открытой двери.

— Когда же? — спросил Лукач, оглянувшись.

— Не знаю. Хотелось бы как можно скорее. Но пока не знаю.— Неожиданно она топнула ногой и, сдерживая слезы, странно зазвеневшим голосом крикнула ему вслед: — И все же я постараюсь быть такой, как ты...

Бланка вбежала в дом и захлопнула дверь. Цобор разразился ругательствами и пнул попавшуюся под ноги собаку, та жалобно взвизгнула и бросилась прочь. От дома донеслись звуки запираемой двери.

«Выходит, нужно научиться витать в облаках? — подумал Цобор и закурил.— И научусь, если нужно, черт бы меня побрал. А сейчас надо выпить чего-нибудь покрепче, даже, пожалуй, просто напиться, чтобы все это забыть». Цобор направился на улицу Сечени. Проходя мимо здания райкома, он увидел, что в читальном зале горит свет. Видно было, как Кечкеш сновал там взад-вперед, перетаскивая какие-то декорации. На фоне стены из папье-маше, на которой были изображены какие-то заграждения из колючей проволоки, красовался Мики Земеми. В руках у него была гитара, он что-то напевал своим бархатным баритоном, но, что именно, с улицы было невозможно разобрать.

— Идиоты! — пробормотал Цобор.— Такие же скоты, как и я сам! — Тут он вспомнил, что в кармане у него осталось всего двадцать — тридцать пенгё, не более, остальные деньги он отдал корчмарю Гари. Подняв ком земли, он со злостью швырнул его в фонарь, но не попал, крякнул и зашагал домой.

На рассвете пошел дождь, налетел порывистый ветер с юго-запада. Цобор проснулся, вышел на веранду и дол-

го смотрел на мокрый сад, пока не продрог. Зажарив на кухне яичницу из трех яиц, отрезал большой ломоть хлеба и с аппетитом позавтракал. Затем выбрал самый облезлый китель из своего импровизированного гардероба на стене, обшарил все карманы, но ничего в них не нашел. Стараясь ни о чем не думать, просидел покуривая до четверти девятого. Затем напялил китель, достал из-под матраса портфель с долларами и, перекинув шнурок на шею, уже хотел было выйти из дома, как в комнату, тяжело топая башмаками, вошел старый Гал:

— Изволили позавтракать, ваша честь?

— Изволил.

— А обедать когда намерены?

— Вот съезжу в Пешт, потом загляну в Галмад, к часу вернусь.

— Слушаюсь, к часу.

Без десяти девять Цобор остановил мотоцикл перед зданием обкома партии.

— Доброе утро, товарищ Цобор. Экая дрянная погода! А вчера еще так припекало, едва дышал,— поздоровался с Лукачем вахтер Пояк.

— Доброе утро, товарищ Пояк. Через полчаса я вернусь.

Отрезав перочинным ножом трехцветный шнурок, на котором висел портфель, Лукач взял его в руку.

«Вот покончу с этим,— решил он,— и попробую через обком заполучить адвоката для Арпи. Ну, а не удастся, тогда придется обратиться к Венцелю Таначу, ничего не поделаешь».

На улице Надор прохожих почти не было, словно в воскресное утро. На углу улицы Эрини его обогнала обкомовская колымага. Цобор называл ее консервной банкой. Из кабины высунулся Ласло, помахал ему и что-то крикнул, но что — из-за тарахтения мотора он не разобрал. За углом двое мужчин не спеша совершали утренний моцион, время от времени останавливаясь, чтобы обменяться репликами.

«Бездельники. Вот пришлось бы вам жить на зарплату, тогда побегали бы»,— подумал Цобор, обгоняя гуляющих.

— Погляди-ка,— проговорил один за его спиной,— вот так выглядели когда-то эти бравые офицерики.

«Чтоб тебе повеситься»,— мысленно огрызнулся Цобор.

— А не поглядеть ли нам на него спереди? — предложил хриплый голос.— Эй, вы! — окликнул он.— Постойте!

Цобор остановился и подождал, пока они к нему подойдут.

— Я не люблю, когда ко мне так обращаются.

Хриплоголосый — на нем был серый костюм в полоску,— словно смутившись, покачал головой и взглянул на своего напарника:

— Ты слышал? Они, оказывается, так не любят.

Второй, худощавый, одетый в полотняный костюм грязно-зеленого цвета, сунул руку в карман и, вынув удостоверение, поднес его к глазам Цобора.

— Полиция! — пояснил он.

— Что вам угодно?

— Побеседовать с вами... О жизни и так далее.

— Только быстрее я тороплюсь.

— По какому же такому делу?

— Это уж моя забота.

Тот, что был в сером костюме в полоску, покачал головой:

— Неразговорчив больно, хотя бравые ребята обычно не болтливы.

Цобор полез в левый верхний карман кителя.

— Если вы хотите проверить у меня документы...— начал было он.

Переодетый полицейский отмахнулся:

— Как личность, вы нас не интересуете. Главное, не кто вы, а что несете.— Он ощупал Цобора с головы до ног внимательным взглядом, затем перевел его на портфель и, помедлив немного, неожиданным быстрым движением выхватил его из рук Лукача. — А в этом ридикюльчике у вас что?

— Шесть тысяч долларов,— ответил Цобор, мгновенно оценив ситуацию. Отпираться не имело смысла: ведь полицейские сами откроют портфель и увидят, что в нем лежит.

Агент в сером костюме от неожиданности рассмеялся:

— Не пять, не семь, а именно шесть?

— Да, ровно шесть.

— Ну, тогда гуляй дальше, приятель.— С этими словами он бросил портфель Цобору, тот едва успел его под-

хватить.— Придешь домой, подержи голову под краном с холодной водой,— добавил он.

Но едва Цобор успел сделать несколько шагов, как второй агент его окликнул:

— Эй, погоди!

— Глупости,— проговорил первый.— Чепуху он несет, чокнутый какой-то.

— Возможно,— отозвался его коллега.— А может, и совсем наоборот.— Подойдя к Цобору, взял у него портфель и повертел его в руках, затем приказал: — Откройте.

«Вот и попал я в капкан, а выхода из него нет»,— с досадой подумал Цобор.

Полицейские уставились на пачки долларов, у обоих даже перехватило дыхание.

— Прекрасно,— вымолвил наконец хриплоголосый в сером костюме и, закрыв портфель, передал его коллеге: — А ну-ка, марш в подворотню! Черт бы тебя побрал!

Видимо, он не на шутку разозлился за свое недавнее легкомыслие: Цобор по взгляду уловил, что сейчас тот его ударит. Локтем он парировал удар и ловко прижал нападающего к стене.

— Я готов объяснить все. Но, если вы еще раз ударите меня, я, как только меня отпустят, так вас отделаю, что родная тетушка не узнает.

— Поговори мне! Руки!

— Не надо наручников. Я пойду и так.

— Я сказал: руки!

Чтобы ни о чем не думать, Цобор шел и считал шаги. До здания управления полиции оказалось двести восемнадцать шагов. Когда они миновали охрану и вошли в вестибюль, хриплоголосый торопливо обыскал Цобора и обнаружил у него пистолет.

— Посмотри-ка, у него и оружие есть! Ну погоди...— Он пнул Цобора носком башмака.

— Раз,— произнес Лукач.

— Что такое: раз?

— Я же предупреждал, что верну вам все сполна.

Повернув Цобора лицом к колонне, хриплоголосый еще раз ударил его в спину. Удар пришелся в область почек.

— Два, — сказал Цобор, скривясь от боли. — Учтите,

если из портфеля пропадет хоть одна десятидолларовая бумажка, вам несдобровать.

Третьего удара не последовало. Хриплоголосый грубо ухватил цепь, соединявшую наручники, и повел задержанного через длинный коридор. Поднявшись на второй этаж, он передал Цобора начальнику охраны:

— Задержан нами. В предвариловку.

У Цобора отобрали поясной ремень, перочинный ножик, часы, деньги и ключ зажигания от мотоцикла. Бумажник с документами почему-то не взяли. Почему этот грузный, как медведь, фельдфебель не сделал этого, Цобор так никогда и не узнал: то ли просто забыл, то ли из-за снисходительности.

Начальник охраны сел к столу и не спеша приготовился записывать в журнал необходимые данные о Цоборе.

— Профессия?

Цобор молчал.

— Ну скажите же наконец что-нибудь?

— Я частный предприниматель.

Короткий диалог разозлил Цобора: «Вот я уже и врать вынужден, хотя ни в чем не виноват. Интересно, сколько пройдет времени, пока мне удастся доказать это следователю?»

— Сними с него наручники и отведи в сто одиннадцатую! — приказал фельдфебель дежурному унтеру.

По дороге тот объяснил, что надеяться сегодня на обед Цобору не следует, уже поздно, но ужин он получит. Конечно, если у него водятся денежки, то обед можно заказать даже в самой лучшей корчме.

— У меня двадцать семь пенгё.

— Можете ими подтереться. Сначала мелочью, потом бумажками.— Засмеявшись, унтер запер арестованного в камере и направился к выходу.

— Когда меня вызовут на допрос? — крикнул Цобор ему вслед.

Унтер не ответил.

«Идиотские вопросы задаю,— подумал Цобор.— Спрашивать у ноготка, что намерена делать голова. Уж если черт меня угораздил сюда попасть, надо держаться с достоинством и без лишних треволнений. Посмотрим, чем все это кончится. Дело дрянь, надо терпеть».

— Добрый день,— поздоровался он, повернувшись лицом к камере.

— Мое почтение... господин капитан? — ответил на приветствие Цобора хорошо одетый, при галстуке, мужчина с интеллигентными манерами и протянул руку.

— Поручик.

— Кальман Беше, старший по камере, или, если угодно, хозяин этого дома. Весьма рад познакомиться.— Все это он проговорил, шевеля одной половиной рта, в то время как другая оставалась словно парализованной.

Цобор невольно поискал глазами след ранения или шрам на его лице, но ничего не обнаружил.

— Контузия? — поинтересовался он.

Беше улыбнулся, но теперь уже во весь рот:

— Пока еще нет! Я честный карманник и всю войну пережил, скитаясь из камеры в камеру по различным тюрьмам. Мои руки, прошу покорно, не запачканы ничьей кровью, поэтому весь тутошний персонал здоровается со мной первым.

— Но ваше лицо...

— Видите ли, мы обычно работаем вдвоем, вместе с напарником. В случае шухера я должен так предупредить своего компаньона, чтобы этого не заметили сыщики. Но это уж дело практики.

— Вы сказали — в случае шухера?

— Ну, другими словами, в случае облавы, проверки документов...— Легким движением руки он пригладил галстук.— Теперь позвольте представить вам наше общество. Вот этот, с рожей свинопаса, Иштван Верчик, убийца, целыми днями лопает сало. Трудноватый, нужно сказать, по характеру парень: он перерезал горло собственной жене, между прочим, тем самым ножичком, с которого сейчас изволит кушать.

— Но почему у него не отобрали этот нож?

— Он спрятал его за голенище. Эй, ты, свинопаский! Встань как следует перед господином поручиком.

Верчик послушно повиновался. Придав своей простодушной, скорее, тупой физиономии умильное выражение, он вытянулся по стойке «смирно». Протянуть руку он, разумеется, не посмел, глазки его, сверкая подленьким огнем, бегали по сторонам, избегая Цобора.

— Как вы могли совершить такое?

— Прошу покорно, господин поручик, это должно было произойти.

— Но почему?

— Одному богу известно. С тех пор как я вернулся из

армии, мы с женой как-то перестали понимать друг друга.

— Где вы служили?

— В пулеметной роте пехотного полка. А потом в районе Ивановичи меня перевели в карательный батальон, охотился за партизанами.

Больше Цобор вопросов не задавал. Верчик ослабил правую ногу, будто получил команду «Вольно».

— Не подумайте, однако, ваша честь, что это далось мне легко,— продолжал он.— Только собрался, а нож оказался тупым. Тогда я запер жену в комнате, а сам пошел в сарай, там у нас в углу стояло точило, которое нужно крутить рукой. Огня зажигать я не стал, а в темноте хоть и трудно, но наточил-таки ножичек, как бритву. Потом только чик — и готова...

— Можешь сесть,— остановил его вор-карманник и, положив руку на то место, где у него был желудок, скорчил гримасу: — В третий раз слушаю эту историю, но каждый раз с души воротит и голова кружится.

Пройдя в угол, где на нарах кто-то спал, отвернувшись к стене, Беше потряс спящего:

— Эй, ты! И как только можно столько дрыхнуть? Спит день и ночь. Вставай! В наш отель пожаловал новый гость. Слышишь?

Лежавший на нарах щуплый человечек со стоном повернулся и лег на спину. Протерев глаза, он сел и начал приходить в себя. Это был не кто иной, как Венцель Танач.

— Это вы? — изумился Цобор.— Вы здесь?

Танач громко зевнул, слегка пошлепывая ладошкой себя по губам. Взгляд его выцветших глаз отнюдь не дружелюбно остановился на Цоборе. Закурив, он закашлялся, в уголках рта у него появились пузырьки пены, он ладонью вытер его.

«Танач сердит на меня,— решил Цобор.— Ну и пусть. У нас с ним было не так уж много встреч, и все они были для меня более неприятными, чем для него. Правда, последняя из них и ему доставила мало радости. С трудом выдавливал из себя слова, весь вспотел, жадно пил воду, но упрямо стоял на своем, а потом предложил свои услуги. Когда же от них отказался, ушел, кровно обидевшись. Непостижимо, откуда берется непоколебимое достоинство! И сама память человеческая еще неизвестно что: проклятие или благодеяние. Пожалуй, скорее первое».

Вор-карманник с подозрением наблюдал за обоими. В мгновение ока акции Цобора упали в его глазах до нуля:

— Оказывается, вы знакомы?

Танач молча докурил сигарету и хотел было бросить в парашу, но передумал, потушил ее о подошву ботинка и окурок спрятал в карман. Он хмуро взглянул на Цобора.

— А это, значит, ты? И за что же? — Лицо Танача сморщилось, как печеное яблоко.

Цобор вновь обрел хладнокровие. Видимо, обращение на «ты» отнюдь не было случайным. Из всех обитателей камеры только они двое знали и имели отношение друг к другу.

— Скверная история,— ответил Цобор.

— Личные делишки?

— Если бы!

— Тогда все в порядке.

— В каком порядке? Ни черта я не понимаю!

— Ты бывал в ситуациях и похуже. Ну, скажем, на фронте. Наверное, охотнее очутился бы тут, чем там, а?

— Я?! Ни за что!

Танач задумался.

— Ты еще ни разу не сидел за решеткой? — спросил он немного погодя.

— Не приходилось как-то.

— Значит, говоришь, впервые. Тогда понимаю. Все фибры души в тебе сейчас бунтуют против насилия, а нужно вытерпеть и вынести все.

— Что — все? Эту затхлую клетку? Или то, за что меня схватили и в нее сунули?

Танач достал из кармана портсигар и заглянул в него — табаку оставалось не больше чем на две цигарки. Немного подумав, он закрыл его и положил обратно в карман. Вздоха не последовало, но все его движения красноречиво свидетельствовали, как сильно ему хочется закурить и каким усилием воли он от этого отказывается.

Цобор протянул ему свой запас. Танач ловким быстрым движением выхватил сигарету из пачки и, вынув из кармана брюк маленькую зажигалку, сделанную из медной гильзы, спросил:

— Может быть, расскажешь?

Цобор поднял глаза — карманник Беше терся рядом, навострив уши.

— Терпеть не могу, когда подслушивают,— бросил Цобор.

Старший по камере выпрямился во весь рост и обиженно отпрянул:

— Я попрошу! Ай-ай, чуть было не поверил, что вы из благородных... Займите-ка свое место! Там, где свободно! Да-да, рядом с парашей. Настало время и для вас познакомиться со здешними порядками.

Цобор не стал спорить и пересел на крайние нары. Танач последовал за ним. Аромат от параши был невыносим, оба как могли старались перебить эту вонь табачным дымом и долго молчали.

— Дело касается рабочих с фабрики, их, так сказать, хлеба насущного,— заговорил Цобор, выталкивая изо рта густые кольца дыма. Однако в решимости, с которой он это сказал, почувствовалась какая-то скрытая неуверенность. Сам факт его ареста, несравнимый с испытаниями и даже унижениями, которые ему пришлось пережить главным образом в дни войны, был для него оскорбительно новым, необходимым защитным рефлексом он еще не располагал.— Дело чистое, по крайней мере я так думаю. Однако, несмотря на это, решить его прямо, по-честному просто невозможно.

Танач понимающе кивнул.

— Кажется, я понял.— Он на миг заколебался, стоит ли ему до конца раскрываться перед Цобором, но в конце концов желание высказаться все же взяло верх:— Дело в том, что мы опережаем время. А потому вступаем в конфликт с существующими обстоятельствами.

— Как это так? Разве наше время может иметь два измерения?

— Два измерения? Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Ну да ладно. Продолжай.

«Экая глупость,— подумал Цобор,— вместо того чтобы все продумать и подготовить себя к предстоящему допросу, я впустую трачу время на никчемные разговоры. Но как, спрашивается, готовиться к допросу? Выбора в тактике, в форме поведения у меня почти нет, и, что бы я ни придумал, это все равно приведет меня к нежелаемому результату. Если я не назову ни одной фамилии, то тем самым только утоплю сам себя. Кроме того, мне все равно придется долго и нудно доказывать, что эти деньги принадлежит мне... Если же я назову Блюма... Нет-нет, этот добродетель поневоле прав уже в том, что без его

долларов фабрика в Гемеше не сможет выпустить ни одной даже самой паршивой кастрюли. Если я назову Фиштяка, то на первом же допросе он струсит и сошлется на договоренность с Блюмом, а это все равно если бы я сам выдал Блюма...»

Злясь на свою беспомощность, Лукач начал потихоньку насвистывать детскую песенку:

...Прячься, зеленая веточка,
Прячься, зеленый листок,
Скройся в золотые воротца,
Открыты они перед тобой...

Песенка не принесла ни облегчения, ни оптимизма.

«Величайшую глупость я совершил, ничего не рассказав об этом деле в обкоме. Это, конечно, факт. Заупрямился как бык. Сам, сам... Как чистокровный венгерский бык: ладный, складный, мышиной масти с темным пятнышком на лбу, но все-таки скотина. В худшем случае мне сказали бы нет. Но тогда обком хотя бы знал о положении дел. И если бы я вдруг исчез, как теперь, меня бы стали искать. Предприняли какие-то меры, так или иначе вытащили бы отсюда. Вместе с долларами? Это, правда, еще бабушка надвое сказала...»

Цобор снова начал насвистывать, но уже другую песенку:

...Хлестну-ка я кнутом Мишку быка по заду,
Нежно вспомню про милашку, про мою отраду...

Сигарета, которую Танач держал в руке, догорела до основания и обожгла ему пальцы. Он тихонько взвизгнул от боли и с сожалением посмотрел на пол, по которому рассыпались табачные крошки. Затем, прервав молчание, решил все же продолжить дискуссию:

— Да, мы хотим другого, нового, отличного от того, что у нас уже было. И добиваемся этого другим путем, тоже по-новому, а законы у нас остались старые. И не только писаные, но и неписаные тоже. Ты понял? В этом главное. Нам необходимы новые законы, и мы должны их создать!

«Новые законы! Наивная вера каменщика в печатную букву. Бумажки не помогут, чепуха,— думал Цобор.— Сначала в стране, в жизни, нужны коренные перемены, а уж потом их можно фиксировать и кодифицировать».

— Значит, мы хотим нового! — пробормотал он вслух.— Выходит, начинать с самого начала? Заново спуститься с неба на землю?

— Никто так не думает.

— А кто будет придумывать эти новые законы? К кому их применять? И каким образом?

— Все это делать будем мы,— убежденно ответил Танач.

— Кто это «мы»?

— Мы, люди.

— Такой рецепт есть и в моей домашней аптечке. За власть в настоящее время борются пять партий! А сколько еще тех, кто молчит или сомневается, ищет свое место в жизни или выжидает, обижен или разгневан?

— Однако среди пяти партий по основным вопросам нет разногласий...

— По основным вопросам! Если на базаре на один круг колбасы сошлось пятеро покупателей, что для каждого из них является основным, как ты думаешь? Как бы оттеснить остальных четырех конкурентов.

Танач вздохнул и вытянул занемевшую ногу.

— Вот теперь, я вижу, ты понял.

— Только кто же будет голосовать за твои новые законы и поддерживать их? Одна пятая часть населения страны или все? Это ведь далеко не одно и то же.

— Со временем, возможно, проголосуют все. Но за такое единство придется еще немало повоевать, причем в открытом споре. Если этого не удастся достигнуть, скажем, за пять лет, что же, будем бороться дольше. Откуда мне знать, как долго продлится наша борьба за подавляющее большинство? Однако люди, которые, подобно мне, слишком долго ожидали самой возможности спора, не могут позволить себе излишне торопиться, проявлять нетерпение, шуметь и кричать о своей правоте другим. О правде вообще не кричат, она и так понятна.

«Говорит он спокойно, тщательно взвесив и рассчитав каждый довод. По всем правилам современной войны,— подумал Цобор.— Ведь самые современные и маневренные боевые корабли, двигающиеся в конвое, вынуждены идти на малой скорости, если они сопровождают караван из тихоходных судов, везущих оружие, боеприпасы, снаряжение или продовольствие...»

Цобор за время их знакомства в третий раз внимательно посмотрел на Танача. Да, этот человек на самом деле

полон решимости приобщить к своей вере других. От импульсивности и раздражительности Яшко в нем не было ничего.

— Скажи, за что же ты попал сюда? — спросил Лукач.

Танач покачал головой и ответил:

— Меня обманули... Черт меня возьми, как я не догадался об этом сразу!

— Но полиция, видимо, знала, кто ты...

— Знала. Но как видно, это не имело значения. В этом городе есть еще несколько полицейских начальников, которым свет не мил, если они каждый день не будут упрятывать за решетку парочку-другую из нас, коммунистов.

От приступа злобы карманник Беше даже привстал на цыпочки:

— В помещении, где я являюсь старшим, попрошу не поносить полицию! Тот, кто осмелится на такое, пусть пеняет на себя! Товарищи мне называются!.. И что только вы за люди! Боже мой! Едва успели живыми вылезти из щелей, как уже встречаетесь друг с другом в тюряге. Видать, нет такого строя, который не упрятывал бы вас в каталажку.

Танач с невозмутимым достоинством поставил жулика на место:

— Вы-то попали в эту каталажку совсем по другому поводу, а потому не суйте свой нос в наши дела! — Повернувшись к Цобору, он продолжал: — Фирма, в которой я работаю, взялась за ремонт одного старого складского помещения. Мы привели его в порядок, все честь по чести. Вчера утром, точно в срок, сдали его заказчикам, а они тут же начали загружать склад сахаром. Покуда мы собрали свои инструменты и прочее барахлишко, все помещение уже было забито мешками с сахаром, штабелями выше человеческого роста. Грузовик, принадлежащий нашей фирме, тоже был загружен этим сахаром.

— Краденым?

— Нет. В том-то и дело, что не краденым. Оказалось, что хозяин фирмы договорился за ремонт получить не деньгами, а сахаром. Тогда я спрашиваю: а может, и с нами рассчитается сахаром? Сам знаешь: дефицит. Он ответил: нельзя, не положено. Я вижу, работяги наши заворчали, забеспокоились, а поскольку меня избрали председателем профкома, говорят мне: не дай нас облапошить, придумай что-нибудь. Повторяю хозяину: рабочие,

дескать, намерены получить за работу тоже сахаром. А чтобы грузовичок не укатил, работяги встали, преградив дорогу, — и ни с места. Видя такое дело, наш подонок шеф с усмешечкой говорит мне: «Хорошо, Танач, так и быть. Возьмите для рабочих мешочка три-четыре». Эти слова слышали все, все одиннадцать работяг. Мы, конечно, быстренько на склад, нашли там тачку и, погрузив на нее мешки, повезли делить сахар. Не придал я тогда значения ехидной усмешке шефа, а зря... А когда в тот же день, этак часов в семь вечера, я заявился домой, меня уже там поджидали агенты экономической полиции. Меня обвинили в том, что я со своими сообщниками украл два с половиной центнера сахара.

— Значит, сахар к тому времени вы уже поделили?

— Поделили. Каждому досталось по два кило.

— Ясно. Вернуть его теперь уже невозможно.

— Естественно. Впрочем, меня задело совсем не это. Проклятый капиталист сумел нас обхитрить! У меня свидетели, а что толку? Он все спихнул на меня. Беда состоит в том, что весь тот сахар принадлежал советским военным. Позор. Получается, я украл у них! Я, коммунист. Не знаю даже, что сказать, если меня об этом спросят.

В половине четвертого дня Цобора вызвали на допрос. Полицейский в сером полосатом костюме снял со шкафа две резиновые дубинки и, взвесив их на ладони, помахал обеими по очереди.

«Для меня ритуал демонстрирует,— подумал Цобор.— Мол, именно так, а не иначе».

Передав одну из дубинок своему коллеге, тому, кто был с ним на улице, полицейский сел и подвинул к себе листок бумаги. Конвоира он выслал в коридор.

— Стоять прямо! — приказал он Цобору.

— Иначе не привык.

— Да, конечно. Бравые парни — они такие.

Второй полицейский несколько раз обошел вокруг Цобора по спирали, подходя все ближе и ближе, тыча резиновой дубинкой то в руку, то в плечо, то в спину. Цобор, словно пружина, амортизировал эти толчки, ни на пядь не сдвигаясь с места и пристально глядя на телефонный аппарат.

«Эх, если бы я мог сейчас позвонить в обком и сказать всего несколько слов. Хотя бы одну фразу,— подумал он

с досадой.— Правда, в этом случае мне пришлось бы открыть свое инкогнито, и кто знает, как это повлияло бы на этих двух старорежимных молодчиков».

— Небось проголодались? — поинтересовался хриплоголосый.

— Нет, нисколько.

— Плохо начинаете: к обеду опоздали, денег не имеете.— С этими словами он достал из ящика стола кусок хлеба: — Вот, прошу.

— Благодарю. Если бы я был голоден, то сказал бы, не постеснялся.

— Что же, можно и так, братишка. Только дальше повнимательнее следи за тем, что рассказываешь. Если и дальше будешь врать, мы тебя так отделаем, что все на свете позабудешь, кроме как «Отче наш иже еси на небеси». «Отче наш» помнишь?

— Помню.

— Это хорошо. Ну, так как тебя зовут?

— Лукач Цобор. Первая буква в фамилии двойная, дифтонг.

— Двойная, значит. Ясно. Одного, выходит, тебе мало.

— Вы же сказали, чтобы я не врал.

— Где родился? Когда?

Обмакнув перо в чернильницу, полицейский медленно записывал ответы. Тот, что был в грязно-зеленом костюме, встал и резким движением замахнулся дубинкой. Цобор, не моргнув глазом и не шевелясь, ожидал удара. «Вряд ли будет больнее, чем тогда у Хертшеи». Но полицейский не ударил, а снова начал описывать круги вокруг Цобора.

— Имеешь какие-нибудь документы? — спросил тот, что писал протокол.— Удостоверение или что-то вроде?

Цобор машинально полез было в наружный левый карман кителя, но вовремя спохватился и запустил руку в правый, не спеша достал и протянул полицейскому справку о денацификации. Тот прочитал ее и что-то пробормотал себе под нос, но обратно не вернул.

— Где ты взял?

— Выдали в главном управлении полиции взамен старого офицерского удостоверения личности. Кстати, без всякой волокиты.

— Без волокиты, говоришь? Гм... Твоя профессия, если она у тебя есть?

Цобор давно ожидал этого вопроса. Именно его-то он

и боялся. Если он повторит сейчас то, что сказал начальнику охраны: «Я — частный предприниматель», как он сможет это доказать?

— Ну! Ты что, оглох?

— Сударь, я прекрасно понимаю, что не имею права задавать вам вопросы...

— У тебя вообще никаких прав нет. Пока ты завяз в дерьме по самые уши.

— Возможно. Но я все же попытаюсь задать вам один вопрос. Тем более что он имеет важное значение для существа дела.

Полицейский за столом положил ручку.

— Гляди-ка! Уж не хочешь ли ты поменяться со мной ролями?

— Без этого я не смогу объяснить вам, кто я и какая у меня профессия. Есть одна причина...

— Называй свою причину!

— Если вы ответите на мой вопрос, тотчас же...

Второй полицейский поплевал на ладони:

— Ну смотри, мошенник, если задашь идиотский вопрос, я тебя мигом евнухом сделаю!

Цобор не обратил внимания на грубую шутку.

— Скажите, являетесь ли вы членами какой-нибудь партии, а если да, то какой именно?

Старший из полицейских недоуменно посмотрел на Цобора, пожал плечами:

— Черт тебя возьми! Разве это секрет? Я лично коммунист, а мой коллега — социал-демократ. На что ты надеялся? Уж не на то ли, что попал к своим, из мелких хозяев?

— Благодарю за ответ. Так вот: я работаю секретарем райкома Коммунистической партии в городе Гемеше.

— Перестань дурачиться, братишка. В таком архангельском мундире!

— Это легко проверить. Позвоните в обком партии...

— Говори номер!

Цобор назвал номер телефона. Сидевший за столом полицейский подвинул аппарат к себе поближе и начал крутить диск.

— Обком партии? С вами говорят из центральной полиции. Да, следователь Дьердь Лорант, по важному делу. Мне нужно знать фамилию и адрес вашего районного секретаря в Гемеше. Что? Тогда соедините меня, пожалуйста, с тем, кто может ответить на мой вопрос.

Цобор быстрым движением ткнул себя в грудь и попросил:

— Я бы хотел два слова...

Следователь выразительным жестом остановил Цобора, не отрывая взгляд от телефонного аппарата, а трубку от уха.

— Да? Добрый день, уважаемая, здравствуйте, товарищ. Вас беспокоит следователь Дьердь Лорант из управления полиции. С кем я говорю?.. Понятно. Да, меня интересуют только его имя, фамилия и адрес. Как вы говорите?.. Цобор... с двумя «це»? Ясно. Лукач Цобор. Записал. Проживает в Гемеше, улица Ньярфа, дом шесть. Нет, больше ничего не требуется. Благодарю вас, уважаемая.— Положив трубку, следователь углубился в изучение чернильницы.— Черт возьми,— проворчал он после небольшой паузы,— теперь я не понимаю и того, что было ясно до этого.

Из телефонного разговора сделал для себя кое-какие выводы и второй полицейский. Он подвинул Цобору стул и предложил сесть, затем положил дубинку на шкаф. Достал табакерку, сам соорудил сигарету и предложил Цобору.

— В том, что эти деньги не ваши, я готов побиться об заклад,— проговорил он.— Владелец шести тысяч долларов не носит в кармане кошелек, в котором лежат двадцать семь пенгё. Тут что-то другое. На чем вы оступились?

Следователь остановил его:

— Подождите, разберемся во всем по порядку. Но сначала утолите голод.

Цобор покачал головой. Это рассердило полицейского:

— Уж не думаете ли вы, что я буду вас упрашивать? Околевайте с голоду, если вам так больше нравится, упрямая голова! — Он повертел листок протокола, лежавший перед ним: — Что же теперь делать? Так и написать, что вы секретарь райкома?

— Нет, этого не пишите.

— А что писать?

— При взятии под стражу я сказал, что являюсь частным предпринимателем.

Следователь что-то написал, затем посмотрел на Цобора:

— Выходит, что вы сделали полный поворот кругом?

Из хортистского офицера превратились в коммуниста. Ловко!

— Я был офицером запаса, а не кадровым военным.

— Офицер есть офицер! Интересно, какую легенду вы придумали при вступлении в партию. Что стреляли по русским только вверх, и не из винтовки, а из ракетницы?

— Легенды не потребовалось: я закончил войну в составе советских войск Второго Украинского фронта.

— Что такое?! — Следователь Лорант вскочил как ошпаренный, ударившись при этом коленом о выдвинутый ящик письменного стола. Громко выругавшись, он задвинул ящик на место. Пройдясь по комнате, заговорил, обращаясь к своему коллеге: — Ну и дела! Мы с тобой, Йожи, стараемся, захватываем портфель, в котором лежат шесть тысяч долларов, задерживаем подозрительного молодчика в офицерском кителе, с нетерпением ждем того момента, когда сможем отвести душу и набить ему рожу, и вдруг выясняется, что он отнюдь не тот, за кого мы его принимали. Более того, что он нам с тобой не чета, а образцовый офицер, партийный кадр и праведник, по сравнению с которым сам Михаил Архангел не более как пьяница конокрад, карточный шулер и бродячий сутенер. Ты что-нибудь понимаешь, Йожи?

Однако по виду второго полицейского отнюдь не было заметно, чтобы он понимал.

— И что же, вы можете доказать, что все сказанное вами правда? — Лорант опять уставился на Цобора.

— Я уже не раз доказывал. Везде, где нужно. И доказал, можете проверить в обкоме партии.

Сбитый с толку полицейский снова сел и взялся за протокол.

— Хорошо, пусть так,— начал он,— но зачем, собственно, вы все это нам рассказываете? Из любезности? Или для того, чтобы мы закрыли на все глаза?

— Ни в коем случае. Но без этого я не смог бы объяснить вам, каким образом ко мне попали эти деньги.

— Допустим. Так кому же принадлежат эти деньги?

— Этого, к сожалению, я вам сказать не могу.

— А что можете? В этом суть дела.

— Для меня нет.

— Это уж решаю я, черт возьми!

— Позвольте мне тогда коротко изложить все то, что я вправе вам рассказать. В моем районе имеется одно полуразрушенное гитлеровцами предприятие. Его рабочие

остались без заработка. Хозяин фабрики вернулся, но не может ее восстановить, так как у него не хватает на это средств, то есть денег. Видя такое дело, рабочие решили восстановить фабрику сами, безвозмездно, но с тем условием, что с момента пуска владелец предприятия обеспечит производство сырьем, будет выплачивать им зарплату и заботиться о прочих их нуждах, как обычно.

— Эти шесть тысяч долларов принадлежат ему?

— Да. Однако он сам не осмелился обратиться к человеку, обычно поставляющему ему импортное сырье. Об этом он попросил меня. Поскольку я в этом деле выступаю как бы посредником между рабочими и владельцем фабрики, я решил, что из-за такого пустяка не стоит тормозить доброе дело, хотя и злился, что именно мне выпала столь неприятная миссия.

— Это все?

— Все.

— Назовите фамилии.

Цобор отрицательно покачал головой:

— Назову, но только не вам, а секретарю обкома. Поймите, по долгу чести я не могу этого сделать... Вы видите только валюту, иными словами, уголовное дело, а я вижу помощь рабочим. В этом вся разница.

— В обкоме знают об этих деньгах?

— Нет.— Ладони у Цобора сразу вспотели. Теперь до него окончательно дошло, что, по какому бы пути он ни пошел, он все равно окажется в мышеловке.— Я хотел позвонить, но...

— Так сказать, допустили ошибку? — иронически перебил его полицейский.— А ошибочка-то известная, стара как мир.

— Знаю,— согласился с ним Цобор.

— Видите ли, приятель, вы, как мне по всему кажется, несмотря на свою должность, человек небогатый. Я бы сказал, что в материальном смысле вы сидите на мели... Ну а теперь скажите: не обещал ли этот самый фабрикант кое-что вам за ваши труды? Ну, например, кругленькую сумму? Ведь от капиталиста всего можно ожидать. Вопрос лишь в том, чего можно ожидать от вас.

— За кого вы меня принимаете?!

Следователь решительно взял в руки резиновую дубинку.

— Назовите имена,— повторил он.

— Не могу.

— Тогда приготовьтесь, я их из вас сейчас выбью. Вы что, с ума спятили? Мы вас задерживаем с поличным, вещественные доказательства все налицо, а вы начинаете скрытничать, как проститутка без желтого паспорта. Вот когда вы от дубинки наложите в штаны, тогда не только все расскажете, но и подпишетесь, что вы вурдалак Дракула.— Полицейский встал.

Цобор тоже поднялся. Притушил сигарету.

— Прошу. Можете начинать.

— Будем бахвалиться?

— Бейте, сколько хотите. Ну, веселее! Может быть, я и назову имя фабриканта. И что тогда? В ваших руках будет полный протокол дознания, вы вместе с обвинительным заключением отошлете его в прокуратуру. Я, разумеется, получу по заслугам, владелец фабрики тоже, государство конфискует валюту в казну. Все вроде бы в порядке, не так ли? Но что получат в результате двести сорок голодных рабочих? Вы будете ездить к ним, чтобы утешать и кормить их жен и детей?

Следователь скверно выругался.

— Ну, а если я скажу, что все это басни? Дешевая сказочка для взрослых? Вам придется года два почесываться в Вацской тюрьме, из партии вас, конечно, исключат, а в результате вы вот так же смело пойдете чистить отхожие места.— Следователь отшвырнул в сторону дубинку и сел к столу.— Пеняйте на себя! Я же в данной ситуации ничего не могу сделать, кроме как запротоколировать все слово в слово.

— Разрешите мне позвонить по телефону?

— Нет, не разрешаю.— Следователь зачитал короткий протокол допроса и дал его подписать Цобору. Прежде чем позвать из коридора конвоира, он положил на край стола листок чистой бумаги и сказал: — Напишите записку в обком. Вечером, после работы, я передам ее дежурному вахтеру.

— Благодарю.

Цобора отвели на третий этаж в большую комнату. За столом сидел молодой полицейский офицер и с видимым наслаждением курил сигарету. На нем был белый френч, на воротнике которого блестели две звездочки, а с левого плеча свисали золотые шнуры аксельбанта.

Оглядев арестованного, офицер встал, взял у конвоира протокол допроса и, даже не заглянув в него, небреж-

пым жестом бросил на стол, затем сделал знак охраннику, чтобы тот вышел и ожидал в коридоре.

— Переживаем скверные времена, коллега,— проговорил он с улыбкой.— Если бы ты явился ко мне завтра, очень возможно, что за моим письменным столом ты нашел бы кого-нибудь другого. Какое у тебя звание?

— Поручик.

— Сервус, господин поручик. Позволь представиться: ротмистр доктор Жольт Туроци... Увы, среди наших узников теперь день ото дня все больше и больше встречается бывших офицеров, а вот здесь, в канцелярии, их все меньше и меньше. Садись.

— Спасибо.

— Новоиспеченные криминалисты думают, что они прекрасно обойдутся без нас. Чего они тебе пришили, эти мужланы?

Цобор сердито махнул рукой:

— Так, сплошная глупость.

— Золото?

— Доллары. Могу я позвонить по телефону?

— Ради бога. А я тем временем загляну, что они тут на тебя понаписали.

Цобор набрал номер секретаря обкома Селеша, но того, как назло, не оказалось на месте. Тогда он упросил секретаршу срочно передать товарищу Селешу, что он, Цобор, ждет его в управлении полиции в связи с очень важным делом и сам лично объяснит ему все при встрече. Положив трубку на рычаг, Цобор сел.

Туроци наблюдал за ним, держа перед собой протокол.

— Кто такой этот Селеш?

— Секретарь обкома.

— Из товарищей. Выходит, он либо коммунист, либо социал-демократ?

— Коммунист.

— О-ла-ла! А какое ты имеешь отношение к этому Селешу?

— Я его подчиненный.

Туроци дочитал протокол допроса до конца.

— Не такая уж это и глупость,— проговорил он совсем другим тоном.— Встаньте.

Цобор повиновался.

— У вас имеется желание дать другие показания? Или дополнить эти?

— Нет, ни малейшего.

— Подумайте, может быть, что-нибудь вспомните, скажем, какую-нибудь деталь. На первый взгляд она может показаться незначительной, а на самом деле в какой-то степени смягчит тяжесть совершенного вами преступления.

«Сначала он говорит мне «сервус», а теперь — «тяжесть преступления». Хорош!» — подумал Цобор, жалея уже, что принял словесную игру, предложенную офицером, и сразу не отмел в сторону его недвусмысленные намеки.

— Ну-с? — спросил Туроци.

— Вы приспособленец и мерзавец. Это все, что я вам скажу.

— Гм... В таком случае мне придется дописать еще одну фразу к протоколу допроса, а именно: «Поскольку принадлежность конфискованных у задержанного долларов не доказана, данное преступление может быть квалифицировано как кража или грабеж».

Цобор, не говоря ни слова, подписал и это добавление.

— Итак, какой у нас сегодня день? — Ротмистр посмотрел на календарь: — Пятница. В понедельник утром я распоряжусь отправить вас в прокуратуру.

Когда Цобор вернулся в камеру, Танач уже спал, а отвечать на вопросы любознательного карманника он не счел нужным. Углубившись в свои мысли, Лукач пытался определить, о чем именно ему следовало бы сообщить в обком, а о чем не следовало. Но так ни к чему и не пришел. Если бы он сразу и во всех подробностях рассказал о своем намерении в отношении фабрики, в обкоме наверняка отмахнулись бы и тогда Блюм продолжал бы сидеть на своих долларах, полуживой от страха и неизвестности. «А какая польза от моей слишком поспешной деятельности? И нужна ли она? Не разумнее ли, вместо того чтобы постоянно вмешиваться во все горячие либо скользкие дела, выждать, пока они как-то уладятся? Очень возможно. Только люди, кровно заинтересованные в этих делах, ожидают не кое-какого улаживания, а решения по существу!»

Раздумывая обо всем этом, Цобор не переставал прислушиваться к звукам в коридоре, приподнимаясь с места всякий раз, когда шаги приближались к дверям камеры.

В половине седьмого принесли ужин — в большом жестяном судке колыхалась коричневая баланда, в которой плавали редкие зерна фасоли.

— Ну, подставляйте свой котелок,— обратился к Цобору унтер, раздававший пищу.

— У меня его нет.

— А из чего же вы намереваетесь есть, черт вас возьми?

Смилостивившись, он принес из коридора помятую консервную банку с зазубринами по краям и предупредил:

— Берегите, другой я вам уже не дам.

— Спасибо. Могу я ее сполоснуть?

— Заткнитесь! Это вам не ресторан! Здесь говорят, когда я спрашиваю.

Унтер уже возился возле дверей соседних камер, с грохотом открывая и закрывая засовы, а Цобор все еще стоял, держа в руках консервную банку. В животе у него урчало, рот переполнился кисловатой слюной. Он попытался думать об изысканных, обильно наперченных, аппетитно пахнущих блюдах, таких, как жареная телятина, которую так превосходно готовят в «Апостолах», о голубцах из «Карпатии», о жареной свиной вырезке с яйцом, о гусиной печенке, о лапше с творогом, слоеных пирожках и булочках с орехами и бог знает о чем еще: о фруктах, напитках... Цобор мысленно все это видел, но ощутить их вкус, запах, аромат, как ни старался, не мог: ведь в руках у него была банка с похлебкой, а ее кислый запах был настолько противен, что он решил просто вылить ее в парашу.

— Стой, стой! — остановил его Танач.— Не теряй головы, дружище!

— Не могу я это есть.

— Брось ты, в самом деле. Какой бы скверной ни была эта бурда, но в желудке что-то должно быть. Советую: сделай глубокий вдох, затем зажми нос и выпей все залпом.

— Меня же вывернет наизнанку.

— Сразу видно новичка. Стоит ли об этом думать? В тюрьме нужно есть все, что дают, здесь главное заключается в том, чтобы не обессилеть.— Сам Танач глотками пил баланду, аппетитно причмокивая при этом.

Цобор, зажав нос, с грехом пополам выпил с пол-литра жидкого супа.

— Ну как, вкусно? — Карманник злобно захохотал.

Верчик раскрыл свой сверточек, достал из-за голенища нож:

— Уважаемый господин поручик, прошу откушать моего хлеба и сала.

Цобор покосился на нож. Перехватив его взгляд, Верчик тихо проговорил:

— Я уже три раза его на точиле обтачивал. Был бы другой нож, я сам не стал бы...— Он отрезал тоненький кусок хлеба, затем совсем крохотный кусочек сала и с почтением протянул Цобору.

Руки Лукача реагировали быстрее, чем его разум: он и сам удивился этому, но сало с хлебом было уже у него.

— Спасибо,— поблагодарил он.

— Не за что. Поешьте, тогда от всего ужина во рту останется лишь вкус последнего кусочка, увидите сами.

Цобор, откусывая крохотные кусочки хлеба, медленно жевал. «На фронте консервы частенько открывали штыком, а ведь чего только им до этого не делали»,— мысленно оправдывал он себя.

После ужина оба закурили, пряча сигареты в рукаве, чтобы не было видно огня.

— Ну как? — спросил, подсев к ним, Танач.

— По крайней мере чувствую во рту вкус сала.

— Ты меня не понял. Я спрашиваю, что было на допросе?

— В понедельник мое дело передадут в прокуратуру.

— Выходит, тебя не выпустят?

— Нет.

— Разве у тебя нет доказательств, что...

— Их я могу предъявить только в обкоме.

— Прошел их обработку?

— Нет, даже пальцем не тронули.

— Пора бы им уже и до меня добраться,— задумчиво произнес Танач.— Но только... у них и без нас забот полно. Да, вот что: если тебе все же нужен будет толковый адвокат, то я тебе назову одну фамилию и дам адрес, запиши.

Цобор охотно записал бы и то, и другое, но он не хотел вынимать бумажник: карманник непременно выдал бы его охране. Чтобы запомнить, он несколько раз повторил про себя фамилию адвоката, адрес и телефон.

Танач поплелся в свой угол, что-то пробормотав себе под нос, улегся и вскоре уснул.

По коридору провели еще троих арестованных. Впереди шел здоровенный, толстогубый детина с небритыми щеками. На нем был грязный китель и помятые брюки, заправленные в сапоги. Он длинно и скверно ругался на куншагском наречии.

Когда один из охранников сказал арестанту, чтобы он поживее переставлял ноги, тот неожиданно обернулся и рявкнул:

— Поторапливай свою шлюху мать, а не меня!..

В тот же миг он получил от полицейского увесистую пощечину, но, даже не вздрогнув, приблизил к нему свою опухшую физиономию:

— Ну, и сюда еще влепи, подвальная ты мокрица! Чтоб у тебя рука обломилась и отсохла!

Вняв просьбе, полицейский влепил нахалу еще одну оплеуху, но стоило конвоиру отцепить от пояса дубинку, как верзила покорно двинулся дальше.

— Грабители,— произнес, едва заметно шевеля губами, вор-карманник.— Будь моя воля, я бы их всех подвесил за ноги вниз головой. Один раз они меня раздели до исподнего, избили и в таком виде бросили в парке в кустах. Даже ботинки унесли...

Чуть позже из бокового коридора затопали еще чьи-то шаги. Шатаясь от одной стены до другой, к ним двигался какой-то тип, который во всю глотку горланил:

...Я солдат Миклоша Хорти,
Самый храбрый в мире...

Конвоиру пришлось проявить большую ловкость, чтобы дать ему пинка под зад.

— Да замолчи ты, черт бы тебя побрал!

Пьяный попытался вытянуться и отдать честь:

— Слушаюсь...— И тут же продолжал петь дальше:

Ох и весело живется
Мне в казарме, право...

— Унтер! Вы что, не знаете, как заткнуть глотку этой пташке? — крикнул из угла коридора начальник охраны.

Пьяный полез к конвоиру обниматься:

— Господин поручик как прикажет, марширую я по плацу....

— Ну погоди ты у меня!..— Конвоир, освободившись от объятий, ударил его дубинкой.

Внезапно наступила тишина. Ругаясь на чем свет стоит, унтер потащил сникшего любителя солдатской песни дальше.

Ровно в девять часов вечера состоялась перекличка по камерам. Танача пришлось разбудить. После проверки — отбой, в камерах тушили свет.

«Выходит, не приехали-таки за мной»,— подумал Цобор безо всякой горечи и лег на свое место. Аккуратно свернув френч, он положил его под голову вместо подушки. Из параши тянуло вонью. Через глазок в двери скупо пробивался свет, при котором можно было разглядеть лишь общие очертания нар. Не успел Цобор уснуть, как тюремные вши двинулись в свой ночной поход. Лукач попробовал было ухватить пальцами хоть одну, но из этого ничего не вышло. С досады он выругался.

— Снимите с себя рубаху,— посоветовал ему карманник.— Время от времени садитесь на нарах и носовым платком сметайте их с себя на пол, другого способа нет.

— Вы тоже не спите?

— Нет. Я обычно дремлю после завтрака часик-другой. Сидя, конечно.— Карманник тихо засмеялся.— Если бы у тюремного начальства хватило ума, оно заставляло бы осужденных отбывать наказание не в тюрьме, а здесь, в предварилке, где все соки выжало бы. Тогда, пожалуй, и я скорее пошел бы разгребать развалины, чем сидеть тут.

— А что, разве в тюрьмах лучше?

— Сударь, какое сравнение! Это же отели люкс!

Всю ночь напролет Цобор ходил по камере, ступая тихо, чтобы не заметил часовой. Впрочем, это не слишком его утомило: в годы войны ему не одну ночь приходилось не смыкать глаз. Под утро он твердо решил: что бы с ним ни случилось, он не поддастся, не примирится ни с какими тяготами. Роль униженного и сломленного узника не для него.

Такова жизнь. По крайней мере в данное время. Раздражала выросшая за ночь щетина на щеках, он непроизвольно ощупывал ее пальцами, проводя рукой по небритому лицу.

На завтрак принесли точно такую же похлебку, что давали на ужин.

«Как видно, в этом паршивом заведении действует фирменная кухня под названием «Венгерская баланда»,— отметил про себя Цобор. К вареву выдали по тонюсенько-

му кусочку хлеба; если сквозь него смотреть на горящую лампочку, непременно увидишь ее раскаленные волоски.

В начале двенадцатого за Цобором пришли.

— Куда? — спросил он.

Охранник, не ответив, махнул рукой, показывая вперед по коридору. Направо. Затем они поднялись на третий этаж и свернули налево. Остановившись возле одной из дверей, охранник постучал. Цобор узнал ее и с огорчением подумал о том, что его опять будет мурыжить все тот же тупица следователь. Итак, из обкома, выходит, никто за ним не приехал...

Войдя в кабинет, он увидел Селеша и еще какого-то худощавого подполковника с хмурым лицом. Однако при виде Цобора Селеш не встал и руки ему не подал.

— Можно разобраться в том, что ты натворил? Доказательно, а не на словах? — спросил Селеш.

Следователь сидел неподвижно и прямо, но в уголках рта у него играла ироническая улыбка.

Цобор окинул взглядом письменный стол. На нем лежали портфель Блюма из свиной кожи, заполненный бланк полицейского донесения и протокол допроса, подписанный им вчера. Ничего не говоря, он вынул из кармана бумажник, в котором лежал экземпляр договора, подписанный Блюмом, и, развернув, протянул Селешу. Тот дважды прочитал его про себя.

— Я же говорил вам! — сказал он спокойно, обращаясь к подполковнику.— Он мог совершить только нечто в этом роде.

Подполковник внимательно прочитал бумагу и, не скрывая удивления, спросил:

— Документ составлен в одном экземпляре?

— Нет, в двух: второй находится у владельца фабрики.

— Тогда почему же этот экземпляр вы носите с собой?

— Да рабочие, обязавшиеся восстановить фабрику, просили меня спрятать бумагу в свой сейф. Я просто не успел этого сделать.

— Понятно,— сказал подполковник.— Но ведь в этом соглашении ни словом не упоминается о долларах.

— Если вы хотите, я могу рассказать вам все от начала и до конца.

— Для этого мы и приехали сюда. Говорите, только покороче.

Цобор бросил взгляд на следователя.

Он вел следствие,— сказал подполковник.— Поэтому должен присутствовать.

— Пригласить машинистку? — оживился полицейский.

— Нет, не нужно. Я сам займусь этим делом, поскольку его содержание имеет политический характер.

— Извините, господин подполковник, но я хотел бы получить по этому поводу письменное распоряжение.

— Получите, чуть позже.

Цобор подробно рассказал товарищам обо всем, начиная с собрания на фабрике вплоть до своего ареста. Слушали его молча, не задавая вопросов. Лишь в самом конце рассказа Селеша прорвало:

— Какой черт дернул тебя брать эти доллары?

— Это основное условие Блюма. У меня были две возможности: либо согласиться, и тогда с фабрикой могло что-то получиться, либо отказаться, и тогда все летело к чертовой бабушке.

— А теперь ты видишь, что вышло из твоей затеи? Почему ты не поинтересовался нашим мнением?

— Да, это была моя ошибка. Хотя вряд ли вы одобрили бы всю эту операцию, а работягам ведь нужно не наше коллективное мнение, а возможность заработать на пропитание своим семьям.

Сигарету Селеш так и не прикурил, растер ее пальцами.

— Об этом мы еще поговорим.

Подполковник бросил на Цобора косой взгляд и, написав на листке несколько слов с указанием освободить задержанного, отдал его дознавателю. Затем тут же составил расписку о получении шести тысяч долларов.

Туроци кипел от злости, как котелок на огне, однако не подал вида и повиновался.

Когда они проходили мимо кабинета следователя, Цобор вдруг вспомнил о двух пинках, которыми тот его наградил. Он замедлил шаги, хотел было заглянуть к нему на минуту, но подполковник попросил его поторопиться.

«Из-за этого почетного эскорта я не смогу расплатиться с ним сейчас. Придется, видно, отказаться от своего святого правила: долг платежом красен».

Радость освобождения не могла заглушить ощущения голода. Цобор чувствовал, как сводит у него желудок.

Дежурный выложил из ящика его вещички: перочинный нож, брючный ремень, часы, ключ зажигания от мотоцикла, портсигар и двадцать семь пенгё. Цобор взглянул на часы и тут же резким движением отодвинул их дежурному. Часы были не его: дешевой марки «Роскопф», похожий на луковицу, древний, громко тикающий механизм, который гемешские железнодорожники прозвали между собой «будильник вахтера».

— Эти часы не мои. У меня взяли золотые марки «Марвин», квадратной формы, с браслетом.

— Это верно,— подтвердил Селеш.— Я его часы видел и знаю.

— А вы-то чего вмешиваетесь не в свое дело? Кто вы такой? — проворчал фельдфебель.

Подполковник подошел к столу:

— Поищите-ка получше. Видимо, тут произошла какая-то ошибка.

— Докладываю: у нас порядок. Я возвращаю то, что было отобрано при задержании. Ошибок не бывает...

— Даю вам две минуты, фельдфебель, ясно?

Часы быстро нашлись. Цобор завел их, поставил время и надел на руку.

— Кто-то положил их в другой ящик, в самый дальний угол...— начал было оправдываться дежурный.— Нельзя даже на минуту отлучиться...

— Доложите о ящике своему начальнику, а я в понедельник утром поинтересуюсь, известно ли ему о том, что творится в его доме,— прервал его подполковник.

— А мой пистолет? — воскликнул Цобор.— Я вовсе не собираюсь оставлять его здесь.

Подполковник потребовал у Лукача удостоверение на право ношения оружия. Проверив, он вернул его владельцу:

— Все правильно. Системы «Вальтер», номер семьсот шестьдесят пять.— Однако пистолет почему-то оставил у себя.

— Но я ношу его на законных основаниях! — возразил было Цобор.

Подполковник не удостоил его ответом.

Когда они втроем вышли на улицу, Цобор заметил, что погода изменилась к лучшему. Было жарко, светило солнце, воздух словно застыл в неподвижности. Лукачу

захотелось снять френч, но он вспомнил, что сорочка на нем отнюдь не свежа, да и сплошь усеяна крохотными красными пятнышками от укусов этих проклятых насекомых.

«Теперь побриться, выкупаться, сменить белье!» — мечтательно подумал он и с благодарностью взглянул на Селеша:

— Спасибо, товарищ Селеш, за то, что приехал за мной. И вам, товарищ подполковник, тоже...

— Успеете еще поблагодарить, после того как мы съездим в Гемеш.

— Но ведь я вам и так все рассказал!

— Все обстоятельства я должен проверить лично. Можете мне поверить, отнюдь не ради собственного удовольствия. На моем календаре сегодня тоже суббота...

Когда они сели в обкомовскую машину, Селеш посмеивался, а Цобор насупился и всю дорогу молчал.

Отыскать Фиштяка оказалось делом нетрудным: он сидел посреди фабричного двора на кладке отобранного и очищенного кирпича и, покуривая, о чем-то размышлял.

Подполковник потребовал вызвать как минимум еще двоих рабочих. Фиштяк подошел к Цобору: он впервые видел секретаря в столь неприглядном виде.

— Не случилось ли какой беды? — спросил он Цобора.

— Не отвечайте! — резко приказал подполковник.

От этих слов Фиштяка бросило в пот. Вытерев лоб полосатой пятерней, он запыхтел от злости и взвился:

— Что значит — не отвечайте? Он наш человек! Вам наплевать, как мы и что мы, а он один-единственный, кто вызвался нам помочь!

— Не умничай, Фиштяк,— отозвался Селеш.— Ничего дурного мы не хотим. Садись-ка лучше в машину.

С фабрики поехали к Малинацки. Подполковник сел рядом с шофером; на заднее сиденье втиснулись втроем. Через полчаса прибыли на место, нашли Малинацки, тот позвал Чеке, проживавшего через два дома от него.

Подполковник задал каждому несколько коротких вопросов, выудив из них все, что ему требовалось.

— Вам знакома эта бумага? — спросил он и показал соглашение.

— Знакома,— ответил Чеке.— Фиштяк зачитал нам его вслух на фабричном дворе.

— Не товарищ Цобор?

— Он привез бумагу и отдал Фиштяку.

Подполковник попрощался с рабочими, так ничего и не ответив на их вопрос, в чем, собственно, дело.

— Ну,— проговорил он, уже сидя в машине,— теперь остается только Блюм.

Звонок в дверь застал фабриканта за обедом. Увидев Цобора в сопровождении незнакомого мужчины в штатском, да еще полицейского офицера, который держал в руке знакомый желтый портфель из свиной кожи, Блюм судорожно ухватился за ручку двери, чтобы не упасть.

«Я погиб»,— эта мысль ясно была написана на его лице, хотя он и старался держать себя в руках.

— Проходите, садитесь, пожалуйста. Чем могу служить?

Подполковник сел и положил портфель на стол прямо перед собой.

— А вы разве не догадываетесь? — спросил он.

Блюм уставился на портфель, веки на его выпуклых глазах дрожали. «Деньги там или их уже нет? Если уже нет, тогда...» Он отрицательно покачал головой, ничего не ответив.

Цобора нисколько не удивило такое поведение фабриканта: «Будет все отрицать. Но если его хорошенько прижмут, он, конечно, выдаст меня с головой, трусишка».

Глаза у Блюма забегали, обеими руками он вцепился в край стола. Он был близок к обмороку.

— Вы знаете, что это такое? — спросил его подполковник, вынув и показав ему соглашение.

— Нет...

— Посмотрите поближе.

— Посмотрел.

— Ну и что?

— Впервые вижу.

— А разве там, внизу, не ваша подпись?

— Нет, не моя.

— А чья же?

— Возможно, кто-то ее подделал.

— Но зачем? Ради чего, в чьих интересах такая подделка?

— Этого я знать не могу.

Подполковник закурил. Молча выкурив сигарету до конца, смял окурок в пепельнице и встал:

— Сожалею, что отвлек вас от обеда. Всего доброго.

Однако не успел он дойти до двери, как Блюм вскочил. Его словно прорвало.

— Не уходите! Прошу вас... Ведь там,— он указал на портфель,— все мое состояние. Извините, господин Цобор...— Он рухнул на стул и закрыл лицо руками.— Мне не следовало соглашаться на это. В наше время вообще ни на что нельзя соглашаться. Да и ради чего, спрашивается? Ради того, чтобы у меня все отняли? Меня никто не возьмет на службу. Посмотрите на меня повнимательней! Я не в силах работать по восемь часов в день...

Подполковник вернулся, сел на свое место и, прервав поток жалоб, сухо спросил:

— Итак, вы признаете, что подписали это соглашение?

— А что я могу еще сделать?

— Вы признаете, что шесть тысяч долларов принадлежат вам?

— Признаю.

— Напишите короткое объяснение и подпишите.

— Я очень волнуюсь. У меня дрожит рука.

— Ничего, пишите дрожащей.

Блюм выпил стакан воды, принес бумагу и ручку.

— Я не преступник, поверьте. Я хотел только добра. Господин секретарь тому свидетель...

— Пишите скорее. У меня нет времени.

Блюм написал все, о чем его просили. Помедлив немного, он быстро подписался.

— Хорошо,— произнес подполковник, просмотрев написанное,— а теперь позвоните Баркани.

— Извините, но откуда вы его знаете?

— Не имею чести. Я же говорю, чтобы позвонили вы!

— А нельзя ли это сделать несколько позже, когда я останусь один?

— Звоните сейчас.

— Но... что я должен ему сказать?

— Не выводите меня из терпения, вы закажете ему все, что нужно для фабрики, а потом спросите, в котором часу в понедельник вы можете завезти ему деньги.

— Я?!

— Послушайте, Блюм, давайте останемся каждый в своей роли. Здесь я задаю вопросы и приказываю тоже я. Вы поняли?

— Да, вполне, но если вы, сударь, посмели аресто-

вать господина секретаря, то меня просто-напросто повесито.

— Вас будет сопровождать полицейский в штатском, так что даже волоса не упадет с вашей головы.

— Еще и полицейский! В штатском... А что я скажу о нем Баркани?

— Скажете, что это ваш друг. Или родственник, черт возьми! Придумайте сами, это уже ваша забота.

Блюм только теперь начал понимать, что конфисковывать его доллары никто не собирается. Он с такой поспешностью бросился к телефону, что едва не сломал себе ноги. «Неужели это возможно? Значит, я спасен?» Он отшвырнул ногой ломберный столик, уронил на пол какую-то вазу и, дрожа от возбуждения, набрал номер. Увереным голосом Блюм четко продиктовал Баркани целый список.

— В понедельник он ждет меня в одиннадцать,— объявил Блюм. Он положил трубку и потянулся за портфелем.

— В понедельник? Вот тогда вы его и получите,— сказал ему подполковник, отодвигая портфель.

— Боитесь, что я удеру?

Подполковник на одном пальце как бы взвесил портфель:

— Если бы вы посмели, я не затевал бы всю эту канитель. Итак, в понедельник, в десять пятнадцать, за вами приедет следователь, вместе с ним на машине вы поедете к Баркани. Вручив деньги, вы в присутствии следователя потребуете от Баркани расписку.

— Обычно я этого не делаю...

— А теперь сделаете. Эту расписку следователь потом передаст мне. До свидания.

Опешивший Блюм даже забыл рассыпаться в благодарностях. Он так и застыл в дверях, словно человек, которого вызвали зачем-то, а потом забыли отпустить.

— Дело сделано,— заметил подполковник,— но приятного мало.

Цобор вдруг вспомнил, что оставил свой мотоцикл перед зданием обкома.

— Мне с вами ехать? — спросил он у Селеша.

— Разумеется.

В машине подполковник вернул Цобору его пистолет. На улице сильный ветер крутил и гнал вдоль мостовой воронки из желтой пыли, поднятой из кюветов.

Машина выехала на широкую и прямую улицу Сечени, которая словно распахнула перед Цобором окно в прошлое. Мысленно он увидел себя мальчиком в кожаной шапочке, в бекеше и сапожках с рантом. Вот он бежит в школу, постукивая каблуками по мерзлой земле, ветер бросает ему в лицо снежную пыль. Затем — уже подростком на празднике конфирмации с иконкой на голубой ленте, этаким послушным отроком в белом при конгрегации Пресвятой девы Марии, а потом — великовозрастным гимназистом в длинных брюках, в сорочке с галстуком, с зажатым под мышкой портфелем и уже с сигаретой во рту.

Спустя минуту воображение унесло его дальше: он вдруг увидел себя загоревшим парнем в одной майке и сатиновых штанах, сидящим на телеге, на которой он везет свежие дубовые бочки в горы, на виноградник. А вот он уже новобранец, марширует под командой полицейского унтера, отбивая шаг подбитыми шипами солдатскими ботинками, вытянув руки по швам, или же, подняв ладонь на уровень глаз, козыряет своему мучителю наставнику, который обучает его шагистике.

Да, именно здесь, по улице Сечени, он, новоиспеченный прапорщик, впервые шагал в офицерское казино, здесь, по этой дороге, он провожал в последний путь на городское кладбище умершего деда, и впервые в жизни ему хотелось заплакать настоящими, облегчающими душу слезами, а их не было. Сколько раз он проходил здесь, по главной улице? Семь, восемь тысяч раз, наверное, не меньше. А может быть, и все десять тысяч...

Неожиданно нахлынувшие на него воспоминания оживили, словно яркий кадр из кинематографической ленты, то, что выпало из его памяти: майский день сорок четвертого года, колонна евреев, обреченных на уничтожение, низко опущенные головы, потухшие глаза. За плечами у Блюма полупустой рюкзак, в руке — кожаная сумка, похожая на авоську...

— За отсутствием состава преступления считаю на этом ваше дело законченным,— сказал подполковник, возвращая Цобора к реальной жизни.

— Благодарю.

— Остальное решит обком.

— Понимаю.

Подполковник повернулся на сиденье к Цобору:

— Я уже видел вас.

— Меня? Где?

— В Буде. Пятнадцатого февраля на смотре.

— В самом деле? Выходит, вы тоже...

— Да, я был там. Вы тогда выглядели весьма бравым, впрочем, вся ваша рота тоже. Шинели, оружие, ремни, сапоги — все блестело, строй стоял словно по линейке. Как сейчас помню, генерал-лейтенант, проводивший смотр, даже замедлил шаг, проходя мимо вас. Мне симпатичны бравые ребята, но только тогда, как там,— в едином строю. На вашем месте я бы покончил с самодеятельными авантюрами. Наша партия — это ведь не клуб одиночек — искателей приключений.

— Согласен, но я хотел иного. Так сложились обстоятельства.

— Обстоятельства? Однажды, делая выбор, с кем вы, вы уже убедились в том, что в любой ситуации имеется некий рубеж, по одну сторону которого обстоятельства подчиняют нас, а по другую — мы подчиняем себе их. Вы имели приказ? Или разрешение? Или согласие вышестоящих инстанций? В таком деле, как с Блюмом, это необходимо. Но именно этого-то вы и избегаете, как добрая овчарка коровью лепешку на лугу.

— Мне необходимо отвыкнуть от...

— От чего отвыкнуть?

— От привычки действовать на свой страх и риск.

— Послушайте, не сердите меня, а не то я вас так обложу, что развалится этот шарабан: на кого же вы хотите переложить ответственность? На чужого дядю?

Селеш угостил подполковника и Цобора сигаретами. Прикуривая, Цобор заметил, как справа по тротуару важно шествует Байнацки. На бывшем советнике был серый костюм, белоснежная сорочка с тщательно повязанным галстуком кирпичного цвета. Жара, казалось, нисколько его не касалась. Вызывающе задрав кверху нос, словно со штыком наперевес, он гордо удалялся от здания управления полиции.

«Держится, как министерская крыса,— подумал Цобор.— Он, собственно, всегда был таким. По утрам важно следовал на вокзал к будапештскому поезду, а вечером — домой. На приветствие он никогда не отвечал, а лишь молча приподнимал шляпу. Стоит ли теперь менять привычки? Черт с ним...»

Фиштяк и его коллеги все еще о чем-то совещались, стоя перед домом Чеке. Увидев обкомовскую машину, они

было побежали за ней, потрясая кулаками. «Интересно, чего им-то бушевать?» — удивился Цобор.

До самого обкома все молчали. Прощаясь, подполковник пожал им руки, сказав Цобору, что он надеется на новую встречу, но только не по такому поводу. И уехал на обкомовской машине по своим делам.

Они остались вдвоем с Селешем. Стояли возле покрытого густым слоем пыли мотоцикла, и каждый не решался уйти первым.

— Спасибо,— проговорил Цобор.

«За что, собственно, спасибо? За позор? За то, что познакомился с тюремной камерой, так сказать, изнутри?— думал он, понимая, что словесная мишура сейчас ни к чему, но что-то сказать надо.— Смогу ли я когда-нибудь смыть с себя это пятно? Если не смогу, то не знать мне покоя. Я буду беспрерывно думать об этом и ужасно мучиться».

— Мне хотелось знать, что именно ты сделал и почему,— отозвался Селеш.

— Теперь ты знаешь все.

— Да, но кое-что все-таки не понимаю. Несколько дней назад ты получил от обкома пособие, а сейчас у тебя в кошельке всего лишь двадцать семь пенгё?

«Вот так вопрос! В моем нынешнем положении не все ли равно, есть у меня деньги или нет?» — подумал Цобор и сердито ответил:

— Остальные истратил.

— Я надеялся, что ты купишь себе нормальные брюки, чтобы не щеголять в этих старорежимных сапогах.

— Пришлось расплатиться с корчмарем по счету. Три сотни пенгё.

Селеш оглянулся по сторонам, изучая тротуар и двор дома напротив, словно подыскивая предмет потяжелее, которым можно было бы запустить в Цобора.

— Счет в корчме?.. Вот как. Ну, хоть цыгане-то там были?

— Это был не мой счет.

— Не твой?! А чей же тогда?

— Я не люблю доносить.

— А покрывать любишь?

— Ну хорошо. Цобор коротко рассказал о проделках корчмаря Гари.

Селеш слушал его очень внимательно, казалось даже сочувственно.

— Метод довольно эффективный, но слишком уж дорогой. Кроме того, не слишком чистоплотный. В подобных случаях не твое дело выкупать забулдыг, жертвуя собственным гардеробом. Ты должен был об этом доложить нам.

Цобор попросил сигарету.

— А вы бы за него заплатили?

— За кого ты нас принимаешь?

— Выходит, нет. Вы залепили бы ему строжайший выговор, намылили бы шею и обязали его все долги немедленно уплатить, так? Но он все равно не уплатил бы, так как платить ему нечем. Если бы было, он не стал бы принимать бесплатное подношение корчмаря. А каков результат? Вы, так сказать, свое дело сделали, меры приняли, а подлец Гари и дальше будет спаивать коммунистов, выставляя их на позор перед завсегдатаями корчмы.

— Допустим. Ты можешь предложить что-нибудь умнее?

— Любителей спиртного нельзя принимать в члены партии.

Селеш некоторое время молчал, затем сказал:

— Когда-то так и было. Когда партия находилась в подполье, это исключалось. Но теперь, когда нам необходимо создавать партию массовую... поневоле приходится кое-чем поступиться. Черт возьми! Строить партию нам приходится не с теми людьми, которых мы создаем своим воображением, а с теми, которые нас окружают в действительности. Порой я внутренне тоже негодую, почему мы предъявляем к человеку такие слабые требования.

— Ну и?

— Что значит твое «и»?

— И ты миришься с этим безобразием?

— Разве ты меня таким знаешь? — Селеш повысил голос, видимо рассердившись.— Думаю, даже ты со своей дубовой головой в состоянии понять, что мы в настоящее время в каком-то смысле двигаемся по вынужденному пути. Там, где еще не уложены рельсы, поезда не ходят.

— А не задумывался ты о том: хватит ли сил и умения у старой гвардии, чтобы поднять со временем новых членов партии до своего уровня? Не захлестнет ли эта огромная масса «новобранцев» прежнее руководство, повернув руль в другую сторону?

— Ты недооцениваешь людей.
— Нет, не думаю. Но я и не переоцениваю их. Именно поэтому...— Засомневавшись, он замолчал. Высказывать не до конца созревшую мысль он не решился, точнее, не было необходимости.
— Продолжай же,— настаивал Селеш.
— Не стоит.
— Черт бы тебя побрал, раз уж начал говорить, договаривай до конца!
Цобор сделал глубокую затяжку и, подавившись дымом, некстати закашлялся.
— Нам необходимо считаться и с тем, что сознание людей выросло. Теперь они больше задают вопросов, чаще спорят, требуют отчета и ответственности. Вообще куда больше требуют, чем прежде. Они вполне осознают свои права, причем отнюдь не дарованные сверху, а те, что они сами себе завоевали, иными словами, имеют право голоса при решении самых важных вопросов...
— Мы как раз стремимся к этому! Ведь в этом и заключается партийная демократия.
— Да, разумеется... Но если они по какой-либо причине не станут такими, какими мы хотели бы их видеть, то может случится, что они, как телеграфные провода, будут играть роль только передатчика сигналов! Иными словами, будут повиноваться, и зачастую слепо.
Селеш неожиданно улыбнулся и дружески похлопал Цобора по плечу:
— Не будем гадать. А пока надо работать, учить людей и самое главное — организовывать. Остальное придет... Твои сомнения понятны. Они от политической неграмотности. Я думаю, как только позволят обстоятельства, мы направим тебя на трехнедельные курсы.
— Могу я еще кое о чем спросить?
— Догадываюсь. Но заранее ничего не могу тебе обещать. По твоему делу в среду соберется партийная комиссия. В десять утра будь в обкоме.
— Я не об этом.
— А о чем же?
— Видишь ли, события последних дней были для меня суровой школой, и все же я ничему не научился. Я и сейчас не понимаю, почему... Погоди, я попытаюсь точнее сформулировать свою мысль. Человек, живя в обществе, является личностью, а потому имеет право самостоятельно мыслить, давая оценки событиям и людям, искать

и требовать истины. Он это, естественно, и делает. Но где та граница, которая разделяет права личности и коллектива? Кто их установил? Ведь бывают же случаи, когда какой-нибудь человек...

— Уж не ты ли?

— Зачем я? Им может быть любой, каждый. И вот этот человек раньше других или более точно оценил и понял суть какого-либо общественного явления и знает, что надо делать. Однако все его старания окажутся напрасными: он будет плыть против течения! Потому что, если большинство скажет «нет», правда останется за этим большинством, поскольку в принципе большинство всегда право.

Селеш посмотрел на часы:

— Извини, у меня в обкоме есть дела. Думаю, ты слишком занят собственной персоной. Да и все, о чем мы с тобой сейчас говорим, не предмет для спора на тротуаре. Но твои вопросы достойны того, чтобы их обсудить на заседании бюро обкома. Кроме того, на них постепенно будет отвечать и время.

— Но ты сам как считаешь?

— А ты не боишься, что я тебе косточки перемою?

— Я готов!

Селеш смягчился немного:

— Видишь ли, у нас с тобой разное положение. Ты недавно стал членом нашей партии, а я в ней состою уже девятнадцать лет. Я уже привык ко многому из того, что пытаешься ты понять и одолеть собственными силами. Знаешь, когда нас впервые бросили в бой против мятежников Франко в Испании, я ужасно боялся. Ведь эти мерзавцы запросто могли перещелкать нас всех по одному. О своем страхе я не постеснялся сказать своему командиру отделения, старому рабочему-металлисту. А он кисло усмехнулся и ответил: «Э-э, браток, нельзя спать с бабой и сохранить невинность». Я думаю, эта простая истина везде применима. Уж раз ты на что-нибудь решился, значит, обязан идти до конца. Идет вечный спор: когда человек имеет право идти на сделку с собственной совестью и когда нет. — Он немного подумал и продолжал: — И спор этот никогда не кончится. В каждой новой ситуации, в каждом новом деле приходится вести бой за честный компромисс между собственной совестью и обстоятельствами. Главное, чтобы этот бой никогда не велся в твоих личных интересах.

— Даже вопреки своей совести?

— Если речь идет о совести одного человека, да, вопреки. Но если в этом деле затронуты интересы коллектива, к которому принадлежишь ты сам, вот тогда следи за сигналами и протестами своей совести повнимательнее. Не сердись, по мне и в самом деле пора. Сервус.

Цобор достал из сумки с инструментом тряпку и стер с мотора налипшую грязь. На лбу у него выступил пот, руки дрожали так, что он только со второй попытки смог вставить ключ зажигания.

Заведя наконец мотоцикл, Цобор поехал домой. Дверь оказалась запертой. Вложив в рот два пальца, Лукач хотел было уже свистнуть, чтобы позвать Гала, но тут же передумал. Не стоило встречаться со стариком в таком виде — грязным и уставшим. Он прошел в сад и достал из дупла старого сливового дерева ключ от входной двери. На пороге в нос ударил какой-то непонятный смешанный запах краски, политуры, антимоли, еще чего-то.

Лукач вошел в гостиную и остолбенел. Посреди громадной комнаты, в которой еще несколько дней назад не было ничего, кроме пустоты, стоял овальный стол орехового дерева, вокруг него полдюжины мягких стульев; на полу лежал довольно потертый, но красивой расцветки ковер, около стены, выходившей на улицу, красовался буфет, рядом с ним сервант, а у стены напротив — удобная кушетка, курительный столик на ножках из кованого железа и три глубоких кресла. Приподняв опущенные жалюзи, он открыл одну створку окна, впустив струю свежего воздуха. На всех окнах висели портьеры ручной работы, тяжелые, но мягкие на ощупь, чуть-чуть пожелтевшие от времени и помятые, от них слегка пахло горечью.

Цобор медленно обошел комнату, по очереди останавливаясь перед каждым предметом. «Так-так,— думал он с поднимавшимся раздражением,— сперва я получаю оплеуху, затем вот это. Сначала кнут, потом пряник. Все порублю на дрова...» — Однако вскоре он успокоился, хотя все еще не хотел признаться себе, что обстановка комнаты, честно говоря, ему нравится. Выдвинув один из ящиков буфета, он нашел в нем белье и цветные скатерти, в другом ящике — мельхиоровые столовые приборы. Сервант тоже не был пустым: за пузатым чайником выстроились в ряд чайные чашки, а полкой ниже — бокалы для вина и рюмки для палинки, одна из них оказалась с выщербленным краем. Цобор задвинул ее подальше, чтобы

кто-нибудь из гостей невзначай не взял ее и не порезал себе губы.

«Каких гостей? — с горечью подумал он.— Ведь ко мне никто не заходит».

Носком сапога Цобор расправил бахрому на ковре. Рассеянный взгляд его скользнул по рисунку ковра, местами цвета сливочного масла, местами — кирпично-красного, пока наконец не добрался до порога двери, которая вела в спальню. Там тоже был разостлан ковер и расставлена какая-то мебель. Встревоженный, не нарушил ли кто этим сюрпризом привычный для него порядок вещей, он поспешил войти, но сразу же успокоился. На месте старой кушетки стоял широкий удобный диван из ясеня, накрытый клетчатым пледом, у стены возвышался платяной шкаф, тоже из ясеневого дерева, а в простенке между окнами приютился книжный шкаф с пятью полками, на верхней из них виднелись изрядно потрепанные, зачитанные книги с загнутыми страницами. Склонив голову набок, он начал читать заголовки на корешках: «Вопросы ленинизма», «Государство и революция», «Что делать?», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

Взяв одну из книг, он повертел ее и даже понюхал.

«Ласло,— подумал он,— все это мог сделать только Ласло, и никто другой. Он, конечно, еще придет, хотя бы за книгами. После всего случившегося ничего невозможного быть уже не может...»

На месте столика для телефона стоял небольшой, но довольно изящный письменный стол, покрытый толстым стеклом.

«Любопытно, где пережил смутные времена этот письменный стол, что даже стекло на нем не разбито?..»

В этот момент послышались знакомые шаркающие звуки: это старый Гал вытирал свои башмаки о проволочный коврик.

— Изволили прибыть, ваша честь?

— Добрый день, дядюшка Якоб.

Старик на цыпочках вошел в комнату, отчего шипы, которыми были подбиты его башмаки, только громче стучали по полу.

— Вчера вечером мы закончили с перестановкой,— пояснил Гал.— Супруга моя Рози с таким усердием здесь все терла и мыла, будто к свадьбе готовимся.

— Все это привез, видимо, Ласло?

— Он самый... Он... Тот самый порядочный человек,

которого вы как-то грушами угощать изволили. Все произошло в тот самый день, когда вы ушли из дома. Перед домом остановился большой грузовик, слышу, кто-то кричит: «Эй, старина, открывай-ка поскорее ворота!» А потом они стали заносить все эти красивые вещи. Мужчина, которого вы изволили назвать Ласло, командовал, указывая, куда что ставить. Очень порядочный человек! Я, глядя на него подумал: наверное, ваша честь немалую занимает должность, если вас так уважают. Вот полюбуйтесь: теперь в доме уютно стало, как прежде. Точь-в-точь как в старые добрые времена.

— Ласло ничего мне не передавал? — спросил Цобор.

— Как же, как же! Привет вам передал, ваша честь.

— А он... случайно не сказал, куда и сколько надлежит уплатить за эту мебель.

— Нет, этого он не сказал. Но как я понял, ваша честь, платить вовсе не надобно. Господь бог за все уплатит. А как вам все это нравится?

— Ничего, прилично.— Цобор обвел комнату взглядом.

С каждой секундой лицо старика, радостное, оживленное, становилось все более серьезным. Ясными и в старости большими глазами он уставился на измученное бессонницей лицо Цобора: воспаленные глаза обведены темными кругами, щеки заросли бурой щетиной, затем скользнул взглядом по грязной, в пятнах, сорочке, по помятым брюках и запыленным сапогам.

«Что-то случилось,— решил старый Гал.— Уж если молодой барин в таком виде, определенно что-то случилось».

Широкие мускулистые плечи старика слегка дрогнули:

— Вы влипли в какую-то историю? Истратились?

— Можно и так сказать.

— Спрашивать не нужно?

— Нет.— Цобор, опустив голову, медленно прошелся по комнате.— Жаль, что вчера мне не удалось пойти вместе с вами к нотариусу. Но тут не я причиной.

— Прошу прощения, это не к спеху.

— Нет, к спеху. Принесите мне тарелку супу. Хоть какого, лишь бы погорячее...

— А что еще?

— Больше ничего.

Старик вышел, а через несколько минут принес на хорошо знакомом Лукачу подносе чуть ли не дымящуюся тарелку.

— Поставьте сюда,— Цобор указал на красивый ореховый стол.— А сами присядьте на кушетку.

— Я лучше постою.

— Сядьте. Закуривайте и ведите себя так, будто меня здесь нет.

— Но вы же здесь, ваша честь! И слава богу!

Цобор промолчал. Гал присел на краешек кушетки и, погрузившись в печальные думы, вопреки обыкновению даже забыл смотреть за тем, как Цобор ест.

— Супруга моя тоже очень за вас волновалась,— наконец вымолвил Гал.— Все время ломала пальцы и восклицала: «Ах господи! Уж не наскочил ли господин Цобор на что-нибудь этакое своим поганым мотоциклом?»

Цобор ел медленно, не торопясь, стараясь не искушать сразу измученный желудок.

«А собственно, какого черта я играю в прятки? Почему умалчиваю о случившемся? Что было, то было, завтра все равно весь город будет болтать об этом. На фабричном дворе меня видели. Перед домом Чеке, возле виллы Блюма — тоже. И черт его знает, сколько любопытных глаз...»

— Я попал в кутузку,— сказал он, отодвигая от себя тарелку и глядя Галу прямо в глаза.— Сидел в городской полиции.

— Это как же? — Руки старика задрожали.— Быть того не может.

— А вот может. Сидел.

— И что же, будет продолжение?

— Перед законом? Нет, не будет. Выяснилось, что я не подлец.

Старик встал, взял в руки поднос:

— Вы, ваша честь, и в тюрьме... Что же это такое на свете делается? Ну и порядки.

— Спасибо за суп. Если меня спросят, посылайте всех в пекло. Я хочу спать.

В новом шкафу, среди лежавшего там чистого белья, Цобор нашел запас сигарет. Распечатав пачку, он закурил. Держа в левой руке пепельницу, немного походил по дому, заглянул в остальные пустые комнаты.

«Да, перед законом я чист, разбирательства не будет. Но перед самим собой...— Цобор остановился на пороге

третьей комнаты, рассеянно огляделся: — Пока дом был пуст, я заполнял его собой. Теперь же пуст я сам...»

В этот миг Лукач почувствовал, что его тошнит. Слюна во рту стала горькой. Лицо покраснело. Едва он успел добежать до ванной комнаты, как его вывернуло наизнанку. Белки глаз налились кровью, позывы дикой рвоты следовали один за другим. Ослабев, он долго и лихорадочно хватал ртом воздух. С трудом добравшись до раковины умывальника, прополоскал рот, умылся, затем, набрав в ладони холодной воды, долго плескал ею в раскалывающийся от боли лоб. Вытершись, тяжело дыша, сел на кушетку. Следовало бы побриться, принять ванну, сменить белье, но у него не хватало сил даже на то, чтобы встать.

«Нож,— вспомнил он.— Да, нож убийцы, которым Верчик в камере резал сало. И еще столь же отвратительная кислая баланда. Нет, не то. Не нож, не тюремная похлебка. Не лги, Цобор, самому себе. Признайся откровенно, хотя бы в мыслях. Причина только в тебе. Тебя рвет от самого себя. Да, ты теперь не тот, каким был раньше. Всего за три дня, за какие-нибудь трое суток, ты сильно изменился: теперь на тебе стоит клеймо. И коль справедливый суд товарищей вершился над тобой, ты что-то потерял, а потерял нечто такое, что уже нельзя вернуть: твою былую незапятнанность. Прежде ты был неуязвим, а теперь ты уже никому не сможешь бросить в лицо, что никогда и ни в чем не сталкивался с законом».

— Был ли я гордецом? — вслух произнес Лукач, будто обращаясь к пустой комнате. «А разве это грех? — ответил себе.— Разве нельзя быть гордым? Или мир принадлежит ныне смиренным? Сколько вокруг людей, у которых с языка не сходят высокие слова о народе, о служении ему, о самопожертвовании святому делу. Но стоп! Разве не из их числа выходят мудрецы, которые всегда знают лучше других, что такое жизнь и с чем ее кушают? Разве не они, ползучие тихони, кричат в верхах о своей непогрешимости и неподкупности, а сами, будто не веря, что потомки оценят их подвиги по заслугам, еще при жизни запасаются нимбом немеркнущей славы и, до блеска начистив его, собственноручно держат над собственными головами? — Цобор снова закурил, но тотчас потушил сигарету — тошнота еще давала о себе знать.— Чепуха,— думал он.— Стоит ли так изводить себя? Какая глупость! Живому устраивать анатомическое вскрытие,

Будь что будет. Собственно, в моем положении уже ничего нельзя изменить... Даже если откроешь душу. Но кому ее открыть? Брату Арпи? Он сидит в тюрьме. Может быть, Бланке? Она парит в заоблачных высотах: не поймет. Старому верному слуге? Но тот при беззаветной преданности видит во мне продолжение вчерашнего, а не нового дня. Таков мир! Таковы люди!.. Есть товарищи по борьбе... И очень даже много. Но и среди них не найдется ни одного, кому бы я откровенно мог признаться в том, что меня волнует. Они трудятся как пчелы, стараются изо всех сил, составляют планы, преобразуют страну, но, к сожалению, не имеют времени, чтобы преобразовать и изменить конкретного человека. С кем поговорить, с кем посоветоваться? А как надо бы...»

Взяв себя в руки, Цобор положил в печку мелко наколотых дров, но растапливать не стал, решив, что сделает это позже. Вернувшись в свою комнату, он улегся на кушетку. Уставившись в потолок, заметил крохотного серого паучка, который старательно ползал по паутинке то вверх, то вниз всякий раз на одно и то же расстояние, словно заключив пари о том, что повторит этот маневр за вечер пятьсот раз. «Ну, трусишка, решись же ты наконец на что-нибудь!»

Пистолет в кармане больно давил в бок. Он достал его, стал осматривать. Конечно, его следовало бы почистить: весь в грязи. «А ведь это настоящий вальтер. Такое великолепное боевое оружие... Не исключено, что кто-нибудь из полицейских засунул его в какой-нибудь хлам, чтобы спрятать, а потом присвоить. Ну, товарищ Цобор, а не разыграть ли нам с тобой русскую дуэль? Заряжен или нет? Только один нажим на спуск — и все станет ясно. Экая чушь. Во имя чего?»

Цобор рывком сел на кушетку и вынул из пистолета магазин — в нем не оказалось ни одного патрона. Полицейские, конечно, присвоили их себе. Цобор расхохотался. Он хохотал до тех пор, пока не почувствовал острую боль в боку. Потом швырнул пистолет на стол. Стекло на нем даже не треснуло. «Доброе стеклышко, прочное, хоть куда».

Он ничком повалился на кушетку и, разбросав в стороны руки и ноги, мгновенно уснул.

Утром Цобор проснулся в девять. Выйдя во двор, он шесть раз обежал вокруг сада. Купаясь в ванной, громко

распевал фривольную песенку. Быстро привел себя в порядок. Позавтракав, он вдруг вспомнил о том, что сегодня воскресенье, а значит, Бланка сейчас усердно молится в церкви. Было бы хорошо встретить ее по дороге домой. Ему ничто не грозит, поскольку отец Бланки к утренней мессе не ходит, а посещает только позднюю обедню. Он надел чистую сорочку, повязал галстук, достал из шкафа свой лучший костюм. «Однако сейчас только десять часов. Черт возьми, чем же заняться до одиннадцати?— Думать ни о чем не хотелось. Он решил немного пройтись по улице Сечени, до пристани и обратно.— В последний раз я там прогуливался в прошлом году. Теперь и этого позволить не могу. Этак я отвыкну от всех приятных и полезных занятий, не останется ничего, кроме беготни и спешки».

Кто-то кошачьими, неслышными шагами вошел в сад, бросив тень на окно.

«Кто бы это ни был, я выставлю его вон,— решил Цобор.— Выставлю, и все тут».

В дверь постучали.

— Кто там? — спросил Лукач.

Оказалось, пришел Кишмихай. Вытирая ботинки о половик, он просунул свою угрюмую физиономию в полуоткрытую дверь и внимательно оглядел гостиную.

— Ну, теперь-то,— заговорил он, протягивая руку,— ты уже не скажешь, что нет смысла к тебе заходить. Партия тебя обеспечила приданым.

— Чего ты хочешь?

Кишмихай правой рукой почесал запястье левой.

— Куда собираешься?

— Это тебя не касается.

— Вот как! Словом, сегодня не принимаешь,— проговорил он, изучающе разглядывая Цобора от галстука до ботинок: — Ты и в штатском все равно остаешься господином поручиком. Не желаешь походить на нас?

Цобор мог бы объяснить, что другого костюма у него нет, но не стал этого делать, вспомнив, что ведь из-за Кишмихая он не смог купить себе обед в полицейской кутузке.

«Пьяница несчастный,— подумал Цобор,— и он еще смеет после того случая у корчмы являться ко мне домой».

— Говори, да покороче, я спешу.

— А ты не спеши. Не о мелочи какой-нибудь говорить будем. Можно сесть?

— Если настаиваешь.

Кишмихай, однако, не обратил внимания на холодность хозяина и опустился в кресло. Вытянув свои длинные ноги, он даже тихо застонал. Вытащив из кармана кисет, он старательно свернул цигарку и не спеша закурил.

— А чего ты сам-то не садишься?

Цобор мысленно помянул черта. «Вытряхнуть бы тебя из кресла да дать хорошего пинка под зад». Сняв пиджак, он сел:

— Слушаю.

— Сейчас услышишь, если еще не слышал. Хотя то, о чем я буду говорить, вряд ли делалось без твоего ведома.— Посмотрев Цобору прямо в глаза, он спросил: — Скажи, по какой причине сместили бургомистра Тинду? Почему этот пост отдали социал-демократам, а те скоренько посадили в кресло бургомистра этого недоумка Чатковича? Ведь его ни за какие коврижки не заставишь даже выговорить слово «интернационализм». Кустарь-одиночка, весь он тут.

Цобор и раньше замечал, что Кишмихай, заводской фрезеровщик, недолюбливает не только так называемых выходцев из господ, но и простых ремесленников: портных, сапожников или столяров, как Чаткович. «Сколько в нем пролетарской спеси? — подумал Цобор.— Чем она лучше надменности господ?»

— Почему ты не привел его с собой? — спросил он.

— Кого?

— Тинду. Нужно же ему знать, какие имелись к нему претензии, хотя бы задним числом.

— А ты сам разве не знаешь?

— Я из дома уехал в четверг утром, когда он еще был бургомистром, а вернулся домой только вчера к вечеру.

Глаза у Кишмихая стали большими, но он и не думал ничему удивляться. Напротив, стал еще сумрачнее.

— Гляди-ка, какие чудеса,— пробормотал он, решив отложить вопрос о причине отсутствия Цобора на потом.

«Ну и проходимец же ты,— подумал Цобор.— Все-то ты прекрасно знаешь».

— Выходит,— продолжал язвительно Кишмихай,— и тебя об этом забыли спросить. А разве ты не встречался с Селешем?

— Ты же сам знаешь, что встречался! Зачем пристаешь?

— Я не желаю слушать досужую болтовню, а хочу об этом деле знать всю правду, и лично от тебя.

— Вчера мы виделись.

— И он ничего не сказал?

— О Тинде ни слова.

— А ведь позавчера он был здесь до конца спектакля. Старик ведь сам отказался от поста. Новый бургомистр Чаткович блеял, как овца. Смех один, толком ничего сказать не может, только кланялся и благодарил за оказанное доверие! Обещаю, мол, отдать на этом посту все свои силы. Все до последнего! Дурень, каких свет не видел.

Тинда, господин учитель Тинда. Он был у них классным руководителем с пятого и до последнего класса. Преподавал он курс венгерской и всеобщей истории, много курил и потому все время покашливал. По слабости памяти с историческими датами был не в ладах. Задавая ученику вопрос, в каком году произошло то или иное событие, сам украдкой подглядывал ответ в своем кондуите, словно студент в шпаргалку на экзаменах. Однако свой предмет он знал превосходно. Цобор любил учителя Тинду, и не только он, его многие ученики любили. Как только фронт перекатился через их городок и отодвинулся на запад, Тинда вступил в Коммунистическую партию. Городская партийная организация рекомендовала его на место прежнего, бежавшего с немцами бургомистра, а национальный комитет без всяких колебаний утвердил его кандидатуру. Почему вдруг он оказался плох для партии? Его неожиданная отставка вызывает только недовольство общественного мнения Гемеша. А люди ворчать будут, потому что работал Тинда хорошо, добросовестно и был человечным. Он с таким усердием собирал по крохам все, что несло в себе сочувствие и симпатию к коммунистам и к новому режиму, с каким пчела собирает цветочную пыльцу. Чем мог, он помогал и советским частям, проходившим через их город дальше на запад. В первую мировую войну Тинда побывал в русском плену, где довольно сносно выучился понимать и говорить по-русски.

— И что за мода такая пошла? — продолжал негодовать Кишмихай, развалившись в кресле.— Решают сами,

через наши головы? И не считают нужным оповестить нас о своем решении хотя бы за день... Спрашивается, какой, к черту, это демократический централизм, демократия? От нас обкомовцы требуют сведений по каждому пустяку, а если что им самим в голову придет, решают, никому ничего не говоря. Раз, два и готово, а мы выполняй.

Кишмихай сплюнул на ковор и носком сапога растер плевок.

Цобору не терпелось поскорее освободиться от незваного собеседника. Он тер рукой подбородок, смотрел на часы. Если он выйдет из дома через пять минут, то еще успеет добраться до церкви к концу проповеди. Однако Кишмихай не выказал никакого желания уходить.

— Не плюйся,— сделал ему замечание Цобор.

— Подумаешь, чистюля.

— Каждый ребенок знает, что в квартире на пол не плюют. Ты и у себя дома вот так же поступаешь?

— Дома нельзя: жена не выносит.

— А у меня, значит, можно?

— Ну ладно, ладно! Я просто очень зол, потому... Куда это годится: на место Тинды сажать Чатковича? Такое дерьмо, а?

— Я вижу, ты выступаешь в защиту Тинды. А ведь он тоже из господ.

— Ну и что? Он умница, человек образованный. А нам нужны умные люди, пока из своих детей и внуков мы не вырастим новую интеллигенцию. А как только вырастим, господа могут катиться на все четыре стороны.

— На пенсию, значит.

— Почему это?

— А куда же еще? Ведь к тому времени все мы уже состаримся.

— Не смеши людей! Пройдет всего лет десять, и ты увидишь: у нас будет полно отлично подготовленных специалистов с дипломами. Хочешь из рабочих, хочешь из крестьян, только выбирай!

— Вот именно! Выбирать придется.

— Ты хочешь сказать...

— Да, я хочу сказать, что диплом это далеко не все. Встречаются дураки и с дипломом в кармане, сколько угодно. Однако не будем отклоняться от темы, время идет.

— Что еще? Ах да!.. Чуть было не забыл: ведь тебя приглашают на заседание бюро обкома. Расскажи без

прикрас на бюро всю эту историю. Чтобы они без нашего согласия не устраивали впредь таких вот замен. Ведь расхлебывать и объяснять людям все потом приходится нам. Если же они такие умные, что могут обходиться без нас, пусть сами и объясняют, что к чему! Если же ты один не отважишься, тогда пойдем мы втроем, сначала в обком, а затем в Центральный Комитет и в соответствии с уставом партии потребуем, чтобы и на нашем футбольном поле были не одни ворота, а двое! Ты смело можешь заявить Селешу, что, наблюдая этот спектакль, никто не улыбался, даже буржуазные демократы. А сами социал-демократы только хлопали глазами, открыв рот. Ясно, что и они ничего не знали, ибо на этот случай у них нашлась бы совсем другая кандидатура, а не этот тупица Чаткович.

— Хорошо,— сказал Цобор.— Я согласен.

«Неплохой козырь,— подумал он.— Если я кое-что делал без их ведома, то и они делали без нашего. Во всяком случае, с козырями играть всегда лучше, чем без них».

— Вот это хорошо. Сделаешь доброе дело.— Кишмихай удовлетворенно вздохнул.

— Но говорить я об этом буду не на сегодняшнем бюро, а на следующем.

— Это почему же? Нельзя откладывать. Неужели ты не понимаешь? Растревожен весь город, гудит как улей.

— Иначе не могу, мне нужно подождать немного. Скажем, дней десять... Тут персональное дело.

— Уж не твое ли?

Цобор кивнул. Кишмихай мгновенно сменил небрежную позу и напрягся, подавшись всем корпусом вперед:

— Так это, выходит, правда?

— Что именно?

— Перестань... Говорят, что из-за Фиштяка и его компании ты трое суток прощебетал в тюремной клетке. Верно?

— Верно!

Кишмихай хлопнул ладонью Цобора по коленке. Тот впервые уловил в глазах собеседника что-то похожее на сочувствие:

— Не стыдись этого, дружок! Было время, я тоже сидел, и не один раз, черт возьми.

— Но не теперь, при новой власти.

— Это ничего не значит. Важно другое: ради чего или кого сидит человек! Радуйся, что отсидел всего лишь

трое суток. Ведь то, чего ты добился, стоит гораздо большего... Фиштяк и его друзья поминают тебя, как бога. Дай пожму твою руку! И кстати: тогда, возле корчмы, ты был прав. Это я тоже хотел тебе сказать.

Кишмихай долго тряс Цобору руку.

«Одиннадцать часов. Встретить Бланку я уже опоздал»,— подумал Цобор, но без всякой досады. Сближение с Кишмихаем, которого он не ожидал, пришлось по душе.

Они еще немного поговорили. Но когда Цобор имел неосторожность сказать несколько добрых слов о Чатковиче, дескать, хотя его и нельзя сравнить с Тиндой, но при должной поддержке он все же будет делать то, что требуется, он тут же понял, что, мягко выражаясь, немного поспешил: две минуты спустя они насмерть переругались. Кишмихай громогласно помянул черта, дьявола и мать пресвятую богородицу, а уходя заявил:

— Хорош! Еще ни с кем из начальства не разговаривал, а уже со всем примирился! Видно сразу, что этот двуличный социдем обвел тебя вокруг пальца. Ноги моей больше здесь не будет! — Он так хлопнул дверью, что она словно выстрелила из карабина.

Прогулявшись до шоссе, Цобор вернулся домой и, присев к столу, набросал план работы на следующую неделю. В блокноте значились два общих собрания, день партийной учебы, четыре заседания бюро плюс собрание актива на химической фабрике. Не так уж и мало. Сверху на листке Лукач пометил: «Арпи». В понедельник с утра первым делом он должен разыскать адвоката, которого рекомендовал Танач. «Интересно, отпустили ли старика из кутузки или еще сидит?»

Вскоре позвонил Матраи:

— Надеюсь, дружище, ты не забыл, что сегодня вечерком мы собираемся у меня на винограднике поболтать под паприкаш из молодого барашка?

— Конечно, не забыл.

Обедать Цобор пошел к супругам Гал. И, только уплетая лапшу с творогом на десерт, он вдруг сообразил, что за столом почти не разговаривал со стариком и его женой, которых его молчание, судя по всему, изрядно стесняло. За обедом Гал вместо вина пил воду, растворив в ней ложку соды: его мучала изжога, и он с трудом удерживал отрыжку. Сообразив, что он не ко времени, поблагодарил стариков и поспешил убраться. Вернувшись к себе, Цобор достал с полки «Вопросы ленинизма». Прочитав

три страницы, удивленно сказал: «Эге!» Затем прочитал еще три страницы и решил, что текст нужно конспектировать, иначе вряд ли что-нибудь осядет в голове: за один присест такую материю переварить трудно.

Было уже около четырех, когда Лукач отложил книгу в сторону, переоделся, надел сапоги. Выкатив мотоцикл на дорогу, он прислушался. Мотор работал ровно и чисто, как хорошие часы.

По дороге на виноградник Цобор припомнил историю персонального освобождения от ига фашизма Тони Матраи, которое происходило в четыре этапа с небольшими перерывами и большими приключениями.

А дело было так. В начале декабря отступающие гитлеровцы за что-то загребли Матраи и увезли с собой. Возможно, как переводчика, но возможно, и за другое. Стоило Матраи выпить чарку, как он распускал язык и чаще, чем следовало при немцах, упоминал свое сербское происхождение, а если этих чарок было несколько, то выпячивал грудь и, блестя глазами, заявлял, что он не какой-нибудь проходимец, а предводитель всех сербов в Гемеше и его округе. Так или иначе, гитлеровцы отвезли Матраи километров на тридцать к западу и посадили в кутузку при жандармском участке какого-то села, где его, правда, не трогали, но есть и пить тоже не давали.

В декабре при наступлении советские войска отбросили гитлеровцев дальше на запад, и, хотя фронт немцев в Задунайском крае еще и не был ими прорван, жандармы, у которых сидел Матраи, бежали и в спешке забыли очистить свои застенки от арестантов. Местные крестьяне взломали дверь кутузки и выпустили узников. Но им было не до узников. Перед приходом новых гостей они поспешно отправились прятать в самые немыслимые места зерно, муку, уцелевший скот, вино и палинку. А через двое суток в село вошли советские солдаты.

Матраи хотел получить какую-нибудь справку, с которой он мог бы беспрепятственно добраться до дома. Два дня он околачивался во дворе комендатуры и добился приема у какого-то капитана. Матраи по-хорватски объяснил ему, как подло поступили с ним гитлеровцы.

Немного подумав, капитан спросил:

— Кто ты?

— Я серб, а это значит — славянин. Как и вы, господин капитан.

— Коммунист?

Матраи извиняюще улыбнулся:

— Разве всем славянам обязательно быть коммунистами? Мы здесь воспитывались в других условиях, да и политика у нас другая, чем в России. Я из партии мелких сельских хозяев...— И Матраи пустился в подробные объяснения. Он рассказал русскому капитану историю о переселении сербов в эти места, а потом об основных принципах партии мелких сельских хозяев.

— С этим надо разобраться,— выслушав его, сказал капитан.— Если ты не коммунист, тогда почему тебя арестовали гитлеровцы? А уж если арестовали, то почему оставили в живых? Это не в их правилах. Наберись терпения, брат славянин, дня на два. Мы все выясним.

Капитан приказал починить в каталажке дверь, и Матраи снова оказался там. А несколько дней спустя немецкие танковые корпуса предприняли отчаянное контрнаступление со стороны Секешфехервара, и советские войска были вынуждены временно отойти на этом участке фронта. Местные жители опять разбили дверь, но Матраи, уже наученный горьким опытом, никому ничего не говоря, тайком выбрался из села и направился домой в Гемеш, но по дороге его задержал немецкий патруль.

— Какого дьявола ты бродишь в гражданском, когда все твои одногодки служат в армии? — спросили у него.

— У меня грыжа,— ответил Матраи.— На последней медицинской комиссии меня признали негодным.

— Врешь,— сказали гитлеровцы.— Мы сами тебя освидетельствуем.

И Матраи снова оказался за решеткой.

На седьмой день советские войска штурмом выбили немцев из села, на этот раз уже навсегда.

Матраи привели к советскому майору:

— За что вас арестовали?

Помня все свои мытарства и опасаясь, как бы ему вновь не пострадать за правду, Матраи на этот раз решил солгать:

— Ни за что. Просто я еврей.

На походной кухне его накормили мясом с луковым соусом, напоили разбавленным трофейным спиртом, от которого он сразу же одурел, и выдали справку, удостоверяющую, что он еврей и может беспрепятственно следовать до родного города Гемеша.

Едва Цобор съехал с шоссе на тропинку, петлявшую среди виноградников, он увидел в тени развесистого оре-

ха всю компанию, уже приступившую к винопитию. Во главе стола восседал настоятель католического собора Тихамери. Он сильно потел и большим платком с пурпурной каймой то и дело вытирал мокрое лицо. Рядом с ним расположился районный председатель социал-демократов Фатра; затем санитарный врач Бийогош, глава городской организации крестьянской партии; напротив них сидели Эрвин Целеи, заведующий городской сберегательной кассой, он же председатель местного отделения буржуазно-демократической партии, и начальник центральной полиции капитан Теттеш.

Матраи только что поднял из подвала очередной кувшин вина. Увидев Цобора, он обрадовался.

— Наконец-то пожаловал, любезный куманек! — воскликнул он, наполняя вином большой бокал из толстого стекла.

Потянув ноздрями густой аромат вина, Цобор поднял бокал в честь господ и товарищей, здесь присутствующих, а затем с удовольствием пропустил внутрь прохладную жидкость.

— Узнаешь? Рислинг итальянский. Ну как? — спросил Матраи, который не мог удержаться, чтобы еще раз не похвастаться вкусом своего вина, его ароматом, букетом и прочими его достоинствами, требуя от многочисленных гостей немедленной оценки.

— Каждый раз все лучше и лучше,— ответил Цобор.

— Ты прав, куманек! — Матраи засмеялся.— Чем меньше его остается в бочке, тем лучше оно становится!

— Мой бедный заблудший барашек,— укоризненно произнес Тихамери, взглянув на Цобора и сокрушенно покачав головой.— А ведь на церемонии миропомазания он так красиво декламировал из писания! Ты не сердишься, сын мой, что я говорю тебе «ты»?

— Нет, отчего же.

— Ничего, пусть поблудит,— проговорил Теттеш.— Кстати, баранинку любит не только хозяин, но и старший пастух, и подпасок, и даже пес, что сторожит стадо.

— Верно, чуть не забыл! — спохватился Матраи и мигом подскочил к висевшему над огнем котлу с кипящим паприкашем. Раз пять-шесть он помешал его, а затем, осторожно поднеся ко рту длинную деревянную ложку, попробовал. Аппетитно причмокнув, он объявил: — Готов паприкаш! Хорош, ничего не скажешь!

Целеи сидел, заложив ногу на ногу. Он был в тонком

фланелевом костюме, голубой поплиновой сорочке и галстуке в красную с синей полоску. Он был свеж и, видимо, не страдал так от жары. Все остальные же поминутно вытирались платками. Теттеш был весь мокрый, пот лил с него ручьями, хотя он расстегнул ворот и сидел в жилетке. Он по-прежнему носил полевую форму, ибо парадного мундира и летнего кителя полиции до сих пор не выдали. Один только Целеи выглядел, как огурчик, будто они расположились для беседы не на жарком склоне, а в прохладном подвальчике. Его рука, украшенная перстнем-печаткой, покоилась на столе.

— Возвращаясь к теме разговора, который прервался у нас с прибытием моего друга Цобора,— начал он,— должен признаться, господа, я опасаюсь, что мы спорим впустую, основываясь лишь на предположениях.

— Ясно,— осклабился Теттеш,— ведь нас освободили не английские войска, как ждали некоторые.

Целеи не обратил на эту реплику никакого внимания.

— Дело это и раньше выглядело не так просто,— продолжал он.— Мне кажется, важно не то, кто пришел в Венгрию, а куда он пришел. Для тех, кто не успел обратить на это внимания, укажу на одно из характерных явлений нашего так называемого демократического преобразования. На политическую арену хлынуло множество серых, необразованных людей с туманом в мыслях и невообразимым косноязычием. Так сказать, народные массы. Их интересует только одно — получать! Получать или, если иначе нельзя, выцарапать для себя все, что можно: землю, дом, участок виноградника, должность, трибуну. А это вряд ли можно назвать политикой. Это голый материальный интерес, не более того...

— Не говори глупости! — перебил его Матраи.— Любая политика строится только на интересе! И если в настоящее время у нас не топчут интересы народных масс, это уже означает начало демократии.

Ни один мускул не дрогнул на лице Целеи.

— Демократия есть не что иное, как точно определенное и ограниченное осуществление определенных прав и вместе с тем несение за них установленной законом ответственности. Как я вижу, эти люди никогда в жизни ничему такому не научатся.

— Еще как научатся! Если только им не будут мешать.— Матраи распалился не на шутку.— Все ваши умствования не стоят воробьиного дерьма! У нас в стране

ведутся не парламентские дебаты твердолобых тори с любителями полавировать лейбористами, а идет борьба, борьба господ и рабов! И бывшие рабы не могут, черт возьми, усвоить все сразу! Лукач, ты-то что скажешь по этому поводу?

Цобор задумчиво смотрел на свой виноградник и полузарытый в землю домик давильни. Построил ее в свое время дед Цобора, из бутового камня, добросовестно и крепко, как делал все, что выходило из-под его рук. Сорванную с петель дверь поправил и навесил Гал, так что снаружи на первый взгляд все выглядело в полном порядке. Беда только в том, что в подвале не осталось ни литра вина и даже ни одной целой бочки. Отступавшие немцы, экономя время, изрешетили их пулями, и все вино, разумеется, вытекло. Правда, кое-что из инвентаря все же сохранилось, и главное, был цел давильный пресс. Видимо, никому не потребовался... Да, невелико богатство.

— Это будет нелегко. В нашем государстве на протяжении тысячи лет его истории не руководили, а приказывали.— Отвечая Матраи, Лукач повернулся к Целеи, главному оппоненту: — Однако я все же посоветовал бы тебе прислушаться к нашим крикунам, даже если они не повышают голоса. Они умеют формулировать свои мысли, поверь мне. Пусть в их речи отсутствует, как ты тут сказал, культура изложения. Но простые люди разговаривают на ясном, образном и чистом венгерском языке, право, лучше, чем мы. Порой двумя-тремя фразами они выскажут нам такие истины, что диву даешься и думаешь про себя: «Ну и ну, я бы так никогда не смог!»

Депутат Фатра согласно закивал, со лба на руку ему упало несколько капелек пота.

— Процесс познания происходит в рабочем движении не сразу,— поддержал он Цобора.— Или вы думаете так: в один прекрасный день обыкновенный работяга заходит в партком, а спустя два часа выходит оттуда сознательным, по всем статьям подкованным членом партии? Черта с два. Немало времени пройдет, пока усвоит, что такое прибавочная стоимость или расширенное воспроизводство, чтоб ему ни дна ни покрышки! Для учения нужно время. Многое другое тоже, но прежде всего время. И если ты, Целеи, до сих пор того не заметил, жаль: сегодня это время у нас есть. Мы учимся не урывками и тайком, прячась от жандармских налетов, как прежде, а систематически,

спокойно и свободно.— Из-под припухших век Фатры остро поблескивали маленькие глазки.

Родился Фатра в семье шваба-ремесленника, носившего немецкую фамилию Фихте. Когда он переиначил ее на венгерский лад, то, наверное, не думал ни о соснах, ни о горах («фихте» по-немецки «сосна», а «фатра» по-венгерски «гора»). Летом сорок четвертого года его «пригласили» в гестапо и поинтересовались, по какой причине он, немец по происхождению, вдруг затесался в партию венгерских социал-демократов. Освободили Фихте только в декабре. И он, старый социал-демократ и профсоюзник, как-то не любил вспоминать об этом. Цобор его недолюбливал, возможно, за покровительственный, менторский тон, за медлительность и неряшливость: под ногтями у него всегда чернела полоска грязи. «Депутат, а не удосужился привести ногти в порядок. Словно крот, который постоянно роется в земле»,— думал о нем Цобор.

— Учиться, говоришь? — Как бы размышляя вслух, отозвался Бийогош.— Нам всем нужно научиться только одному, но весьма основательно: вовремя кричать, если что-то неладно, а не молчать в тряпочку, как прежде.

Целеи сделал вид, что пропустил замечание Фатры мимо ушей. Он лишь переменил позу.

— А знаете ли вы, что красавицу Мандулане застали с доктором Ижо? — сказал он, меняя тему разговора.

От этой новости Бийогош разинул рот, готовясь вволю посмеяться. Он любил посмеяться над своим коллегой, даже если слышал о нем что-нибудь отнюдь не смешное.

— Как это — застали?

— Известно как — на диване.

Благочестивый Тихамери обвел присутствующих взглядом:

— Господа, воздержитесь. Это же неприлично!

Тоттеш с безразличным выражением лица поправил Целеи:

— Если позволишь, уточню: никто с Мандулане на диване не лежал, а только собирался. Это во-первых. А во-вторых, застали ее не с доктором Ижо, а с капелланом из нижнего Гемеша.

— Господь бог да простит вам эти пакости. Извините, господа, но с меня достаточно вашего общества. Я ухожу.

— Святой отец, а как же баранина! Она уже готова! — воскликнул Матраи.— Не отведать такого божественного паприкаша никак нельзя! Прошу тебя, отче...

Настоятель бросил негодующий взгляд на раскинувшийся внизу город. После недолгой (возможно, наигранной) борьбы с собой он нехотя опустился на свое место.

— Только ради тебя, сын мой,— проговорил он. Немного погодя, он повернулся к Теттешу: — А ты, нечестивец, все это придумал, чтобы только позлить меня, не сомневаюсь.

— И в мыслях не имел, святой отец. Как можно? А случилось это вот как. Одна женщина по фамилии Ферничпе — она проживает в нижней части города — ехала на велосипеде по улице Терекопорта и вдруг упала. Постовой полицейский, дежуривший в том районе, как положено, тотчас доставил пострадавшую на квартиру к доктору Ижо на предмет оказания помощи. Однако, войдя в приемную, постовой там доктора не обнаружил. Тогда он заглянул в следующую комнату, но доктора и там не оказалось. Что делать? Он открыл следующую дверь, и в комнате, как он пишет в рапорте, к своему несказанному удивлению, увидел господина капеллана в одних подштанниках, болтавшихся на левой ноге, а рядом с ним Мандулапе нагишом, то есть согласно рапорту в чем мать родила...

— Согласно рапорту? — испуганно прошептал Тихамери.— Вы сказали, что об этом написано в рапорте?

— Разумеется. Постовой всегда пишет рапорт.

— Гм... Скажи, сын мой, так ли уж необходим этот рапорт?

Теттеш беззвучно ухмыльнулся, а затем подтвердил:

— Того требуют наши правила... Служебная инструкция.

— Инструкция! У нас они тоже имеются, только они называются иначе. Но, несмотря на это, все мы люди, не так ли, сын мой?

— Чтобы вас успокоить, господин настоятель, я уничтожу этот рапорт. Тем более что господин капеллан, в конце концов, всего лишь проводил осмотр местности, огня не открывал.

Целеи одобрительно кивнул:

— Забавно. Похоже на английский юмор.

Матраи тем временем вынес из винного погребка тарелки, столовые приборы и сервировал стол. Котел с паприкашем сняли с огня и поставили возле стола. Пока он раскладывал баранину по тарелкам, все с наслаждением

вдыхали аппетитный аромат, а потом разом навалились на еду.

— М-да! — вымолвил Фатра с полным ртом.

— Ура! — выдохнул настоятель.

— Царское блюдо! — воскликнул Целеи, устраивая поудобнее длинные ноги.

Матраи взглянул на Цобора:

— Ну как, Лукач?

— Настоящий паприкаш,— ответил Цобор. Немного подумав, он добавил: — Такой варил мой дед.

Матраи рассмеялся:

— У него-то я и научился, куманек!

— Знаю.

— Здесь, на виноградниках, самый лучший паприкаш всегда был у него. Но и в гости он приглашал с разбором.

Фатра, не вытирая жирных губ, спросил:

— Ты хочешь сказать, что поступаешь иначе? Зовешь кого придется?

— Не все ли равно? — усмехнулся Теттеш.— Только бы звал.

Трапеза продолжалась. Ели. Пили. Смеялись. Бийогош по-крестьянски кусочком хлебного мякиша подобрал стекавший по подбородку соус, а затем отправил его в рот.

— Странно,— сказал Цобор,— никто из вас ни словом не обмолвился о Тинде.

В тот же миг лицо Теттеша словно окаменело:

— А зачем? Выгнали человека, который знал свое дело. Все ясно, и дело с концом.

Матраи снова наполнил бокалы вином:

— Пейте на здоровье. Сегодня воскресенье, солнышко светит, паприкаш удался на славу... Теперь уж не скоро опять барашка зарежу, так что бросьте вы к черту свою политику.

— Разумеется, как же не выгнать. Человек из господ,— заметил Целеи.

— Из господ, но коммунист,— сердито откликнулся Теттеш.— Выходит, могут ужиться эти два качества.

— Разумеется. Уживаются же, к примеру, коммунист и выпускник офицерской Академии Людовики в одной голове,— съязвил Целеи.

— Целеи, ты когда в последний раз получал оплеухи? — парировал Теттеш.— Если забыл, я могу напомнить.

Матраи простер руки над столом;

— Вы спятили, други? Все мы давным-давно знаем друг друга, зачем ссориться?..

— Насколько мне известно, его не просто вышибли, а переместили,— сказал Бийогош.— Ведь Тинде предложили должность председателя национального комитета.

— Но какой ценой? — Матраи не утерпел и вышел из роли миротворца.— Для этого придется вышибать нынешнего председателя от партии сельских хозяев.

— Очень милая история,— заключил Целеи.— По крайней мере, можно выбирать, что лучше: вышибить одного или двоих?

Цобор закурил сигарету:

— Дело не в этом. Главное, что никто не поинтересовался мнением жителей города. Тут попахивает чем-то подозрительным. Ясно одно: это отнюдь не запах демократии.

— Когда меня сюда назначили капелланом,—с улыбкой начал Тихамери,— а случилось это тридцать два года назад, на мою должность было пять претендентов. С тех пор, как вижу, ничто не изменилось. Хотя, пожалуй, кое-какие перемены есть. В мое время на должность священника не мог претендовать человек, не имеющий теологического образования.

Фатра, отяжелевший от съеденного и выпитого, облокотился на стол и, приоткрыв слипавшиеся глаза, заметил:

— Видишь ли, Цобор, ты был строевым командиром и, как я слышал, отлично командовал. Но в штабной работе ты не разбираешься. Мы же там, наверху, по-другому смотрим на вещи.

— Вы, наверху!

— Да, именно. Возможно, тебя и забыли информировать, но с этой претензией ты обращайся к собственной партии. Хотя и тебе должно быть известно, что по всем серьезным вопросам руководители обеих рабочих партий постоянно консультируются между собой.

— Понимаю. Над нами и без нашего ведома.

— Не горячись. Снизу руководить невозможно, только сверху. В конце концов, что, собственно, произошло? Соглашение. Вы получили кресло алишпана, вице-губернатора области, а мы — бургомистра. Могу сказать, что ваша партия даже выгадала.

Теттеш вскочил и ногой отбросил стул:

— Такого не случалось даже в затхлой старой армии! Строевые офицеры, уважаемый товарищ депутат, да, да, все строевые командиры заблаговременно получали информацию и, если не было проволочной связи, то по так называемой системе «офицер—офицеру».

Фатра благодушно покачал головой:

— А разве вас спрашивали, как вы, подчиненные, отнесетесь к тому или иному приказу сверху?

— Бывало и так, правда не всегда, но ведь о деле Тинды до сегодняшнего дня нам не сказали ни слова. Мы вынуждены питаться слухами. Разве это порядок, черт его возьми?! Сегодня мы агитируем по всему городу за нашего кандидата, поднимаем всех на ноги, призываем принять активное участие в выборах, а завтра втихую этого избранника снимают и сажают нам на голову другого, только потому, видите ли, что там, наверху, его считают более достойным? После этого я не удивлюсь, если послезавтра, во вторник, ко мне явится какой-нибудь тип и заявит, что отныне не я являюсь начальником городской полиции, а какой-нибудь икс или игрек.

— Ну и что? Тебя назначат на другую должность, и будешь работать.

— Черта с два! Я солдат и ничего иного делать не умею. Если меня отсюда уберут, то я пойду туда, где еще нужно драться. Хоть в иностранный легион.— Он расстегнул китель и помахал полами, как веером.— Речь, собственно, даже не обо мне. Неужели не понимаете? Люди начали верить, что они действительно что-то могут. Что от них зависит, как пойдут дела в стране. А вместо этого... Эх! — Он сделал энергичный жест, опрокинув на стол свой бокал с вином.

Целси наконец покончил с едой. Он так деликатно ел свой паприкаш, что ни капли подливки, ни крошки хлеба не осталось на его тонких губах.

— Вы хотите добиться всего слишком уж быстро. Если не ошибаюсь, Кромвель в свое время...

— Пошел ты к черту со своим Кромвелем. Речь не о быстроте, а о последовательности.

Цобор согласно кивнул:

— Это верно. Одно из двух. Но одними и теми же устами не следует говорить и «да» и «нет». Этого я не принимаю.

Фатра допил свое вино. Его одутловатая, важная физиономия, делавшая его похожим на патриарха, приняла холодное выражение.

— Тебе лучше помолчать,— сказал он, обращаясь к Лукачу.— Ты и сам-то хорош, иначе не сидел бы в кутузке. Говоришь одно, делаешь другое.

«Выходит, все они знают,— подумал Цобор.— Да и как не знать? За один день наш городок не обойдешь: велик, а для слухов мал, тотчас до краев полнится. Во всяком случае, я должен быть им еще благодарен, что они не расспрашивают меня об этом».

— То, что я должен был сделать, не вышло бы...— начал было объяснять он.

— Должен... Должна моя бедная матушка соседу корчмарю! Или ты полагаешь, что если в низах творят нечто такое, о чем вверху не знают, лучше, чем когда вершат в верхах без ведома низов? Я бы на твоем месте был благодарен за то, что тебя вытащили из дерьма, и не чирикал, как воробей.— Недовольно ворча, он на прощание протянул Матраи только кончики пальцев: — В следующий раз будешь приглашать, приглашай на паприкаш, а не на скандал.

Доктор Бийогош тоже заторопился, сославшись на тяжело больного пациента, о котором он едва не забыл. Целеи сказал, что его ждут семейные обязанности. И лишь один Теттеш удалился без всяких объяснений.

— Сожалею, что так вышло,— сказал Цобор, когда они остались вдвоем с Матраи.— Не сердись.

Он хотел было тоже уйти, но Матраи остановил его:

— Ничего, со временем помирятся, а вот мы с тобой давненько не разговаривали по душам. Сиди.

Матраи убрал все со стола, оставив лишь два бокала. Принес из погреба еще кувшин вина. Солнце повисло уже над Галмадской горой, поднимался легкий ветерок. За городком на склонах холмов лоскутным одеялом пестрели уже убранные нивы, кукурузные делянки, участки, засаженные свеклой, люцерной, дальше опять жнивье.

Матраи чокнулся с Лукачем:

— За твое здоровье, куманек. Скажи, когда ты в последний раз пел свою любимую песню?

Цобора удивил неожиданный вопрос.

— В прошлом году, в казино. Впрочем, нет! В тот вечер подполковник Дамашди раз сорок заказывал арию Данилы из «Веселой вдовы». В самом деле, когда же я

пел? Два года назад я был на фронте. Там едва ли... Откровенно говоря, не помню даже.

— Вот видишь, куманек. Это-то и плохо.

— Отчего же?

— Плохо, что ты этого даже не помнишь. Я тоже не помню. Прокатилась через нас колесница, которую мы зовем историей, и мы уже позабыли, когда пели в последний раз.

Отхлебнув из бокала, Матраи тихо запел старинную песню куруцев времен Ракоци:

Хоть турецкого бархата шапка на мне...

Некоторое время Цобор молча слушал, а затем начал негромко подпевать. Все три куплета они так и пропели, вполголоса, сдержанно и печально. Никто им не мешал: виноградники на горе пустовали, ведь вина в погребах не осталось ни у кого, кроме хитреца Матраи. Он рассказывал, посмеиваясь, что укрепил стены своего погреба, для вида конечно, десятком здоровенных бревен. И если кто-нибудь требовал у него вина, он отвечал: «Полезай сам, я не полезу. Опоры гнилые, не хочу, чтобы этот старый погреб обвалился мне на голову».

— Куруцем мне надо быть,— вздохнул Цобор,— а не секретарем райкома.

Матраи засмеялся, показав белые зубы:

- Ну, а теперь давай мою споем...— Хлебнув еще вина, он затянул:

На лугу, на лугу, на Кишгеменском лугу...

Но Цобор заупрямился:

— Эх, поздно мы родились.

Матраи пожал плечами:

— Не сами себя на свет произвели.

— Все равно, опоздали.

— Глупости.— Матраи смотрел на город, купавшийся в лучах солнца, уже клонившегося к закату.

Отсюда, с горы, не было видно ни стен, изрешеченных пулями, ни разрушенных домов, ни изрытой воронками дороги. Все блестело, сияло, радовалось. Мираж...

— Да, дружище, эта тоска человека одна из самых древних на свете. Мы хотим жить не тогда, когда живем, и не там, где живем, и не так, как живем. Возможно, это идет от мечты о счастье, а может, бегство от самих себя.

Но мы живем сегодня и должны с этим смириться. Жить надо, куманек, жить...

— Но ради чего? Раньше, в старые добрые времена, человеку нужны были добрый конь, булатный клинок, храбрость и ничего больше. Вперед на врага! Остальное— там видно будет.

Матраи раскатисто засмеялся.

— Чего ты ржешь? — рассердился Цобор.— Значит, ты ничего не понял? Раньше человек сам за себя дрался и отвечал тоже только за самого себя!

— Храбрость... Это ты попал в точку. Разве сегодня она уже не нужна? Еще как! — Он вытер рот.— Драться за самого себя! Эта песенка давно забыта, куманек.— Покачав головой, он улыбнулся: — Ты еще ходил в четвертый класс, а уже тогда хотел стать куруцем. Рисовал резвых лошадок с молодцеватыми всадниками, которые лихо рубили немцев и их наемников. Верно, они рубились. До тех пор, пока сами не погибли.

— И ты все это помнишь?

— А как же. Помню даже то, что и у куруцев были свои правила.

— Какие правила?!

— Не кипятись. Правила всегда были и всегда будут. Дай-ка лучше сигарету, что-то покурить захотелось. Конъюнктура у них тоже была. Я так понимаю: уже тогда были обстоятельства, с которыми приходилось считаться. Дай-ка огоньку. Спасибо. Приуныл ты что-то, куманек. Знаю, знаю! Слишком уж много сразу на тебя навалилось. Но ты же сам говорил еще два часа назад, что к крикунам нужно прислушиваться, когда они еще разговаривают тихо. Вот и получается, что мы им нужны. Мы оба, и ты в частности. Мы ведь знаем и умеем то, что умеют они. Знаем, что значит работать руками. Ты это смолоду познал, верно? Но мы и еще кое-что знаем и умеем, чему пока не научились они: видеть перспективу.

— Я же делаю дело, за которое взялся.

— Даже тогда, когда это тебе не по вкусу, верно?

— Да. Но результаты не всегда бывают такие, как хотелось бы. Но если я буду сидеть сложа руки, дело от этого не улучшится. Любая машина, как известно, действует только по своим законам. Таков и механизм власти. Он либо притягивает к себе человека и приручает, либо ломает его как личность. Вот где беда...

Чем больше Матраи пил, тем больше, казалось, трезвел.

— Ты слишком нетерпелив,— заявил он.— Вот и мучаешь сам себя. Мы сейчас только начали корчевать старые пни и сажать молодые саженцы.

Цобор постучал бокалом о столешницу:

— Господи, пойми и прости. Хватит, прекратим к чертовой матери весь этот разговор.— Однако, помолчав немного, продолжал: — Этот увалень Фатра, глядя на которого девять человек из десяти скажут, что он просто раздобревший сельский колбасник, отнюдь не так прост, как им кажется. Хитер и умен. Я, признаться, его не люблю, но ведь только он и сказал правду.

— Верно, сказал, что управлять можно только сверху.

— Если так, то каким же образом сейчас действует весь механизм общества? Только в верхах и внизу, в массах? А в среднем звене?

— Середина — это мы с тобой,— подтвердил Матраи.

— Чихали они на нас.

Матраи кинул:

— Случается. Тем более что чихать тоже можно только сверху вниз, а снизу вверх не получается. Это ясно, но кое-что я все-таки не могу понять. Как могло случиться, что ты невзлюбил свою должность? Ведь ты был командиром на протяжении многих лет, руководил людьми, занимался, собственно говоря, тем же самым.

— Именно поэтому. С меня довольно!

— Правда, с тех пор верх и низ поменялись местами. Или в этом и заключается твоя беда?

— Глупые же вопросы ты задаешь! Я просто ищу свое место в этой жизни. Хочу определить и применить свои возможности. Терпеть не могу висеть на ниточке, да еще когда ее дергают, заставляя тебя танцевать.

— Погоди, куманек, не горячись. Да, мы с тобой находимся в серединке, однако этой самой серединке принадлежит исполнительная власть. Это не следует недооценивать. Любой из нас, середнячков, может быть заменен, но вся власть — никогда. Нас ругают, поносят, наставляют, учат прописным истинам, стараются делать вид, будто те, что сидят наверху, держат нас в ежовых рукавицах, а на самом деле нас побаиваются. Да и не удивляюсь я этому. Именно исполнители, точнее, наиболее смелые из них способны спорить и доказывать. Представители серединки словно вываливают перед сильными

мира сего весь мусорный ящик. Глядите, мол, принимайте меры. И кроме того, это действенная власть, ведь между глобальными задачами и их толкованием, претворением в жизнь, возможности неограниченные. Еще сложнее и труднее ее контролировать. И что еще играет далеко не последнюю роль, именно исполнительная середина формирует общественное мнение. Может поднять, низвергнуть или вообще выбросить на свалку.

— Пустая болтовня.

— Отнюдь нет, дорогой мой.

Цобор отмахнулся. Немного помолчав, он вынул пистолет:

— Подбрось-ка в воздух свой бокал.

— Сначала я выпью из него вино. Помнится, ты еще с прошлого года должен мне такой же.

— Скотина. Бросай же!

Матраи подбросил бокал высоко вверх. Цобор выстрелил, бокал разлетелся на множество блестящих, как брызги, осколков.

— Умеешь, не забыл. Давай теперь споем?

«На лугу, на лугу...»

Цобор убрал пистолет в задний карман и подтянул Матраи. Поддразнивая друг друга, то один, то другой затягивал новую песню. Когда они опустошили уже третий кувшин, голос у Матраи начал сдавать. Он захрипел, прокашлялся, попробовал было петь, но только крякнул и замолчал.

— Все, механизму капут,— проговорил он. Промыв горло еще одним стаканом вина, они доели остатки паприкаша. Темные, пытливые глаза Матраи остановились на Цоборе: — Послушай, Лукач... Как ты думаешь, в конечном итоге кто все же окажется наверху? Ведь сейчас в этом все дело. Что бы мы ни говорили, игра идет всерьез. Жребий брошен. Я имею в виду не осенние выборы. Они станут всего лишь пробой сил. А вот потом, позже, когда мандаты будут распределены.

— Ответить на это не так-то легко. Как-никак существуют пять партий...

— Говори прямо, не виляй.

Цобор, не совсем уловив, куда клонит его друг, изложил свои взгляды на нынешнюю политическую борьбу, ее зигзаги и повороты.

— Победит самая организованная партия. Думаю, наша.

Матраи, с грустным видом облокотившись на стол, вздохнул:

— Так-то оно так. Я тоже так думаю. Тот, кто лучше сумеет провести организационную работу в массах, получит все козыри. Ведь мы, венгры и сербы тоже, больше умеем все разбросать и запутать, чем организовать. Черт бы побрал нашу амбицию! Мы всегда тянули в разные стороны, группами или в одиночку, и никогда не выступали сплоченной нацпей.— Налив в бокалы вина, он выпил, не дожидаясь Цобора.— Сейчас я скажу такое, что ты от удивления рот разинешь, хотя ничего особенно непонятного тут нет. Так вот: я готов гонять мяч в одной команде с вами, коммунистами. До тех пор, пока будет можно... — Он выругался. — Как я ни прикидывал, только вы, коммунисты, являетесь по-настоящему организованной силой.

— Ты так считаешь? Ты? — Цобор был искренне удивлен.

— Да, я. И наше районное руководство. Разумеется, и городское тоже.

— Даже не знаю, что и сказать... Тони, ты это серьезно решил? Все продумал?

— Я уже сказал.

— Ты сказал: «До тех пор, пока будет можно». Как это понимать?

— До тех пор, пока вы не установите диктатуру.

— Могу тебя заверить, что об этом и речи быть не может.

Матраи посмотрел на друга так, словно видел его впервые.

— Он, видите ли, меня заверяет! Он, Лукач Цобор, отставной козы барабанщик. Ай-ай... лопух! Ты вообще-то слышал хоть что-нибудь о марксизме?

— Если откровенно, я только начинаю им серьезно заниматься.

Матраи собирался было опять наполнить бокалы вином, но кувшин оказался пуст, и он направился в погреб, недовольно ворча:

— Он только начинает! Черт бы тебя побрал! Ты здорово старался не спешить.

Он довольно долго не возвращался: видимо, хорошо глотнул из шланга, наконец вылез.

— Наглости у тебя хватает,— заявил он Цобору,—

сам ничегошеньки не знаешь, а уже лезешь поучать народ с высокой трибуны.

— Не груби мне, слышишь?

— А ты говори о том, о чем спрашиваю, не увиливай!

— Я читаю брошюры, бываю на заседаниях бюро обкома, на различных партийных конференциях. Кроме того... успеваю ежедневно читать газету.

— Успеваешь? Ежедневно? Вот бездельник, с ума сойти?! Да я, когда был студентом, хотя и с великим трудом, но прочитал все три тома «Капитала». Да еще на немецком языке. Пришлось попотеть: с немецким я не очень дружен. Вот так-то! А почему? Потому что меня это интересовало. А как же иначе, я ведь готовился стать экономистом. Не стану перечислять тебе, что я читал еще. А ты... Выходит, дискутирую с младенцем, даже обидно...

Цобор начал уже злиться:

— Тогда объясни, как же получилось, что ты, начитанный марксист, не состоишь в компартии, а я, профан, состою? Чудеса!

Матраи ударил кулаком по столу:

— Невыгодно! Есть еще и классовый интерес. У меня двадцать шесть хольдов пахотной земли, почти хольд абрикосового сада, две тысячи саженей виноградника. А что я могу получить от государства при таком достатке? Кукиш! Потому что среди ваших полным-полно жаждущих что-нибудь получить.

— И я тоже?

— Ты!.. Страдающий манией величия апостол, помесь новоиспеченного Дон-Кихота на венгерский лад с прилежным бойскаутом, который плохо спит, если накануне не совершит какого-нибудь доброго дела.

— Выходит, я идиот?

Матраи засмеялся:

— Нет! Всего лишь маленький идиотик с большим воображением.

— Идиот твой дедушка!

— А в твоем семействе поголовно все идиоты! Вы, Цоборы, дерете глотку, поднимаете гвалт на всю округу, а затем головой бьетесь о стену, хотя, как правило, уже поздно! А что остается? Ваша удаль? Если только она настоящая.

Цобор встал:

— За этим ты позвал меня сюда?

Матраи проворно обежал вокруг стола и, по-дружески обхватив Лукача за плечи, усадил его обратно:

— Не чуди, дружище, сядь! Хочешь верь, хочешь нет, но я потому и тянусь к тебе, что ты такой, какой есть. И не сердись на меня, Лукач, ты мой самый близкий друг... Но подражать тебе я не стану, это уж как бог свят. Потому что в моих жилах, как выражаются в светском обществе, течет кровь моих предков, а они никогда не рисковали попусту ни своим состоянием, ни собственной шкурой. Они хотели жить. Вот и я хочу того же. Жить, уцелеть, сохранить то, что я имею, а если удастся, и приумножить. Вот почему я держу нос по ветру, вожу дружбу с людьми, которые крепко стоят за сохранность крестьянской собственности. Но в то же время, скажу прямо, мне всегда нравилось, что у меня есть друг, который плюет на все ничтожные человеческие блага и верит в святую справедливость. Кто знает, в какую, но верит непоколебимо. И еще одно. Человек я сугубо штатский, и мне до чертиков нравится, что ты храбро сражался на фронте. Хотя, я слышал, после твоего перехода на сторону русских ты и денег-то никаких не получал?

— Нерегулярно.

— И все-таки ты делал свое дело и делаешь его сейчас! Я бы мог предложить тебе добрый десяток должностей, на каждой из них ты зарабатывал бы в пять раз больше, но знаю — ты не согласишься. Таким уж тебя мама родила. Порой даже мне самому хочется жить так же. Или скажем точнее — хотелось бы. Сейчас многие хотели бы изменить свою судьбу, избрать новый, другой путь. Но к счастью, здравый смысл всегда берет надо мной верх, а практицизм шепчет мне: «Не делай глупостей». А порой даже вопит: «Ты, глупая скотина, пойми — идеи витают в небесах, а имение-то твое находится здесь, на земле, где властвуют человеческие законы!» Вот оно как... Давай-ка выпьем, куманек! Выпьем и не будем больше ссориться. Если я тебя обидел, прости.

Цобор задумался.

— Выходит, отбрасывая свои взгляды, ты ищешь только личную выгоду, идешь на компромисс. Так?

Матраи взял у Цобора еще одну сигарету.

— Как бы тебе объяснить? Мы оба вроде бы читаем один и тот же роман с продолжением,— проговорил он.—

Только ты читаешь его в самом начале, а я дочитал до конца и уже знаю, чем все кончится. Торг или единодушие? Пожалуй, и то и другое!.. До тех пор, пока вы меня не трогаете, мы не поссоримся. Но если вы всех начнете загонять в общее стадо...— Он залпом выпил, лицо его помрачнело.

Прапрадед Матраи в городе считался бродягой. Земли он купить не имел права, да и не мог. Хозяйство начал заводить дед Матраи. По крохам прикупал земельные участки, отрывая последние гроши от семьи. Жили они впроголодь.

Цобор понимал, что у них разное отношение к этой земле. Матраи еще никак не мог налюбоваться своим имением, насытиться чувством собственности. С мыслью о нем он ложился спать, с этой же мыслью вставал, считал, сколько где у него посажено и засеяно, какие деревья и какую тень отбрасывают на его участочке.

— Я надеюсь, дружище, что мне никогда не придется, расставаясь, сказать тебе: «Бог в помощь, счастливого пути!» Я надеюсь... Возможно, мы и не доживем до этого. Путь наш будет долгий, и в откровенных честных спорах мы еще не один раз будем выяснять, на чьей стороне и в чем она, правда. Но вполне возможно, что всего, что будет, мы пока не можем себе представить, разве что галопом по европам. А галоп дело такое: пока всадник сообразит, что к чему, лошадь уже перепрыгнет через ров. Тогда... Тогда быть большой беде. Знаешь, какое скверное дело спешка? Ведь в спешке и поспорить-то нельзя, не дадут.

Матраи, заметно взволнованный, взял Цобора за руку: — Дружище! Обещай, что ты дашь мне знать, когда жизнь подойдет к перевороту? Можешь даже ничего не говорить, только кивни, этого достаточно.

Цобор кивнул.

— Напрасно ты себя терзаешь, Матраи. В партийных кругах коммунисты и разговора-то о диктатуре пролетариата пока не ведут. Разве что старики, участники революции девятнадцатого года.

— Они уже пытались однажды ее установить!

— Не удалось.

— Нет! Но если бы на них не бросилась Малая Антанта по наущению Большой, возможно, они и выбрались бы из тех неурядиц, которые натворили тогдашние вожди. А кроме того, потерпев первую неудачу, они мо-

гут и теперь добрый десяток раз начать все сызнова.— Матраи подвинул бокал к Цобору: — Думаем, гадаем, как старая цыганка. Глупости все это! Чему быть, того не миновать, а угадать его нельзя. Можно лишь пережить, когда наступит. Пей, куманек, и отвези меня домой.

— Да, но то, о чем ты сказал, это всерьез?

— О чем ты?

— Чтобы гонять мяч в одной команде с нами. Или ты просто так, под влиянием минуты?

— Нет, всерьез.

— Тогда как ты себе это представляешь?

Матраи словно протрезвел:

— Над деталями я не задумывался. Я не хочу идти против ветра, только и всего. Пожалуй, вот что... Один раз в месяц нам надо встречаться, тебе и мне. Ведь мы два руководителя районного масштаба, так? Только встречаться не для того, чтобы решать мировые проблемы, а чтобы поговорить по конкретным вопросам. Сначала выложим все, покричим друг на дружку, а потом разберемся, что к чему, договоримся и будем представлять общую точку зрения в различных комиссиях и комитетах. Согласен?

— Интересно! — Цобор улыбнулся.— Мы довольно часто обмениваемся мнениями с социал-демократами. Члены правления крестьянской партии из бывших земцев тоже идут к нам доказывать, что никто так хорошо не знает деревни, как они. Я не говорю уже о буржуазных демократах... А теперь мы сколотим, значит, блок между коммунистами и партией мелких сельских хозяев, не так ли?

— Пока не радуйся. В моей банде люди подозрительные. О чем бы вы, коммунисты, ни толковали, в их головах тотчас возникает вопрос: это все ладно, а вот когда же они начнут обобществлять землю крестьян?

— Чепуха! Мы же недавно только ее разделили. Кто проводил земельную реформу? Мы!

Матраи выпил еще.

— Давай не будем начинать все сначала! — Он обвел взглядом склон горы с виноградниками и фруктовыми садами, в яркой зелени которой кокетливо выглядывали белые, побеленные известкой домики давилен и погребков. И только одна-единственная из них была сложена из бурого камня. Словно крепость, поставленная на века.

Эта давильня принадлежала Цобору. Матраи ткнул пальцем в ее сторону и спросил: — Почему ты ее не продаешь?

Цобор молчал, уставившись на двухстворчатую дубовую дверь давильни, на которой дед повелел вырезать год постройки: «1928».

— Ну и чудак же ты, дружище. На эти деньги ты мог бы приодеться, пожил бы малость по-человечески, да еще и осталось бы кое-что про запас.— Проследив за взглядом Цобора, Матраи вдруг раскричался: — Ходишь в одних-единственных брючишках, а глядишь на дверь и слезу пускаешь! Олух сентиментальный! У тебя же нет времени для работы на винограднике, а твоей зарплаты не хватит даже на то, чтобы купить одну бочку для вина! У тебя есть дом, цел и невредим. Вот и молись на него, как на алтарь. Любуйся день и ночь!

Цобор махнул рукой:

— Где тот идиот, который сегодня купит у меня давильню?

— Тот, у кого нет ни земли, ни дома.— Матраи заговорщически улыбнулся: — Ну, скажем, владелец кожевенного завода, которому хочется иметь гнездышко, где бы он мог спокойно выспаться после трудов праведных в конце недели или же укрыться от любопытных взглядов и собственной супруги с молоденькой наперстницей.

— Ну, уж нет! Никто своих любовниц сюда водить не будет! Не позволю!

Матраи прыснул, разбрызгивая вино, которое он только что влил себе в рот:

— Какой же ты осел! Если она уже не будет твоей, какое тебе дело, что там станут делать? Между прочим, мой протеже и на самом деле владелец кожевенного завода. Вместе в университете учились, на одном курсе. Две недели назад он был здесь у меня, долго пялился на твою давильню, а потом говорит: вот именно такую мне хотелось бы приобрести.

— А ты продал бы ее, окажись на моем месте?

— Я, к счастью, не на твоем месте. Но если бы когда-нибудь остался без штанов, то охотно продал бы родную бабушку, чтобы их иметь.

Цобор задумался: «Может быть, он прав? Не перерезать ли мне и эту ниточку?»

С виноградником его связывало множество воспоминаний. В погожие солнечные дни ранней осени устраива-

лись праздники сбора винограда. Из-под пресса уже тек молодой, перебродивший сок, но дед разливал в стаканы старое вино и очень гордился, что его всегда хватало до нового урожая. Дед любил свой виноградник, обрезал лишние побеги, обрабатывал междурядья, а после первых заморозков заботливо укрывал лозу, летом вновь подрезал, опрыскивал и проделывал с ним множество всяких операций.

— Все трудности доверь мне,— сказал Матраи.— Если твой виноградник с погребом ему нравится, пусть раскошеливается. А денег у него куры не клюют, можешь мне поверить.

— Хорошо, согласен. Пусть не остается из прошлого ничего этого.

— Ну наконец-то. Через недельку мы с тобой здесь встретимся, я и заводчика приглашу.— Матраи, взяв кувшин, потряс его, чтобы определить, сколько вина в нем осталось.— Это давай допьем, не пропадать же ему, а потом я принесу плетенку — домой захватишь.

Молча допили. Матраи спустился в погреб за вином. Выйдя, запер дверь на замок. Уселся на мотоцикл, левой рукой обхватив Цобора, а в правой держа плетеную бутыль с вином. Выехав на шоссе, Цобор прибавил скорость, а на повороте у казино заложил крутой вираж.

— Эй, куманек! — крикнул ему с заднего сиденья Матраи.— Если перевернемся, другого серба ты еще найдешь, но плетенку с таким добрым вином едва ли!

Цобора это развеселило. Не снижая скорости, он начал нарочно петлять по широкой дороге. Матраи ругался на чем свет стоит. Когда они остановились перед его домом, встав на ноги и пошатываясь, изрек:

— Да отблагодарит тебя бог за эту поездку! В следующий раз вози на своей тарахтелке хоть черта лысого, только не меня.

Цобор поехал дальше, свернув на улицу Сечени. Снизив скорость до минимума, он дал машине отдохнуть. Мотор работал четко, выхлопы можно было считать. Вдруг он увидел Бланку. Она выходила из дверей кондитерской. Цобор уже собирался нажать на тормоз, как вдруг вслед за девушкой с гордым видом, как всегда, показался сам советник Байнацки. Бланка лениво взяла отца под руку.

Выругавшись про себя, Цобор дал полный газ и помчался дальше.

«Чтоб тебя собака укусила!» — подумал он и решил: неплохо в удобном месте и при случае все-таки проучить наглеца, влепив несколько увесистых оплеух.

После ужина Лукач снова взял «Вопросы ленинизма», положил перед собой ручку и тетрадь для заметок. Проштудировав четырнадцать страниц, он зевнул и, заложив листком бумаги прочитанное, захлопнул книгу.

«Любопытно, где Матраи мог доставать марксистскую литературу? Неужели такие книги были у нас и при Хорти, перед второй мировой войной? Но тогда почему я не знал об этом? Все это, по меньшей мере, смешно. Районный секретарь из партии сельских хозяев знаком с марксизмом лучше, чем я. Интересно, что по этому поводу сказал бы Селеш, если бы узнал? — Цобор вспомнил, что в городской полиции Селеш не подал ему руки и только вечером, когда все уже выяснилось, попрощался за руку.— В беде он меня, правда, не бросил, но осторожность все-таки соблюдал. В этом и состоит разница между нами».

Приняв душ, Цобор лег спать.

В восемь утра он уже был у адвоката. Некоторое время пришлось подождать в маленькой передней, сидя на единственном облупленном мягком стуле. Из-за дверей доносилось позвякивание столовых приборов.

Адвокат, подвижный человечек с лысой головой, похожей на яйцо, внимательно прочел копию приговора, задал Цобору несколько вопросов и, получив на них ответы, понимающе кивнул.

— Хорошо, я берусь за это дело,— сказал он.

— Как скоро? — поинтересовался Лукач.

— Видите ли, мне обязательно нужно поговорить со свидетелем по фамилии Грюнвальд. Если удастся, то я навещу его сегодня.

— Благодарю вас, но мне хотелось бы знать...

Адвокат прервал его, похлопав по руке:

— Наберитесь терпения. Если все пойдет нормально, послезавтра я подам заявление об обжаловании.

— Премного благодарен. За ваши хлопоты и за марки на пошлину я готов...

— Это все потом. Не волнуйтесь, ваши деньги не пойдут на ветер. Да, что-то я хотел еще? Вот что: передайте мой привет Венцелю Таначу.

— Вряд ли я смогу это сделать. Он арестован и сидит в главном управлении полиции. Во всяком случае, три дня назад он был еще там.

Адвокат что-то записал в своем блокноте, но ничего больше не спросил.

В понедельник Цобор вернулся домой в десять часов вечера, во вторник — в первом часу ночи. Пришлось выслушать кучу жалоб и ворох претензий от жителей Кечкешпусты, собравшихся на открытое партийное собрание.

Они рассказали, что в субботу нежданно-негаданно вернулся в имение бывший помещик, владелец поместья и всех земель в округе. Кто знает, откуда его черт принес. Помещик привез с собой официальную бумагу, в которой удостоверялось, что он, Тихамер Федорецки (далее следовали место, год, месяц и день рождения, фамилия матери и адрес местожительства), оказывал активное сопротивление фашистам, за что ему согласно новому закону полагается сохранить в личном владении двести хольдов земли. Заслуга его заключалась в том, что он угнал в Дергечийский лес лошадей, чтобы они не достались немцам, которые собирались их реквизировать. Правда, днем позже через лес проходила венгерская артиллерийская часть и фуражиры этих лошадей забрали.

Хуторяне вступили в спор с бывшим господином, а самый смелый из них даже обозвал его негодяем. Однако помещик остался непреклонным. Вместе с прибывшим с ним землеустроителем он потребовал, чтобы ему тотчас же отмерили его двести хольдов той земли, что прилегала непосредственно к ферме. Кому неизвестно, что именно там находятся лучшие почвы! Хуторяне уперлись и не дали барину ни землемерной ленты, ни деревянных колышков. Помещик с землемером ушли и заперлись в старой усадьбе. Там и сидят за закрытыми ставнями. Черт их знает, что у них на уме? Бывших батраков интересовало одно: отберут ли у них землю и все, что роздали по реформе? Или все-таки есть бог на небесах и справедливость восторжествует?

Цобор, как ни старался, так и не смог убедить жалобщиков в том, что он, как секретарь, не имеет права дей-

ствовать немедленно, на свой страх и риск. В конце концов ему надоели бесплодные дебаты и он спросил:

— Сколько вас всего человек?

Хуторяне посчитали.

— Сорок семь человек,— по-военному ответил погонщик волов Пал Данич, держа руки по швам.

— Черт возьми, сорок семь мужиков спрашивают у меня, что им делать с двумя незваными гостями?

Мужики переглянулись и направились к усадьбе. Первым из дома выволокли помещика. Шандор Карча тут же отвесил ему две умопомрачительные оплеухи, а Имре Мехелеш со всего размаха дал пинка под зад. Для этого у него были не только общественные, но и личные причины. Он раньше служил у Федорецки кучером и натерпелся немало, обслуживая его во время парадных выездов.

Лиха беда начало, посчитаться с бывшим хозяином сразу захотелось всем, но пробиться к нему было уже не так-то просто. Барина проводили до шоссе, поддавая ему кто ладонью, кто кулаком, а кто и носком башмака. Укоров ему высказали достаточно.

Затем настала очередь приказчика-землемера. Поначалу крестьяне не хотели его трогать, понимая, что он человек подневольный и пожаловал сюда с барином отнюдь не по собственной воле, но их возмутило то, что он обмочил штаны прежде, чем до него дотронулись пальцем. Уважения и порядка ради отвесили и ему четыре или пять подзатыльников и наказали передать своему хозяину, что если тот рискнет еще раз сюда заявиться, то они отлупят его уже по-настоящему.

Цобор, мирно покуривая, стоял под деревом и от начала до конца наблюдал за действиями крестьян, преподавших барину вещественный урок, благо ночь была лунная и ему было все хорошо видно.

«Помещик и его подручный,— размышлял он,— конечно, не преминут пожаловаться в полицию капитану Тетешу. Спозаранку из постели поднимут, это наверняка. Но если их заявление не будет выдержано в лучших тонах, они могут схлопотать еще кое-что в придачу».

В среду, в десять утра, Цобору позвонили и пригласили в обком в малый зал для заседаний. За столом сидели трое: справа Хеди Лайошне, работница обувной фабрики, слева Ференц Барнабаш, школьный учитель из села

Кешерюкут, а посредине восседал председатель дисциплинарной комиссии товарищ Гашт, который, по слухам, лишь недавно вернулся на родину из-за границы.

Хедине сокрушенно покачала головой:

— Ай-ай...

Барнабаш углубился в изучение гипсовой лепки на потолке (село Кешерюкут входило в район, где секретарствовал Цобор). Гашт, сдвинув брови, со строгим видом смотрел на входящего грешника, изучая его походку, движения, выражение лица, как то и подобает председателю дисциплинарной комиссии. Он остался явно недоволен: на лице Цобора не было заметно ни малейших признаков раскаяния. Товарищ Гашт довольно часто выступал с публичными докладами и лекциями о партийной дисциплине, о коммунистической морали и личном поведении, цитировал Ленина, фамилию которого он произносил как-то по-венгерски мягко. При разборе дел он часто входил в раж и терпеть не мог, если кто-то из провинившихся начинал копаться в собственной душе и поносить себя под видом самокритики.

Поскольку Цобору не предложили сесть, он остался стоять. Не мигая, спокойно, даже флегматично он смотрел на сидевшую за столом «тройку», в то же время чувствуя себя немного школяром, которого вызвали в учительскую за учиненный им скандал.

— Имеете ли вы что-нибудь сказать по известному вам делу? — спросил Гашт, положив правую руку на стопку лежавших перед ним бумаг.— Может быть, желаете что-либо добавить, разъяснить, задать вопрос?

— Нет, не желаю.

— Ничего?

— Ничего. Подполковник — не знаю его фамилии — все выяснил на месте.

— Он лишь провел расследование.

— Да, конечно. Но результаты расследования целиком и полностью совпали с моими показаниями. Разве это не выяснение?

Гашт неожиданно улыбнулся. Словно между туч на миг проглянуло солнце. Скрестив руки на груди, он заметил:

— Я попросил бы вас оценку фактов предоставить нам.

Волнение, которое невольно испытывал Цобор, вдруг прошло, уступив место раздражению. Он резко ответил:

— Как прикажете, уважаемый товарищ председатель.

— Правильно. Очень хорошо. Итак, нас, собственно, интересуют только два вопроса. Во-первых, руководствовались ли вы в своих действиях исключительно интересами рабочих или же, быть может, при этом присутствовал и какой-нибудь другой, личный мотив?

— Что вы имеете в виду?

— А вы не догадываетесь?

— Нет.

— Ну-ну, подумайте получше. Не такая уж это сложная загадка.

Цобор переместил тяжесть тела на левую ногу и покачал головой:

— Ничего на ум не приходит.

— Вы помогали рабочим фабрики, это вне всяких сомнений, не так ли? Но одновременно с этим вы помогали и фабриканту, действовали в его интересах.

— К сожалению, эти два интереса невозможно было отделить друг от друга.

— Понимаю. Очевидно и то, что рабочие могли отблагодарить вас, так сказать, только на словах. А фабрикант?

— Он угостил меня рюмкой коньяку.

— Вы это серьезно? Фабрикант даже не пытался предложить вам что-нибудь? Ну, например, известный процент от той суммы долларов, которую вы должны были передать его контрагенту?

— Как вы смеете? — Цобор побагровел.— Я вам что, взяточник или аферист, которого можно подкупить?

— Не нервничайте. Мы обязаны выяснить все обстоятельства и убедиться, что вы не поступились правилами морали.

— Ваше предположение отнюдь не выяснение обстоятельств. Это оскорбление.

Гашт снова улыбнулся:

— Нет-нет. Кроме того, видя ваш костюм, я должен был понять, с кем, собственно, мы имеем дело. Следовательно, моралью вы не поступились?

Цобор вперил свой взгляд между глазами председателя и ничего не ответил.

Тогда Гашт выудил из стопки документов какую-то бумажку и внимательно прочитал ее.

— Хорошо. Рассмотрим второй вопрос. Как я понимаю, субъективно вы считаете себя полностью невинов-

ным. Но тогда объясните, почему вам понадобилось посылать к нам в обком целую депутацию рабочих с фабрики, которые заявили нам протест против привлечения вас к ответственности? Это уже не мелочь. Это серьезное нарушение партийной дисциплины, граничащее с фракционной деятельностью.

Цобор никак не мог подобрать слово, которое являлось бы в венгерском языке эквивалентом понятия «фракционный». Разумеется, он понимал значение этого слова, однако нисколько не приблизился к истине, как человек, который, не зная основных признаков вероотступничества, не может познать истинной веры.

— Вы не хотите отвечать на поставленный вопрос? — спросил Гашт.

— А что я могу вам сказать?

— Зачем вы это сделали?

— Я уже целую неделю не виделся и не разговаривал ни с кем из фабричных рабочих.

— И в субботу тоже?

— Тоже. Подполковник мне не разрешил этого, сказав, что я должен открывать рот только тогда, когда он меня спросит.

— Но вы могли дать им знать как-то иначе.

— Видите ли, товарищ Гашт, если бы имел к этой делегации хоть малейшее отношение, я сразу же сказал бы вам об этом. Я не привык лгать.

В этот момент в дверях появился Селеш.

— Это правда,— подтвердил он.

Однако у председателя комиссии был свой метод ведения дела, поэтому, проигнорировав замечание Селеша, он потребовал:

— Ваше «Я не привык лгать» — это слишком общий ответ, а потому туманный. Я бы сказал, абстрактный. А мне бы хотелось услышать конкретный ответ на конкретно заданный вопрос. К слову говоря, тебя, товарищ Селеш, мы уже выслушали по данному делу, так что будь добр, выйди из помещения. Когда мы будем оглашать решение, мы тебя пригласим.

Селеш согласно кивнул.

— Могу я сделать предложение? — спросил он, прежде чем выйти из зала.

— Разумеется.

— Сейчас здесь находится секретарь горкома Кишмихай. Позвать его сюда? Вы бы могли устроить ему очную ставку с товарищем Цобором.

Гашт согласился. Пока разыскивали и ждали Кишмихая, председатель в несколько торжественном профессорском тоне прочел Цобору лекцию о моральной безупречности коммуниста, которую уже не раз он определял в своих выступлениях как одно из основополагающих требований членства в партии. Простыми нераспространенными предложениями, этой характерной и выразительной грамматической категорией венгерского языка, он почти не пользовался.

«Он строит предложение, как немецкий поэт балладу»,— невольно подумал Цобор. Ему до чертиков надоело это нравоучение, и он украдкой начал осматриваться по сторонам.

— Вы меня слушаете? — спросил его Гашт.

— Как же иначе. Но все это следовало бы, пожалуй, рассказывать тем, кто при Хорти сидел в тюрьмах за кражи, бродяжничество или тому подобные художества, а теперь пробрались в партию и, выдавая себя за жертвы старого режима, бьют в колокола, требуя для себя всяческих привилегий.

Гашт втянул и без того узкие губы, затем спросил:

— Товарищ Барнабаш, имеются у вас какие-нибудь вопросы или замечания?

Учителя внезапно прошиб пот.

— М... Пожалуй, нет.

— А у вас, товарищ? — обратился председатель к Хедине.

— Один вопрос. Скажите, товарищ Цобор, вы почему вступили в партию? Насколько мне известно, ваша семья...

— Моя семья в партию не вступала.

— Разумеется, но я жду вашего ответа.

— Так я решил,— сказал Цобор.

— Но почему? Насколько мне известно, ранее вы не поддерживали с нами никаких контактов.

Цобор вспылил. Пусть выносят свое решение, черт их возьми, а его оставят в покое.

— С вами у меня действительно никаких контактов не было,— отрезал он.— Зато с частями Советской Армии были. Однако там я никого из здесь присутствующих почему-то не видел.

Гашт разжал пальцы, развел их веером, затем снова сжал в кулак. Все молчали. Прошло минут пятнадцать, затем двадцать. Наконец Гашт вынул часы и, посмотрев на них, произнес:

— По-видимому, Кишмихай не придет. Выйдите, пожалуйста, товарищ Цобор.

Спустя некоторое время Цобора опять позвали в зал. Гашт встал, взял в руки лист бумаги. Цобору вспомнился анекдот, который он как-то слышал от Матраи. Где-то по какому-то случаю один из партийных функционеров, нарушив обыкновение выступать только по бумажке, подошел к микрофону и заговорил свободно, безо всякой шпаргалки. Тогда стоявшие за его спиной люди зашептались: смотрите, да он, кажется, неграмотный.

Цобор с трудом сдержал улыбку. Слова Гашта не доходили полностью до его сознания. Охотнее всего он расхохотался бы. В обобщающей части решения говорилось и о нарушении партийной дисциплины, и о покушении на авторитет партии, и о пособничестве в подозрительном или, во всяком случае, весьма неясном деле частнопредпринимательского характера. «Значит, все это они оставили». Далее шла речь о том, что товарищ Цобор организовал в личных интересах своеобразную спасательную акцию, имея целью воздействовать на вышестоящие партийные органы. «Значит, все-таки оставили и это! Что поделаешь? Ясно, они вбили себе в голову, что я действительно пытался защищать себя недозволенными способами. И, хотя прямых доказательств против меня не было и нет, это не помешало им прийти к соответствующему выводу».

Закончив чтение, Гашт положил листок на стол:

— За совершенные вами действия дисциплинарная комиссия объявляет вам выговор. Принимаете к сведению?

— Не принимаю.

— То есть как?

— Я обжалую это решение в Комиссию партийного контроля при Центральном Комитете.

В этот момент в зал вбежал запыхавшийся Кишмихай. Гашт бросил на него укоризненный взгляд:

— Вы заставили нас долго ждать.

— Извините, товарищ Гашт, но я уже собирался ехать домой в Гемеш. Шофер догнал меня уже на вокзале.

— Что вам известно о том, как товарищ Цобор подговаривал рабочих с фабрики Блюма, чтобы они послали депутацию с протестом против разбора его дела?

Кишмихай в замешательстве мял в руках свой берет. Он растерянно посмотрел на членов комиссии, ухмыльнулся и медленно проговорил:

— Да что вы... Это, наверное, шутка?

— Нам не до шуток.

— Кто мог выдумать такую глупость? Извините... В воскресенье утром я разговаривал с товарищем Цобором, вернее, мы беседовали. Говорили о том, какое, мол, свинство, без нашего ведома сместили бургомистра и даже после этого нам ничего не сказали! А на его место посадили кустаря-одиночку от социал-демократов!

— Это не относится к существу дела.

— Ну, а партийная демократия? Или дисциплинарная комиссия тоже не имеет к ней никакого отношения? Я заявляю: грубо нарушена партийная демократия!

— Товарищ Кишмихай, на этот счет имелось соглашение руководства двух рабочих партий.

— А устава для них разве не существует?

— В таком тоне здесь не разговаривают... Отвечайте по существу дела.

Кишмихай вынул из кармана пестрый платок и громко высморкался.

— В таком тоне! А в каком же еще! Ну ладно, оставим пока. Словом, в воскресенье мы с Цобором беседовали. Однако отнюдь не о том, на что тут намекает товарищ Гашт. Об этом ни слова не было сказано. Правда, в понедельник утром я встретился с Фиштяком и его людьми, они-то и сказали мне, что пойдут в обком, но...

— Следовательно, вы заранее знали об этом? Тогда почему не воспрепятствовали?

— А что я мог сделать? Арестовать, связать пятерых мужчин? Нет, если они решили идти, пусть идут.

— И вы даже не попытались их отговорить?

— А зачем? Разве они пошли в плохое место? У меня и без этого полно работы, и я не могу на улице разводить споры.

— Но вы должны были хотя бы доложить об этом.

Кишмихай пожал плечами:

— Хорошо. Если надо, доложу теперь. Хотя и не совсем понимаю, зачем это нужно? Любой член партии име-

ет право по общественному или личному делу обратиться в вышестоящий партийный орган.

— Я хорошо знаю права члена партии. Значит, вы считаете, что товарищ Цобор не мог в понедельник утром разговаривать с рабочими?

— Маловероятно, в семь утра он укатил на мотоцикле в направлении Галмада. Я сам его видел. С Фиштяком же я встретился уже после восьми, когда он и остальные четверо шли на станцию.

— Вы точно помните?

— Даже в начале девятого. Ведь в половине девятого отходит поезд на Будапешт.

— Подумайте хорошенько, вдруг вы вспомните еще что-то. Или вам нечего нам сказать?

— Есть, товарищ Гашт. Когда партийные руководители договариваются между собой за нашей спиной, мы тоже желаем им кое-что сказать. А что подумают члены нашей организации? Какими глазами они станут на нас смотреть? Как на избранных ими руководителей или как на базарных обезьян? Вот о чем в воскресенье утром мы разговаривали с товарищем Цобором.

Гашт обратился к Цобору:

— Вы тоже критически смотрите на наше партийное руководство?

— Да.

— Разве вы не знаете, что в период между съездами всей деятельностью партии руководит Центральный Комитет?

— Да, знаю.

— И, несмотря на это, все-таки осудили решение вышестоящих партийных органов?

— Не решение. Метод! Прежде чем что-то решать, они должны были заинтересоваться нашим мнением, а после вынесения решения обязательно проинформировать нас о нем.

— Вы можете идти, товарищ Кишмихай. Благодарю! Вы, товарищ Цобор, тоже можете выйти из зала. Мы вас позовем.

В коридоре Кишмихай угостил Цобора сигаретой. Оба молча закурили. Секретарь горкома украдкой наблюдал за выражением лица Цобора, однако ничего необычного не обнаружил.

— Не бойся, кажется, пронесло,— заговорил первым Кишмихай.— Ты же все это не для себя делал!

— Там, за дверью, думают несколько иначе. Еще до твоего прихода мне объявили выговор.

— Что такое?

Кишмихай разразился потоком ругательств, благо в коридоре, кроме них, не было ни души.

— Ах, бумажные черви! — продолжал он, немного поостыв.— Только тем и занимаются, что жуют да переводят бумагу. Знаю я таких! Им и в голову не приходит, что ты мог бы остаться служить в новой армии! По крайней мере в звании капитана, получал бы хорошее жалованье.

Цобор улыбнулся, вспомнив предложение Матраи. Однако не стал об этом говорить.

— К сожалению, пока еще не придумали такой письменный стол, с обеих сторон которого одну и ту же вещь можно было бы видеть в одинаковом ракурсе.

Кишмихай немного поразмышлял над этой фразой, затем сказал:

— Я подожду, посмотрю, что тебе вкатят. Поеду позже, дневным поездом.

В этот момент из приоткрывшейся двери высунулась голова Барнабаша. Он пригласил Цобора войти.

На этот раз Гашт, не вставая с места, сообщил: дисциплинарная комиссия осуждает Цобора за легкомысленное поведение и халатность по отношению к выполнению решений вышестоящего партийного органа. За отсутствием доказательств, что он сам спровоцировал Фиштяка на выступление в свою защиту, к партийной ответственности его решили не привлекать, а ограничиться письменным предупреждением.

«Наверняка,— решил Цобор,— пока я околачивался в коридоре, Селеш еще разок заглянул к членам комиссии».

— Принимаете к сведению наше решение?

— Да, принимаю.

— Правильно делаете. И полагаю, сделаете для себя необходимые выводы? Да или нет?

«Что ему сказать? Что, если теперь мне на пути попадется голодный рабочий, я растолкую ему, что, как секретарь райкома, я тружусь на благо всего рабочего класса, а не ради одного, двух или даже пятидесяти рабочих. Или сразу же пообещать, что впредь я всегда буду строго соблюдать все правила? Но ведь Гашт хочет услышать от меня совсем не это. Да и Хедине тоже. Им нужно мое раскаяние и обещание исправиться».

— Да,— коротко ответил Лукач.

Гашт чувствовал себя неловко. И чтобы как-то оправдать свое поведение, надеялся еще услышать от Цобора исповедь в содеянных грехах. Но, так и не дождавшись, откинулся на спинку кресла и сказал:

— Вы человек понятливый и рассудительный. На досуге еще раз как следует поразмыслите над этим делом. Желаю вам успешной работы, товарищ Цобор.

Опустив голову, Лукач вышел в коридор. Кишмихай, узнав, что тот получил всего лишь предупреждение, воскликнул:

— Задний ход дали, бумагомаратели! Скажи, а о бургомистре больше разговор не заходил?

— Ты же высказал свое мнение по этому вопросу, я тоже. Ничего другого мы сделать не можем. Кроме того, те, что сидят наверху, все равно на попятную не пойдут и решения не отменят.

— А жаль!.. Этот кустарь-одиночка Чаткович уже начал подлизываться. Вчера вечером он приходил ко мне. Начал убеждать меня в том, что, прежде чем принять какое-нибудь важное решение, он непременно будет советоваться с нами. В особенности с тобой. Уж очень он тебя расхваливал. Видно, думает, кретин, что таким образом удастся ему привлечь меня на свою сторону.— Сделав глубокую затяжку, он не спеша вытолкнул изо рта дым и спросил: — Ну, что ты на это скажешь?

— Не обращай внимания на то, что он говорит обо мне. Если Чаткович сам тянется к нам, было бы глупо его отталкивать.

Кишмихай сплюнул.

— Возможно,— отозвался он нерешительно.— Но ведь он до мозга костей социал-демократ. Соглашатель...

— Ну и что? Это все же лучше, чем не принадлежать ни к какой партии.

В этот момент перед воротами остановился старенький ДКВ и из него вылез Ласло. Поздоровавшись с обоими за руку, он взял Цобора под локоть и увел в свою маленькую комнатушку.

— Ну что? — спросил он, притворив за собой дверь.

— Предупреждение с занесением.

— Слава богу. Или теперь уже так не говорят? Я тревожился за тебя.

— Спасибо.

— Перестань, не в этом дело. Вообще-то ты заслуживаешь более серьезного наказания, но у нас... Об этом,

прошу, пока молчок... У нас в отношении тебя имеются кое-какие наметки. Начинается предвыборная кампания. Мы решили по Гемешу от коммунистов выдвинуть твою кандидатуру в депутаты.

Услышав столь неожиданную для себя новость, Лукач даже рассмеялся.

— Не смейся, дело серьезное, и даже очень. Могу сказать по секрету, что меня собираются выдвинуть на более высокий пост.— Как-то по-мальчишески стыдливо, потупившись, он продолжал: — Мне самому только сегодня об этом сообщили... В общем, теперь за дело. Скажи, ты по своему району каких результатов можешь ожидать?

Цобор задумался. В самом деле, сколько жителей проголосует за коммунистов?

— Я думаю, процентов двадцать.

Ласло по-дружески толкнул его в грудь:

— Эх ты, маловер! А мы уверены: пятьдесят и не менее того.

Цобор направился домой. Время позволяло ему еще до обеда съездить с Якобом Галом к нотариусу, чтобы подписать там договор о разделе имения.

Гал долго не осмеливался взять в руки ручку, словно боялся, что обожжется. В конце концов все же подписал. Цобор крепко пожал ему руку:

— Ну, коллега-землевладелец, теперь и вы не бедняк какой-нибудь. С этим договором вы пойдете в земельный отдел, там его оформят, занесут в земельную книгу, и все будет в полном порядке.

Гал уже в третий раз начал благодарить Цобора за его доброту и даже вспомнил при этом дедушку Лукача, которого он иначе как «хозяин» и не называл.

— Не знаю, что сказал бы об этом хозяин, если бы был жив?

Попрощавшись с нотариусом, Цобор направился к выходу, впервые в жизни пропустив вперед старого садовника.

— Хозяина уже давно нет в живых, дядюшка Якоб,— заметил Лукач.— И поэтому он ничего уже не скажет.

Однако Цобор не решился и словом обмолвиться старику о том, что виноградник и давильню с погребом он надумал продать. В душе он сердился на себя: «Экая глупость! В конце концов, старик от меня зависит, а не я от него...» Но сказать об этом у Цобора не хватило мужества.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Цобор сердито протолкнул мотоцикл через садовую калитку. Он был зол не на шутку: слезая с сиденья, он задел ногой большой тюк, громоздившийся на багажнике, и чуть было не упал, завалив на себя тяжелую машину.

«Делаю всякую чепуху. И как меня уговорили?» — с раздражением подумал он, косясь на тюк с костюмами, взятыми напрокат для постановки египетской сцены из «Человеческой трагедии».

А дело было так: утром, едва Лукач выехал на шоссе, его неожиданно перехватил Кечкеш.

— В Пешт направляешься? — спросил он.

— Да.

— Это прекрасно, дружище. Возьми кое-что для нас на пункте проката бутафории? Привезешь?

Небритый мужчина, ведавший на пункте выдачей вещей напрокат, судя по всему, плохо разбирался в вопросах бутафории: вместо головного убора египетского фараона всучил Цобору косынку, похожую скорее на пор-

тянку, и три медных обруча, какие носили на голове бродячие шейхи. Более того, он еще попросил показать документы. Когда же он вычитал в удостоверении, что предъявитель сего является секретарем райкома, то с приторной любезностью поинтересовался, не сам ли господин секретарь собирается выступить в роли фараона...

Цобор завел мотоцикл в сарай.

«Зубрю эту распроклятую роль Люцифера, словно у меня других дел нет, а тут еще этот хлам».— В сердцах он начал разматывать длиннейший шпагат, которым тюк был прикручен к багажнику.

Из глубины сада послышался какой-то шорох.

«Не успел опомниться, а Гал уже тут как тут: спешит с обедом»,— решил Лукач. Но он ошибся, это был не Гал, а советник Байнацки.

Он сидел на скамейке под орехом. Вид у него был мрачный и решительный. Заметив Лукача, он медленно встал, брезгливым движением отряхнул сзади брюки: не прилипла ли какая-нибудь дрянь. Сделав несколько шагов навстречу Цобору, ледяным тоном сквозь зубы поздоровался:

— Добрый день, господин секретарь.

Цобор уставился на неожиданного посетителя, чувствуя, как у него начинают чесаться руки.

— Здравствуйте, господин советник.

— Я ожидаю вас более двух часов.

— А какой черт, собственно говоря, заставлял ждать?

— Не нужно так со мной разговаривать.— Байнацки покраснел.— Я пришел к вам по весьма серьезному делу.

— Позвонили бы мне вчера вечером и сказали бы, что желаете меня видеть.

— У меня сняли телефон.

— Вот как?

— Именно так.

— Этим занимается почта. Чем могу служить?

Байнацки огляделся:

— Мы не могли бы пройти в дом?

— Прошу!

Прежде чем войти в длинный и широкий коридор, служивший прихожей, Байнацки быстрым взглядом окинул Цобора. Тот был одет в рубашку с короткими рукавами цвета хаки, светлые полотняные брюки и простые коричневые полуботинки.

— Прямо,— произнес Цобор.— Вторая дверь налево... Прошу садиться.

Байнацки небрежным движением слегка приподнял брючины на коленях и уселся в кресло. Задумчиво он смотрел на скуластое, монгольского типа, лицо Цобора, его карие, глубоко посаженные глаза, твердо очерченный рот.

По виду Байнацки можно было догадаться, что ему нелегко начать этот разговор. Вынув из бумажника какой-то листок, он положил его на стол.

— Наконец-то меня оправдали,— пояснил он.— Даже разрешили вернуться на службу.

Взгляд Цобора скользнул по бумаге, однако он не дотронулся до нее.

— Расскажите что-нибудь более интересное. К вашему аресту я не имел никакого отношения, к оправданию тоже.

— Думаю, для вас это будет небезразлично.

— Это почему же?

Байнацки убрал бумагу в карман.

— Бланка мне все рассказала,— проговорил он наконец приглушенным голосом, в котором чувствовалась скрытая горечь.

— Так уж и все?

— Да, все.

Цобор ни о чем больше спрашивать не стал. Он смотрел противнику в глаза, разглядывавшего его изучающим, строгим и вместе с тем тревожным взглядом.

«Вот и брови у него поседели,— думал Лукач.— Да и волосы редеют. Ишь ты, в пот даже бросило. Ничего, пусть, я тоже попотел изрядно, когда он меня из своего дома выставлял. Наглый горбоносик! Вот, наверно, клял он себя, прежде чем отправиться ко мне».

— Следовательно, вы ничего не отрицаете? — спросил Байнацки.

— Нет.

— И вы намерены исполнить свой долг, как это подобает, после всего, что произошло? Обращаюсь к вам как к благородному человеку. Вы женитесь на Бланке? Вы ее скомпрометировали и, если вы не...

— Я не скомпрометировал Бланку. Я ее люблю.

Наконец-то Байнацки прорвало, его охватил приступ ярости:

— Мерзавец, негодяй! Вы совратили мою дочь! Я ра-

стил ее не для вас, не для таких, как вы... И почему я был так неосторожен в прошлом, сорок четвертом, на балу в казино? Да, я полагал, что моя дочь непорочна, что она всего лишь шалит, забавляется, как дитя. Кокетство, легкий флирт на один день. И потом — мог ли я помешать офицеру пригласить мою дочь на танец? А вы... Я презираю вас! За вашу нахрапистость, вашу мужицкую хватку. Так вот, оказывается, как вы домогаетесь того, что вам хочется! При любой власти, как кошка, всегда падаете на четыре лапы...

Цобор выслушал Байнацки, не прерывая.

— Единственное, чего не советую — еще раз назвать меня мерзавцем. Я вас побью и выгоню из своего дома.

— Вы? Вы...

— И учтите, я не привык ничего повторять дважды.

Байнацки тяжело дышал. Вынув из кармана белоснежный, тщательно отглаженный платок, он промокнул им пот на лбу и шее. Цобор не испытывал по отношению к Байнацки ни капли жалости. Если комиссия по денацификации оправдает его даже сто раз, и тогда этот человек останется враждебным новому, не способным расстаться со своим тесным, затхлым и лицемерным мирком, боясь потерять серебро и фарфор, которыми заставлены витрины его многочисленных сервантов и буфетов, белоснежные скатерти на столе, ковры, глядя на которые гости вздыхали бы и ахали: «Ах, как великолепны эти шедевры ручной работы!» Лишь бы можно было и дальше терпеливо и жадно дожидаться очередного повышения по службе. Да, этот тип никогда ничем не рискнет. Нет, такой не станет бороться за новое, как никогда не изменится и сам. Слизняк! «Можешь накласть в свои самые парадные штаны, уродец! Чтоб тебя вывернуло наизнанку! Ты можешь презирать меня, сколько тебе угодно. Плевать! Я сам тебя ненавижу. И это куда опаснее, так как я умею драться, научился».

Лицо Байнацки перекосилось, стало безобразным:

— Так что, берете вы мою дочь в жены или нет?

— Да. Бланка будет моей женой.

— Боже, я мечу бисер перед свиньями... Но все приличия должны быть соблюдены! Сегодня в восемь вечера извольте явиться в мой дом в черном костюме и по всем правилам просить ее руки.

— У кого?

— Разумеется, у меня.

— А сама Бланка? Разве она лишена права голоса?

— Она свое уже сказала.

В последнем Цобор был далеко не уверен. Мысленно он воспроизвел в памяти свой последний, такой странный, словно принужденный разговор с ней. Тогда в ней говорила не только любовь, но и стыд: она так откровенно предложила себя мужчине и была отвергнута. В ней восставало оскорбленное самолюбие, бушевал протест.

«Неужели до сих пор, оставаясь дома одна, она боится держать двери открытыми? И если постороннему это покажется мелочью, то лично для нее это тяжкое испытание, преодоление извечного страха перед жизнью, преодоление чувства беспомощности и безволия. Хорошо, если она выдержала экзамен и научилась смотреть опасности в глаза. Всегда и ежечасно. Если она и по сей день не запирает дверей... Впрочем, это касается только их двоих и никого больше. Тем более, этого набитого спесью тупицы, хоть он и отец».

Пока Цобор размышлял об этом, Байнацки гнул свое. Он скрупулезно перечислял приданое, которое даст за дочерью. Такие-то драгоценности, столько-то золотых наполеондоров, столько-то золотых крон, а также шуб, платьев, одеял, подушек, столько-то комплектов постельного белья, столового серебра и прочего...

Однако Цобор его не слушал. Мысль о двери, которая вела в комнату Бланки, не выходила у него из головы.

«Да, все зависит от того, поворачивает она ключ в замке или нет. По-прежнему держит ли нож под скатертью или пересилила свой глупый страх...»

А этот педантичный болтун что-то считал, пересчитывал, обещал. Все это не имеет для него, Цобора, ровно никакого значения. Если Бланка отказалась от своего решения походить на него, быть такой же упрямой, ранимой и несгибаемой, как он, тогда свадьба состоится. Если же нет, не будет ничего.

Байнацки кашлянул и, возвысив голос, сказал:

— Теперь, как мне кажется, я имею право поинтересоваться и вашим материальным положением.

Цобор закурил и, выпустив струю дыма едва не в лицо Байнацки, ответил:

— Боюсь, что от радости вы запрыгаете.

— Я это предполагал. Но все же?..

— Мне принадлежит этот дом и половина сада.

— Как это — половина?

— Я полагаю, вас интересуют факты, а не их объяснение. Короче говоря, только половина. Виноградник и давильню с погребом я продал. Часть денег потратил на то, чтобы обновить свой гардероб, а оставшейся суммы хватит нам двоим на год-полтора. За это время жизнь переменится. Возможно, остановят инфляцию, мне повысят жалование. Короче говоря, положение изменится только к лучшему. Вас это устраивает? — спросил он с иронией.

— Семейных драгоценностей у вас, конечно, не имелось.

«Ну и сукин сын! — думал Цобор.— Но выдержим комедию до конца».

— Это почему же? Имеется кое-что,— сказал он.

— Я имею в виду не какие-то мелочи, а...

— У нас было, например, старинное серебряное блюдо, сделанное более четырех столетий назад, за год до битвы под Мохачем. «Год изготовления тысяча пятьсот двадцать пятый»,— гласила врезанная надпись. Если не ошибаюсь, этому блюду теперь ровно четыреста двадцать лет. Если желаете, вычислите сами, хотя вы склонны рассчитывать гроши и тысячи в более близких временных категориях... Я только не знаю, кто на нем сейчас вкушает хлеб-соль или прячет в своем сундуке. Если я отыщу воришку, то расплачусь с ним честно, по достоинству: оплеуху он получит за воровство, а доброе слово за то, что сохранил эту старинную ценность.

— Выходит, что у вас ничего не осталось?

— Как ничего? Офицерская цепочка червонного золота и перстень с печаткой.

— Плюс мебель...

— Ее привезли мне недавно.

Байнацки помолчал, вытягивая гусиную шею, чтобы получше рассмотреть обстановку в комнате.

— Вы и впредь намерены остаться в той должности, которую занимаете сейчас?

— Это не только должность.

— Я интересуюсь вашими намерениями на будущее.

— Да, намерен остаться.

Лицо Байнацки надулось, приобретя лиловый оттенок, словно переспелый баклажан.

— Вы сделали ставку на плохую лошадь,— проговорил он, со свистом втягивая в себя воздух.— На очень, очень плохую лошадь.

— Не утруждайте себя. Ваше вмешательство неуместно и ничего не изменит.

— Вы не имеете никаких шансов на успех, надеюсь, это вы понимаете?

— А вы полагаете, у вас их больше? — Цобор холодно улыбнулся, подчеркнув слова «у вас». — Меньше, чем никаких. Вы лично находитесь в тупике.

Господин советник с трудом сдержался, чтобы не взорваться, он даже застонал от бешенства.

— Все, что я даю в приданое дочери, вы незамедлительно получите в день свадьбы. Но потом, не надейтесь, не получите ни гроша. Это вам ясно?

— Более чем ясно.

— Если же вернется ваш младший брат... Как я слышал...

— Я подыщу для него работу,— перебил его Цобор.— А пока он не встанет твердо на ноги, буду, разумеется, ему помогать.

— Он тоже имеет право на часть дома?

— Нет.

«Кажется, терпение мое на исходе. Держись, Цобор, еще немного».

— Но жить он будет здесь?

— Безусловно. Столько, сколько пожелает.

Байнацки, видимо, хотел еще что-то добавить, но, сознавая, что, если он случайно перейдет невидимый рубеж дозволенного, может получить в этом доме такую взбучку, которую долго не забудет. Он встал и, не протягивая руки, отвесил легкий поклон:

— До встречи в восемь вечера.

— До свидания.

Цобор не счел нужным проводить гостя даже до дверей. Некоторое время он сидел неподвижно, сжавшись в кресле.

«Если Бланка переберется ко мне, я куплю ей теплые лыжные брюки, меховую безрукавку и буду возить ее за собой повсюду, куда только можно. Быть того не может, чтобы она не заинтересовалась тем, что творится вокруг. Она не захочет вариться в липком домашнем сиропе, как ее отец».

Он вышел в сарай за тюком с реквизитом. Возвращаясь в дом, сам не зная почему, вдруг остановился и в течение нескольких минут смотрел на сад: «Боже мой, а ведь уже листья начали желтеть.— Держа сверток под

мышкой, он долго любовался садом. На плодовых деревьях виднелись уже только поздние яблоки, груши да орехи. Фиалки и анютины глазки уже отцвели, петунии и хризантемы тоже начали осыпаться.— А я до сих пор не купил зимнего пальто. Того и гляди, в магазине все разберут, останусь в демисезонном».

Лукач позвонил в горком и сказал Кечкешу, чтобы тот приходил за реквизитом. Вымывшись по пояс холодной водой, он сел за стол, куда Гал уже успел поставить поднос с завтраком.

— Приятного аппетита, ваша честь,— проговорил старик, сам, по обыкновению, встав поодаль. Ничто не изменилось в его привычках, хотя он и стал теперь землевладельцем. Думая о чем-то своем, Гал стоял, чуть выдвигая вперед то левую, то правую ногу. Шипы, которыми были подбиты его башмаки, теперь уже не царапали по полу, как прежде: ковер поглощал звуки. Из-под густых лохматых бровей он смотрел на Цобора с явным удовлетворением.— Я видел, здесь был его благородие господин советник,— сказал он.— Не сердитесь, если полюбопытствую: по серьезному делу?

— Садитесь, дядюшка Якоб.

Гал присел, как всегда, на краешек стула.

— Его благородие! — повторил Цобор.— Куча навоза, вот кто он такой, ваш господин советник.

— Простите, но когда я, бывало, прежде встречался со своим тестем, мы тоже не обнимались,— после некоторого раздумья проговорил старик.— Хотя он был не советником, а простым кучером.

— Откуда вы взяли, что Байнацки станет моим тестем?

— Люди говорят.

— Какие люди?

— Вот вы опять изволите сердиться на меня, ваша честь. А почему? Опять вам под руку попался... Хотя, если откровенно, я бы только радовался. Дочка господина советника не какая-нибудь Марча-Юлча из теперешних, а самая что ни на есть подходящая для вас барышня. Милая такая, ласковая. А уж такая красавица, что стоит только подумать, как облизнуться хочется...

— Поживем — увидим,— прервал Цобор рассуждения старика.— Цыплят по осени считают.

Гал наблюдал за тем, как Цобор ест. Он всегда любил это делать. Лукач не совал вилку в галушку, гоняя ее

по тарелке, а ловко и осторожно укладывал ее на вилку, а потом так искусно подносил к губам, что с нее не падала даже капелька жира. Что ни говори, этому тоже научиться надо.

— Да, чтобы не забыть, ваша честь,— начал Гал,— вас разыскивал подпоручик Теттеш. Заходил два раза.

— Капитан.

— Как изволили сказать?

— Капитан Теттеш.

Гал презрительно скривил губы:

— А, эти теперешние чины! Раздают кому надо и кому не надо. Нынче ведь как — ежели встал в очередь, что-нибудь получишь. Тем более, если за мундиром. Я слышал, начальник областной полиции раньше был скотником.

— Механиком.

Старик отмахнулся. С момента, когда он узнал, что Цобор продал виноградник, был на него сердит и даже как-то заметил:

— В мои-то годы поздно уже привыкать к вину из корчмы...

Правда, сказано это было всего один раз. В дальнейшем он облекал свои придирки в более деликатную форму.

— Скотник ли, механик ли, не все ли равно. Было время, когда не только начальник полиции, но даже простой участковый был таким барином, что держал прислугу у себя в доме. Супруга его к холодной водичке и не прикасалась, а уж детки, прошу прощения...

— Когда Теттеш был здесь?

— Во второй раз ровно в полдень, как раз в церкви звонили в колокол.

— Он ничего не передавал?

Гал покачал головой:

— Только выругался и ушел.

— Придет еще?

— Ничего не сказал.

Затрезвонил телефон, долго и требовательно. Судя по звонку, междугородный. Цобор поспешил в соседнюю комнату, где стоял аппарат. Звонил Ласло. После обычного «Как дела?» он тотчас перешел к сути:

— На самом верху, ты хорошо слышишь, что я тебе говорю? Ну и отлично. Так вот, там серьезно заинтересовались твоим сообщением о совместных делах гемешских

коммунистов и представителей партии мелких хозяев. Мы даже не ожидали. Там тоже поначалу не поверили. Нигде, мол, такого нет: почему именно в Гемеше? Ты меня понял? Короче говоря, сам или, точнее, само высшее руководство изъявило желание встретиться с вами, поглядеть, так сказать, на всю вашу компанию. Это же грандиозно, старина! Скажи, на какое число можно было бы назначить встречу районных руководителей обеих партий? Пока не можешь? Только не тяни! Затягивать ни в коем случае нельзя, дело чрезвычайно важное, все нужно провернуть на этой же неделе, ты понял? — Говорил Ласло с воодушевлением и так громко, что, казалось, и без телефона его можно было слышать в Гемеше.

Цобор уже начал жалеть, что доложил об идее Матраи в обкоме. Тем более что дело едва сдвинулось с места, и районные руководители партии мелких сельских хозяев, быть может, еще ничего не знают об инициативе своего председателя.

— Алло, Цобор! Алло! Почему ты замолчал?!

— В данный момент я ничего тебе сказать не могу. Мы еще не твердо договорились о том, когда именно состоится наша первая встреча. Мне нужно потолковать об этом с Матраи, потом я сам тебе позвоню и все скажу.

— Смотри не вздумай идти на попятный! Главное — это иметь принципиальное согласие. Оно есть. А все остальное вопрос организации. Алло? Расшевели там всех и вся, старина, ты даже не представляешь, насколько это себя оправдает! Привет!

«А если Матраи не спешит с этим делом?» — подумал Цобор и положил трубку. Не откладывая, он позвонил своему «куманьку», который почему-то долго не подходил к телефону.

— Алло... Кто это? — наконец сонным голосом спросил Матраи.

— Сервус, Тони. Это я, Лукач.

— Что у тебя стряслось? Трезвонишь после обеда, словно на пожар.

— Дело срочное.

Матраи пробормотал в адрес друга нечто весьма нелестное, состоявшее из смеси венгерских и сербских слов:

— Катился бы ты подальше... Только решил соснуть немного, а ты мне весь сон разогнал. Уже забыл мои привычки? Люблю соснуть после еды. От моего дома до ратуши ровно тысяча шагов, и то мне туда ходить такая

же охота, как грешнице в полночь на кладбище. Лучше посплю, чем заседать. Но уж если ты меня разбудил, по крайней мере скажи, что там у тебя стряслось?

— А про «Салернский кодекс здоровья» никак забыл, чемпион ты среди лентяев! Я тебе напомню, что в нем-то как раз и не рекомендуется спать после обеда, да и вообще много спать: шести часов вполне достаточно.

— Глупости это, куманек. По шесть часов спит только полевой заяц. А мне лично все десять требуется, организм того желает. Из них восемь часов ночью, а два часа добираю после обеда. Какого тебе черта надо? Выкладывай!

— Начальство с самого верху интересуется, каким образом мы с тобой будем гонять мяч в одной команде.

— Твое начальство?

— Разумеется.

— Толстяк тоже?

— Может, и он.

— Вот как!

— Хорошо бы организовать нашу встречу на этой неделе. Успеешь подготовиться?

Матраи немного помолчал, а затем рассмеялся:

— Прижимают тебя, дружок, не иначе. Так, что ли?

— Допустим.

В трубке послышался шелестящий звук, видимо Матраи шарил по столу в поисках пачки сигарет.

— Что же, неплохо,— промолвил он после небольшой паузы.— Значит, клюнуло... Только о какой подготовке ты говоришь? Вечером соберу я всю нашу банду в ресторанчике у Риндача и раздам всем домашние задания, кому что принести: одному — палинку, другому — вино, третьему — коржики со шкварками, вот тебе и все приготовления. Твои-то пусть приготовят пустые животы, другого у них не имеется. В пятницу вечером, подойдет? Ну скажем, ровно в пять?

Предложение друга Цобору показалось слишком легкомысленным. «И это все? А где содержание, суть встречи? О чем будем говорить?» — подумал он.

— Ты еще тут? — спросил Матраи.

— Тут.

— Что тебе не нравится?

— Видишь ли... Все это так — одна видимость.

— Э-э, куманек, порой даже самые сложные перего-

воры с одной видимости начинаются. А ты чего хотел бы с первого раза? Блины печь? Вспомни пословицу.

— Не знаю. Может быть, обсудить несколько основных вопросов и договориться по ним...

— Вот как! Вряд ли мы скажем что-то умное, чего наше начальство лучше нас не знает.

— Ты так думаешь?

— Именно так. Они ведь не любят, когда такие, как мы с тобой, оказываются слишком умными. Тогда им самим-то что останется? Или не так?

— Может, ты и прав.

— Довольно с них и того, что они увидят: мы приятели, полюбовно похлопываем друг друга по плечу, а если выпиваем, любезно чокаемся рюмками. Соберемся на часок, а выйдет, и подольше. Какого тебе черта еще надо? Чтобы я спросил Танчи Балигу, какое у него мировоззрение? Так я и без того знаю, что он ответит. Скажет, что все вполне терпимо, только вот коммунистов нужно поскорее упрятать за решетку. Ты этого хочешь?

Цобор рассмеялся:

— А разве Балиге так уж необходимо присутствовать на этой встрече?

— Он же мой заместитель. Но ты не сомневайся, я сам ему заткну глотку. А потом, повстречаемся вот этак годик-другой, и этого не потребуется. Ты должен понять, Лукач, речь идет о встрече таких людей, которые прежде не только за один стол не желали садиться, а и по разным корчмам вино пить ходили. Давно ли ты сам лакал коньяк в офицерском казино, а теперешние твои соратники, глядя на это, матюгались в подворотне, что на другой стороне улицы.

— Хорошо. Значит, в пятницу.

— Но где?

— Вот именно, где?

— Лучше всего у вас, в здании райкома. Наше помещение в такой грязи, будто это и не райком вовсе, а овечья кошара. Хлев, смотреть тошно, а скупердяи жалеют денег даже на побелку.

— Это самые-то богатые крестьяне?

— Экономист только тот, у кого есть что экономить, дружок.

— А если разговор зайдет о каком-нибудь принципиальном вопросе? Тогда что?

— Вот для этого-то мы там и будем. Ты и я. Подожди,

не клади трубку! Как думаешь, могут об этой нашей встрече напечатать в газетах?

— А разве это плохо?

— Нет, напротив. После этого и мое начальство забегает рысью. Кинутся искать контакты за стенами своей вотчины, вот увидишь. А ты смело можешь садиться с ними рядом, ведь среди них не найдешь двух человек, которые были бы заодно, всяк свое тянет. Так вот, дружище, мы с тобой входим в моду!

— Не сердись, что разбудил.

— Кусок дерьма тебе в котомку, мне — тоже, пустяки! Кстати, что ты получил за Блюма?

— Не за него, а за рабочих.

— Это все равно.

— Предупреждение с занесением.

— Ничего, окупится. На выборах ты наверняка получишь лишних двести сорок рабочих голосов. Ну, славься господь, пока...

Цобор тотчас же позвонил Ласло, тот побежал к Селешу, чтобы переключить телефон.

— Выходит, дело двигается? — обрадованно спросил секретарь обкома.— Превосходно! Знаешь, Цобор, а ведь подобная идея, кроме тебя, не пришла в голову ни одному из секретарей наших райкомов.

Цобор промолчал, подумав: «Мне тоже. Однако почему я должен об этом звонить во все колокола?»

Селеш, не кладя трубку, по другому аппарату позвонил в Центральный Комитет и спустя минуты две сообщил, что время для встречи выбрано удачно и что в пятницу вечером в Гемеш приедут несколько весьма ответственных товарищей. Их фамилии он сейчас назвать не может, но надо сделать так, чтобы на встречу от обеих партий были приглашены лишь честные, надежные люди...

«Ну да, к примеру, Балига,— ехидно подумал Цобор.— Стоит ему тяпнуть как следует, он такую гору всякой чепухи понесет, только держись. Матраи даже двумя руками не сумеет закрыть ему пасть».

Цобор позвонил своему референту и продиктовал, кого из районного актива коммунистов следует пригласить на встречу в пятницу. Он еще разговаривал по телефону, когда дверь отворилась и в комнату вошел Теттеш. Выглядел он как-то странно, и Цобор не сразу понял, в чем дело. Лишь только после того, как они обменялись руко-

пожатием и Лукач предложил другу сесть, заметил: Теттеш был без ремня. Пистолета на боку у него тоже не было.

— Садись же, наконец.

Теттеш покачал головой:

— На это у меня нет времени. Я не хотел уезжать из Гемеша, не попрощавшись с тобой.

— Уезжаешь? Что ты мелешь?.. Куда? Зачем?..

Достав сигарету, Теттеш закурил, держа ее, как обычно, внутри ладони.

— Меня отстранили от должности. Начальник областного управления полиции.

— Когда?

— Не спрашивай, командир. Я уже давно знал, что рано или поздно очередь дойдет и до меня. Я старый кадр, выпускник Академии Людовики! Ну да ладно, не будем углубляться... Ты знаешь, что мы вместе с тобой делали там, в окопах. Тогда меня не спрашивали, почему я окончил эту академию. Тогда нужно было трезво мыслить, разумно решать, быстро и метко стрелять, да еще командовать взводом так, чтобы нести меньше потерь, сохранить людей. Тогда... Давно это было, командир! Теперь же мои знания оказались здесь никому не нужны. Что же, буду искать, где они еще пригодятся...

— Я сейчас же поговорю с начальником полиции.

— Он уехал.

— Догоню!

— Не надо. Видишь ли, у меня нет никакого желания до конца участвовать в этом печальном представлении. Порядок обычный: сначала отстранение от должности, потом жалоба и расследование, а затем окончательный приговор: «не соответствует». Уж если они решились сделать первый шаг, то никогда не откажутся от второго. Честь мундира!

— Но я это дело так не оставлю!

— Я уже все решил, командир. Если я им не нужен, то и они мне не нужны. Дай я тебя обниму на прощание по-нашему, по-солдатски. Так сказать, без слез и сожалений. Будь здоров, сохрани тебя бог, Лукач, до самой смерти.

— Ты останешься здесь, черт бы их всех побрал! Я тебе приказываю, ясно?

Теттеш скорчил гримасу, похожую на жалкое подобие улыбки:

— Право, я рад, что еще раз услышал от тебя это слово — приказываю.

— Пока я не вернусь, из города ни на шаг!..

Цобор гнал мотоцикл на такой скорости, что машина дрожала от напряжения, казалось, вот-вот рассыплется. В воображении Лукача ожили картины недавнего прошлого. Вспомнились бои за Буду. На улице Логоди гитлеровцы применили огнеметы. Снайперы уже сняли троих вражеских огнеметчиков, внезапно появился четвертый. В осажденном доме не было запасного выхода, и рота Цобора укрылась в подвале. На улице двенадцать градусов мороза, а с солдат пот тек ручьем. Неужели нет выхода? Нет, выход найден...

Очистив быстро один из подвалов, Теттеш с помощью шашек пробивает брешь в задней стене здания, и солдаты его взвода молниеносной атакой во фланг уничтожают огнеметчиков.

Другой эпизод. Во время боев за город Секешфехервар рота трижды атакует здание местной гимназии и трижды ее останавливают сильным огнем. Солдаты залегли. Цобор легко ранен в ногу.

Теттеш набивает карманы шинели ручными гранатами и, сорвав с шапки красную ленту и трехцветную повязку с рукава, кричит:

— Прикажи всем в укрытие, командир! Пока я добегу до здания, они будут стрелять, как бешеные, отсекая меня, перебежчика...

Спустя несколько минут он уже был в здании гимназии. Пробивая себе путь гранатами, Теттеш заставил замолчать один фашистский пулемет, второй, третий... Путь для продвижения роты был открыт.

А чуть позже Теттеш, удобно устроившись на куче битого кирпича, глядел, как его ординарец пришивает на шапку красную ленточку и повязку на рукав шинели. Командир советской стрелковой роты только потер лоб и сказал:

— Ну, парень... Мы же тебя чуть-чуть не подстрелили... Бежит, думали, дезертир...

И дальше — незабываемая атака на улице, ведущей в замок... «Нет,— мысленно решил Цобор,— тому, что знает и умеет Теттеш, нельзя научиться. Если бы у нас тогда не было людей, подобных Теттешу, то вояки в раз-

личных штабах, от батальона и до группы армий, могли планировать любые операции, изводя на свои разработки бумагу килограммами, но ни один из этих планов не был бы выполнен. Так и остались бы они на бумаге и грош была бы им цена...»

В областном управлении Цобору сказали, что начальник полиции, к сожалению, с полчаса назад выехал в Рейцешмайор. Там задержали какого-то мерзавца, который во время войны якобы командовал карательным отрядом. Выйдя на улицу, Цобор в сердцах сплюнул: «Черт бы их всех побрал! Рейцешмайор — это ведь в самом дальнем углу области, до него по шоссе километров девяносто, не меньше. Что ж поделаешь, едем дальше?»

Залив бензиновый бак до крышки, Лукач выбрался из города и повернул на нужное шоссе. Однако не проехал он и полпути, как лопнула цепь передачи и силой инерции ее забросило черт знает куда. Почти полчаса ползая на четвереньках по картофельному полю, Лукач искал проклятую цепь. Когда он ее наконец отыскал, стрелки показывали десять минут шестого. Времени оставалось в обрез. Он быстро достал из сумки с инструментом запасные звенья цепи и, мокрый от пота, еще через четверть часа исправил поломку. Наспех вытерев перепачканные маслом руки, он вскочил в седло и помчался дальше.

Рейцешмайор был оцеплен тесным кольцом полицейских, которые никак не хотели пропустить Цобора в село. Наконец какой-то поручик, который знал Цобора в лицо, провел его сквозь оцепление. Однако все равно пришлось ждать: в квартире, где прежде производились казни, еще не закончился предварительный допрос.

В половине седьмого вывели наконец двух арестованных в наручниках, усадили в полицейский джип и увезли. Один из них был бывшим командиром карательного отряда, второй — его гостем.

Наконец на пороге появился и сам начальник областного управления полиции Михай Рашаи. Он был в гражданском, поскольку из-за малого роста и полноты выглядел в военной форме смешно и поэтому надевал ее в исключительных случаях.

— Сервус, товарищ Цобор,— поздоровался Рашаи, протягивая Лукачу руку.— Я вижу, от тебя никуда не скроешься.

— Дело, по которому я хочу с тобой поговорить, не терпит отлагательства.

Рашаи вынул сигарету и закурил. Помедлил, задумчиво следя за дымом, медленно поднимающимся кверху. Ему не хотелось обижать Цобора, но он уже догадывался, о чем тот хочет говорить, ибо не было такого дела, о котором бы не знал он, начальник полиции области.

— Заходи,— проговорил он после недолгой паузы.

Они сели на застекленной веранде. Рашаи закрыл единственное окошко, затем спросил:

— О Теттеше речь?

— Да, о нем. Вы знаете его слишком поверхностно, а я был его командиром, рядом с ним шел в бой...

— Оставь. Я знаю наперед все, что ты скажешь,— перебил его Рашаи, поправляя темно-синий галстук с лиловыми разводами. — Что я, его начальник, невзлюбил Теттеша, что я вообще терпеть не могу всех, кто когда-либо учился в Академии Людовики, бывших кадровых офицеров...

— А разве это не так?

— В общем-то так. Но только к Теттешу это не относится. Он исключение. У парня великолепный нюх, он решителен, по-военному собран, находчив, ориентируется в любой обстановке. Словом, рожден быть офицером.

— Так. А где же «но»?

— Имей терпение. Я тебе еще кое-что скажу о Теттеше, без чего его характеристика была бы неполной. Он честный парень. От работы никогда не отказывался, и если уж за что-нибудь брался, то доводил до конца. Вот теперь следует это «но»! Таким, как он, в мирное время нельзя давать в руки оружие.

— Шутишь? Где это видано, чтобы начальник городской полиции не имел оружия?

— Послушай меня, товарищ Цобор. В понедельник, около одиннадцати утра, Теттеш напал на след трех нилашистских главарей там у вас, в пригороде Гемена. Никакого оружия у них не было. Они намеревались добровольно сдаться властям: позже на месте происшествия мы обнаружили кусок белой занавески. Однако ни один из них в полицию живым доставлен не был.

— Видимо, они пытались бежать.

— Нет, никаких трюков они не выкидывали. Между тем Теттеш стал по ним стрелять. Что это, спрашиваю я тебя?

— Теттеш без причины стрелять не станет. В худшем случае — вышло какое-то недоразумение...

— Нет! Я лично допросил всех, кто прочесывал сады. Они единодушно показали одно и то же. На требование выйти из дома нилашисты повиновались, подняли руки, а один из них даже размахивал белой тряпкой. Ты не хочешь назвать вещи своими именами? Хорошо, назову я: это самое настоящее убийство! И если ты так близко знаешь Теттеша, как утверждаешь, то для тебя не новость, что даже в мирное время добрую половину человечества твой Теттеш рассматривает, как мишень для стрельбы. Видишь ли... И раньше мне говорили об этом. Но я думал: виной тому война, пребывание в постоянной опасности, святое правило: выстрели раньше, чем враг... Я предупреждал Теттеша. Безусловно, война накладывает свой отпечаток, отрицать это я отнюдь не собираюсь, однако главное здесь — это характер Теттеша. Его натура, его взгляд на вещи, на людей. Словом... черт его возьми! Какое-то проклятое богом безразличие: ему все равно, кто скачет под мушкой его пистолета, паршивый зайчишка или живой человек. Вот в чем беда.— Вынув из кармана пестрый платок, Рашаи вытер лицо. Подойдя к окну, он немного приоткрыл створки.— Нет, товарищ Цобор, никто не давал нашей полиции права расстреливать кого бы то ни было без суда и следствия. Даже если есть уверенность, что арестованный или задержанный самый отъявленный нилашист. Иначе мы сами будем грубо попирать закон, стражами которого обязаны быть.— Наклонившись к Цобору, он заглянул ему в глаза: — Или ты считаешь, все, что я сказал сейчас о Теттеше, неправда?

Цобор в этот момент думал: «Неужели Теттеш сможет оставить родину, перейдет границу, как когда-то говорил? А он это сделает, даже если через каждые десять шагов будут стоять пограничники с автоматами на изготовку».

— Нет,— Цобор помотал головой.— Я так не думаю. Но... На что он может теперь рассчитывать?

Рашаи откинулся на спинку стула и, прищурившись, уставился в пустоту.

— Если откровенно, Теттеша следовало бы немедленно арестовать. Я ограничился тем, что отстранил его от должности. Мне известно о том, как он проявил себя на фронте. Полгода он сражался в рядах Советской Армии. Но... больше я ничего сделать не могу. Да и не хочу.

Кстати, тебе лучше знать, что у него на уме, если ты помчался догонять меня в такую даль.

— Ко мне он зашел, чтобы попрощаться.

Рашаи с досадой махнул рукой:

— Еще и этот фокус выкинул! Вместо того, чтобы бежать куда глаза глядят.— Он сокрушенно покачал головой: — Уму непостижимо, черт бы его побрал...

— Когда вы его возьмете или, точнее, когда попробуете взять?

— Не обижайся, но это уже не твое дело.

Цобор посмотрел на часы, они показывали без четверти семь. Он встал:

— Благодарю за откровенность. Не скрою, вся эта история меня потрясла. Если у тех пилашистов действительно не было оружия, тогда...

— Никакого оружия у них не обнаружили.

— Я все понял. Сервус, товарищ Рашаи.

Возбужденный услышанным, Цобор забрался на мотоцикл и помчался обратно, чтобы успеть застать дома Теттеша. Да, он прямо в глаза выскажет ему все, что думает об этом инциденте. Как бы ни сложилась в дальнейшем жизнь Теттеша, все происшедшее с ним он не должен объяснять только своим прошлым, принадлежностью к клану выпускников Академии Людовики.

«Ну хорошо, я скажу ему об этом, а что дальше? Что, собственно, от этого изменится? Выйдет из строя близкий мне человек. А останься Теттеш на своем месте, я не смог бы относиться к нему по-прежнему, смотреть на него так, как смотрел в трудное военное время. Оружие только против оружия. Это справедливо».

Стоило Лукачу отвлечься, как он сразу вспомнил о Бланке, даже чуть слышно произнес ее имя, почувствовав при этом какое-то стеснение в груди. Бланка ждала его к восьми. Кто, кроме нее, остался у него из тех, кому можно сказать все, что думаешь? Разве что старик Гал. Или Матраи. Пожалуй, Ласло. Или, быть может, Арпи. Но когда он вернется домой? Даже в разговоре с Селешем нужно постоянно следить за собой, чтобы не сболтнуть лишнего. В конце концов можно быть откровенным, можно сомневаться, но в конечном итоге все равно не он, Цобор, определяет границу возможного в жизни. Время разметало старых друзей или же превратило их в листья на ветру. А новые связи, новые знакомства? Они пока, к сожалению, еще не стали дружбой.

В четверть девятого Цобор остановился на углу улицы Рокамаль. Ему пришлось довольно долго стучать в окошко, пока отец Теттеша, раздвинув занавески, не узнал его и не пошел открывать дверь. Однако, остановившись на пороге, он не предложил Цобору войти. Седые усы, за малейшим движением которых когда-то с волнением следили все, кто имел дело со старым прокурором города Гемеша, теперь бессильно и уныло свисали вниз. Старик не поздоровался, даже не спросил, что Цобору нужно.

— Где Элемер? — спросил наконец Цобор.

Старик медленно поднял руку, показывая направление, в котором удалился его сын. Словно однорукий Христос, распятый на кресте, стоял опираясь плечом о косяк, затем, попятившись, шагнул в дом. Перед тем как захлопнуть дверь, негромко произнес:

— Ты решил его судьбу. Если бы не ты, мой сын не был бы замешан ни в чем. Чтоб твоей ноги больше не было в этом доме.

Послышался звук запираемого замка, в прихожей погас свет. Цобор как угорелый забарабанил в дверь и барабанил до тех пор, пока не улеглась злость. «Бесполезно»,— подумал он.

Теттеш уехал, и теперь, сколько ни объясняй, уже ничего изменить нельзя. А потом, почему бы старику и не верить в невиновность своего сына?

Цобор завел мотоцикл.

«Половина девятого. Боже мой, ведь я обещал отцу Бланки быть ровно в восемь у них». Времени, для того чтобы переодеться, уже не оставалось.

Заехав к себе во двор, Лукач в спешке нарвал цветов, которые попались ему под руку. Даже не связав их в букет, он положил их перед собой на бензиновый бак и, придерживая рукой, поехал к дому Байнацки. Перескочив через канаву, он позвонил у калитки. И в тот же миг у крыльца вспыхнула садовая лампочка.

«Выходит, дверь все-таки была заперта,— невольно улыбнулся Цобор.— Даже калитка в сад и та на запоре».

Байнацки неторопливо проследовал через палисадник, открыл калитку и, смерив Цобора взглядом, сказал:

— Мы, кажется, договаривались о другом. Вы бы явились еще в одном исподнем.

— Прошу прощения. Я не успел переодеться. Очень важное и срочное дело. Надеюсь, Бланка поймет меня.

— Вы так думаете? — спросил Байнацки. Голос его не предвещал ничего хорошего. Он жестом предложил Цобору пройти дальше.— Желаю удачи.

Бланку Лукач застал стоявшей на середине лестницы, которая вела из холла наверх. На ней было шелковое платье цвета зеленой листвы, подпоясанное плетеным золотым поясочком, на шее — топазовое ожерелье, которое было у нее и на памятном им обоим прошлогоднем балу в казино. Она стояла под люстрой, стройная и неподвижная, словно светясь вся, от головы до ног. Цобор искренне залюбовался ею.

— Прости меня, дорогая,— сказал он наконец,— ничего не мог поделать. Пришлось ехать к черту на кулички по одному очень срочному и важному делу.

Бланка слегка коснулась перил, но тут же отдернула руку:

— По делу, которое важнее, чем я...

— Как ты можешь говорить такое? Я гнал как угорелый и все же опоздал.

Девушка не пошевелилась.

— Если ты сознательно решился на опоздание, значит, дело действительно важное.— В ее голосе послышалась нотка иронии.

— Об этом нельзя так просто...

— Тайна?

— Нет, зачем же! Теттеш попал в беду. Ты меня, конечно, понимаешь, дорогая. Каким бы я был негодяем, если бы бросил друга в беде. Ты ведь знаешь! Фронтовая дружба... Родные братья не привязаны так друг к другу, как мы. Но все это неважно. Я выбрал тебя, люблю тебя безумно и в присутствии твоего отца готов заявить об...

Бланка тряхнула головой, волосы ее тяжелым водопадом заструились по плечам.

— Лукач, у тебя всю жизнь будут все новые и новые Теттеши. Ты никогда не сможешь жить ради одного человека. Одного-единственного на всем свете.— Она спустилась на ступеньку ниже и, с трудом преодолевая волнение, проговорила: — Если бы отец не начал пугать меня всеобщим позором и осуждением, я бы сказала, что счастлива стать твоей возлюбленной и быть ею, пока ты этого хочешь. Но женой твоей я не буду.— Повернувшись, она медленно начала подниматься по лестнице, так ни разу и не оглянувшись. Некоторое время ее легкие

шаги были еще слышны на втором этаже, затем хлопнула дверь и наступила тишина.

Цобор слышал лишь звук собственного дыхания. «Нет-нет, так они не смеют со мной поступить. Даже эта старая перечница, ее отец, снизошел и согласился, а она...» Под рукой неожиданно оказалась какая-то ваза, Лукач со злостью запустил ею в стену.

— Проклятье! Неужели нельзя понять то, о чем я говорил?

— В буфете вы найдете вазы подешевле,— услышал он насмешливый голос Байнацки,— эта была очень дорогой. Старый Жольнаи, коллекция. Я полагаю, нам нечего больше сказать друг другу. Если бы вас можно было привлечь к ответственности за причиненный нам ущерб, то разговор пошел бы только о возмещении убытков, не более того.

Цобор с усилием повернулся кругом и уставился на Байнацки. На лице советника было написано выражение явного облегчения, даже торжества. Схватив его за грудки, Лукач хрипло выдавил из себя:

— Ты, человечишко... Если хочешь сохранить свою дрянную жизнь, то...

— Вы слишком ничтожны для этого... Нуль...

Цобор отпустил Байнацки, затем наотмашь с такой силой ударил его по лицу, что голова советника мотнулась и он плюхнулся на ковер.

— При каждой нашей встрече вы будете получать такую же пощечину,— проговорил Цобор.— И если заметите меня, советую заблаговременно переходить на другую сторону улицы...

Вне себя от ярости, Лукач выбежал вон, с силой захлопнув дверь. Прыгнув на мотоцикл, он рванулся домой. И, лишь оказавшись в сарае, который служил ему гаражом, он обратил внимание на то, что в левой руке все еще сжимает уже увядшие цветы. Он швырнул их в угол. Бормоча что-то непонятное себе под нос, Цобор направился в сад и долго ходил взад-вперед, пока не натккнулся на Гала.

— Добрый вечер, ваша честь,— поздоровался старик.— Можно унести поднос?

— Можно.

Гал скрылся в доме, но вскоре вернулся.

— Вы так и не поужинали,— укоризненно заметил он.— Носимся взад-вперед, а на еду обращаем внимания все меньше. Не годится, сударь.

— Сегодня ужинать не хочу.— Цобор полез в карман за деньгами.— Дядюшка Якоб, не сходите ли вы в корчму за вином?

— У меня еще есть немного из старых запасов.— Старик в нерешительности переступил с ноги на ногу, словно намереваясь о чем-то спросить. Но так и не спросил, лишь смущенно пожал плечами: — Пока свое не кончилось, в корчму ходить незачем.

Через минуту он принес большую бутыль с крышкой. Уселись в гостиной. Цобор достал бокалы, разлил вино.

— Ваше здоровье.

— Бог вас благослови, ваша честь.

Выпили, закурили. Спустя полчаса бутыль опустела, и Гал вышел, чтобы снова ее наполнить.

— Это винцо урожая тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Еще от хозяина осталось. В том году вы как раз получили аттестат зрелости.

— В тридцать седьмом?

— Да. Доброе вино получилось.

— Верно.

Гал поднял бокал и долго разглядывал его на свет. Затем он опустил кончик языка в вино и, посмаковав его таким образом, отпил глоток. Старику не терпелось узнать причину молчания Цобора, но он опасался его рассердить и потому ни о чем не спрашивал. Скоро и во второй бутыли осталось вина только на донышке.

— Принести еще?

Цобор вылил остатки вина в свой бокал, залпом выпил и встал. Несколько раз прошелся из угла в угол по комнате.

— Спасибо, дядюшка Якоб. Вы не сердитесь, что я сократил ваш ночной отдых?

Старик встал, выпрямился, как это делал Цобор. Глядя на обоих, никак нельзя было сказать, что они изрядно выпили.

— Никогда не жалейте меня, сударь,— проговорил он с готовностью.— Я в моем возрасте, можно сказать, сплю, как воришка, украдкой. Подремлю немного и проснусь, поворочаюсь с боку на бок, вспомню прошлое, подумаю о всяких небылицах, за которыми когда-то гнался, ста-

раясь их настичь, ан не вышло. А в вашей жизни разве оно не так, ваша честь?

— Я стараюсь думать только о том, что реально, или, как вы сказали, дядюшка Якоб, могу настичь.

Гал опустил голову. Взял в руки бутыль. «Жаль, очень жаль. Ведь остаток этого вина я берег на его свадьбу»,— подумал он. Пожелав Цобору доброй ночи, старик поплелся домой, чтобы подремать «украдкой».

Цобор поднял жалюзи и отворил окно, чтобы проветрить полную дыма гостиную.

«Ты никогда не сможешь жить ради одного человека...» — так сказала Бланка. А разве так можно? Жить только ради одного? Этого он не мог ни понять, ни согласиться с Бланкой. И все же, несмотря ни на что, она оставалась для него желанной. Видел ее, тянулся к ней, хотя и старался думать о чем-то другом, о прежних своих любовных приключениях, о других женщинах, которые ему нравились, но так, как и Бланка, отвергли его ухаживания. Нет, по-настоящему ему нужна была только она, одна-единственная женщина. Бланка, Бланка...

Послышался не то щелчок, не то удар: стекло буфета звякнуло. Это влетел в комнату жук-рогач. Цобор несколько секунд пристально разглядывал лежавшее на спине красивое насекомое. Жук шевелил ножками, выделывал акробатические номера, стремясь перевернуться. Лукач двумя пальцами осторожно взял насекомое и, подойдя к раскрытому окну, выпустил на волю:

— Лети. Лети, куда хочешь...

В пятницу перед зданием райкома выстроилась целая колонна автомобилей. Приехал и тот, кого за глаза называли толстяком. Он здоровался за руку со всеми, кто попадался на пути, дружески хлопнул по ладони и Балигу, в ответ на что тот рявкнул старорежимное «Венгерский бог благослови дорогих гостей». Нос у Балиги на этот раз был краснее обычного: он еще дома начал отмечать эту дружескую встречу, изрядно приложившись к бутылке с палинкой-самогоном. Он гнал ее по собственному, ему одному известному рецепту. Облагороженная мятой, полынью и еще бог знает чем, эта палинка славилась на весь город.

Гости чувствовали себя превосходно. Они выпили палинки, закусив ее традиционными колобками со свиными

шкварками. Потом неторопливо дегустировали вино и, не домогаясь особенно ответов на свои вопросы, носившие скорее зондирующий характер, давали полезные советы на будущее по поводу возможного сотрудничества между левыми группировками различных политических партий.

Матраи подмигнул Цобору:

— Ну что я тебе говорил?

Наибольший успех выпал на долю толстяка, когда он в ответ на замечание Антала Падара насчет нынешних денег, что они, мол, сейчас обесценились настолько, что сельские хозяева не желают продавать ни пшеницу, ни свиней, ни фрукты, доверительно обмолвился, что к осени будущего года страна непременно получит новые устойчивые деньги, покупательная способность которых в конце года будет такой же, как и в начале. Проект денежной реформы специалистами разработан по инициативе компартии и уже одобрен. Все закричали «Ура!», оживленно загудели и потянулись чокаться с толстяком.

Матраи тут же произнес небольшой ответный тост, признав мимоходом, что у его партии пока еще нет ясного представления даже о том, каким образом должны решаться столь важные экономические проблемы.

Когда толстяк наконец сел в машину, все оживленно махали ему вслед.

— Твердый курс форинта! Это уже кое-что,— твердили собравшиеся чуть ли не хором.

На следующий день многие газеты поместили пространные, чуть ли не на целую полосу, статьи, в которых рассказывалось о встрече представителей коммунистов и мелких сельских хозяев в Гемеше. Отчет сопровождался фотоснимками и до небес расхваливал Цобора и Матраи.

Цобор прочел статью с некоторым чувством неловкости. «В конце концов, это была всего лишь показная сторона, витрина. До дела еще далеко»,— думал он. В довершение всего газетный корреспондент так изложил его выступление, оно изобиловало столь высокими премудростями и абстракциями, до каких Лукач не додумался бы никогда. «Зачем все это понадобилось? — недоумевал он.— У них в редакции, по-видимому, имеется досье килограммов этак на пять, а в нем хранятся готовые штампы, пригодные на все случаи жизни. Вот щелкоперы».

Позвонил Матраи:

— Ну, куманек, как жив-здоров?

— Ты уже читал?

— Разумеется. В городе кипят страсти. В последний раз о Гемеше писали в газетах, когда наш младший нотариус пустил себе пулю в лоб. Помнишь?

— Чересчур красива невеста, как бы не сбежала,— невольно пробормотал Цобор.

— Опять умничаешь?

— Ты же знаешь, что от подобных цирковых трюков результаты выборов все равно не изменятся.

Матраи начал сердиться:

— Плохо то, что ты не умеешь радоваться. Почему ты считаешь это цирковым трюком? Это реальная возможность, которую до сих пор признавали только мы с тобой, а сейчас начинает понимать и еще кое-кто... Председатель нашей партии в течение получаса говорил на эту тему, ничего не сказав, а генеральный секретарь четверть часа твердил мне, что я гениальный проходимец. Как бы там ни было, но лед мы стронули. Ну, промычи же что-нибудь! Газета твоей партии пишет о том, что в Гемеше проявлена хорошая инициатива, а ты недоволен...

— Вот именно, проявлена. А Балига что сказал по поводу статьи?

В трубке послышался смех:

— Он каждому встречному-поперечному в нижнем городе показывает эту статью: «Смотри, видишь меня на этом снимке? Видишь? Ну разве я не хват? Толстяк и тот явился в Гемеш, чтобы поговорить со мной!» — Изменив тон, Матраи спросил: — Ты знаешь Токорчи?

— Да. Он у меня в роте был.

— Ага. Тогда все понятно.

— Ты о чем?

— Твой Токорчи работает сейчас шофером в советско-венгерской автоколонне. Более того, даже назначен там командиром взвода, если я не ошибаюсь. На рассвете он вернулся из Вены. Вчера вечером на улице Мариахилферштрассе высадил из своего грузовика нашего общего друга. Догадываешься кого?

— Догадываюсь.

— Говорю об этом только затем, чтобы ты успокоился.

— Все равно не успокоюсь. И вообще, ты многого не понимаешь.

— Это как же так? Поясни...

В этот момент их разговор прервала междугородняя. Адвокат бодрым голосом сообщил, что, к счастью, дело

Арпи заметно стронулось с места. Вышестоящая судебная инстанция уже отменила приговор, и через два-три часа парня выпустят на свободу. Адвокат добавил:

— Если все пройдет гладко, сегодня же после обеда вы можете его забрать.

— Огромное вам спасибо! — воскликнул Лукач.— Куда мне за ним приехать?

— Приезжайте ко мне на квартиру. И не забудьте захватить для него приличный костюм. Я сам привезу вашего братца домой. На такси, чтобы никто не видел его оборванцем.

Настроение у Цобора мгновенно улучшилось. Насвистывая, он достал из шкафа темно-серый костюм, который давно уже купил для брата, белую сорочку, галстук, нижнее белье, пару новеньких туфель. Старательно упаковав все вещи и перевязав шпагатом, вдруг вспомнил, что забыл положить носки и носовой платок. Досадуя на себя, галопом поспешил к шкафу. Так долго терзавшая его тревога за брата сменилась вдруг самой трогательной заботой. Экие нежности. «Бедный малый,— оправдывал он себя.— Немало ему пришлось перенести.— За освобождение Арпи в эти минуты он мог бы отдать все, что имел.— Не бойся, братишка, со мной ты будешь как у Христа за пазухой.— Цобор совсем расчувствовался и уже представил, как они встретятся, что скажут друг другу, но тут же мысленно пристыдил себя: — Что это я так размяк? Словно воск в теплой руке. Ладно, Арпи, братишка, теперь нас будет двое, это не то что я один!»

Вскоре опять позвонил Матраи.

— Тебя разыскивали по телефону?— спросил он.— Откуда?

— Из Пешта.

— Видимо, по какому-то срочному делу. Прервали нас на полуслове!

— Именно по срочному! Особенно для меня,— согласился Цобор.— Я еду забирать брата.

— Да ну? Очень рад за тебя, куманек! Честное слово... Ну и досталось же, видимо, ему. А ты каркал, как ворон в одиночестве, теперь конец. Слава богу, а то ведь, помню, еще в школе ты был таким веселым, бравым парнем, сейчас же...

— Не сердись, Тони, поговорим в другой раз. Я уже собирался ехать...

— Да-да, конечно. Я понимаю! Только объясни одно:

ты сказал, что я многого не понимаю... Что ты имел в виду?

— Объясню позже. Это не телефонный разговор. Жаль мне его очень... На фронте он для меня был незаменим. Он один стоил пулеметного взвода. Когда я слишком горячился, его холодная расчетливость охлаждала мою голову и не раз выручала в бою. Я и сейчас к нему очень привязан. Вот почему я, так и быть, признаюсь тебе, хочу вернуть его... Со мной он не наделает глупостей, не пойдёт рыскать по белу свету. Как бы это сказать, черт возьми! В какой-то степени я чувствую себя перед ним виноватым.

— Неужели он... Понятно, кумanek... Остальное с глазу на глаз. Передай Арни, что я обнимаю его! Скоро буду у вас и сам скажу ему об этом...

Цобор вышел в сад и разыскал Гала. Поделившись со стариком своей радостью, он попросил приготовить обед на двоих. Потом он с ним непременно рассчитается.

Гал долго и неподвижно смотрел перед собой, не снимая ноги с лопаты — он перекапывал грядку,— затем, неожиданно прослезившись, ответил:

— Вы давно уже рассчитались, ваша честь. Главное, чтобы мы снова были вместе. Значит, не обошел нас господь своей милостью...

Цобор вдруг вспомнил: нужно вынуть из тайника деньги, чтобы заплатить адвокату за его труды. Вернувшись в гостиную, он застал в ней Чатковича. От нечего делать тот глазел на мебель, слоняясь по комнате.

— Это ты? — удивился Цобор.

— Сервус, товарищ секретарь,— поздоровался бургомистр. Вид у него был довольно жалкий: когда-то выходной костюм изрядно потрепан, брюки доходили только до щиколотки. Дышал он, как всегда, открытым ртом, а поскольку там недоставало одного зуба, то при разговоре присвистывал.— Извини, что я тебе мешаю, но куда мне еще идти, если не к тебе...— Не закончив фразы, он уставился себе под ноги.

— А о чем, собственно, речь? — поинтересовался Цобор.

— О многом, товарищ секретарь, обо всем этом балагане. Да-да... Меня превратили в балаганную обезьяну, которую при всем базаре дергают за веревочку...

— Каждого можно превратить, если он это разрешает. Садись. Рассказывай, что случилось.

От переполнявшей его обиды и волнения Чаткович не мог мало-мальски связно изложить суть дела. Он говорил обрывками, так что их с трудом можно было увязать между собой.

— Я порвал с социал-демократами. Это точно! Они обещали дать мне в помощь секретаря и еще одного товарища, который разбирался бы в экономике, но ни того ни другого не дали, послали куда-то в другое место, а референт, который работал при старом бургомистре, оказался негодяем. Перед тем как зайти ко мне в кабинет, он всякий раз гогочет, говоря, что идет к гробовщику. А я вынужден сколачивать эти гробы, втихомолку занимаюсь этим по ночам, лишь бы хоть сколько-нибудь заработать семье на пропитание... Каждый день, мерзавец, повторяет одно и то же: он, мол, подготовил все необходимые бумаги, а мне остается только их подмахнуть. Приходится чуть ли не вырывать их у него из рук, чтобы хоть прочесть то, что он в них изобразил. Собачья свадьба какая-то! А вчера меня, бургомистра, просто побили.

— Кто же?

— Дело, видишь ли, в том, что Балига до сих пор не продал ни одного килограмма зерна. Наплевать ему на заготовки! В ратушу по вызову не явился, заявив: передайте, мол, председателю вашей заготовительной комиссии, что я на него с... В конце концов, ничего не оставалось, как подписать повестку мне самому. Он пришел, развалился на стуле напротив меня и заявил следующее: «Ну, ты, чудо морское! Уж если ты посмел вызвать меня повесткой, вот он я, явился. А теперь открой хайло и скажи: чего тебе от меня надо?» Я предупредил его, что с бургомистром нельзя разговаривать в подобном тоне. А он как захохочет: «Бургомистр? Это ты-то? Покуда у нас был настоящий бургомистр, одно слово его значило больше, чем десять твоих «Отче наш...». — Проговорив все это, он встал и своей ручищей отвесил мне щелбан. Неужели, спрашиваю я вас, этому хаму, необузданному рабовладельцу, все дозволено? «Тебе и этого достаточно!» — бросил он на прощание. Я, конечно, бегу к нашему партийному руководству, прошу, чтобы оно приняло какие-то срочные меры. Знаешь, что мне там ответили? «Ай-ай, товарищ Чаткович, стоит ли поднимать столько шума из-за одного щелбана? Вы что, шуток не понимаете?» Для них это, выходит, шутка. Нет, думаю, сыт я по горло вашей партией. Да вот еще что. В здании магистра-

та не убирают только один кабинет — мой. Я спрашиваю уборщицу: что, мол, это значит? А она мне в ответ: «У нас теперь, господин бургомистр, демократия, так что возьмите метелку в руки и сами подметите». Я, конечно, понимаю, что она не сама до этого додумалась. Кто-то подсказал ей, подучил! Вся их банда надо мной потешается. Вот, взгляни, товарищ секретарь, какая шишка у меня на голове. В последний раз такие щелбаны я получал от мастера, когда ходил в учениках. Но чтобы бургомистру, да еще в годах...

— Ты заявил в полицию?

Чаткович сглотнул слюну и покачал головой.

— Но почему?

— Не посмел,— ответил Чаткович.— Стыдно уж очень. А потом откуда мне знать, как они там настроены?

— На днях я зайду к тебе в магистрат. Будь на месте. А с Балигой я сам разберусь.

— Правда, придешь?

— Приду.

— Обязательно?

— Я же сказал.

Дойдя до калитки, Чаткович потоптался на месте, покрутил головой, очевидно не испытывая особого желания возвращаться в ратушу. Немного погодя он все же, видимо, решился и, храбрости ради опустив голову и делая непомерно широкие шаги, начал спускаться с холма.

«Негодный солдат,— глядя ему вслед, подумал Цобор.— Ждет, чтобы вместо него по врагу стреляли другие. Такие, как правило, погибают. Полумечтатель, полусоня. Он еще в состоянии вообразить монумент, который хочет создать, но стоит ему дать в руки резец и молоток, как у него не оказывается ни сил, ни терпения, чтобы претворить свой замысел в жизнь. Как тот изнеженный наездник, который в состоянии сесть в седло, пока конь стоит смирно, но стоит ему пуститься вскачь, он тотчас падает носом в землю. И все же, что думает этот несчастный Чаткович? Что усидеть на должности бургомистра так же легко, как получить ее? Кругом отстраненные от дел умники, завистники, ловкачи, жадные до власти. Гробовщик... Разумеется, авторитет приходится завоевывать. Надо понимать в деле толк, а мерзавцев держать в узде и приучать к порядку. На все это Чаткович никогда не будет способен, хотя в общем-то и не дурак. Глупо и то, что он намерен порвать с социал-

демократами. Должность бургомистра — это их крепость. Только из нее они еще могут стрелять. Если, конечно, будут иметь чем. С боеприпасами у них туго. И все-таки жаль его,— размышлял Цобор.— Растут возможности, растет и число таких, как Чаткович, любителей носить шляпу на два размера больше. Власть не каждому по плечу».

Цобор нетерпеливо ходил по дому, хотя время у него еще было. Вскоре опять зазвонил телефон. Звонил новый, только что назначенный начальник полиции.

«Быстро же они нашли замену Теттешу!» — невольно подумал Лукач.

Начальник полиции попросил Цобора заглянуть к нему минут на десять для весьма важного, как он сказал, разговора.

— Хорошо, я зайду,— ответил Цобор.

Уже взобравшись на мотоцикл, он вдруг подумал, что при Теттеше появлялся в полиции, когда хотел, и тот запросто заходил к нему на квартиру. Эта мысль долго не оставляла Лукача.

Новый начальник полиции оказался ладно скроенным молодым человеком. Военная форма сидела на нем отлично. Он принял Цобора по всем правилам вежливости, вышел из-за стола, предварительно одернув френч.

— Кальман Бертак, капитан полиции,— представился он, протягивая руку.— Вас по фамилии я уже знаю. Прошу садиться.— Сам он тоже сел, но чуть ли не по стойке «смирно».

Цобор, слегка прикрыв ради приличия рот ладонью, улыбнулся. «Ведет себя как новобранец. Служил вряд ли более года»,— подумал Лукач и, вынув из кармана сигареты, предложил капитану закурить, но тот отказался, заявив, что его организм не терпит табачного дыма.

— Ну, а я могу это сделать? — спросил Цобор.

— Разумеется.— Капитан встал и, достав из шкафа пепельницу, подвинул ее Цобору: — Пожалуйста.

— Благодарю. Итак, что вы хотите от меня услышать?

— Я должен закрыть дело Теттеша.

— Правильно. Закрывайте.

— Так-то оно так, однако некоторые факты, кажущиеся ясными на первый взгляд, на самом деле не такие уж ясные. Их необходимо дополнить.

«Ага. Выходит, ему нужны новые факты. По-видимому, парень этот до сих пор имел дело лишь с составлением первичных протоколов, выполняя обязанности дежурного унтера либо дежурного начальника охраны. Но последнее вряд ли, до этого он, видимо, не добрался».

— Например?

— Вы были другом Теттеша, не так ли?

— Сначала я был его командиром, а уж позже стал другом.

— Еще в хортистской армии?

— В той, какой она тогда была. А вам разве известна какая-нибудь другая армия в тот период?

Бертак слегка покраснел:

— Нет, не известна, но оставим шутки. Дело намного серьезнее, чем кажется.

— Я не собирался вас обидеть.

— Товарищ Цобор, вы смотрите на меня как на несмышленого младенца, который делает в штаны. Играете со мной, а я вас, между прочим, по-настоящему уважаю. Половина личного состава полиции Гемеша служила в роте, которой на фронте командовали вы. Мне говорили, что вы... Одним словом, они считают, что любой начальник должен быть похож на вас. Теттеша они хотели бы видеть таким, как вы, меня тоже. Я это сразу понял. Прошу вас, принимайте меня всерьез. Я не хочу ничего иного, только честно выполнять свои обязанности.

Цобор выпустил клуб дыма в сторону Бертака и, кивнув, сказал:

— Хорошо.

— Следовательно, вы были друзьями?

— Это мы уже выяснили.

— Вам было известно о намерении Теттеша бежать за границу?

— Было.

— Пытались вы отговорить его от этого намерения?

— Да.

— Но вам не удалось это сделать?

— К сожалению.

— Вы доложили об этом соответствующим властям?

— А за каким чертом я мотался бы на мотоцикле двести с лишним километров, догоняя начальника областной полиции? — Цобор начал сердиться.

— Вы разговаривали с ним до побега Теттеша?

— А разве вы об этом не знали? Тогда почему вы

спрашиваете об этом меня? Почему не своего начальника? Как вы правильно выразились, мы разговаривали. Да, мы действительно беседовали, информировали друг друга. Не забывайте, что я работаю не в полиции, а в партии и потому обязан обо всем докладывать, но не вам. Думаю, будет лучше, если вы усвоите это и на дальнейшее.

— Однако, как гражданин...

— Ограничимся конкретным делом Теттеша, капитан. Теттешу я сказал, что, пока не вернусь от начальника областной полиции, он не должен выезжать из города никуда. Однако он меня не дождался. Вот, собственно, все, что касается фактов, которые вас интересуют.

— Благодарю вас. Думаю, этого вполне достаточно,— проговорил Бертак и встал.

Цобор попросил лист бумаги.

— Вот вам мой домашний телефон, а вот служебный. Если я вам понадоблюсь, товарищ капитан, я всегда в вашем распоряжении: вы найдете меня либо дома, либо в райкоме. Договорились?

Молодой офицер смущенно кивнул:

— Да, теперь мне ясно, что вы и на самом деле... Разрешите проводить вас?

— Спасибо.

Увидев Цобора, полицейские, оказавшиеся в тот час на дежурстве, вытягивались перед ним, как когда-то, и губы их растягивались в приветливой улыбке. Бертак при виде этого невольно подумал: будут ли когда-нибудь его подчиненные с таким же усердием приветствовать его?

— Привет, ребята,— поздоровался Лукач с полицейскими.— Продолжайте служить в том же духе. Будьте молодцами!

— Есть, господин поручик, молодцами! — бодро ответил за всех унтер-офицер Петени.

Спустя полчаса Цобор уже сидел в квартире у адвоката. Того еще не было дома. Супруга адвоката усадила его в маленькой приемной, снабдив газетами. Кисти рук у нее были желтые и слегка дрожали, а когда широкий рукав платья, похожего на кимоно, чуть-чуть приподнялся, Цобор заметил татуировку лагерного номера.

— Сударыня, вы вернулись оттуда?

— Откуда?

— Оттуда, где на руке накалывают номера.

— Замолчите! Какое вам до этого дело? — Она одернула рукав платья. У нее, видимо, закружилась голова, и она прислонилась к стене, чтобы не упасть.

Цобор мигом вскочил и подал ей стул:

— Вам дурно? Садитесь же, прошу вас. На меня не обращайте внимания, я терпелив и дождусь вашего супруга.

Жена адвоката осталась стоять, отирая лицо платком.

— Это сейчас пройдет,— устало произнесла она.— В лагере мне чем-то испортили печень. Даже врачи не знают, от чего это. Может быть, от той ужасной похлебки, которую в ту пору называли едой...— Она посмотрела на Цобора большими голубыми глазами, белки которых были почти лимонного цвета: — Из какой беды мой муж собирается вас вытаскивать?

— Не меня, моего младшего брата.

— А чего он натворил, ваш брат?

— Его оклеветали, ложный донос. Точнее, ошибочный. Но все уже выяснилось.

— А чем он занимался?

— Он был солдатом.

— Словом, убийцей.

— С вашей точки зрения, пожалуй.

— Все равно с какой.

— Тех, кто служит в армии, мы называем бойцами. Независимо от того, наступают они или обороняются, в любом случае они ведут огонь по противнику, вооруженному, как и они.

— Странно. Мой муж поклялся не брать ни одного дела по защите тех, у кого руки в крови.— Резкий тон, каким были сказаны эти слова, позволял предположить, что в тот же день супруга адвоката сделает не одно замечание своему мужу относительно его последовательности.— Я вас покидаю: у меня еще не готов обед.

В начале четвертого адвокат привез Арпи. Цобор эту встречу с братом запомнил до мельчайших подробностей на всю жизнь. Переступив порог, Арпи остановился, словно застыл в дверях, и хозяин дома с трудом протиснулся в прихожую. Знаки различия с френча были сорваны. Обмундирование рваное, в грязи. Длинная худая шея, лицо бледное, но щеки чисто выбриты. Видимо, приказали. Руки, словно две сломанные ветви, беспомощно

висели вдоль туловища, палец левой руки, на котором обычно носят кольцо, время от времени подрагивал. Вывихнут? На одной ноге у Арпи был надет сапог, на другой — нечто похожее на бахилу из куска шинельного сукна. Арпи молча продолжал стоять, глядя куда-то огромными, какими-то пустыми, словно у куклы, глазами. Казалось, он ничего не видел.

Цобор тщетно пытался перехватить взгляд брата, ускользавший куда-то в сторону.

— Ну вот. Мы прибыли, все благополучно,— проговорил адвокат.— Думаю, господин Цобор-младший может сейчас переодеться. Ванная комната рядом, дверь запирается поворотом на себя.

Огорченный видом брата, Цобор подскочил к нему, крепко обнял, прижал к себе до хруста в костях.

— Ну, теперь все будет в порядке. Ты дома! Потом обо всем поговорим.

— Да, братец.

— Ты забудешь об этом, забудешь обо всем! Посмотри мне в глаза! Мы ведь не такие, чтобы нас раз, два и списать со счетов, верно?

— Да, братец.

— Что ты твердишь: «Да, братец! Да, братец!» Черт тебя возьми, опомнись и возьми себя в руки.— С этими словами Лукач подал Арпи сверток с одеждой, даже не подал, а сунул в руки, подтолкнув его в сторону ванной: — Переоденься и сразу же почувствуешь себя другим человеком.

Арпи, забрав сверток, послушно поплелся в ванную.

— Будьте терпимее, товарищ Цобор,— деликатно заметил адвокат.— Состояние вашего брата сейчас не из лучших. Он не в себе. Думаю, это обычный тюремный психоз. Или шок, вызванный душевными переживаниями...

— Психоз? Нет, просто в нем что-то сломалось. Чтоб его... Извините, я слишком часто начал браниться. Я прекрасно понимаю, какие страдания приходится переносить человеку, заключенному под стражу, да еще если он ни в чем не виноват. Но даже если у него сдали нервы, он обязан владеть собой! Прошу вас, товарищ... Большое вам спасибо за все, что вы для нас сделали. Будьте добры, скажите, сколько я вам должен?

Когда адвокат назвал сумму, Цобор искренне удивился, она была более чем умеренной.

— Я не ослышался? — переспросил он. — Мне бы не хотелось попасть в список тех клиентов, за которых вам приходится доплачивать самому.

— Видите ли, товарищ Цобор, я прошу от вас только покрытия моих расходов и то скромное вознаграждение, которое я заслуживаю. На той стадии, когда я подключился к делу вашего брата, моя роль не была особенно трудной. Мне, собственно, оставалось лишь дождаться окончания и привезти господина Арпада к вам.

Спустя несколько минут Арпи вышел из ванной. Под мышкой он держал лохмотья, которые снял с себя.

— Куда я это могу положить? — спросил он.

Из кухни выглянула жена адвоката:

— Только не здесь, ни в коем случае! — Она захлопнула дверь.

Адвокат стеснительно пожал плечами:

— Бросьте этот сверток по дороге в подвал какого-нибудь разрушенного дома. — Протянув руку для рукопожатия, он заторопился выпроводить братьев за порог.

Оказавшись на улице, Цобор взял из рук брата сверток с одеждой и забросил его во двор рассеченного бомбой надвое дома, в котором никто не жил, в шутку заметив:

— Прощай, бродяжная жизнь!

Арпи не обратил на эти слова никакого внимания. Сжавшись, он сидел в своем новом одеянии на заднем сиденье мотоцикла, держась одной рукой за ручку, а другой то и дело оттягивая воротник, стянутый галстуком, от которого он уже поотвык.

Время от времени Цобор посматривал на брата в зеркальце обратного обзора, укрепленное сбоку на руле. Они ехали по знакомой обоим с детства местности. Арпи знал тут каждый поворот дороги, каждый куст в кювете, знаком был и старый тополь, разбитый когда-то молнией, и каждое из небольших сел, расположенных между Гемешем и столицей. Но младший брат Цобора не оглядывался по сторонам. Он сидел, уставившись неподвижным взглядом прямо перед собой. Он даже не спросил Лукача о том, кто из домашних остался в живых, а кого унесла в могилу война.

«То ли он действительно тронулся, то ли после тюремной камеры не в силах справиться с массой впечатлений, — гадал Лукач. — Ничего, со временем он придет

в себя... Быть того не может, чтобы он не встал на ноги!»

— Как ты там, родственник? — крикнул он, оглядываясь назад.

— Спасибо.

— А какой воздух, ты чувствуешь?

— Да, братец, чувствую.

Промчавшись, не сбавляя скорости, мимо шедшего по аллее Чатковича, Цобор свернул в проулок, который вел к их дому. Перед изгородью, видный издалека, одиноко маячил старый Гал. Судя по всему, он уже давно поджидал их появления. Когда братья слезли с мотоцикла, старик неуверенными, мягкими, словно у кошки, шагами приблизился к ним и снял шляпу.

— Арпи, сударь мой,— промолвил он.— Наконец-то господь вернул вас домой! Узнаете еще меня?

— Да, конечно.

— Ну и похудели же вы, прошу прощения, на монаха стали похожи. Ну да не беда. Теперь на домашних харчах мы вас быстро поправим.

— Да, может быть.

Односложные и равнодушные ответы Арпи остановили доброго старика, искренне расчувствовавшегося при его виде. Посопев и недоверчиво покачав головой, он умолк и стушевался.

Цобор повел брата по комнатам дома, видя, что тому и в голову не пришло бы сделать это самому. Сначала они вошли в ванную, затем прошли через две пустовавшие комнаты. Одна из них была в свое время спальной деда с бабкой, а другая — их собственных родителей.

— Когда я вернулся с фронта, здесь было пусто. Все порастащили,— пояснил Цобор.

Войдя в гостиную, Арпи остановился.

— Отсюда нет,— тихо заметил он.

— И отсюда тоже. Здесь стояла совсем другая мебель.

— Ага, другая.

— Разве ты не видишь?

— Вижу.

— Арпи, родной, скажи, что с тобой сделалось?

Брат медленно повернулся к Лукачу и уперся в него своими бездонными, как два колодца, глазами, в глубине которых что-то еще светилось, но едва-едва.

— Ты уже все знаешь. Фронт прокатился через нашу линию обороны. Патруль, прочесывающий тылы, собрал нас в кучу. Говорили, что отпустят по домам, но на следующее утро штрафники подняли шум перед канцелярией начальника лагеря. Наперебой кричали, что я палач, кровавый пес и потому меня следует выдать венгерским властям. Лично мне начальник лагеря не сказал ни слова, даже не спросил ничего. Однако в первую же ночь мой взвод отделили. Сначала я находился вместе со взводом, а потом меня вызвали и отправили в Пешт. Что стало со взводом, не знаю.

Глядя на Лукача, Арпи послушно рассказывал, но опять-таки безучастно, словно заранее вызубренный урок. Цобор не стал его больше терзать. Сердце его сжала острая жалость, он ласково обнял Арпи за плечи и подвел к столу.

«Ключ к разгадке его поведения, по-видимому, надо искать не в зале суда и не в тюрьме, а где-то раньше,— думал Лукач.— Расскажет ли он мне когда-нибудь об этом сам? Не знаю. Но я должен набраться терпения и ждать».

— Сядь, братишка,— сказал Лукач.

Тем временем Гал внес угощение — паприкаш из цыпленка. С точки зрения супругов Гал, это блюдо являлось вершиной чревоугодия. Принялись за еду. Цобор ел с аппетитом. Арпи же лишь притронулся к своей порции и вскоре перестал есть, затем опять притронулся и съел еще кусочек.

— Да, совсем упустил из виду,— причмокивая, проговорил Цобор.— Ты ведь даже не знаешь, чем я тут занимаюсь.

— Адвокат мне сказал.

— Ну, что скажешь?

— Что сказать... Ты всегда знал, что тебе нужно делать.

— А ты? Чем ты намерен заняться?

Арпи долго держал на вилке кусочек цыпленка, раздумывая, но, так ничего не ответив, отправил его в рот.

В этот момент в комнату вошел Матраи, держа в руке плетенку с вином. Он громко поздоровался, по-дружески похлопав Арпи по плечу, пожал ему руку. Наполнив бокалы вином, произнес:

— Слава богу! Ну, уж теперь держитесь друг друга!

От Цобора не ускользнуло, с какой быстротой брат

взял бокал и залпом выпил вино. Матраи сразу же налил ему еще.

— Вот твое лекарство, братишка! Смой им с себя тюремные запахи.— Выпив до дна, он налил еще.— Пей, пока громом не разразит этот грешный мир! Я тоже пью, пока есть что пить.

Примерно в половине десятого Арпи как-то странно улыбнулся.

— Мне хорошо,— сказал он.

Матраи захохотал.

— Ну вот видишь! — бросил он вопросительный взгляд на Цобора, словно спрашивая, что, мол, происходит с его братом.

— Разве ты не видишь, он пьян?

Арпи икнул и снова заулыбался:

— Совсем чуть-чуть... Самую малость...

Когда же он начал покачиваться на стуле, его отвели спать.

Забрав бокалы и плетенку с вином, Цобор и Матраи перешли в спальню.

— Из дома ушел ребенком, неуклюжим, слюнявым щенком, этаким ангелочком. А вернулся, сам видишь...— в приглушенном голосе Лукача слышалась горечь.

— Оно, может, и к лучшему, что он напился,— сказал Матраи.

— Это почему же? Проснется и снова налижется.

— У тебя есть какие-либо планы в отношении его?

— Планы? Время мне нужно. Время! Но мозги я ему вправлю, чего бы мне это ни стоило.

— А я полагаю, его надо чем-то занять.

— Что верно, то верно. Пожалуй, стоит обратиться к Блюму, пусть возьмет его на какую-нибудь конторскую должностишку. Если же он будет сидеть дома, а я, как ты знаешь, большую часть времени мотаюсь туда и сюда, то здесь без меня он совсем запутается.

— Но ты не звони. Давай-ка лучше я сделаю это.— Матраи тут же позвонил владельцу фабрики и объяснил ему, в чем дело. Закончив разговор, он положил трубку на рычаг и сообщил: — Тебе привет. Блюм сказал, что рад хоть чем-то быть тебе полезным.

— Спасибо, друг.

— Не чуди. Так что же, с завтрашнего дня начнется настоящая битва, товарищ кандидат?

— Вот именно — кандидат. Моя фамилия значится где-то в самой середине списка.

Они чокнулись.

— Твои начальники отнюдь не глупые ребята. Они умело используют твою популярность в наших местах. Все в общую копилку. Чтобы надежнее провести своих главных кандидатов.

— А как мы будем вести себя? Я имею в виду перед избирателями.

— Видишь ли, куманек, немного нам все же придется вас поругать, а то уж больно подозрительно всем будет. Ну и вы тоже не отстанете со своей стороны. Так ведь?

В последующие недели Цобор снимал кожаное пальто только тогда, когда нужно было произносить речь. Занят был до позднего вечера. Почти каждый день собрание, а то и два. Чем дальше разворачивалась предвыборная борьба между различными партиями, тем с меньшим тактом они обращались друг с другом.

Но Ласло был доволен.

— Так и надо, — торжествовал он. — Правда будет только на нашей стороне!

Похудевший и уставший, он как угорелый носился по всему району, а однажды появился в райкоме и, выложив на стол размытый дождем потрепанный плакат, спросил:

— Что это такое?

— Вы же сами это печатали, — улыбнулся Цобор. — Видишь, написано: «Голосуйте за Лукача Цобора!»

— Да, но ты посмотри вот сюда, что написано в самом низу чернилами: «За хулигана и драчуна!», а чуть ниже подпись: «Министерский советник Байнацки». Экая свинья!

— Пусть он удавится. — Цобор пожал плечами. — Чепуха.

— Да? Уж очень легко ты рассуждаешь. — Ласло тут же позвонил в полицию и попросил переключить на начальника. — Приструните этого негодяя! — покраснев, кричал он в трубку. — Как вы сказали? Только письменно? Хорошо. Я немедленно пошлю вам заявление!

— А ведь я действительно ему по морде надавал, — заметил Цобор.

— Не верю. Я слышал, ты хотел жениться на его дочери! Это правда?

— Хотел бы... Только насчет мордобоя тоже правда.

Ласло на этот раз отказался от анализа и оценки, как он выражался, «индивидуальных действий» Лукача Цобора.

— А это кто-нибудь видел?

— Никто.

— Ты уверен в этом?

— Я уже сказал.

— Тогда я смело могу давать ход своему заявлению. Народ нас поддержит. Люди любят, когда мы, коммунисты, даем отпор клеветникам.

В тот же день Цобор поехал на предвыборное собрание в верхний город. Проезжая мимо кафе-кондитерской «Корона», он сквозь стеклянную витрину увидел Арпи, который собирался выпить что-то, держа бокал в руке. А прямо напротив него... «Нет-нет... Быть того не может... Чтобы Бланка сидела с Арпи? Каким образом? Зачем? Они и знакомы-то мимолетно».

Однако, проехав еще несколько сот метров, Лукач нажал на тормоз и, развернувшись, помчался назад, чтобы убедиться. Однако сделать это ему не удалось: его снова перехватили. Около фарфоровой фабрики, труба которой уже вовсю дымила, его остановил энергично жестикулировавший Блюм.

— Господин Цобор! Извините меня, но я должен кое-что вам сказать,— запыхавшись, с присвистом дыша и прижимая руку к печени, говорил Блюм.— Добрый день. Хочу сообщить, что вашего брата уволил с фабрики вовсе не я. Я даже не знал об этом... Я его, собственно, и видел-то всего два раза: в день приема на работу да вот еще вчера к вечеру. Я выплатил ему жалованье за три недели вперед, сумма не такая уж и маленькая. А он мне возьми и заяви, что уже не работает на меня.

— На вас? Как это понимать?

— Я не цитирую его слова, но он сказал нечто подобное. Я очень сожалею, история довольно неприятная, а я для вас...

— Что именно он сказал?

— Дословно?

— Что он сказал, черт возьми?!

— Он сказал, что не станет работать на еврея. Но я попрошу вас не сердиться и считаю долгом сказать, что я не решился одернуть его. Ради вас...

— Знаю, знаю! Господин Блюм, мне стыдно за своего брата. Ну, я сам возьмусь за него!

— Не поднимайте из-за этого шума. Пусть все останется между нами. Согласны?

Цобор вел мотоцикл мимо вилл, расположенных по обе стороны дороги.

«Мне только этого и не хватало! Вот мерзавец!..» И хотя Лукач гнал от себя догадку, которая закралась ему в голову, он все же никак не мог отделаться от мысли, что в кафе-кондитерской он видел именно Арпи и Бланку. Ему нужно было убедиться, так ли это. А тут, как назло, это проклятое собрание!..

Затормозив, он остановился у здания гимназии. Спортзал был забит до отказа.

Как только Цобор вошел в зал, Кишмихай громко выкрикнул:

— Да здравствует кандидат от города Гемеша!

Цобора моментально окружили люди, жали ему руки. Он чувствовал рукопожатия, но лица этих людей словно расплывались в тумане. Он весь был в мыслях о Бланке и Арпи.

Речь, которую произнес Лукач, несмотря ни на что, была встречена бурными аплодисментами присутствовавших.

Кишмихай протер глаза и заявил:

— Ну, товарищ Цобор, такой великолепной речи я от тебя еще никогда не слышал!

А директор гимназии, который и на собрание-то пришел, видимо, только затем, чтобы не запачкали все помещение и не унесли чего-нибудь, расчувствовавшись, сказал:

— Ну знаешь, если ты с таких гуманных позиций подходишь ко всем вопросам, то мы с тобой мало в чем расходимся во взглядах.

Цобор не стал ждать, когда все собравшиеся покинут зал. В него словно черт вселился. Быстро надев пальто, он выскочил на улицу. Подъехав к кафе-кондитерской «Корона», он так резко затормозил, что мотоцикл остановился как вкопанный. Стремительно войдя в кафе, осмотрелся. Однако ни Арпи, ни Бланки ни за одним из столиков не было. Лукач с облегчением вздохнул.

— Прошу вас, господин секретарь, что прикажете? — вежливо проговорила хозяйка заведения, увидев Цобора.

Взгляд Лукача остановился на хорошо ухоженном лице уже немолодой, но довольно милой женщины.

«Она, конечно, все знает,— решил Цобор.— Если они сидели здесь, в кафе, то не заметить их она никак не могла, а посему мне было бы достаточно задать ей один-единственный вопрос, но как раз этого-то я и не должен делать, так как в этом случае уже завтра весь город только о том и будет говорить, что секретарь райкома был в кафе и интересовался, как и с кем развлекалась тут его возлюбленная».

— Прошу один коньяк,— попросил Лукач.

— Да-да, пожалуйста. Прошу садиться.

— Спасибо, я выпью у стойки: очень спешу.

— О, вы, мужчины, всегда спешите. Но куда, спрашивается? Ведь вы еще молодой человек.

Цобор выпил рюмку коньяку. Когда он вышел на улицу, заметно стемнело и зажглись фонари. Он уже уселся на сиденье мотоцикла, как вдруг неожиданно с тротуара к нему шагнул Танач.

— Лукач, подожди, не уезжай! — Он запыхался и уже, видимо, не мог идти быстрее.— Решил выйти тебе навстречу. Я очень долго прождал тебя в обкоме. Сервус. Хорошо еще, что разыскал.

— Сервус.

— Строго по секрету скажу тебе, но только, чтобы это осталось между нами. Сейчас на периферию из столицы направляют людей, чтобы они помогли нам на предвыборном финише. Я попросил, чтобы и к нам сюда прислали одного такого. Правильно я сделал?

— Конечно.

— Тогда давай немного поговорим, если не возражаешь, лучше у тебя. Я залезу на заднее сиденье — и через минуту-другую мы уже у тебя дома.

— Не обижайся, но сейчас это просто невозможно. У меня такое дело, которое никак не терпит отлагательства. У меня сегодня... На постой ты уже устроился?

— Устроился.

— Деньги у тебя есть?

— Об этом не беспокойся, выдали столько, сколько нужно. А как завтра?

— Тогда встретимся утром в девять в обкоме.

— Буду ровно в девять.

— Еще раз прошу, не...

— Чепуха! Улаживай, что там тебе нужно. Откуда

тебе было знать, что я так неожиданно свалюсь тебе на голову. Я тебе даже не рассказал, как я тогда выкарабкался из кутузки.

— Завтра расскажешь.

— Хорошо, сервус!

Цобор включил фару и, сразу же сорвавшись с места, оставил Танача далеко позади. Доехав до перекрестка, он выключил зажигание, фару и, стараясь не шуметь, докатил мотоцикл до самого дома, а затем в сад.

Окно в гостиной было прикрыто жалюзи, сквозь щели в которых проникал свет. Быстро поднявшись по лестнице, Цобор остановился на верхней ступеньке и осторожно нажал на дверную ручку. Дверь отворилась.

«Может, никакой беды и нет вовсе,— подумал он.— Арпи, возможно, один, иначе он запер бы дверь на ключ». Однако шуметь он все же не стал. Бесшумно вытерев ноги о половичок, лежавший в коридоре, напряг зрение и слух. И вдруг он услышал какие-то звуки: тяжелое дыхание Арпи и так хорошо знакомое ему тихое и ласковое взвизгивание Бланки: «Дорогой мой, мой маленький витязь!..» Точно так она шептала и ему, Лукачу. И точно с такой же интонацией. Кровь ударила Цобору в голову. Он с большим трудом взял себя в руки и не тронулся с места.

«Убить обоих!..— мелькнула мысль в его разгоряченной голове.— Немедленно! Сейчас же! Прежде чем они успеют насладиться друг другом. Ах ты проклятая стерва! А это ничтожество, тоже хорош! Жаль только, что убить их можно лишь один раз, а следовало бы раз пять, а то и все десять... Чтобы они как следует подрожали от страха перед дулом моего пистолета! — Зажав в правой руке оружие, он левой обхватил ручку двери. И в тот же миг почувствовал в груди безжалостную жгучую боль, которая медленно растекалась по телу, поднимаясь все выше и выше, и скоро перехватила горло.— Неужели эта измена может причинить мне такую боль?» — невольно подумал он и в ту же минуту услышал из-за двери жалобный плач Арпи, вернее говоря, и не плач вовсе, а этакое скуление, похожее на скуление собаки, когда ее больно пинают ногами. Звуки голосов эхом отозвались по всему дому. Бланка громко, чуть ли не крича, утешала Арпи.

Цобор отпустил дверную ручку и, сунув пистолет в задний карман брюк, шатаясь, словно пьяный, вышел в сад, жадно хватая ртом воздух.

«Как жаль, что закончилась эта проклятая война! А то прикончил бы их обоих: подумаешь, двумя жертвами больше, какое бы это тогда имело значение! А теперь... Теперь это будет расценено как убийство...»

Он решил дождаться, когда Бланка и Арпи сами выйдут из комнаты, а чтобы не думать о них, начал вспоминать о лошадях, которые были у его дедушки, затем свои детские годы, потом фронт, прошлогодний бал в казино. Все это пролетело в его мозгу моментально, и снова нахлынуло настоящее. Цобору казалось, что он снова слышит голоса, жалобные вздохи, хруст накрахмаленного постельного белья, более того, представляет все детали того, что творится за дверями. Спустя какое-то время он заметил, что со злостью грызет зубами сухую веточку. Боль в груди постепенно ослабла, и Цобор почувствовал себя таким же обессиленным, как и тогда, после ранения, когда простым ножом ему располосовали бедро, чтобы вытащить осколок мины, а он возьми да и приди в себя, несмотря на хлороформовую маску.

В этот момент из маленького домика вышел Гал. Сноп света, вырвавшийся в раскрытую дверь, осветил поднос, который старик держал в руках.

— Это я, дядюшка Якоб, не пугайтесь.

— Добрый вечер, сударь.

— Возвращайтесь обратно, не надо никакого ужина.

— Время уже подошло. А почему вы, сударь, стоите здесь, в этой кромешной темноте?..

— Делай, что тебе говорят! — грубо оборвал его Цобор.

— Слушаюсь.

Арпи и Бланка все еще не показывались. Цобор закурил и при свете спички посмотрел на часы. Оказалось, он ждет целый час.

«Довольно,— решил Цобор.— Вот сейчас докурю сигарету и войду к ним, чтобы посмотреть им в глаза... Все. Иду в атаку!» Затоптав окурок, он без особых эмоций, но решительно открыл наружную дверь и, миновав коридор, без стука распахнул дверь в гостиную.

Бланка и Арпи одетые, молча и с соблюдением почти всех приличий сидели за столом. На подносе перед ними стояла бутылка коньяку, сифон с содовой водой и рюмки.

— Мы тебя дожидались,— первой заговорила Бланка.— Хотели тебе кое-что сказать.

Цобор снял пальто и бросил его на кресло. Подойдя к столу, он остановился, внимательно разглядывая по очереди то одного, то другого.

Арпи, побледнев как полотно, вскочил на ноги, но тут же плюхнулся на свое место.

— И напрасно,— проговорил Цобор.— Я уже целый час как хожу по дому и все хорошо слышал.

Бланка была восхитительно как хороша: вся какая-то гибкая, цветущая, желанная. Она походила на тигрицу, готовую к прыжку, в ее миндалевидных глазах горели янтарные искорки.

Цобор вперил в нее холодный взгляд, заранее зная, что охватившая его злость постепенно уляжется, причинив ему немало душевных и физических мучений.

— Ну, что скажешь?! — грубо набросился он на Бланку.— Тебе, видать, все равно, с кем переспать, лишь бы это был кто-нибудь из Цоборов?

Арпи, почувствовав себя обязанным заступиться за Бланку, встал и заговорил бесстрастным, вялым голосом. Даже в этой ситуации он не смог показать себя настоящим мужчиной и нисколько не рассердился.

— Я готов нести ответственность за все,— только и вымолвил он.

Цобор схватил брата за плечо и с такой силой швырнул его на стул, что тот жалобно заскрипел.

— Заткнись! Сначала я поговорю с Бланкой.

— Это о чем же ты собираешься со мной говорить? — мигом перешла в наступление Бланка.— Это мое личное дело решать, с кем мне переспать. С тобой же после этого — никогда! Хватит! Ну, не стесняйся, говори то самое слово, которое в подобных случаях выпаливают мужики!

Цобор уже поостыл и несколько успокоился. Началась обычная перебранка.

— Мужики? Если я не ошибаюсь, это слово не постеснялся произнести даже французский король Генрих Четвертый, когда застал как-то свою жену с любовником. Как видно, в подобных ситуациях и короли и простолюдины думают одинаково.

— Можешь говорить, что хочешь!

— Не беспокойся, сегодня я буду вести себя самым приличным образом и только потому... что все еще люблю тебя. Даже такую! Запомни это. Безусловно, право выбо-

ра, с кем тебе спать, когда и как, принадлежит тебе. Я об этом и вспоминать-то даже не желаю. Одного я никак не могу понять, почему ты вместо какого-нибудь крестьянина выбрала моего младшего брата? Уж не за его ли блестящий ум? Или, быть может, за его элегантность в поведении? Или, возможно, за его чисто мужские достоинства? Ответом можешь себя не утруждать. Я эту загадку, вероятно, и сам отгадаю. Ты для себя игрушку нашла, куколку, марионетку. По сравнению с тобой он ничего не стоит — тряпичная кукла, не больше, так что ты можешь поступать с ним, как тебе заблагорассудится. Еще пожалеешь, а жалеть есть что. Им ты можешь помыкать, как захочешь: можно гнуть, вертеть, выкручивать, бросать как угодно, так как он без костей. Вот только спорить с ним, отстаивая что-то, совершенно бесполезное дело, так как воли у него никакой нет, да и драться он не способен. Рядом с ним ты будешь выглядеть этакой полностью суверенной особой, по крайней мере сможешь возомнить себя таковой. Не пойму только, зачем тебе потребовалось стать похожей на меня? Уж не затем ли, чтобы держать мужчину под каблуком?.. Но когда тебе надоест эта игра — а тебе она очень быстро надоест — и ты выбросишь свою игрушку в придорожную канаву, тебе придется иметь дело со мной. А сейчас забирай свои шмотки и убирайся!

— Я... провожу тебя,— робко заметил Арпи.

Цобор так стукнул по столу кулаком, что рюмки затанцевали на подносе, а коньячная бутылка свалилась бы на пол, не успей он вовремя подхватить ее.

— Она и без тебя свой дом найдет!

Бланка так и позеленела от злости:

— Ну, Лукач, ты еще пожалеешь об этом, навек запомнишь этот день!

— Только не так громко.

— Ты сам говорил, что все еще...

— Но только не любой ценой.

— Ну и скотина же ты!

— Впредь попрошу в моем доме свиданий не устраивать, так как я больше уже не стану, моя дорогая, выходить в сад, а просто выброшу вас обоих через окно на улицу. Прямо голышом.

Схватив свое пальто, шарф и сумочку, Бланка выскочила из комнаты, лишь бы только не разреветься на глазах у Лукача.

Цобор наполнил рюмки коньяком, одну протянул Арпи:

— Выпей. Это тебе поможет.

Брат вздрогнул:

— Бить будешь?

— Не мешало бы.

— Выбросишь из дома?

— Дурак ты... То, что произошло... с тобой, да и со мной, так просто из памяти не выбросишь. Пей.

Они выпили.

— Хотел бы я знать,— снова заговорил Цобор,— как ты намереваешься устраивать свою паршивую жизнь? Есть ли у тебя какая-нибудь цель или ее нет и в помине? А если нет, то почему?

Арпи вдруг заплакал:

— Прости меня, братец. Я даже не знаю... хочу ли я вообще жить дальше.

— А это еще что за идиотизм? Тот, кто не хочет жить, вешается, а ты этого не делаешь. Да ты смерти боишься больше, чем монашка пекла. Нюни тут распустил. Копаешься в своей мелкой душонке, поскольку делать это совсем не опасно. Выкарабкался из беды, так изволь немедленно браться за дело! Изволь жить по-человечески! Мне стыдно за тебя! Позор! У Блюма на фабрике и одного дня полностью не проработал, а деньги взять не постеснялся.

— Не сердись, но на фабрике так шумно. Да и... для чего мне она?..

— На еврея Блюма работать не захотел, не так ли? Если я еще хоть раз услышу от тебя такое, то пересчитаю тебе все зубы!

— Меня ведь евреи под трибунал подвели.

— Неправда! Человек, который по ошибке донес на тебя, никакой не еврей, а тот, кто засвидетельствовал твою невиновность, так тот как раз еврей.

Арпи заплетающимся языком попросил налить ему еще. Бутылка оказалась пустой, и Цобор вышел в соседнюю комнату, чтобы принести оттуда палинки. Брат Лукача затуманенным взглядом смотрел прямо перед собой, казалось ничего не понимая.

— Этак я напьюсь,— растерянно проговорил он.— То ты мне пить запрещал, а теперь сам заставляешь. Не пойму я тебя что-то, братец.

— Ничего, выпей. На здоровье.

— Спасибо, братец,— с нотками благодарности в голосе ответил Арпи на тост старшего брата, на миг коснувшись его руки.— Ты бы мог избить меня, и поделом.

Цобор пропустил эти слова мимо ушей. Он любой ценой хотел знать, почему его брат превратился в такую тряпку, так низко пал.

— Ну, выпьем еще по рюмке.

— Мне много будет, братец.

— По крайней мере вырвет, но уж тогда постарайся, чтобы все, до конца.

— Ну, будь здоров, братец...

— Будь! Будь! Расскажи мне только наконец, а то я давно себе голову ломаю: как тебе удалось со своим взводом не сдвинуться с места, когда вашу роту русские отбросили назад?

— Видишь ли... взял да и остался.

— Это почему же? Посмотри-ка мне в глаза. Черт возьми, не станешь же ты утверждать, что просто так взял да и сделал?.. Ты шкет... Что тогда на тебя нашло? Чтобы ты нарушил приказ? Это на тебя никак не похоже!

Арпи выпил и дрожащей рукой поставил рюмку на стол, но тут же задел ее и опрокинул, пролив на скатерть немного палинки.

В этот момент в полуоткрытую дверь просунул голову Гал, но Цобор сделал жест, чтобы тот исчез.

— Нет,— ответил Арпи и сглотнул слюну.

— А что же тогда?!

— Я просто не решился... выйти из боя: кругом стреляли, да еще так, что головы не поднимешь.

— Солдат обязан и в боевых условиях выполнять то, что ему приказано. Стреляли! Ну и что? Каждый выпущенный из орудия снаряд убивает лишь одного из десяти — двадцати тысяч, так что всегда есть шанс спастись. Да еще какой! Ты мог бы запросто удрать.

— Да, хотя нет...— Арпи снова сглотнул слюну.— Я в тот момент доверял только земле. Только окопу и ничему больше. Только земля могла спасти от того ураганного огня.

— Значит,— продолжал Цобор,— ты просто испугался и отказался выполнить приказ из-за собственной трусости.

— Не обижай меня, мне и так стыдно, но тогда... я не мог поступить иначе. Я прижался покрепче к земле и...

— И не стрелял?
— Стрелял.
— Откуда, со дна окопа? В белый свет?
— В него. В воздух.
— А твои солдаты?
— Они ругали меня. Кричали, что два других наших взвода давно отошли, а один ефрейтор даже ударил меня.
— И все это на глазах у солдат?
— Конечно, они находились в том же окопе.
— И ты снес это оскорбление?
— А стоит ли сейчас об этом...
— Еще как стоит! Нужно даже! — сказал Цобор.
— Я тогда, видимо, был не в себе.
— Дальше!
— Вскоре подошли русские. Увидев их, мы повыбрасывали все оружие на бруствер окопа и, подняв руки, вылезли сами. С нами ничего не сделали. Правда, на следующий день нас разделили. Выставили усиленную охрану. С этого все и началось... Мои солдаты никак не могли понять, что от них хотят. Они начали обвинять друг друга, меня же они прямо-таки проклинали, кричали, что из-за моей беспомощности им всем придется подыхать в лагере для военнопленных. Если бы они тогда в окопе застрелили меня, то еще смогли бы убежать... по оврагам и кустам, наверняка скрылись бы. Той же ночью они меня избили страшно, даже ногами пинали. Вот этот рубец на лбу след от той самой ночи... Казалось, все они с ума посходили... Как только они надо мной не издевались!.. Перепачкали меня всего... Мне до сих пор кажется, что я никак не могу дочиста отмыться. С тех пор я ненавижу собственное лицо, свои руки. Все-все. Хотелось бы, чтобы... Я потерял аппетит и начал пить, лишь бы только ни о чем не вспоминать, ни о чем не думать.
Цобор с изумлением и отвращением слушал исповедь младшего брата.
— Однако все это не помешало тебе лечь в постель с моей невестой. Подонок!.. Падаль!..
— Застрели меня лучше, братец, только этим ты можешь мне помочь!
— Вот этого-то я как раз и не сделаю. Я еще с ума не сошел.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чтобы сократить путь, Цобор проехал через кукурузную делянку сербского священника, находившуюся в нижней части города. Этот служитель божий по одному ему известной причине считал, что по-настоящему доброе мясо может быть только у свиньи, откормленной кукурузой, выращенной на его участке. Каждую весну он вбивал на меже кол с табличкой: «Проезд и проход воспрещен!» А поскольку запрет этот никем не соблюдался, пришлось добавить устные библейские проклятия, а потом, когда и это не помогло, священник поднатужился и написал новую табличку, более светского содержания, расположив для наглядности текст на ней в три строчки:

«Тот, кто топчет мою кукурузу,
Грязный пес
И сутенер».

Однако и на это предупреждение не обратили внимание ни псы, ни люди и опять протоптали в кукурузной

делянке небольшую тропку, которая просматривалась насквозь, как в ином заповеднике просека для охотников.

Похолодало, землю сковал легкий морозец, в воздухе закружился снежок. Цобор оделся по погоде — кожаное пальто, на голове серая шляпа. Ехал осторожно — в передней вилке его верного мотоцикла появилась трещина. К счастью, мастера с химзавода взялись ее починить, пообещав приварить автогеном, а кроме того, подновить раму, бензобак и крылья, после чего мотоцикл будет выглядеть и совсем как новенький.

Цобор потер нос, бормоча: «Святая Мария! Если в середине декабря такой мороз ударил, в январе я вообще примерзну к седлу».

На станции он увидел Балигу. Тот сидел под навесом привокзального ресторанчика и грелся палинкой.

— Куда собрался, секретарь?! — окликнул он Лукача, узнав его еще издали.

— В Будапешт.

— Выходит, нам по дороге. Зайди, выпей со мной рюмочку. Хозяин только что достал из подвала новую бутыль, еще не успел разбавить. — Он довольно хохотнул. — Думаю, ты на нас не в обиде, что на выборах мы тебя заставили потанцевать?

— Не последний тур, еще встретимся, — заметил Цобор.

— Верно. Скоро увидите, мы еще не то сделаем...

— Уж больно ты болтлив, Балига. Подождем, цыплят по осени считают.

Из станционной уборной вышел Матраи.

— Сервус, куманек, — поздоровался он. — Значит, тебя тоже вызвали?

— Почему «тоже»?

— Как и нас. Видно, по одному делу.

— Что значит «по одному»?

— Толком я и сам ничего не знаю, но догадываюсь.

— Говори тогда.

— Не хочу. Вдруг не угадаю, ляпну еще какую-нибудь глупость.

Цобор выпил рюмку палинки: «Хоть и хороша, но ума не прибавит, факт». Он вспомнил о Чатковиче.

— Послушай, Балига, ты за что ударил бургомистра по голове?

— Бургомистра! Этого-то цуцика?

— Какой ни на есть, а он бургомистр.

— Не шути, секретарь. Один щелбанчик выдан, один-единственный. И тебе могу выдать, не жалко. А то скажешь, пожалел...

— Не советую, — вмешался Матраи.

Балига посмотрел на него, поведя своим багровым носом. По его цвету трудно было определить, сколько рюмок он пропустил, пока торчал на станции.

— Думаешь, не посмею?

— Он тебя уложит прежде, чем ты поднимешь руку.

— Кого, меня? Да ты знаешь, что я...

— Знаю. Силен, как бык, и ума столько же. Бить ты умеешь, а драться нет. А Цобор умеет, даже лучше, чем требуется. Осел ты, дружище. Или позабыл о случае с Хертшеи?

Балига опешил. В изумлении он ткнул пальцем Цобора в грудь:

— Уж не ты ли его тогда отделал, черт возьми? Ну знаешь... Здорово. Эй, хозяин! Еще три рюмки. — Прищурившись, Балига откинулся назад, оценивая Цобора взглядом: — Вот такого бы надобно мне зятя. Как бог свят, такого! Жаль только, что ты теперь секретарь райкома, а не поручик королевской армии, как прежде. Нет, не потому, что это такое уж последнее дело. Секретарь райкома тоже кое-что значит, не пустое место. Особенно если от нашей партии... Но и дочка у меня не абы какая! Гимназию окончила, красавица. Не бойся, не на меня похожа, вылитая мать. Вот умру, единственной наследницей станет. Восемьдесят семь хольдов, не шутка. Сейчас вот новую мебель покупаю, все для нее. Почему бы тебе не заглянуть к нам? Загляни как-нибудь, посмотри на мою дочку...

Мысли Цобора были заняты другим, он ответил с некоторым опозданием:

— Может, как-нибудь и загляну, ладно. Но если ты еще хоть пальцем тронешь Чатковича, тогда уж наверняка загляну, и не один, а с начальником полиции.

— Опять шутишь, секретарь!

— Нет, не шучу. Ты хоть и Балига, но больше других себе не позволяй. И запомни это хорошенько, раз и навсегда.

Они сели в поезд. Балига, повозившись, вскоре уснул. Матраи тоже не был настроен на беседу. Всю дорогу он молча глядел в окно, на присыпанные снегом поля и са-

ды. И лишь незадолго до того, как поезд остановился у перрона вокзала, слегка толкнул локтем Цобора в бок:

— Черт возьми... Ведь у меня зять из швабов, могут быть неприятности.

— Какие неприятности? О чем ты, дружище?

Немного помолчав, Матраи сказал:

— Знаешь, давай-ка пообедаем в городе вместе. Ты когда освободишься?

— К полудню, думаю, управлюсь.

— Тогда встретимся ровно в час. На углу улицы Надор и проспекта Сечени. Есть неплохая ресторация. С ее хозяином мы когда-то вместе учились и получали дипломы. А к тому времени ты уже будешь знать, о чем пойдет речь.

До начала собрания партийного актива области, на которое вызвали Цобора, еще оставалось время. Он решил заглянуть к Ласло. Инструктор оказался на месте. Увидев друга, он вскочил, обнял, похлопал по спине:

— Сервус, Лукач! Садись. Я очень рад тебе, право. Ты уже знаешь? Нет еще? Верхи тобой довольны, получишь благодарность, даже с записью в личное дело. На активе об этом будет объявлено... Что же, ты вполне ее заслужил: Гемеш попал в число десяти лучших районов страны! Если в среднем по стране голосовало за коммунистов семнадцать процентов населения, то в твоем районе проголосовало двадцать девять. Поздравляю!

— А я тебя. Ведь ты наш инструктор, не так ли?

От внимания Цобора не ускользнуло, что хотя Ласло и говорил слова, несущие в себе радость, похвалу и признательность, но произносил он их каким-то бесцветным голосом.

Достав пачку, Лукач предложил Ласло сигареты, спросил:

— Ну что случилось? Говори.

Ласло попытался было улыбнуться, однако улыбки не получилось:

— Случилось? А что могло случиться?

— Не хочешь говорить, не надо. — Цобор дернул плечом. — От любопытства я не умру, ты знаешь. И потом я уже начал привыкать к тому, что наши дружеские отношения с товарищами из обкома походят на американские горки. Когда мы наверху, тогда весело шумим, размахиваем руками, держимся друг за друга, а когда вдруг оказываемся внизу, то весь ваш партийный дом становит-

ся похож на монастырь молчальников картезианцев, слова живого не услышишь.

— Неправда. Вот же с тобой мы беседуем...

— Беседуем, только не о главном.

Ласло долго молчал, рассеянно стряхивая с потухшей сигареты пепел, которого не было.

— А как ты все это понимаешь? — наконец спросил он.

— А ты?

— Первым спросил я!

— Хорошо, не будем играть в прятки. Перед выборами наши там, наверху, слишком завысили ставку. А лошадка не взяла главный приз. И что же? Сейчас они ломают голову не над тем, кто и почему переоценил наши шансы, а ищут виновных в неуспехе кампании.

— Иными словами, козлов отпущения, ты хочешь сказать. Извини, но я думал не совсем так... — Ласло наклонился вперед и добавил: — Хотя, впрочем, примерно так же. И потому я опасаюсь...

— Чего? Договаривай смело. Если мы и впредь собираемся бороться, а мы этого хотим, то должны быть до конца откровенны сами с собой по крайней мере.

— Я опасаюсь, что во всем будут винить не себя, а массы.

— Массы! Нелепое определение... Оно отражает только количество, а не качество, с оттенком пренебрежения. Мне лично известны понятия группы, класса, нации, а вот с массами мне как-то дело иметь не приходилось. И потом, какого черта мы виним в нашем неуспехе эти самые массы? За что? За то, что они не смогли за несколько месяцев осознать и усвоить нечто противоположное тому, что в течение долгих десятилетий вбивали им в головы? За то, что не позабыли своих близких, кто покоится в безвестных могилах, там, где прошла война? Или за то, что они не смогли еще преодолеть чувства поражения в войне и понять смысл и суть событий, принесших им действительное освобождение? Это тебе не оперный оркестр, где все идет как по маслу: стоит дирижеру сделать знак палочкой — и все музыканты стройно заиграют по нотам. Скажи, Ласло, откуда взялось это дикое нетерпение? Это жадное стремление только к победе? Неужели мы не в состоянии понять, что не только мы творим историю, но и время тоже?

— Время?!

— Именно время. Даже сам господь бог и тот не смог сотворить землю за один день!

— Далеко не все способны понимать, что такое время вообще. Они отсчитывают его на часах собственной жизни и думают: а сколько мне еще осталось?.. Однако все то, что ты сказал, очень интересно. Двигаться вперед, надеясь на фору, нельзя. Мы должны преодолеть чувство разочарования, которое принесли нам выборы.

— Ты уже на новой должности?

Ласло прикурил новую сигарету от старой. Это не входило в его привычки.

— Ты только никому не говори. Новой должности не будет,— сказал он.

— Как? Ведь тебе обещали?

— Обещали, но... В общем, пока я должен работать на прежнем месте.

— До следующих выборов?

— Думаю, что так. Впрочем, не знаю

— Но что же тебе сказали?

— Знаешь, кое-чего я не могу понять... Один мой знакомый, он работает там, наверху, пару дней назад огорошил меня странным вопросом. Скажи, говорит, чем вы там, во Франции, занимались? Трудно вам было? Но если трудно, то каким образом все-таки вы остались в живых? Ведь нацисты хватали всех, кто оказывал им сопротивление и бросали в лагеря смерти. Или не всех? Сразу я даже не понял, чего он, собственно, хочет... Ты же знаешь, что участники Сопротивления, венгры по национальности, сражались не только во Франции, но и в Бельгии, и в других странах... Коммунисты-подпольщики, что оставались дома, в Венгрии, тоже не все погибли.— На лбу Ласло выступили капли пота. Он достал носовой платок и торопливо вытер лицо.— Ты меня понял? Может ли такое быть, чтобы те, кто остался в живых, попали под подозрение? Нет, не отвечай. Я думаю, что высказал сейчас нечто немыслимое. Это было бы безумием. И все же... Почему мне задали такой вопрос? И в такой форме? Почему, спрашиваю я? Возможно, мой знакомый задал мне его в порядке шутки, интонацию я не запомнил. Быть может, я и не имею основания делать вывод ни о чем. Тем более что разговор наш происходил на улице, мы просто прогуливались и болтали о том о сем. И вопрос этот он задал так, между прочим... Лукач, молчи об этом. Наверное, мне нужно попросить отпуск на несколь-

ко дней и как следует отоспаться. Я просто устал. Очень...

Цобор ничего не успел ответить: их позвали в зал совещаний. Ласло запер ящики стола и положил ключи в карман.

— Ты читал Анатоля Франса?

— Разумеется. Не так давно закончил «Остров пингвинов».

— Остроумная вещь, не правда ли? — По губам Ласло пробежала мимолетная улыбка. — Франс — большой насмешник. Где-то, не помню, он писал: «За нашу гордыню и желание мыслить нам приходится расплачиваться печалью и отчаянием...»

Дойдя до поворота коридора, Ласло на миг остановился и, обняв Цобора за плечи, добавил:

— Но это сказано не про нас, не так ли, Лукач?

— Не знаю. Впрочем, почему бы и нет? Мы тоже люди. Когда окончилась война, я тоже был в числе победителей, ты знаешь. И все мы тогда сходили с ума от радости. Но где-то рядом была и печаль. Скажу больше — я видел в тот момент и русских с выражением грусти на лицах. Казалось бы, что могло их печалить тогда, в час великой победы? Что? Или кто? Но так было.

В зал они вошли уже перед самым началом. И потому уселись в последнем ряду. С докладом выступал Селеш. Он бегло информировал о закончившихся выборах, похвалил Гемешский район. Затем перешел к анализу итогов работы. В частности, он отметил, насколько больших результатов удалось бы добиться, если бы в министерствах, в административных органах, в различных комиссиях и комитетах не сидело бы до сих пор столько реакционеров...

Цобор слушал его плохо, размышляя над афоризмом Анатоля Франса: «Отличные слова! Бьют не в бровь, а в глаз. Нужно не забыть это выражение...» Он сосредоточился, лишь когда Селеш начал говорить, что особенно опасными, закоренелыми противниками партии и демократии являются проживающие в стране швабы, зараженные идеями нацизма. Правительство решило в ближайшее время выселить из Венгрии все пятьсот тысяч венгерских граждан немецкой национальности, разговаривающих по-немецки, направив их в американскую зону оккупации Германии. Все партийные руководители и члены партии обязаны разъяснять народу причины и цели этого

выселения, а также всячески помогать в его проведении.

— Теперь прошу задавать вопросы, если они есть, а также выступать, если есть желание, — сказал в заключение Селеш и сел в президиум.

В зале воцарилась тишина, потом пробежал ропот, кто-то громко выкрикнул:

— Долой швабов!

Секретарь райкома из Гересда поднял руку:

— Хотелось бы в общих чертах знать содержание постановления правительства. — В тоне вопроса прозвучала нотка тревоги: село Гересд было почти сплошь населено швабами.

Селеш ответил:

— Насколько мне известно, распоряжение о выселении будет распространяться на лиц, которые во время последней переписки населения заявили, что их родным языком является немецкий. Кроме того, на тех, кто состоял в фольксбунде, в СС или же служил в других частях и подразделениях вооруженных сил Германии.

— Благодарю, понятно, — произнес секретарь из Гересда и сел, расстегнув верхнюю пуговку на воротнике рубашки.

— Есть еще вопросы? Замечания? Как я вижу, все присутствующие...

В этот момент со своего места поднялся Цобор и, отодвинув стул, громко сказал:

— Товарищ Селеш, если я правильно понял, разрешено не только задавать вопросы, но и выступать. Значит, и поспорить можно?

— Поспорить?

— Да, поспорить... По поводу всего этого в целом.

— По поводу правительственных постановлений не спорят. Но мнение свое ты можешь, конечно, высказать.

— Спасибо. Так вот, хочу заявить, что я по существу не согласен с выселением.

— Ты не согласен? — изумленно спросил Селеш, позабыв даже рассердиться. — Ты, который сам сражался против немцев?

— Против гитлеровской армии — да, сражался, но не против немцев.

— Все равно! Что тебе взбрело в голову?

— Я считаю это распоряжение несправедливым.

— Несправедливым? Распоряжение законного правительства?

— Дело не в законности формы. Здесь все в порядке. Дело в содержании... Можно ли одинаково подходить к виновному и безвинному? Ставить между ними знак равенства? Я вполне согласен с тем, что немцы, служившие в СС, СА, в гестапо и в частях вермахта, должны убираться в пекло. Те, кто стали нилашистами, тоже. Но как быть с теми, кто ни в чем не провинился перед страной, которая их приютила? Кто сказал: да, моим родным языком является немецкий, но Венгрия — моя родина? Я лично знаком со многими швабами, которые никогда не били себя в грудь, кичась тем, что они немцы. Они честно трудились в поте лица, а когда в сорок четвертом гитлеровцы оккупировали страну, вывесили на фронтонах своих домов венгерские гербы, порой самодельные, из гипса. В моей роте служили три шваба. Они храбро и достойно сражались на стороне советских войск. Могу сказать еще, что...

— Постарайся короче.

— Хорошо. Сделав такой шаг, мы можем создать опасный прецедент. Что, если вдруг югославы начнут переселять к нам живущих в области Банат полмиллиона венгров? На том основании, что хортистские войска в свое время оккупировали Уйвидек? Если мы не будем различать людей по их заслугам, отличать виновных от невиновных сейчас, где гарантия, что подобная несправедливость не повторится где-нибудь и когда-нибудь еще, пусть по другому поводу и в иной связи?

— Ты кончил?

— Да.

— Я принял к сведению, что ты не согласен с постановлением. А ты прими к сведению, что, как коммунист, ты всеми силами и средствами должен способствовать претворению в жизнь этого постановления. Ты согласен?

— Да. Но я хотел бы, чтобы при этом моя собственная совесть не вступала в противоречие с партийной дисциплиной.

— После актива зайди ко мне, товарищ Цобор.

Больше желающих выступить не нашлось.

После заседания один из членов обкома, заведующий каким-то отделом, соскочил с трибуны и направился к Цобору.

— Что за выходки? — набросился он на Лукача. — После избирательной кампании, где ты был, можно сказать, на высоте, мы ждем от тебя отнюдь не сомнений! Личного примера, образца! Уж если ты решил высказаться, ты должен бы выступить в поддержку распоряжения правительства.

— Я полагаю, достаточно один раз сказать. Я выполню решение партии, — рассерженно произнес Цобор. — Но я вам не попугай, чтобы это повторять.

Секретарь из Герезда усмехнулся и хотел было подойти к Цобору, но пожать ему руку на глазах у завотделом не решился и лишь одобряюще помахал ему издали.

Цобор пошел в кабинет Селеша. Тот предложил ему сесть, угостил сигаретой, а затем, по своему обыкновению, некоторое время молча разглядывал его.

— Ты хорошо сделал, высказав все, что думал, — заговорил наконец секретарь обкома. — Сам знаешь, в свое время в нашу область еще Габсбурги переселили много швабов. Этот вопрос встревожил не одного тебя, но многие предпочли отмолчаться.

— И все-таки ты меня остановил.

Селеш кивнул:

— Разумеется. Количество неизбежно переходит в качество. Ты правильно заметил противоречивость этого постановления. Но что нам делать? Мы должны его выполнять. Времени для того, чтобы разбираться с людьми, у нас нет. — Селеш похлопал Цобора по плечу: — Тебе нужно серьезнее заняться теорией, как считаешь?

— Согласен. Я уже прочитал «Вопросы ленинизма». Законспектировал. Две толстые тетрадки исписал. Но...

— Опять «но»?

— Опять. Там я не нашел ни слова о подобном способе решения национального вопроса.

— А где ты достал книгу?

— Мне дал ее Ласло.

— Ага! Ласло замечательный человек. Он правильно угадал, что именно тебе необходимо. Правда, ленинизм не мог дать прямого ответа на вопрос, что будет и как поступать с местными швабами после окончания второй мировой войны.

— Разумеется. Однако принципиальные положения в национальном вопросе верны и по сей день.

Селеш растворил окошко, прошелся по кабинету, погруженный в какие-то свои мысли.

— Желаю тебе, товарищ Цобор, плодотворной работы. — С этими словами он протянул руку: — Пусть все это тебе пока не по зубам, но вопрос очень важный. Подумай, сколько бед принесли немцы Венгрии за одно тысячелетие ее существования! Сколько позора и унижений! Иногда, видимо, ущерб, нанесенный справедливости, приходится возмещать с помощью чего-то несправедливого. Впрочем, я далеко не уверен, что прав.

Выйдя от секретаря обкома, Цобор свернул на Бульварное кольцо и, поскольку время еще позволяло, зашел в магазин и купил себе шерстяной шарф. Затем спустился на набережную Дуная. Где-то здесь была переправа, которую яростно обстреливали немцы. Тогда в Буде шли ожесточенные бои, и его роту перебросили на тот берег. Сейчас он вспоминал об этой переправе, как вспоминают о далеком детстве. И это естественно: человек, который не может вспомнить прошлого, не способен предугадать и будущее.

Лукач закурил. Стоял, плевал в воду и мысленно бранился: «Уж если подставил плечи под мешок, неси. А если не всегда тебе скажут, что в этом мешке, привыкай. Только неужели не скажут? Вряд ли. Политика — это тебе не голубцы: начинку съел, а капусту другим оставил. Ну и жизнь! Однако, холодно. И небо затянуло тучами, того гляди снег пойдет. Ветер с Будайских гор всегда несет с собой свежесть...»

Покинув набережную, Лукач пошел в корчму. Матраи уже дожидался его там, махал рукой. Распахнув окошко, выходившее на проспект Сечени, оба сели за столик. Лицо у Матраи было красное и потное.

— Для меня вино сейчас все равно что вода, — пояснил он. — Не берет. Пью ром, говорят, натуральный, с Ямайки.

Он предложил Цобору тоже отдать должное напитку с Ямайки:

— Пей, куманек, от этого рома и сербу, и венгру одинаково хорошо. — Однако он выглядел расстроенным. — Теперь ты и сам знаешь, в чем, собственно, дело, небось уже сообщили? — спросил он, вглядываясь покрасневшими глазами в лицо собеседника. — Вижу, знаешь. Так-то, куманек. Черт бы с ними, с этими швабами, если бы у меня не было зятя и сестры с их детками. Да еще вся их

родня... Как же я им теперь в глаза-то посмотрю? Я хоть и депутат парламента, ничем помочь им не могу. А раз так, выходит, дерьмо я, а не родственник.

Цобор заказал себе фасолевый суп, жаркое, красного вина.

— Если есть красное, с удовольствием, — заметил официант, принимавший заказ.

— Не будет красного, несите белое, — согласился Лукач.

Помолчали, дожидаясь, когда принесут обед.

— Ты так ничего мне и не скажешь? — заговорил Матраи, пристально глядя Лукачу в глаза.

Цобор отпил вина, закурил.

— Не бросайся словами, — тихо проговорил он. — Черт с ними, со швабами, говоришь? Нет, дружище. Если так пойдет и дальше — косить всех без разбора, — очередь и до других дойдет, не только до швабов. До черноглазых, например. А потом до лысых... До конных пожарных или стрелочников, дьявол разберет, до кого еще! И только потому, что один или некоторые из них совершили где-то преступление. Разве ты этого не понимаешь? Один совершил, а наказывают всех. Это не что иное, как привлечение к солидарной ответственности по круговой поруке, а более несправедливой вещи на свете не бывает. При таком подходе не надо решать, кто прав, а кто виноват.

— Все это так, но я...

— Что касается твоего зятя и его семьи, это дело я беру на себя. Я лично знаю твоего зятя, а потом... Если уж ты, Тони, этого не заслужил, то тогда зачем существует мир, в котором мы живем?

— Значит, поможешь? Пойдешь в комиссию по переселению?

— Пойду.

— Я бы и сам... Только меня же сразу обвинят в том, что, дескать, родственников вызволяет, а еще депутат.

— Я сказал. Но за всю родню не берусь.

— Ладно. Сами пусть выпутываются, как могут. Только бы сестру и ее детишек... Лукач, благослови тебя господь! Подставь-ка мне свою физиономию. — Матраи потянулся через стол, опрокидывая бокалы и бутылки, обнял и запечатлел на обеих щеках Цобора поцелуи. Он заказал еще бутылку рома. Опрокинув очередную рюмку, сказал: — Все, что ты говорил, чистая правда. К сожалению. Труднее всего искать правых. Искать и найти. На-

дею́сь, на то... — На что именно он надеялся, Матраи так и не поведал.

Покончив с обедом, Цобор хотел было удалиться, но ямайский ром сделал свое дело: Матраи не держался на ногах. Цобор вывел его из корчмы, втиснул в такси и, довезя до вокзала, подсадил в вагон. Таким пьяным он видел друга впервые. Даже в вагоне ему пришлось все время подпирать Топи плечом, чтобы тот, чего доброго, не сполз со скамьи на пол.

Когда они выбрались из вагона на станции в Гемеше, дул резкий, холодный ветер. Он пронизывал до костей. На ветру Матраи немного протрезвел.

— Балига сейчас покупает для своей дочери салонный гарнитур. Ручной работы, настоящий господский гарнитур. Я видел у него, кажется, объявлений восемь... Вырезал из газеты... Не подумай, что только сегодня ему в голову пришла мысль... сосватать за тебя свою дочь. Мне он об этом еще несколько недель назад сказал. Вот скотина...

— Точно, скотина.

Цобор проводил Матраи до дверей его дома, а на обратном пути зашел в райком. На доске с надписью: «Партийные новости» он прочел объявление о том, что назначенный на сегодня концерт отменяется по причине вывиха ноги у Йенци Лади. Лукач не знал, смеяться ему или сердиться. Ему сказали, что сей несравненный чечеточник Гемеша на предыдущем концерте настолько переоценил собственные хореографические способности, что, войдя в раж, свалился со сцены прямо в публику.

Секретаря горкома Кишмихая на месте не оказалось, и Цобор оставил ему записку, чтобы на следующее утро, к десяти часам, он собрал на совещание всех членов городского комитета. Из райкома Лукач направился домой. Выйдя на улицу, он поднял воротник и поглубже нахлобучил шляпу.

— Вот погода, — недовольно бормотал он себе под нос, — хозяин собаку не выгонит...

Около корчмы Гари еще издали он приметил какое-то оживление. Подойдя ближе, Лукач остолбенел: на глазах у прохожих Бланка и Арпи колошматили друг друга. Завидев Цобора, корчмарь Гари мгновенно скрылся за дверью. Бланка, покачиваясь на нетвердых ногах, ридикю-

лем лупила Арпи по голове, то и дело промахиваясь мимо цели. Арпи отвечал ей редкими пощечинами. Оба они были в доску пьяны, видимо о чем-то заспорили.

«Скрыться, пока не поздно», — было первой мыслью Лукача, но он увидел, как от здания полиции, расположенного напротив, через улицу, уже спешил патруль: унтер-офицер Петени и с ним еще какой-то незнакомый полицейский. «Они сумасшедшие, и Арпи и Бланка! Не прошло и месяца, как они вместе, а уже скандалят, да еще на глазах у всех. Невероятно. Как можно докатиться до такого? Или рыбак рыбака видит... Если так, я должен с корнем вырвать Бланку из памяти. Вон, раз и навсегда».

Тем временем Петени подошел к Цобору и, отдав честь, спросил, как ему поступить.

— Женщину, — Лукач невольно поймал себя на том, что он впервые назвал Бланку женщиной, — отправьте домой, а моего братца... упрячьте на ночь под замок за учинение дебоша в общественном месте. Дело на него не заводите, утром приведите его домой.

— Слушаюсь, господин поручик. Нам его доставить или выпустить, пусть сам идет?

— Вы слышали, что я сказал?

Двое полицейских схватили Арпи под руки. Но тут Бланка обратила всю ярость и воинственный ридикюль против своих защитников.

— Какое вам дело? — вопила она. — Это наше личное дело. Сами разберемся! Отпустите его! Арпи, дорогой, милый, чего ты терпишь?

Цобор, раздвинув кольцо любопытных, подошел к Бланке и коротко сквозь зубы бросил:

— Убирайся домой! Сейчас же...

Бланка молча повернулась и послушно пошла. Когда она подходила к железнодорожному переезду, начал опускаться шлагбаум, однако девушка не остановилась и все шла, шла... Цобор стремглав бросился за ней и буквально вырвал ее из-под колес надвигавшегося паровоза.

— Это ты? Ты, проклятый?! — Бланка, не соображажая, уставилась на него мутными глазами. — Как ты смеешь дотрагиваться до меня? — С визгом она вырывалась из рук Цобора, поливая незваного спасителя потоком брани.

Как только состав прошел, Цобор брезгливо оттолкнул ее от себя:

— Теперь иди.

Бланка неверными движениями оправила на себе платье, потом шубу, медленно осознавая, что, собственно, произошло.

— Лукач, я не видела поезда, — произнесла она, явно трезвея. — Шла, ничего не замечала. Понимаешь, мы с Арпи немного...

— С сегодняшнего дня я тебе больше не Лукач. Сгинь с глаз моих...

Покачнувшись, Бланка пошла. Она ни разу не обернулась, а потому не могла видеть, как Цобор, все так же стоя возле путей, провожал ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась в конце улицы.

Вернувшись домой, Лукач поужинал, затем пододвинул кресло поближе к топившейся изразцовой печи и, вытянув ноги и закрыв глаза, расслабленно откинулся на спинку. Ни о чем не думая, он просто курил и наслаждался теплом.

«В потоке воды все плывет по течению, а не вверх. Может быть, лучше всего просто отдаться течению? Куда-нибудь да прибьет», — думал он. Так, не меняя позы, он просидел до половины одиннадцатого. Постучавшись, вошел Гал:

— Добрый вечер, ваша честь.

— Добрый вечер. Садитесь, дядюшка Якоб.

— Не извольте серчать, мне что-то сегодня не спится.

— Почему?

— Простите, ваша честь, я не вправе вмешиваться в ваши дела, так что остановите меня, ежели что не так скажу... Но с молодым барином дела плохи.

— Что значит «плохи»?

— Скажу, что вижу... Нет у них ни усердия, ни умеренности, ни скромности. А уж о другом и говорить-то не смею. Как только вы, ваша честь, уйдете из дома, ваш братец сразу же...

— Я все знаю.

— И что же?

— Вы как бы поступили на моем месте?

Старик почесал подбородок, заросший седой щетиной.

— Не знаю. Наверное, приложил бы руку, да построже, хотя я и не любитель этого...

— Выходит, надо его бить?

— Не так вы поняли, ваша честь. Ведь еще в прошлом году вы командовали людьми, целой ротой. Сколько их было?

— Сто семьдесят три...

— Вот, видите, а среди такой, извините, оравы всегда отыщется нерадивый, может, и не один, для кого уговоры, даже приказ все равно что святая водица. Слов он не понимает. Как поступает в таком случае командир? «Встать — лечь, встать — лечь». Этак раз тридцать.

— А то и все пятьдесят.

— Вот то-то. А еще «бегом марш» или «по-пластунски вперед» и всякое такое прочее.

— Верно. Только в семье такой метод не применяют.

Старик неожиданно взъерепенился:

— Что же, выходит, надо терпеть? Пусть лодыря гоняет, пусть транжирит деньги, заработанные старшим братом, пусть марает его честь... Нет, ваша честь. Надобно вам руку приложить! Пока не поздно. Иначе потом вся ответственность на вас ляжет, вы ведь ему не только старший брат, но и вместо отца родного. Именно так оно и есть! А то ведь люди уже кругом болтают, что Цобор, мол, дурень, — извините, не мои слова, — сам на свое жалкое жалованье нахлебника содержит, а нас, грешных, на всех собраниях призывает работать: мол, надо, люди, работать.

— Хорошо, дядюшка Якоб. Я подумаю, как быть.

— А взять эти попойки... Мы ведь не в Будапеште живем, городок наш маленький, а у дурных слухов ноги длинные, все сразу известно. Эх, никогда бы я не поверил, что из молодого барина такой никчемный человек получится... — Старик встал: — Не поимейте зла на меня, сударь. Увидел я, что у вас свет горит, вот и зашел. Покойной ночи, ваша честь.

— С богом, дядюшка Якоб. Значит, вы думаете, если руку приложить, применить силу, дело поправится?

— Думаю, ваша честь. Господина Арпи пора остановить и на путь истинный направить.

Цобор докурил сигарету и, достав календарь и бумагу, стал набрасывать план-график — на какой день и в котором часу собрать по селам совещания актива.

«Эта неделя, считай, пропала. Следующая, пожалуй, тоже, — прикинул Лукач в уме. — В Гемешском районе четыре села, где живут одни швабы, два населенных пункта, в которых немцев по национальности насчитыва-

ется не менее трети, а то и половина. Короче говоря, хлопот хватит по горло». Чтобы не думать, Цобор улегся спать.

Утром, уже одетый к выходу из дома, Лукач полез в свой тайник за деньгами. Вынув потайной изразец, он сразу же заметил, как сильно убавились его сбережения. Он сосчитал деньги, потом пересчитал снова: осталось меньше половины. Тогда он вынул из тайника все, что там хранилось. Массивная золотая цепочка от часов тоже исчезла. В порыве охватившей его злости Лукач даже позабыл выругаться. Взяв в руки остаток денег, дедовский перстень-печатку, несколько семейных фотографий и офицерский значок, он отправился по дому искать место для другого тайника. Обошел весь дом, но, как только находил место, казавшееся подходящим, тут же начинал сомневаться: а не станет ли домашний воришка искать спрятанное именно здесь? В конце концов он завернул все ценности в кусок брезента, положил туда же свой серебряный портсигар и, поднявшись на чердак, запихнул сверток в углубление между бревнами, забросав обрезками старых досок, реек, предметами ветхой лошадиной упряжи и еще каким-то хламом. Потом в целях маскировки точно такие же кучки набросал еще в двух местах.

«Чертов цирк! Каждый раз, когда понадобятся деньги, придется теперь ходить сюда и рыться в мусоре», — думал Лукач, спускаясь с чердака. В гостиной его ожидал унтер-офицер Петени, приведший Арпи. Полицейский доложил по всем правилам.

— Спасибо, Петени, — сказал Цобор, пожимая ему руку.

— Слушаюсь. Чтобы не забыть: товарищ капитан передает вам сердечный привет, господин поручик. Он вполне согласен с вами: дела о драке заводить не будет.

— Ты сейчас сменяешься?

— Так точно.

— Завтра, когда заступишь на дежурство, доложи капитану, что я благодарю его за понимание и согласие.

Арпи выглядел скверно: веки опухли, на лице пятна, руки тряслись.

— Не сердись, братец... Я вовсе не хотел, но так уж получилось. Я постараюсь в будущем... — забормотал он.

Но Цобор уже принял решение:

— В довершение всего ты еще и вор!

Раздался звук пощечины, Арпи повалился на кушетку. Левой рукой Цобор тут же поднял его на ноги, а правой отвесил еще несколько беспощадных оплеух и только тогда отпустил воришку. Арпи рухнул в кресло, уставившись бессмысленным взглядом на стену перед собой.

— Не... не сердись...

— Ты меня слышишь?

— Да, братец.

— Время кончилось, прощения не будет, не жди. Я устрою тебя еще раз, через неделю начнешь работать. Понимаешь, что я говорю?

— Понимаю.

— И каждый раз, если возвратишься домой пьяным, будешь получать то же, что получил сейчас. Даю тебе месячный испытательный срок. Если за это время ты выкинешь хоть одну глупость, можешь убираться ко всем чертям! Больше я тебя в доме терпеть не собираюсь. Ясно?

— Ясно.

— Шестнадцатого января подведем итог, так что смотри! А сейчас марш в ванную, приведи себя в порядок и ложись спать. Больше мне с тобой говорить не о чем. Ни сейчас, ни потом.

Вернувшись в спальню, Лукач позвонил директору химического завода. Говорил он подчеркнуто вежливо, но директор на другом конце провода тотчас все понял и, прервав его, сказал:

— Господин Цобор, не беспокойтесь. Ваш брат сможет приступить к работе хоть завтра. Ну скажем, в бухгалтерии. Всего вам наилучшего...

В назначенный день, шестнадцатого января, Цобор решил сам накрыть стол к ужину. На середину поставил букет зимних цветов, которые он купил по дороге домой, принес из кладовой плетенку с вином.

«Вот и я не избежал искушения, из которого только что вылез Арпи, — улыбнулся он про себя, подбирая в уме добрые слова, которыми ему хотелось похвалить брата. — Прошел месяц, он как-никак работает, домой приходит вовремя, почти не пьет. Может, значит, быть человеком? Выходит, что так. — Насвистывая себе под нос, Цобор попробовал на язык вино, сел, выкурил сигарету. Посмотрел на часы: — Ого, а ведь уже семь часов, Арпи пора бы быть дома».

Однако причин для особого нетерпения или подозрения у него пока не было. В начале девятого он позвонил на завод. Ответил дежурный вахтер. Он сказал, что Цобор-младший ушел с работы домой, как обычно.

— Один? — поинтересовался Лукач.

— Один. Хотя погодите... Возле проходной его поджидала какая-то дама. Правда, в конце рабочего дня мне некогда вевать по сторонам, рабочие выходят после смены. Но если не ошибаюсь, красотка хоть куда.

«Бланка, — решил Цобор. — Значит, связь их все еще продолжается. Но где они встречаются? Байнацки приезжает из Пешта рано, с шестичасовым поездом, так что в их доме они вряд ли осмелятся амурничать. Но тогда, где же?»

Безуспешно поломав голову над этим вопросом, Лукач решил: Арпи найдется, а со временем все выяснится само собой. Он принялся ужинать в одиночку.

Но вот и ужин окончен, а брат все не шел. В тумбочке Арпи он нашел томик Ремарка «На западном фронте без перемен» и, углубившись в книгу, читал до полуночи. Зевнул раз-другой и, оставив наружную дверь открытой, отправился спать.

Проснулся он в два часа ночи: кто-то барабанил в опущенные жалюзи на окне.

«Вот идиот, заявился опять, должно быть, в пьяном виде. Ведь дверь не заперта». Накинув на плечи кожанку, Лукач вышел во двор. В палисаднике он увидел тщедушного мужчину лет пятидесяти, бледного и испуганного.

— Кто вы такой? — спросил он незнакомца.

— Добрый вечер, господин секретарь. Вернее сказать, прошу прощения, что я в столь поздний час беспокою... Меня зовут Иоганн Мюльбахер, вернее сказать, Янош Мюльбахер. Вы меня, конечно, не помните? Я был на том собрании, когда вы, господин секретарь, выступали с предвыборной речью в нашем селе.

— Где именно?

— В Бабольце. Это было в последнее воскресенье октября.

Цобор вздрогнул от холода и предложил:

— Войдите в дом. Холодно, черт побери. — Пройдя в гостиную, он зажег свет и предложил мужчине сесть. — Было такое, верно. Но вас я что-то не помню. Чем вы занимаетесь в Бабольце?

— У меня там клочок земли: всего полтора хольда. В основном нанимаюсь поденщиком когда где... тем и живу.

— Вы член партии?

— Нет, никогда не был, вот и сейчас... беспартийный.

— Чего же вы от меня хотите? Да еще в такое время?

— Закурить позволите?

— Прошу.

Мюльбахер закурил и закашлялся.

— Наш секретарь Андраш Пецек сказал, что помочь в этом деле можете только вы, господин Цобор. Вы один, господин секретарь... Случилась большая беда, и дело совсем не терпит...

— Давайте по порядку. Что за беда?

— Нас выселяют. Сегодня собрали всех людей, зачитали список, а сейчас их уже загоняют в вагоны. Вот почему и говорю, что дело срочное...

Цобор жестом остановил его:

— Постойте. Если дело касается переселения лиц немецкой национальности, ничем помочь не могу. А вот вашему Пецеку я скажу пару слов по-дружески. Какого черта он вас прислал ко мне? Постановление правительства надо выполнять, и точка...

Мюльбахер вскочил со стула и рухнул перед Цобором на колени. Он умолял и плакал так, что Лукач невольно пожалел его, но оставался непреклонным. Наконец Мюльбахер поднялся, рукавом вытер глаза и сказал:

— Что делать, ладно. Только этот обман пятном ляжет и на вашу совесть, господин секретарь.

— Как вы смеете? Называть обманом законное распоряжение законного правительства?

— Упаси бог. Я говорю только о том, что творится в нашем Бабольце. Живет у нас некий Шарфмессер. Держит корчму, имеет земельный участок в шестьдесят два хольда, два виноградника, да еще десять лошадей, извозом занимается. А рядом с ним Вальденберг. У того пятьдесят три хольда пашни, три виноградника, два хольда абрикосового сада, мелочная лавка. По сей день двух батраков держит, да еще в лавке одного продавца. Или возьмите, прошу прощения, Похлинга. Сорок шесть хольдов, мельница... Живут, как ни в чем не бывало.

— Живут, говорите? Жили! Теперь все, поедут в Германию.

— Нет, господин секретарь, ошибаетесь. Если так

пойдет дальше, прошу прощения, они-то останутся. В этом-то все свинство. Сам я в списках переселенцев не значусь... Как был пильщиком раньше, так и пилю дровишки по сей день, вся моя пажива на дворе сельской управы. Я собственными глазами видел, как Вальденберг отдал уполномоченному из комиссии для переселенцев холщовый мешочек. Когда тот его развязал, у меня в глазах зарябило, столько в нем было золотых браслетов, часов, сережек, колец. Даже золотые монеты... Сам все видел. И не я один, но и мой старший брат, мы вдвоем дрова для управы пилили. Я тогда-то не подумал, к чему это все. Только сегодня я понял, что может сделать один такой холщовый мешочек, если его набить, чем надо. Читают список, а фамилии Вальденберга и в помине нет, Шарфмессера тоже. Похлинга тоже. Как же так? Ведь первые двое организовали в Бабольце отделение фольксбунда, это все знают. А третий вербовал в СС, в эту черную банду, не только местных немцев, но и из других районов возле Дуная. Этих троих, значит, вычеркнули, а вместо них вписали трех бедняков, у которых в доме хоть шаром покати, в том числе и моего сына, однорукого калеку. Забрать и отправить в Германию моего сына, который служил рядовым, сражался, потерял в Карпатах руку, награжден медалью за храбрость?! Как это можно, скажите, господин секретарь?

Цобор закурил и придвинулся поближе к печке — на ногах у него были лишь комнатные туфли.

— Мне от души жаль вас. Обратитесь в полицию.

— В полицию? Да кто я такой теперь для них. Ничтожный шваб, вошь немецкая. Не гражданин, нет, просто шваб. Сегодня в полдень, прошу покорно, пошел я в полицейский участок, там, у нас у Бабольце. Кое-как пробился к начальнику. Я ему все как есть выложил, вот как вам, господин секретарь. А он набросился на меня, начал орать: как я посмел клеветать на уполномоченного из комиссии, обозвал меня последними словами и вытолкал вон, да еще пинка под зад добавил. Извините, именно так и сделал. Тогда я пошел к коммунистам, к нашему секретарю товарищу Андрашу Пецеку. Он выслушал и сказал: «Собирайся — и давай в Гемеш. Если есть, мол, на свете человек, который может тебе помочь, так это господин секретарь Цобор».

— Так и сказал? Вот осел. Моя компетенция — партийные дела, он должен это знать!

Мюльбахер, однако, не сводил с Лукача усталых, полных отчаяния глаз:

— Выходит, и вы, господин секретарь, такой же, как все? До выборов все, а после них ничего?

Цобор уже чувствовал себя, как рыба, попавшая в сеть рыбака, которая еще не затянута, но все туже и туже охватывает со всех сторон.

— Послушайте, не учите меня! Я никому не обещал, что стану вмешиваться в дела переселенцев. Да я и сам ничего не знал о переселении.

— Но сейчас-то знаете! И знаете, как оно проводится. Жулики кругом! Напишу я премьер-министру, а потом возьму в руки котомку и пойду по миру побираться. Только захвачу с собой медаль сына и буду ее показывать, расскажу всем, что творится на свете, что порядки у нас остались такими же, как и при Хорти. Богатый и теперь везде сухим из воды выйдет, а у кого ничего нет, того повсюду бьют...

— Да замолчите же вы наконец! Утром я позвоню в районную полицию, тогда и посмотрим, чем вам можно помочь.

— Утром? Тогда уже ничем помочь нельзя будет. Эшелон с переселенцами уходит на рассвете, ровно в пять.

— Но чего же вы от меня-то хотите? Будите среди ночи, рассказываете черт знает что... Уж не хотите ли вы, чтобы я подхватился и бежал бы с вами неизвестно куда? А вы понимаете хотя бы, что мои руки связаны?

Мюльбахер умолк. Но глаза его по-прежнему умоляюще глядели на Цобора. Не выдержав, Цобор помянул всех святых.

— Подождите, я сейчас оденусь. — Он начал поспешно натягивать на себя одежду. — Вы когда вышли из Бабольца?

— Незадолго до полуночи.

— На бричке?

— Пешком.

— Черт! Как же вы в два часа ночи могли оказаться у меня? Это двадцать три километра!

— Я торопился. Когда мог, бежал бегом.

Цобор надел под китель меховую безрукавку.

— Налейте себе стакан вина, выпейте, успокойтесь, — сказал он.

— Благодарствую.

— Сидели когда-нибудь на мотоцикле?

— Не приходилось.

— Держитесь покрепче, гнать буду вовсю, если эшелон уходит в пять, надо поторапливаться.

Выйдя из дома, Цобор запер дверь, ключ положил в карман. Выкатил мотоцикл, завел, включил фару. Выехав на улицу, свернул к зданию районной полиции. Разбудил Бертака и коротко изложил ему суть дела. Из первых же фраз Бертак все понял.

— История, — хмыкнул он. — Но как все это доказать?

— Свидетель тут, ожидает на улице.

— Ага, понимаю. Но придется открыть опечатанные вагоны. Это немыслимо. Тем более — задержать отправление поезда...

— Поймите, товарищ Бертак, я не хочу вмешивать вас в нечто такое, за что вас привлекут к ответственности. Давайте отделим уголовную часть от политической. Вы ловите преступников, остальное я беру на себя.

— Допустим, что вы предлагаете?

— Немедленно направить на станцию ваших полицейских на велосипедах, человек восемь, думаю, хватит. Если мне удастся получить вещественные доказательства преступления — подкуп должностных лиц, взятка, как больше нравится, — вы арестуете взяточников и всех виновных. Как я добуду улики, еще не знаю, но добуду непременно. Затем нужно будет восстановить первоначальный список и внести в него этих трех мерзавцев взяткодателей, запихнуть их в вагоны, а невинно пострадавших немедленно отпустить.

— А если вам не удастся?

— Что именно?

— Получить улики.

— Тогда рискую только я. Остаюсь и жду, а вы исчезаете в тумане.

Бертак кивнул:

— Я тоже выеду на место минут через двадцать. Где мы встретимся?

— В Бабольце, во дворе сельсовета.

Цобор опять забрался на мотоцикл. Мороз в ту ночь был крепкий, градусов пятнадцать, а на ветру, пронизывающем насквозь, и того больше. Мюльбахер, съежившись, подскакивал на заднем сиденье.

Не въезжая в село, Цобор завернул на железнодорожную станцию. Вдоль состава мирно прохаживались двое полицейских. В один из вагонов еще вталкивали швабов-переселенцев. Крики, плач и ругательства.

Начальник станции, нервно потирая руки, расхаживал по своему кабинету.

— Поскорее бы они отправились! Поскорее бы! — повторял он.

Цобор остановил его причитания:

— Когда отправляется эшелон?

— Ровно в пять утра. Боже, еще целых два часа! Поймите меня правильно, мне от души жаль их. У меня ведь тоже нервы не из шпагата.

— Если потребуется, можете вы немного задержать отправление?

— Как это? На каком, спрашивается, основании?

— Понимаете, здесь не все чисто. Главные, так сказать, швабы...

— Знаю! Это известно всему селу. Уж не потому ли вы сюда пожаловали? А вы представляете себе, какой скандал из этого получится?

— Я спешу. Предложите свое решение.

— Что же... В крайнем случае составим акт, что состав опоздал по вашей вине. Но тогда вам придется его подписать!

— Согласен.

«Черт возьми, — подумал Цобор, — со мной все время что-то происходит. В воде по колено не поплывешь. А на глубоком не перейдешь вброд. Кругом одни компромиссы». Он подписал акт. Взгляд его остановился на телефоне.

— Работает? — спросил он.

— Конечно. Но звонить можно только по линии: в город выхода нет.

Цобор разозлился: «Чертов Гемеш! Не телефонная станция — курорт. Барышни-телефонистки в десять вечера расходятся по домам, боятся, как бы их на улице, увы, не слопали. Надо бы доложить Селешу обо всем этом паскудстве. Хотя... Узнав, он сразу даст отбой...» Лукач вышел на платформу к продрогшему до костей Мюльбахеру.

— Где уполномоченные из комиссии по переселению? В сельсовете? — спросил он.

— Да, в задней комнате, что окном в сад.

— Садитесь, поехали. Ну, человече, если вы хоть что-нибудь соврали, вам несдобровать!

— Клянусь... Чем поклясться?

Цобор включил скорость и помчался в село. Начальник полиции со своими людьми уже ожидал его во дворе бывшей сельской управы.

— Моя задача? — коротко спросил он.

— Оставайся здесь в полной готовности. — Цобор даже не заметил, как перешел с Бертаком на «ты», чем, впрочем, очень того обрадовал. — Я сам разбужу мошенников. Если крикну, заходите в дом. Птички в клетке.

— Тебя понял.

Сельский совет размещался в старинном, с толстыми стенами, доме, окна которого закрывались такими ставнями, что по ним в пору было стрелять из пушки. Цобор уже собрался было стучать, но тут же сообразил: воробьи стреляные, могут не пустить до утра. Тогда он подошел к парадной двери и начал изо всех сил барабанить в нее. Стучать пришлось так долго, что из соседних домов начали высовываться головы со злыми заспанными лицами. В конце концов за дверью послышались шаги, кряхтенье, затем кто-то зажег свет.

— Какой дьявол вздумал баловаться? — спросил мужской голос. Дверь растворилась, на пороге стоял один из членов комиссии в длинной ночной рубашке. — Чего вам? — Он уставился на Цобора. — Не знаете, что староста принимает только днем?

— Дело срочное,— ответил Цобор, с силой отжимая внутрь дверь вместе с уполномоченным. — Прошу прощения за поздний визит, но я не к старосте. Надо поговорить.

— Кто вы такой?

Цобор назвал себя.

— Ну и что? Вы к нам не имете никакого отношения.

— Это только ты так думаешь, мерзавец.

— Это что такое? Как вы смеете...

— Цыц! А ну, вытаскивай из постели второго негодяя. Быстро! — С этими словами он так подтолкнул опешившего уполномоченного к двери комнаты для посетителей, что тот, как ошпаренный, начал будить своего коллегу:

— Эй, просыпайся! Сейчас мы вдвоем набьем морду одному нахалу!

Спустя некоторое время оба уполномоченных появились перед Цобором. Второй вышел в трикотажных подштанниках и в майке с рукавами.

— Что вам надо? — угрюмо спросил он. — Выкладывайте, чего шумите? Врываетесь, как бандит...

Цобор взглянул на часы:

— У меня мало времени. Да и вас не желаю долго задерживать в такой парадной форме. Даю вам три минуты. Через три минуты передо мной вот здесь, на столе, должен лежать холщовый мешочек со всем содержимым. Вам понятно?

— Какой еще мешочек? — надменно начал тот, что был в трико. — Проспитесь, милый! Да знаете ли вы, с кем разговариваете? Я вас так упрячу, в камере посинеете...

Цобор опять взглянул на часы.

— Так, осталось две минуты двадцать секунд. Шевелитесь! И не вздумайте прыгать в окно: дом окружен полицией.

Оба мошенника начали ежиться от холода, но не двигались с места. Тот, что был в трико, скверно выругался.

— Не понимаю, чего вы от нас требуете! Вам придется за свою выходку несладко, это я обещаю.

— Одна минута сорок секунд! — считал Цобор, глядя на часы.

Однако и эти его слова не дали результата. У обоих уполномоченных уже дрожали от холода ноги, руки, все тело, но они словно онемели.

Подойдя к окну, Цобор распахнул обе створки и, вынув из заднего кармана пистолет, загнал пулю в патронник.

— Ну что ж, хорошо. Приготовьтесь подохнуть при попытке к бегству. Осталось пятьдесят секунд.

Когда до назначенного срока осталось всего лишь шесть секунд, он перевел взгляд на того, что был в трико, и медленно навел на него пистолет.

— Убийца! — заорал уполномоченный. — Гнусный убийца!

«Возможно, и так, — подумал Цобор. — Если назначенное время истечет и они не выложат драгоценности, я, пожалуй, выстрелю. А если нет? Тогда они мгновенно одержат верх. Поймут, что я их только пугаю, и оба бросятся на меня. Стрелять, мол, он боится, так что, можно вывернуться. Что тогда? Тогда у меня не окажется ника-

ких улик их преступления, бедняки останутся в вагоне, а Шарфмессер и его дружки будут посмеиваться в кулак. А ты, Цобор, будешь сидеть по уши в дерьме...»

— Одна секунда...

— Нет-нет! Не стреляйте!.. — Мужчина в трико ринулся в соседнюю комнату и тут же вернулся с портфелем, содержимое которого, трясясь от страха, вывалил на стол. Драгоценности, деньги, мандат, списки, носовые платки и четыре яблока...

Цобор продолжал держать его на мушке. Левой рукой он достал из кармана платок и вытер лицо.

— Начинай! — крикнул он в окно.

Начальник полиции не заставил себя ждать. В ту же минуту он ворвался в комнату, за ним фельдфебель Яницки с автоматом в руках. Цобор мгновенно убрал пистолет, словно его и не было.

— Составьте протокол, — сказал он. — Вещественные доказательства перед вами.

Бертак уважительно кивнул.

— Быстро ты управился.

Цобор глубоко, с присвистом, дышал, взглянув на начальника полиции, подумал: «Быстро? Со временем и ты поймешь, добрый молодец, какими долгими могут показаться три минуты. Еще неизвестно, чем для меня все это кончится. Незаконные действия против официальных лиц, угроза оружием... Кто знает, какое заведут на меня дело. Может, еще похлеще, чем в случае с долларами. Однако продолжим! Операция в Бабольце еще не закончена».

Цобор просмотрел оба списка. Одним из них оказался начальным, второй — исправленным, липовым.

— Мюльбахер! Где он там бродит?

— Я здесь, господин секретарь, — ответил со двора тщедушный заявитель, растирая ладонями замерзшие уши. — Что прикажете, господин секретарь?

— Войдите и хорошенько посмотрите вот на эти списки.

— Я и без них все хорошо помню. Вместо их главного вожака вписан мой сын, а вместо двух других Ганци Мюллер и Михай Фридлендер.

— Михай?

— Да, Михай.

— Но ведь это и имя-то не швабское!

— Нет конечно.

— Но все же получше посмотрите.

Мюльбахер склонился над списками и пальцем начал водить по фамилиям:

— Все верно. Вот они, как я вам и говорил...

— Хорошо, — проговорил Цобор. — Вы, наверное, знаете в селе каждый дом?

— Знаю, господин секретарь...

— Покажете. Сначала мы возьмем Шарфмессера, Похлинга и Вальденберга, пока они ничего не пронюхали. — Цобор обернулся к начальнику полиции: — Будь добр, распорядись.

— Унтер-офицер Бурчи! — крикнул Бертак.

— Слушаюсь! — Бурчи просунул голову в дверь.

— Вот этот человек... как вас зовут?

— Мюльбахер.

— Словом, этот человек покажет вам три дома. Заберете там три семьи и проводите на станцию. На сборы дадите двадцать минут. Впрочем, достаточно и пятнадцати. В случае оказания сопротивления оружие не применять, все остальное можно. В половине пятого встретимся на станции.

— Понятно, товарищ начальник. В половине пятого.

— Погодите. Одного человека оставьте здесь, у двери, остальных возьмите с собой.

— Слушаюсь.

Цобору начал нравиться этот парень.

— Все правильно, старина. Скажи этим, пусть оденутся. А то у них будут так трястись руки, что, чего доброго, не смогут подписаться под протоколом.

В четыре часа десять минут обоих уполномоченных со связанными из-за отсутствия наручников бельевой веревкой руками усадили на конную повозку и под охраной фельдфебеля Яницки отправили в Гемеш.

В четыре часа тридцать пять минут три семьи богатеев швабов были посажены в последний вагон. Полицейские бегали взад и вперед вдоль состава, выкрикивая имена Мюльбахера, Фридлендера и Мюллера. Только за десять минут до отправления их удалось снять с эшелона.

Цобор вошел в кабинет начальника станции и попросил вернуть ему подписанный акт о задержке эшелона. Поезд ушел вовремя, все было в порядке, а следовательно, и хранить лишнюю бумагу не было никакого смысла. Кому она нужна? Начальник станции, однако, акт отдать отказался.

— Как бы там ни было, а вы нарушили порядок: влезли в сформированный эшелон...

Цобор чувствовал себя смертельно уставшим. К тому же он еще изрядно замерз на путях.

— Не мудрствуйте лукаво.

— Акта не дам, все!

— Послушайте, я ни разу в жизни не бил еще начальников станции! Хотите, испробовать? — С этими словами он схватил акт, который железнодорожник держал в руках.

Бумага разорвалась надвое, одна половина осталась у начальника станции, судорожно ее сжимавшего. Тот выругался, закричал, забегал вокруг стола.

— Уймитесь, вы, полоумный. Неужели вас ничто не трогает, кроме своей карьеры и штатной инструкции? — вразумлял его Цобор.

Когда состав тронулся, Цобор вышел на перрон. Мюльбахер ковылял вдоль разгрузочной площадки, прижав к себе своего однорукого сына. От радости он даже забыл поблагодарить Цобора, когда тот подошел. Лукач улыбнулся.

— Вот, взгляни, — проговорил он, обращаясь к Бертаку, — этот несчастный человек беден, как церковная мышь. Но ни за какое золото мира он не променяет этих счастливых минут.

Но начальник полиции размышлял о другом.

— Я рад, что принимал участие в этой операции, — сказал он. — Все четко, как швейцарские часы. Скажи, ты навсегда отказался быть офицером?

— Навсегда.

— Жаль. Подвезешь меня домой? На велосипеде долго ехать.

— А ты тоже на велосипеде?

— Увы. В следующем месяце мне обещали дать списанную «Аэро», двухместную спортивную старушку. Анекдот! В нее влезают только двое — полицейский и арестант. Кто из них за рулем?..

Когда они еще затемно добрались до города, Цобор пригласил Бертака заглянуть на стопку палинки. Арпи домой так и не приходил. Кругом царила тишина. Постель Цобора как была, так и осталась незастланной.

Выпили по рюмке.

— Еще по одной? — предложил Лукач.

— Спасибо, хватит... Да, вот еще что. На всякий случай напиши коротко о преступлении в Бабольце. Заявление на мое имя пометь вчерашним числом. Тогда к нашей совместной экскурсии и вовсе нельзя будет прицепиться.

Цобор понимающе кивнул и тут же написал заявление.

— Приятного отдыха, — попрощался с ним Бертак.

— Высплюсь ночью, а сейчас засяду за более солидный труд — за информацию для обкома.

— Надеюсь, что касается...

— Само собой разумеется. Однако эти мошенники уполномоченные на следствии покажут такое, чего они тебе еще не говорили. Например, что я принудил их выложить на стол драгоценности, угрожая пистолетом.

— Силой оружия? — Начальник полиции покачал головой. — Теперь я начинаю понимать, почему все так быстро получилось.

После ухода Бертака Цобор подробно и точно описал все события. Переписал в двух экземплярах: один для обкома, второй оставил себе.

В семь утра Лукач попросил Гала принести ему завтрак, потом съездил в обком, оставил информацию Ласло и умчался. К девяти он собирал коммунистов в Кешерюкуте.

Спустя пять дней его пригласили в дисциплинарную комиссию. Войдя и взглянув на стол, за которым сидел председатель Гашт, Цобор тотчас заметил на нем уже знакомую половинку железнодорожного акта.

— Вот вторая половина, прошу, — сказал он, достав из кармана и кладя на стол обрывок бумаги.

Гашт взглянул на него и покачал головой:

— Если бы вы, товарищ Цобор, хотя бы наполовину были таким же дисциплинированным, как и правдивым. — Не договорив фразу до конца, он задумался. — Выяснить все детали этого дела для нас не составило особого труда. Собственно, вы все изложили в своей информации. А недостающий обрывок, — он помахал листком, — начальник станции в Бабольце поторопился доставить нам на следующий же день. Так вот... Просто по-человечески ваши поступки можно понять. Пожалуй, так. Во всяком случае, оправдать и избавить от наказания. Но как секре-

таря райкома!.. На активе вы во всеуслышание заявляете, что, видите ли, не согласны с постановлением правительства о лицах немецкой национальности, но заверяете нас, что будете твердо, как коммунист, проводить их в жизнь. Зачем же вы вмешались в это дело? Вы знали заранее... Да, знали, чем это для вас кончится. Что с вами делать, черт вас возьми? Вот мы с товарищами и бьемся... С одной стороны, вы получаете благодарность за успешно проведенную выборную кампанию, а с другой — мы вынуждены определять для вас партийное взыскание. Скажите, зачем все это? Почему?

Цобор попросил разрешения закурить.

— Вы, товарищ Гашт, только что сказали, что если просто по-человечески...

— Да, сказал! Но вы никогда, ни на одну секунду не должны забывать о том, какой пост доверен вам! Членом какой партии вы являетесь! Партии, в которой строжайшая дисциплина является святым и непререкаемым правилом.

— Да, я знаю. Наверное, я просто не подхожу для своего поста.

— Товарищ Цобор!

— Прошу прощения. Да, я виноват. К сожалению, не только в мыслях, но и в действиях, не всегда разумных. Я лелею только одну мечту... чтобы понятия «человек» и «должность» как-то совместились. Без компромиссов с собственной совестью.

Гашт не выдержал и ударил кулаком по столу, но не сказал ни слова. Через очки он испытующе и пристально уставился на Цобора и смотрел на него до тех пор, пока сосед не тронул его за рукав: не пора ли, мол, вести дело дальше?

— Есть у вас к нам вопросы? — машинально спросил Гашт. — Замечания, добавления имеете?

— Нет, не имею.

— Сожалеете ли вы хотя бы о содеянном? — продолжал председатель комиссии, кивком подсказывая, что именно Цобор должен ответить.

Цобора это тронуло: «Старик хочет мне помочь. Но не может. Ведь все решает здесь не он, а устав. А устав, как известно, написан не для решения исключительных казусов, вроде моего».

— Сказав неправду, я не улучшу своего положения,— проговорил Цобор. — После первого взыскания я был зол

и поклялся себе, что, если кто-нибудь в моем районе и попадет в беду, пусть даже опасность будет угрожать его жизни, я действую только в установленном порядке. Доложу, сообщу, напишу бумагу, пусть путешествует, с меня хватит. Не получилось... Эшелон, отправленный из Бабольца, за это время был бы уже на пограничной станции Хедешхалом. И сегодня мы уже ничего не смогли бы поправить. Скажите мне, товарищ Гашт, как я должен себя вести, если я вижу, что людям моя помощь нужна срочно, немедленно? Доложить об этом выше? Но поезда, как человеческие судьбы... они не ждут.

Цобору вынесли взыскание: выговор. Выйдя из обкома, он остановился у подъезда и посмотрел на разбитый надвое бомбой дом, во двор которого он недавно забросил тюремные пожитки брата Арпи. Быстрым шагом подошел Селеш. Положив руку Цобору на плечо, спросил:

— Куда направляешься?

— Вот стою и думаю, товарищ Селеш, куда?

Селеш повернулся к Лукачу лицом. Очевидно, неопределенность интонации, с какой были сказаны эти слова, или их суровый смысл привлекли его внимание:

— Не делай глупостей, Цобор. У нас есть на тебя виды. — И он сжал Лукачу руку выше локтя. — Партийные взыскания не только получают, но и снимают. Не сразу, конечно, а погодя.

Цобор вернулся в Гемеш. Дома его дожидался Бертак. Увидев входившего Лукача, капитан вскочил, щелкнул каблуками:

— Извини, товарищ Цобор, но я был вынужден произвести в твоем доме обыск.

— В моем доме?!

— Нет-нет, не подумай дурного. Все из-за твоего меньшого брата. В сговоре с главбухом химзавода и с завскладом он тайком продавал медный купорос владельцам виноградников. И притом немало. За один только месяц на заводе исчезло девять с половиной центнеров. К счастью, в твоем доме я не обнаружил ни грамма. А твой братец сидит у меня. Не задержать его я, к сожалению, не имел права.

Цобор молча опустился на стул. Не дождавшись от него ни единого слова, начальник полиции попрощался и вышел.

«Нужно хлебнуть рому, — решил Цобор. — Прошлый раз Матраи от него с ног валился, хотя три литра вина ему пустяк...»

Некоторое время он сидел неподвижно. Потом встал, вышел из дома. Сел на мотоцикл и поехал просто так, куда глаза глядят. Мороз отпустил, пошел редкий пушистый снег. Покружив по городу, Цобор остановился перед «Короной». Войдя в кафе, спросил рюмку коньяку, выпил. Уже в дверях его догнала Бланка. Она тоже сидела в зале, но он ее не заметил.

— Лукач?

Цобор оглянулся. «Хороша, очень хороша. Божье создание для ласки и баловства. И ведет себя так, будто ничего не случилось».

— Лукач, это ужасно. Я никогда бы не подумала... Я больше не могу. Это невыносимо. Пробовала. Больше не могу без тебя... Я не умею ждать! Скажи, Лукач, ты меня ненавидишь?

— Все начать сначала? Думаю, что у меня это не получится. Но я всегда помню о том, о чем не стоит вспоминать.

Снег повалил гуще. Оба стояли молча. Потом Цобор сел на мотоцикл:

— Сервус, Бланка.

— Лукач! — позвала она.

Но Цобор уже не слышал. Он торопился в Бабольц. Там его ждали люди.

СОДЕРЖАНИЕ

Добози И.

Д55 **Без власти: Роман/Авторизованный пер. с венг. Ю. Шишмонина. — М.: Воениздат, 1982. — 304 с., с портр.**

В пер.: 2 р. [illegible] к.

В новом романе крупного венгерского прозаика, видного государственного и общественного деятеля, члена ЦК ВСРП И. Добози рассказывается о последних месяцах минувшей войны и о первом послевоенном годе. Главный герой книги — офицер старой хортистской армии — переходит на сторону Советской Армии и становится коммунистом, а когда война заканчивается, назначается секретарем райкома партии. Вместе со своими товарищами-единомышленниками, опираясь на помощь советских друзей, он в период так называемого безвластия и многопартийной анархии в стране борется за создание новой народной Венгрии.

Роман заинтересует массового читателя.

Д $\frac{70304-053}{068(02)-82}$ 158.82.4703000000. **ББК 84.4 Вн**

И (Венг)

Имре Добози

БЕЗ ВЛАСТИ

Роман

Редактор *Г. Г. Афанасьев*
Художник *Б. К. Силаев*
Литературный редактор *Т. П. Трухина*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Е. К. Коновалова*
Корректор *Л. Н. Евтеева*

ИБ № 1636

Сдано в набор 18.06.81. Подписано в печать 19.11.81.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 9½. Усл. печ. л. 15,96.
Усл. кр.-отт. 16,65. Уч.-изд. л. 17.17. Тираж 65 000 экз.
Изд. № 10/6493. Зак. 703.
Цена 2 р 20 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3